

Королева Теней. Книга 2

Клинком и сердцем. Том 2

Глава 1

Право на решение

– Ал? – растерянно спросила Айлин, явно не понимая, в чём дело.

Зато Фарелли отлично понимал! И без того бледный, он словно посерел и бросил отчаянный взгляд на сумку, так и стоявшую в углу, потом перевёл его на Аластора, чуть подался вперёд, но промолчал – и правильно сделал! Аластор и не думал рыться в чужих вещах! Но разбухший от воды конверт словно сам подвернулся под руку, ещё и запечатан не был. То ли удивительная небрежность, то ли одна из тех случайностей, что бывают лишь в авантюрных романах... Да какая теперь разница? Аластор думал, что будет мучиться стыдом, заглянув в чужие бумаги просто из любопытства, а получилось, что это ещё как стоило сделать!

– Помнишь, я искал карвейн? – ответил он подруге, стараясь, чтобы голос звучал ровно и бесстрастно, как положено лорду. – Кроме него в сумке синьора Фарелли обнаружились прелюбопытные документы! Подорожная и свидетельство об отпуске. На имя лорда Фаррелла, лейтенанта королевской гвардии! Печать, насколько я могу судить, подлинная. И если это не подделка, то мне очень хотелось бы знать, кто вас послал за нами? Лорд Бастельеро? Или... лорд-канцлер?

Последняя мысль пришла ему в голову только сейчас, и Аластор даже изумился собственной недогадливости. А ведь и в самом деле, стоит вспомнить, как они познакомились! Да чтобы простой итлийский шпион дерзнул бросить вызов людям лорда Аранвена?! А вот если он сам из тайной службы, то его отвага более чем понятна. И какой безупречный расчёт! Они с Айлин просто обязаны были проникнуться горячей благодарностью к спасителю, так оно и случилось! А ещё...

Он замер, вспомнив сумасшедшую скачку из Мервиля – сразу в сторону фраганской границы, и как итлиец уверенно заявил, что всем им нужно попасть в Керуа. А ведь они с Айлин ни словом не обмолвились о цели путешествия! Почему, ну почему он не заметил этого уже тогда?!

Аластор глубоко вдохнул, отгоняя злость не то на Фарелли, не то на хитроумного канцлера, не то на себя – доверчивого глупца, и мрачно взглянул на итлийца.

– Ну так что? Кому вы служите?

Отведя взгляд от него, Фарелли отчаянно посмотрел на Айлин. В другом случае Аластор бы ему даже посочувствовал – должно быть, очень неприятно оказаться бесчестным человеком в глазах леди! – но только не теперь! И неужели этот хитрец рассчитывает на её заступничество?! На миг Аластору показалось, что лицо Айлин дрогнуло, но лишь на миг! И Фарелли тоже это увидел.

– Я служу королеве Беатрис, – прошептал итлиец едва слышно. – Клянусь, грандсиньор, её величество не желает вам зла! – торопливо повысил он голос. – Напротив! Меня наняли, чтобы помочь вам в вашей миссии, в чём бы она ни заключалась!

– Королеве? – ошеломлённо переспросил Аластор. – Что за чушь? Зачем её величеству...

Он осёкся, не успев спросить, зачем королеве спасать какого-то бастарда. Незачем Фарелли видеть его растерянность! Итлиец беспокойно шевельнулся под толстым одеялом.

– Её величество не... не посвящала меня в свои планы, но... Грандсиньор, поверьте, я говорю правду! Всеми Благими и Странником клянусь! – отчаянно добавил он, снова поднимая жёлто-зелёные кошачьи глаза на Аластора.

Вместо обычной насмешливой любезности в них плескался... страх?

Аластор невольно вспомнил дону Раэна и их общие шутки насчёт легенд о Страннике. Вечер у костра, непривычное и странное, но приятное чувство близости, почти дружбы с незнакомыми до этого людьми. А потом – утро, вьюгу, обжигающий холод замёрзшей реки, бешеную скачку... Беспокойный сон на полу избушки, потому что единственная лавка была занята больным... Заложенный перстень наследника!

Нет, Аластор ни на минуту не пожалел о своём решении. Да, он заложил бы перстень снова, если бы это понадобилось! Но ведь человеку королевы достаточно было пойти в городской магистрат и получить там любую нужную сумму! А теперь получается, что срезанный кошелек, наглая улыбка менялы, унижение... всё это было никому не нужно?!

– Теперь клянётесь? – с горечью бросил он. – Когда я уличил вас во лжи? Чтоб вам пусто было, Фарелли, я ведь вам поверил! Даже считал вас... – и осёкся.

Зачем итлийцу знать о его дурацкой доверчивости и наивности? Аластор ведь заботился о нём не просто как о беспомощном попутчике, случайно оказавшемся на их с Айлин попечении. Аластор за него переживал! И не как за слугу, которым Фарелли предложил себя считать, а как лорд – за своего человека! Пусть и временного, но вассала.

– Что именно приказала вам королева? – холодно спросил он, и Фарелли вжался спиной в стену, не отводя взгляда от лица Аластора. – Какого рода помощь вы должны были оказывать? Лорды Бастельеро и Аранвен об этом знают?

– Понятия не имею, – очень тихо сказал Фарелли, едва шевеля губами. – Сами посудите, грандсеньор, откуда мне знать, с кем её величество обсуждает свои дела? Мне было приказано догнать вас, напроситься в отряд и охранять вас от любых опасностей. А потом, когда вы исполните... свою миссию, я должен позаботиться, чтобы вы вернулись в Дорвенну как можно быстрее и безопаснее. Это всё!

– И с людьми канцлера вы не сговаривались?!

– Нет! Ни в коем случае! – возмутился итлиец вроде бы искренне. – Просто увидел удобный случай оказать вам услугу! И ведь оказал же... – добавил он вкрадчиво.

– Исключительно в своих интересах, – отрезал Аластор. – Кстати, вы действительно дворянин? Я никогда не слышал о Фарреллах. Если ошибаюсь, и вы не самозванец, готов принести вам извинения, но только в этом!

– Я простолюдин, грандсеньор, – спокойно отозвался Фарелли, только в его взгляде Аластору снова почудилась тревога. – И представился вам настоящим именем. Те документы... Печать на них действительно подлинная, из королевской канцелярии, а вот имя – фальшивое. На случай сложностей с городскими властями. И по личному разрешению её величества.

– Всё равно самозванец, – буркнул Аластор. – Хотя... ладно, при мне вы дворянский титул не присваивали, так что забудем об этом. Кстати...

У него вдруг ещё сильнее испортилось настроение, хотя только что казалось, будто это невозможно.

– Почему вы зовёте меня грандсеньором? Её величество рассказала?

– О вашем настоящем происхождении? – бесстрастно и очень осторожно уточнил итлиец. – Да, грандсеньор. И я прошу прощения за прошлую дерзость, когда называл вас недостаточно почтительно. Мои глубочайшие извинения, ваше высочество...

Он склонил голову, и Айлин глубоко вздохнула, словно в воздухе хжины что-то непоправимо изменилось, когда прозвучали эти слова.

Аластор бросил на неё извиняющийся взгляд. Подруга была спокойна, однако смотрела с тревогой. Больше того, она крутила на пальце магический перстень, а это – Аластор заметил – всегда было у Айлин признаком особого волнения. Но почему? Переживает, что рядом с ними всё это время ехал человек королевы? Да, противно сознавать себя обманутым, но Айлин здесь ни при чём, это Аластору следовало быть осторожнее!

– Что ж, всё понятно, – уронил он по-прежнему холодно и тяжело. – Я благодарен её величеству за любезность, но свои дела предпочитаю улаживать сам. И о своей безопасности беспокоиться – тоже. Можете ей так и передать, когда вернётесь в Дорвенну. Я смотрю, лихорадка у вас уже прошла?

Серый, как холщовое полотно, итлиец плотно сжал губы, но не возразил. Аластор на миг почувствовал укол совести, но тут же велел себе прекратить эти глупости. В тёплом доме с запасом дров и еды Фарелли будет куда легче поправиться, чем в дороге. А им пора ехать! И так задержались... И он продолжил, всё равно почему-то чувствуя себя мерзавцем:

– На всякий случай, лекарства ещё остались, припасами тоже поделимся, лошади ваши в полном порядке. Советую отлежаться пару-тройку дней перед дорогой. Можете заехать в Шермез, если желаете, но город удивительно пакостный, а для одинокого путника даже опасный. Впрочем, вам бояться нечего. В крайнем случае предъявите подорожную, – не удержался, чтобы не съязвить, Аластор.

С каждым его словом итлиец всё шире открывал глаза, а его лицо стало вдруг таким беззащитным и обречённым, что Аластору показалось – того и гляди Фарелли забьётся в дальний угол сторожки, прижмёт уши, зажмурится, в общем, проделает всё, что делал обычно Паскуда в ожидании справедливого возмездия за очередную кражу. Но если на кухарку эти несчастные глаза действовали просто магически, то Аластор обман спускать не собирался! И нечего думать, что он бросает беспомощного человека!

Память услужливо, но очень не вовремя подсунула мысль, что придётся оставить итлийцу палатку, а без неё им с Айлин придётся туго. Ну да, и без шамьета, без грибного супа с шалфеем, без тёплой воды для умывания... Ничего, как-нибудь обойдутся! Купят всё необходимое в следующем городе! Память предательски и с явным злорадством напомнила, что почти все деньги ушли в Шермезе, а закладывать больше нечего. Что ж, Аластор что-нибудь придумает! Но ехать с наёмником королевы, мало ли чем он поклялся в чистоте своих намерений – это подвергать Айлин неоправданному риску! Если на самом деле у Фарелли приказ избавиться от королевского бастарда, когда дело будет сделано, он и свидетельницу не пощадит!

И тут к его невероятному изумлению Айлин шагнула вперёд.

– Ал, перестань, – проговорила она тихо, но твёрдо. – Синьор Фарелли не обязан был говорить нам о... своём поручении. Каждый имеет право на тайны.

Аластор замер, подавившись следующей фразой и напрочь забыв, что хотел сказать. Айлин застывает за этого... этого... лжеца? Недостойная лорда обида стала ещё горше, в грудь как будто сунули горящий уголь!

Он сглотнул ставшую вдруг вязкой слюну, мысленно посчитал до десяти – не хватало ещё сказать Айлин что-нибудь, предназначенное прохвосту Фарелли! – и рявкнул:

– На тайны – имеет! Но синьор Фарелли солгал, а я не готов путешествовать с тем, кому не могу доверять. Это же... это хуже, чем путешествовать с врагом! От врага хотя бы не ждёшь ничего, кроме пакостей, а лжец... лжец даже доброй памяти не стоит, и не важно, почему он лгал! – выкрикнул Аластор и осёкся, увидев, как смертельно побледнела Айлин и покачнулась, словно он её ударил!

Но почему? Уж она-то – сама искренность! Разве что... Разве что она вспомнила, как когда-то сказала ему, что она не леди? И никогда не называла имени рода? Но ведь это же совсем другое дело! Да чтоб ему, этому Фарелли, всё из-за него! Нужно извиниться как можно скорее!

– Айлин, – пробормотал Аластор. – Я...

– Хватит, Ал, – бесконечно устало откликнулась подруга. – На кого бы ни работал этот человек, нам он действительно помог. Мы оба обязаны ему жизнью – помнишь тот грибной супчик! Если бы синьор Фарелли хотел причинить нам вред, ему достаточно было промолчать и не есть вместе с нами. А ещё он поклялся Благими и Странником. Ты думаешь, наёмник, чья жизнь зависит от удач, оскорбит Странника ложной клятвой? Если даже у её величества и есть какие-то... планы на тебя, она ими займётся после твоего... нашего возвращения в Дорвенну. А лично я так далеко даже не заглядываю! И если уж на то пошло, мы тоже лгали, помнишь? В Мервиле!

«Но это совсем другое! – беспомощно подумал Аластор. – Мне бы и в голову не пришло называться чужим именем, если бы канцлер и Бастельеро не пытались нам помешать! Да я и не назывался, просто молчал. Правда, Айлин пришлось врать за нас обоих. Но ведь ради благого дела, не для выгоды! А Фарелли... Впрочем, если бы я узнал, что он – человек королевы, позволил бы ему ехать с нами? Разумеется, нет! И палатка бы не помогла...»

И всё же эти в высшей степени благоразумные рассуждения никак не могли заглушить обиду! На Фарелли, с такой лёгкостью его обманувшего, на Айлин, которая защищает этого прохвоста, а больше всего – на себя самого!

– Я не стою вашей доброты, прекрасная синьорина, – прозвучал из-за спины Айлин тихий голос итлийца, звучащий почему-то с такой искренней тоской, что у Аластора пробежали по спине ледяные мурашки. – Как и вашей снисходительности, грандсиньор, – перевёл он взгляд на Аластора. – Вы... разумеется, вы вправе не верить мне. Но я прошу... я молю вас, позвольте мне выполнить задание! Просто служить вам, как и раньше, охранять вас и вашу спутницу – большего я не прошу. Ну чем ещё мне поклясться, что я не желаю вам зла, грандсиньор? Разве что Барготом осталось!

Аластор невольно фыркнул – и вдруг поверил. Да, возможно, это было глупостью, о которой он ещё пожалеет! Но итлиец им в дороге очень пригодится, от этого никуда не денешься. И если Айлин ему доверяет... Да что там, даже Пушок позволяет этому пройдохе себя гладить! Может, Фарелли не так уж плох?

Выдержав несколько мгновений, он мрачно сообщил, скрестив на груди руки и словно отсекая от себя всё, что было раньше:

– Учтите, Фарелли, я вам всё равно не доверяю.

– Понимаю, грандсиньор, – поспешно склонил голову итлиец с полным смирением. – То есть, простите, ваше высочество.

– Нет уж! – яростно выдохнул Аластор, наконец дав выход накопившемуся раздражению. – Можете ехать с нами, но не смейте звать меня высочеством! Я не принц! И не желаю слышать напоминания о том, что я бастард! Лорд Вальдерон или синьор Вальдерон – как вам угодно. Но никаких чужих титулов! Это даже не самозванство, а хуже!

Он замолчал, и в сторожке словно сгустилась тишина. Айлин молча смотрела на него, и Аластор возненавидел бы себя, оказался в её взгляде хотя бы тень жалости. Но там было лишь... одобрение. «Она отказалась от рода в двенадцать лет, – вспомнил он. – Её отец погиб, и Айлин нашла в себе силы отказаться от тех, кого считала чужими людьми. Она точно поймёт меня и не осудит».

– Пойду займусь лошадьми, – буркнул он, всё-таки стыдясь этой вспышки. – Их почистить надо, накормить!

И выскочил во двор, чувствуя себя невозможным глупцом и одновременно понимая, что с души только что свалился огромный камень. Как же сложно бывает с людьми, даже самыми близкими, не говоря уже о незнакомцах. Он едва не обиделся на Айлин, подумать только! И как знать, не обидел ли её чем-то сам? И из-за кого? Из-за шпиона королевы, который втёрся к ним обманом! Но... он ведь и правда уже успел однажды спасти их с Айлин от глупой, отвратительной смерти. Можно ли довериться наёмнику, который поклялся Благими и Странником? Разве не может человек подобного ремесла оказаться клятвопреступником? Запросто!

Но как не поверить человеку, с которым ты делил последний кусок сухаря – его сухаря, между прочим! Человеку, которому ты вернул долг жизни... И никакие боги не могут подсказать, что нужно делать! И больше нет рядом ни отца, ни месьора, рядом с которыми так легко было слушаться мудрых наставлений.

Как там говорил дон Разн, передав совет через Айлин? Теперь всё нужно решать самому! И отвечать за последствия этих решений – тоже. И помнить, что твоим близким людям тоже придётся отвечать за них вместе с тобой.

Аластор привалился к столбу, на который опиралась крыша маленькой конюшни, пристроенной к сторожке. Искра тут же потянулась мордой к его карману, ничего не учуяла и разочарованно всхрапнула. Аластор погладил ей шею, почесал между ушами... Хорошо быть лошастью – просто слушайся хозяина. Нет, не хорошо – легко. Думать не надо... А человеку – надо! И чем выше ты себя считаешь, тем больше на тебе ответственности. Ну вот, разве не этого он сам пожелал тем вечером у костра? Дон Разн, конечно, никакой не Странник, не ходят боги по земле вот так запросто. Но иногда, говорят, слышат желания людей... И уж если решают выполнить, то от души. Лишь бы потом не пожалеть о том, чего нажелал.

– Не пожалею, – тихо сказал Аластор фыркающей ему в плечо кобыле. – Сам всё решу и сам за всё отвечу.

* * *

Как и обещал Райнгартен, список подходящих претендентов на пост магистра Синей гильдии оказался у Грегора на следующее утро после разговора. Пять имён, напротив каждого идеальным почерком перечислены заслуги. Какие-то открытия, эксперименты, многолетняя работа на благо гильдии... Грегор ничего не понимал в артефакторике, и всё это было для него пустым звуком. Он бы предпочёл краткое описание личных качеств самих претендентов, но подозревал, что даже запроси такое – оно окажется бесполезным. Очень уж по-разному они с Этьеном Райнгартеном оценивают людей.

Впрочем, два имени из пяти он, присмотревшись, вычеркнул сразу. Артефактор Мидлоу оказался Клариссой Гвендолин Доротеей. Длинный послужной список сообщал, что мэтресса Мидлоу двадцать три года преподавала в Академии, создала несколько новаторских методов чего-то, что используется ещё для чего-то, написала два учебника по основам артефакторики, всецело одобренных учёным советом Синего факультета. Но женщина – глава гильдии? Хватит с Академии магистрессы Уинн!

Нет, Грегор вовсе не считал, что женщины не способны заниматься наукой! Следовало признать, что среди магесс встречаются талантливые исследователи и прекрасные наставницы. На Зелёном

факультете женщин и вовсе большинство, Милосердная Сестра любит одаривать силой именно их. По духовному родству, не иначе. Но чтобы руководить гильдией, нужны истинно мужские свойства характера, которые у женщин встречаются, к счастью, редко. Уинн, к примеру, была исключением, и определённо не счастливым, а наоборот. Поэтому пусть мэтресса Мидлоу и дальше пишет учебники, раз у неё к этому призвание, оставив руководство гильдией мужчинам. Странно, что Райнгартен вообще включил её в список.

Вторым именем, по которому прошлась жирная чернильная черта его пера, стало имя мэтра Тобиаса Ворминга, единственное, перед которым не стоял дворянский титул. Да, оно тоже сопровождалось перечнем достижений, но какой смысл отдавать место магистра простолюдину, если есть целых трое не менее достойных его дворян?

А вот над оставшимися Грегор задумался всерьёз.

Ни лорда Колина Морвилла, ни лорда Стефана Эмберстоуна он лично не знал, а лорда Нормана Истервинга встречал при дворе несколько лет назад, но мельком и не составил о нём никакого определённого мнения. Вообще ему часто казалось, что артефакторы сродни сказочным гномам – скрытны и трудноуловимы, вечно сидят в своих шахтах, то есть лабораториях, и на людях показываются редко. Конечно, это впечатление вряд ли было верным. Всё равно, что сказать, будто некроманты предпочитают общество покойников и редко покидают кладбища и склепы. Но как, скажите на милость, выбрать из троих равно безразличных ему людей всего одного? Разве что побеседовать с ними лично? Да, это определённо должно помочь...

Однако стоило ему попросить Райнгартена вызвать претендентов, как оказалось, что Морвилл и Истервинг уехали в свои поместья, а Эмберстоун выполняет срочный заказ гильдии стихийников и тревожить его в ближайшую неделю крайне нежелательно. Райнгартен даже принёс извинения за это, сообщив, что работа Эмберстоуна связана с недавними событиями в Академии, и Грегор счёл это вполне уважительной причиной. Больше того, он всерьёз склонился к кандидатуре Эмберстоуна, который не сбежал из столицы, а честно выполняет долг перед Орденом, но решил отложить окончательный выбор до личного разговора. К тому же Райнгартен клялся, что через три-четыре дня артефактор будет в полном распоряжении Архимага.

Вот так и получилось, что несколько дней Грегор занимался совершенной рутинной. Подписывал документы, которые ему приносил Этьен, добросовестно прочитывая каждый и не находя решительно ничего интересного. Бесчисленные ведомости, отчёты, сводки и счета валились на него лавиной, и Грегор с ужасом думал, что было бы, не приди он к соглашению с Райнгартеном, который чувствовал себя в них, как рыба в воде.

Против ожидания, канцлер его эти дни не тревожил, только прислал официальное поздравление с неофициальной припиской, что «в отношении известных особ не появилось никаких новых сведений». Грегор прочёл это и испытал смесь тоски и злорадства одновременно. Но больше всего в его душе было беспокойства. Молодой Вальдерон и Айлин Ревенгар как в воду канули, если уж их не могут отыскать люди Аранвена.

На третий день он до того устал от ожидания и страха за безумную девицу, что уехал домой, в особняк Бастельеро, заперся в кабинете, предупредив, что его ни для кого нет дома, и провёл полный ритуал призыва души Айлин. Разумеется, призвать живого человека невозможно, и Грегор был готов к последствиям в этом случае. Головная боль, слабость, неприятные ощущения – да какая разница! Зато он будет знать, что девица всё ещё жива. Что он сделает, если душа Айлин откликнется на призыв, Грегор даже думать боялся.

Но она не откликнулась. Грегор трижды повторил призыв, старательно, как адепт на экзамене! Потом велел подать карвейна и выглушил целую бутылку. Не ради восстановления сил, с этим у него сложностей не было, а просто чтобы хоть на несколько часов отрешиться от мучительной тревоги.

Однако карвейн сыграл с ним дурную шутку. Допив последний стакан, Грегор лёг спать, но вместо нормального сна провалился в хмельные беспокойные грёзы, в которых продолжал звать Айлин. То полным именем, как в призыве души, то просто как адептку.

– Ревенгар! – зывал он во сне, пробираясь через какие-то пустоши с травой по колено, перелезая через каменные стены, подозрительно напоминающие кладбищенские, проваливаясь по щиколотку в зыбкие болотистые поляны. – Ревенгар!

– Ну и что ты орёшь, Бастельеро? – послышался вдруг злой голос, который Грегор не смог сходу признать, но почему-то поёжился. – Это же надо, аж сюда доораться! Ну, докричался, дальше что?

– Ревенгар... – повторил Грегор безнадежно. – Айлин? Где ты?

– Айлин? – переспросил голос с непонятным выражением. – Какого Баргота ей здесь быть? Если ты, выползок могильный, не уследил за ней... Барготовых демонов тебе в глотку, Бастельеро! Три

дюжины свернуть клубком и протащить до самой задницы! Айлин он здесь ищет! Пр-ротектор-р недоделанный... Только попробуй...

Голос ещё что-то рычал, стремительно удаляясь, будто между ним и Грегором росли всё новые прочные стены. А Грегор, наконец, узнал его, изнывая от стыда, но подумал, что всё это не более, чем сон. Ну не может некромант, пусть даже Избранный, докричаться до Садов без всякого ритуала, всего лишь напившись карвейна и непрерывно повторяя родовое имя. Хотя определённая логика в этом кошмаре имелась, конечно. Действительно, кто ещё мог откликнуться на имя «Ревенгар»? Да и в выражениях Дориан именно так не стеснялся бы.

Утром он проснулся с желанием убивать. В висках ломило, во рту пересохло, и стоял мерзопакостный привкус. А вышколенный камердинер на приказ принести соответствующий эликсир позволил себе изумлённо приподнять брови! Впрочем, мгновенно осознал свою ошибку, испарился и вернулся с нужным зельем. После холодной ванны Грегор пришёл в себя настолько, что счёл своё появление в Академии достаточно безопасным для окружающих.

Но карвейном решил больше не злоупотреблять. Только в крайних случаях, только для восстановления резерва! А то Малкольм тоже так начинал, наверное, от тоски... Ну это же надо! К другим с глубокого перепою зверь Перлюрен приходит, а ему, извольте видеть, Дориан Ревенгар чуть не явился!

В кабинет Архимага он вошёл хоть и не в лучшем расположении духа, но уже готовым к работе. Хмуро оглядел уже привычную стопку бумаг, словно по волшебству появляющихся на столе каждое утро, подтянул к себе верхнюю... И прислушался.

В примыкающем к кабинету помещении, где обычно сидели три секретаря пониже рангом, чем Райнгартен, слышались взволнованные голоса. Кто-то упорно добивался встречи с милордом Архимагом. Грегор поморщился. Видеть ему никого не хотелось, но, с другой стороны, хоть какой-то отдых от бумаг, не считая преподавания. Да и не всё же ему полагаться на Райнгартена?! Какой он глава Ордена, если не умеет решать вопросы самостоятельно.

– Пропустите! – велел он в переговорное устройство, соединяющее кабинет с малым секретариатом.

Почти сразу дверь распахнулась, и в его кабинет влетели сразу два знакомых Грегору мага. Причём оба – артефакторы! Первым оказался лорд Девериан, ещё более потрепанный, чем помнилось, в откровенно потёртом камзоле и осунувшийся. Второй – тот самый мастер, что когда-то сделал чучело из умертвия Айлин Ревенгар. Как же его...

Грегор с некоторой неловкостью понял, что не помнит имени. А точнее – и вовсе его не знает. Да, вот именно для этого нужны секретари и заранее назначенные встречи, но что уж теперь...

– Милорд Архимаг! – по праву старшего, первым провозгласил пожилой артефактор и поклонился.

– Милорд Архимаг, – эхом повторил Девериан и приветствие, и поклон.

– Господа маги.

Грегор встал и вежливо вернул поклон.

– Чем могу служить? – поинтересовался он, снова опускаясь в кресло и жестом предлагая посетителям присесть.

– Этот мерзавец Райнгартен... – начал Девериан.

– Этот в высшей степени способный молодой человек, ваш заместитель... – прервал его старый артефактор.

Грегор невольно улыбнулся на «молодого человека» применительно к Райнгартену и подумал, что если совместить обе характеристики, то главу стихийников они опишут весьма верно.

– По очереди, господа, будьте любезны, – попросил он. – Милорд...

Он повернулся к старику, и тот без всякой обиды представился:

– Мэтр Гельсингфорц, милорд, к вашим услугам. – Курт Гельсингфорц.

«Не дорвенантец, – отметил Грегор. – Из северо-восточных княжеств, похоже. Либо он сам, либо родители... Впрочем, неважно».

– Так вот, милорд! – начал старый артефактор, подавшись в кресле немного вперёд и азартно блестя глазами.

Излагал он витиевато, чрезвычайно вежливо и вместе с тем с насмешливым злым остроумием, изящно прикрытым учтивыми оборотами. Грегор невольно вспомнил те самые семьдесят золотых, которые с него содрали «ради чести рода Бастельеро». Но сейчас дело было поинтереснее.

Оказывается, и у Девериана, и у Гельсингфорца случилась одинаковая беда. Во время нашествия демонов пострадали лавки с готовой продукцией и мастерские. То, что уцелело в лапах Барготовых тварей, разграбили добрые люди Дорвенны. Запасы дорогих ингредиентов, инструменты, уже готовый товар... Гельсингфорц вытащил из поясного кошелька лист бумаги, развернул его – и Грегор увидел длинейший список, куда, можно быть уверенным, вошла даже старая метла, которой подметали в лавке.

– А у вас? – поинтересовался он у Девериана больше от растерянности, указывая взглядом на документ чучельника.

– Могу составить по памяти, – сдержанно сообщил лорд. – Впрочем, он будет гораздо короче.

– Короче?! – возмутился Гельсингфорц. – Я не для того столько лет непосильным трудом наживал своё в высшей степени скромное состояние, чтобы пускать его на ветер! И тоже могу перечислить по памяти всё! Каждый напильник! Вы хоть понимаете, милорд Архимаг, насколько всё это дорого моему сердцу, я уж не говорю о кармане?! А ваш Райнгартен...

– Отказывает нам в положенных выплатах, – сухо прервал его Девериан.

Выступать в роли просителя, пусть и на законных основаниях, лорду явно претило, и Грегор его прекрасно понимал. Суть претензий он уже понял. У обоих артефакторов с их гильдией имелся договор, по которому в случае стихийного бедствия или нападения разбойников гильдия помогала пострадавшим мастерам восстановить лабораторию и мастерскую. Какие-то выплаты, оказывается, полагались и на лавку, довольно скромные, но Орден отказал даже в этом.

– А почему Орден, а не гильдия? – удивился Грегор. – Простите, господа, но я решительно не понимаю.

– Да потому что налоги, которые мы выплачиваем именно на эти цели, только проходят через гильдию, но оседают в казне Ордена, – сдерживая раздражение, пояснил Девериан. – Так же как у целителей, алхимиков, стихийников... Благие Семеро, Бастельеро! Вы что, никогда не работали на заказ?!

Грегор, который действительно ни разу в жизни не использовал дар именно таким образом, почти устыдился. Ему и в самом деле не приходилось зарабатывать некромантией. Соответственно, он понятия не имел, какие налоги в этом случае платятся и на какие цели они идут.

– Прощу прощения, милорд Архимаг! – сбавил тон Девериан, и его скулы слегка порозовели. – Я забылся...

– Пустяки, – бросил Грегор. – Так, но почему лорд Райнгартен не решил ваши сложности?

– Потому что, изволите ли знать, соответствующая часть бюджета Ордена истрачена, – хмыкнул Гельсингфорц. – Похороны, лечение, выплаты... И не торопитесь возмущаться, милорд! Мы с моим юным коллегой ни в коем случае не покушаемся на вдовий хлеб и лекарства для раненых детей. Имеем совесть и честь, знаете ли! Всё, что мы просили у лорда Райнгартена, это освобождение от налогов на этот год и перерасчёт их на будущий, пока не сможем восстановить мастерские, либо пока Орден не сможет выплатить нам компенсацию. Но нет же! Помочь нам купить новые инструменты Орден не может, зато проценты с каждого браслетика-наполнителя извольте отстегнуть! И никакой отсрочки!

Он продолжал возмущаться, а Грегор в упор смотрел на Девериана, которому было мучительно стыдно, и понимал, что по закону Райнгартен прав, но вот по чести и совести, как говорит старый артефактор, происходит изрядная мерзость. Он всё ещё помнил рассказ бывшего соученика о его семейных обстоятельствах, и, судя по виду Девериана, если что и изменилось, то в худшую сторону. У Гельсингфорца наверняка не последний напильник украли, а если и так, старый артефактор найдёт, за что купить другой. Девериан, несмотря на невозмутимый вид, был на грани отчаяния.

А на столе Грегора отдельно от стопки остальных бумаг белел листок с пятью именами, из которых два он уже вычеркнул. Осталось три. Трое заслуженных мэтров, наверняка благонадёжных и почтенных, никогда не связывавшихся с незаконными заказами и сомнительными сделками. Не то, что Девериан, уличённый лично Грегором в продаже запрещённых артефактов. Лорд из Трёх Дюжин, который год спасающий семейную честь, вытаскивая из долгов брата-игрока, собирающий каждый грош на приданое дочерям.

Девериан, разумеется, тоже понимал, что Грегор всё помнит. Он отвёл взгляд, поднялся из кресла, плотно сжав губы, вздохнул, собираясь что-то сказать...

– Погодите, мэтр, – попросил Грегор Гельсингфорца. – Я всё понял. Во всяком случае, понял достаточно. Магистр Райнгартен прав, разумеется, но... Девериан, сядьте, сделайте милость! Извольте меня выслушать.

Он помолчал, глядя на застывших в креслах артефакторов, и продолжил:

– Орден действительно не может в данный момент выплатить вам компенсацию. Вопрос о налогах я лично обсужу с магистром Райнгартеном. Полагаю, это удастся решить в вашу пользу. Что до остального... Девериан, вы остались без мастерской, так? Полностью?

– На пепелище, – скупой уронил лорд.

– Ну и Баргот с ней, – сказал Грегор. Откинулся в кресле, посмотрел на изумлённого соученика и слегка улыбнулся. – Вы удивительно вовремя. Я как раз искал подходящего человека на должность магистра гильдии. Ваши коллеги никак не могут определиться с выбором, придётся мне сделать это за них. Сами понимаете, недовольных будет предостаточно. Однако на мою поддержку можете рассчитывать. Кстати, насколько я знаю, в Академии отличные мастерские, никто ещё не жаловался. Сейчас там изрядная разруха, но уж на это Райнгартен денег точно даст. Всё артефакторное крыло Академии в вашем полном распоряжении хоть сейчас, можете знакомиться с подчинёнными и приступать к работе. Разумеется, нужные документы я подпишу, как только их составят, а это будет в ближайшее время.

Снова помолчал, искренне наслаждаясь эффектом, и закончил:

– А если примете мой совет, я вам искренне рекомендую пригласить заместителем мэтра Гельсингфорца. Его авторитет, опыт и знания окажут вам бесценную помощь. К тому же, мэтр тоже временно остался без мастерской, так? Я готов утвердить его в должности, если вы примете моё предложение.

– Бастельеро... я...

Девериан привстал в кресле, растерянно глядя на Грегора. Его глаза заблестели, кровь бросилась в скулы ещё сильнее... И Грегор его прекрасно понимал. Вот так внезапно получить предложение, о котором Девериан даже мечтать не смел! Жалованье магистра гильдии – это далеко не пятнадцать золотых флоринов обычного преподавателя, а ведь даже их наставникам Академии хватает на достойную жизнь. Став магистром, Девериан сумеет пользоваться такими лабораториями и инструментами, о которых даже мечтать не мог!

– С вашего позволения, милорд Архимаг, мы согласны! – сообщил Гельсингфорц. – Я с удовольствием возьму на себя переговоры с милордом Райнгартеном. Полагаю, следует начать с пересмотра налоговой политики гильдии и утверждения бюджета на ближайшие несколько месяцев. Что вы там сказали, мастерские в плачевном состоянии? Этим следует заняться!

– Этим следует заняться в первую очередь! – возмутился Девериан, вставая. – Милорд Архимаг?

Он поклонился Грегору сдержанно, однако с должной почтительностью, и Грегор склонил голову в ответ.

– Желаю удачи, господа, – усмехнулся он вслед, но артефакторы вряд ли его услышали.

Размахивая руками и бурно обсуждая что-то, они выскочили из кабинета, а Грегор с огромным удовлетворением подвинул к себе список Райнгартена и зачеркнул оставшиеся имена. Да, заслуги этих претендентов достаточно велики... Но никто из них не пользуется в гильдии безусловным авторитетом, раз уж никого из них до сих пор не выбрали! Девериан, несмотря на своё бывшее плачевное положение и сложности с законами, человек чести. Именно такой глава нужен Синим. А старый пройдоха Гельсингфорц позаботится о благополучии гильдии, ну и себя со своим магистром вряд ли забудет.

Отличного расположения духа Грегору хватило надолго. И даже появление хмурого Этьена Райнгартена, заглянувшего в кабинет Архимага после обеда, это не изменило.

– Поздравляю с первым значительным решением, милорд, – съязвил стихийник. – Одного не понимаю, зачем тогда я занимался этим делом, тратил время? Вы отлично управились сами.

– Бросьте, Этьен, – примирительно хмыкнул Грегор. – Чем Девериан вам не по душе? Во всяком случае, он человек нашего круга, не простолюдин какой-то. И артефактор прекрасный, насколько мне известно. Ему не повезло в жизни, так отчего бы не восстановить справедливость?

– Благие Семеро, Грегор, – вздохнул Райнгартен, бросив взгляд на список претендентов, что так и лежал на столе. – Вы и в самом деле думаете, что я подбирал этих пятерых по научным заслугам? Как же вы до сих пор наивны! Я нашёл вам пять человек, любой из которых точно знал бы, кому

обязан местом. Пять человек, способных на верность и признательность! Вам всего-то нужно было ткнуть в любое имя, и у вас был бы послушный голос в Совете гильдий. А Девериан непредсказуем. Сейчас, конечно, он вам благодарен, но характер... Думаете, я его не знаю? Да он давно мог бы гораздо лучше устроить свою жизнь, будь немного... посговорчивее! Ещё и этот его заместитель! Притащить в Академию старого Гельсингфорца! Грегор, да вы отвернуться не успеете, как весь Орден станет придатком к Синей гильдии! Особенно в отношении бюджета!

– Не думаю, – спокойно сказал Грегор, всё больше уверяясь, что поступил правильно. – Вы ведь не позволите этому случиться, правда, Этьен? А говорить о непредсказуемости после Адальреда и вовсе смешно, вам так не кажется? Несговорчивый Девериан – это как раз то, что нужно.

«А Гельсингфорц и вовсе бесценен, если уж ты сам его опасаясь, – закончил Грегор про себя. – По крайней мере, мне будет, кого расспросить о некоторых тонкостях финансовых дел Ордена. Да и тебе, дорогой Этьен, полезно понять, что я обещал всегда слушать твои советы, но не клялся всегда им следовать. Как бы то ни было, решать я всегда буду сам».

* * *

Бастардо вылетел за дверь, и Лучано возблагодарил всех Благих, что разговор, наконец, прервался. Ещё немного, и грандсиньор Вальдерон вполне мог додуматься до правильных вопросов, на которые Лучано уже не знал бы, как ответить. Может, ещё и додумается, кстати! Но пока что бастардо мешали злость, недостаток опыта и брезгливость, которую он явно испытывал к такому неблагоприятному делу, как допрос.

Однако обманываться внешней наивностью Вальдерона не стоит. В чём-то он, конечно, простодушен, однако явно из тех, кто быстро учится. Вот остынет на свежем – ещё каком свежем! – воздухе с любимыми лошадами, поразмыслит хорошенько, и кто знает, с чем вернётся? Хуже всего, если передумает и прогонит от своей сиятельной особы. Это в городе легко выследить кого угодно, а дорвенантские леса – неподходящее место для игры в прятки. Просто не получится следовать за этой парочкой так, чтобы они его не заметили. Вальдерон – опытный охотник, лес он знает куда лучше городского выкорыща Лучано. А ещё у него Пушок. И магесса, между прочим...

Лучано вздохнул и посмотрел в сторону печки, где рыжеволосая девица невозмутимо складывала очередную высохшую рубашку. Убрав её в сумку, она подложила в огонь пару поленьев и поставила на каменный верх печи глиняную миску, откуда потянуло травяным запахом. Ромашка, мята и душица? Ах да, она же говорила, что взяла его травы. А карвейн доставал бастардо. И надо же было ему наткнуться на эти клятые бумаги! словно сам Баргот пошутил!

В другом случае Лучано непременно попробовал бы отговориться своей историей о поездке во Фрагану. Подумаешь, поддельные документы! Он шпион или кто, в конце концов? Ему такое просто по должности положено иметь! Но не сейчас. Эти двое уже слишком пуганая дичь, Вальдерон точно не позволил бы ехать с ним дальше... А уж если бы узнал про второе поручение!

Он снова посмотрел на синьорину Айлин, сосредоточенно мешавшую снятый с плиты отвар ложкой. Перегрела. Большинство ценных свойств улетучилось, это уже не лечебное снадобье, но горячего душистого питья всё равно хотелось.

Словно почувствовав его взгляд, девчонка разлила отвар по кружкам, глянула в окно, однако звать Вальдерона не стала, оставила его долю на крае очага. Лучано принял тёплую посудину из рук синьорины и благодарно склонил голову. Магесса присела на краешек лежанки и осторожно пригубила отвар.

«Здесь и стульев-то нет, – с лёгкой растерянностью подумал Лучано. – Вот это подобие кровати, рассчитанное на одного, да стол. Они что же, спали на полу?!»

Свёрнутые и уложенные возле стены плащи молчаливо подтвердили, что так оно и было. И, между прочим, бастардо к тому времени уже нашёл фальшивые документы!

Лучано сделал глоток и едва не поперхнулся, но не от горечи, а просто горло почему-то перехватило. Снова некстати вспомнились рубашки, которые благородная синьорина стирала вряд ли привычными к такой работе ручками. Нет, пальцы у неё изящные, но крепкие, Лучано сам видел, что поводья магесса держит уверенно, да и вообще неженкой её не назовёшь. Но это совсем другое!

Что мешало бросить его пропотевшую одежду куда-нибудь в угол, пока Лучано очнётся и сам сможет о себе позаботиться? Что мешало уложить его на полу, пусть даже на плащи и попоны? Он был болен? Ну и что? А она – дворянка! И далеко не захудалая, судя по всему! Вальдерон так вообще принц, хоть и отказывается от титула. Но эти двое уступили единственную лежанку ему, почти незнакомцу и совершенно точно простолудину.

Он передёрнулся от странного едкого чувства и поднял взгляд, встретившись со спокойным взглядом магессы. Улыбнулся, стараясь, чтобы вышло достаточно легко, и с чувством сказал:

– Не знаю, как вас благодарить, прекрасная синьорина. Если бы не ваше великодушное заступничество...

– Вы, наверное, хотели сказать «предусмотрительное заступничество»? – усмехнулась магесса. – У нас договор, синьор Фарелли, помните?

– Разумеется, – кивнул Лучано. – И смею заверить, что по-прежнему в вашем распоряжении. Если, конечно, ваши планы...

– Не изменились, – бросила магесса. Заглянула в опустевшую кружку и вздохнула: – Это ужасное себялюбие с моей стороны, я знаю, но я так ждала, когда же вы придёте в себя. После вашего шамьета пить что-то другое решительно невозможно. Особенно такие... полезные травы.

И снова вздохнула. Лучано улыбнулся уже по-настоящему, от души, и попытался привстать, но в глазах сразу потемнело. Стиснув зубы, он свалился на постель и неловко пошутил:

– Боюсь, прекрасная синьорина, между полезным и вкусным выбор делать рановато.

– Осторожно! – Девчонка выхватила у него кружку, с тревогой глянула на облитые горячим отваром руки. – Не обожглись? Ну зачем вы так, я же просто сказала... Вам нужно ещё долго лежать!

– Долго не получится, – вздохнул Лучано. – Вряд ли синьор Вальдерон согласится на задержку.

– Я поговорю с Аластором. – Магесса схватила наживку так легко, что Лучано на миг даже устыдился. – Всё равно нам тоже придётся ждать, пока снег растает. Хорошо, что погодные аномалии нестабильны. – Она слегка смутилась и уточнила: – Это значит, что погода скоро изменится...

– Я понимаю, что такое нестабильность, синьорина, – снова улыбнулся Лучано. – Хоть я и профан, но воспитывался в доме мастера-зельедела. Он ставил очень много опытов с разными веществами.

– Как наши алхимики, да? – Девчонка вернула ему кружку, где плескалась ещё изрядная порция отвара, подтянула к себе колени и обняла их, уставившись на Лучано пронзительными зелёными глазами. – А у него тоже что-то вечно горело и взрывалось? И пахло ещё так...

Она поморщилась, и россыпь веснушек на носу и щеках вдруг бросилась в глаза особенно отчётливо. Словно на тонкий чинский фарфор брызнули мельчайшими каплями золота.

– Иногда бывало, – согласился Лучано и со вздохом доверительно признался: – Особенно в те дни, когда за колбами и перегонным кубом присматривал я.

Магесса прыснула совсем уж по-девчоночьи, и Лучано с содроганием спросил себя, где именно её величество Беатрис нашла в этой рыжей малышке сверхъестественную расчётливость и коварство? Ну котёнок же! Забавный пушистый котёнок! Только вот... Память немедленно подсунула, как эта девочка дурила северян в трактире. Как нашла единственно верные слова для разгневанного бастардо. И как торговалась с ним, Лучано, за собственную смерть.

Ну что за безумие! Не может ведь юная магесса быть единой в двух лицах?! Одновременно и наивной лапочкой, и бесстыжей, расчётливой интриганкой? Нет, не может. И сейчас он скорее поставил бы на то, что Беатрис ошиблась. Королева мерила поступки синьорины Айлин по себе, и ей в голову не могло прийти, что юная магесса не играет с мужчинами, а просто очаровывает их своей сущностью. Что там какие-то молодые лорды в Академии! Лучано снова поймал себя на том, что глядит на улыбку Айлин – и губы тянутся в ответной улыбке сами по себе. Это у него-то! Вот где настоящая магия без капли волшебной силы!

И всё-таки смутное беспокойство жгло внутри, не давая полностью расслабиться. Лучано вспомнил его источник и напрягся ещё сильнее.

– Могу ли я спросить, синьорина? – осторожно начал он. – От кого вы узнали о моём задании? Помнится, вы обещали дать ответ, когда грандсиньора Вальдерона не будет рядом...

– Обещала, – вздохнула магесса и отвела взгляд. Не так, словно собиралась соврать, а как будто ей было стыдно смотреть ему в глаза. Лучано ещё сильнее насторожился, у него даже холодок пробежал по спине. А рыжая магесса вмиг посерьёзнела. Показалось даже, что ей не семнадцать-восемнадцать, а намного больше.

– Вы ведь знаете, что я служу Претёмной Госпоже, – тускло и ровно сказала она.

Это был не вопрос, но Лучано всё равно кивнул.

– Маги неодинаковы по силе и умениям, – негромко продолжила девчонка, быстро глянув на него. – И по способностям – тоже. Одним некромантам особенно удаются проклятия, другим – работа с нежитью... А мой талант – видеть призраков. Мне даже не нужно призывать их для этого, понимаете? Я... просто вижу.

– Понимаю, синьорина, – напряжённо отозвался Лучано. – Претёмная Госпожа щедро вас одарила.

– Это правда, – спокойно согласилась синьорина Айлин. – Когда мы впервые встретились, я увидела призрака за вашим плечом. Это был... первый человек, которого вы убили. И сами понимаете, он не испытывал к вам тёплых чувств.

– Первый? – переспросил Лучано.

Тот купец, которого он добил на своём первом задании? Молчун Джузеппе промахнулся из арбалета, всадил мишени болт в плечо, и Лучано закончил дело ножом. Или... вообще кто-то из приюта? Драки там были кровавые, не все дети после них выживали...

Он старательно обманывал себя, отказываясь принять от памяти одно-единственное имя. То, которое никак не хотелось вспоминать. Ни имя, ни лицо, ни голос, ни прикосновения и запахи – будь оно всё разом проклято!

– Ваш мастер, – очень тихо и бесстрастно сказала магесса. – Алессандро Крема. С момента своей смерти и до недавнего времени он вас не покидал.

И снова отвела взгляд.

Лучано показалось, что воздух кончился, и чтобы снова его вдохнуть, пришлось потрудиться. Мастер Алессандро ходил за ним призраком? Все эти годы? Постоянно?! Алессандро был рядом, когда он делал свои первые зелья, дрался в казармах, убивал и занимался любовью, играл на лютне и валялся в кровати, глядя кошек? Этот... эта тварь видела всю жизнь Лучано?!

Его затошнило, а потом пришла крупная дрожь. Волной прокатилась по телу, словно вернулась простудная лихорадка, даже озноб оказался похожим. Лучано попытался собрать мысли, но они распылялись, как у пьяного. Ну да, если Алессандро был рядом, когда королева отдавала приказ, он это видел и слышал. И, разумеется, воспользовался случаем отомстить своему убийце! Сдал его магессе... Призраки не лгут, это всем известно! Алессандро сказал синьорине Айлин, что Лучано наняли для её убийства... Что ещё он ей сказал?!

– Так это мастер Крема вас предупредил? – выдавил он вслух, пытаясь говорить спокойно. – Наверное, ждал, что вы меня убьёте?

– Не совсем, – покачала головой магесса, старательно глядя мимо Лучано куда-то в стену. – Он пытался убедить меня, что вы мерзавец, недостойный даже капли доверия. Жестокый и подлый душегуб. Рассказал, что вы убили его, своего наставника, будучи ещё ребёнком...

Она поморщилась, расплела пальцы и потёрла ими виски, а потом продолжила тем же отвратительно бесстрастным тоном:

– Но вашей смерти он не хотел. Совсем наоборот. Мастер Крема пытался украсть ваше тело, когда вы лежали в лихорадке. А я могла бы ему помочь или помешать, вот он и пытался заслужить моё расположение, а заодно представить вас порождением Баргота во плоти.

Её красивое тонкое лицо исказило отвращение, и магесса окончательно перестала казаться наивной и слишком юной. Лучано затошнило ещё сильнее, он даже порадовался, что съел совсем немного бульона и желудок почти пуст. Алессандро рядом? Подобная мерзость в голове не укладывалась! Неужели мало было убить эту гадину, чтобы от неё избавиться?!

– А сейчас он...

– Нет-нет! – торопливо проговорила синьорина Айлин и посмотрела на Лучано с выражением, отвратительно напоминающим сочувствие. – Я его упокоила. Не уверена, что синьора Крема ждут Претёмные Сады, но... на той стороне виднее. Главное, что здесь его больше нет, и никогда не будет.

– Совершенно с вами согласен.

Лучано попытался выдавить улыбку, но решил не позориться – гримаса получилась бы ещё та. Если поганый ублюдок Алессандро был достаточно откровенен, магесса знает... Всё она знает, можно не сомневаться!

Ему отчаянно захотелось выругаться погрознее, а потом стиснуть зубы и влезть в самую середину

бессмысленной и жестокой драки. Чтобы уворачиваться от ударов и самому бить, не думая. Чтобы выплеснуть боль, стыд и ярость, утопить их в чужой крови. И доказать неизвестно кому, что больше никогда он, Лучано Фортунато Фарелли, не будет беспомощным и беззащитным...

В глазах потемнело. На миг показалось, что он опять провалился в реку и захлёбывается в ледяной чернильной воде, но на этот раз рядом нет ремня, за который можно ухватиться, а сверху – прочная снежная корка.

Он очнулся, почувствовав, что тёплые тонкие пальцы гладят его голову. Пересев поближе, магесса сидела рядом, легко и осторожно перебирая его встрёпанные волосы... И с каждым её прикосновением Лучано отпускаяло. Вот и дышать уже можно. Она его жалеет? Она – его? Своего будущего убийцу? Зная о нём всё, что мог рассказать Алессандро?

Он точно знал, что это нужно прекратить. Желательно так, чтобы синьорина не обиделась на его неблагодарность, но отстранилась, причём сама. Никто и никогда не жалел его! Ни в приюте, ни, тем более, в казармах Шипов. Мастер Ларци заботился – это правда, и иногда Лучано до смерти хотелось верить, что мастер видит в нём не просто интересный эксперимент или даже своего преемника. Если он болел или был ранен, Ларци за ним ухаживал, но никогда Лучано не осмелился бы ждать от него такой бережной и мягкой ласки – с чего? Наверное, так матери гладят своего ребёнка. Или сёстры – любимых братьев... Лучано мог бы представить под нежной рукой синьорины Айлин растрёпанную светловолосую голову бастардо! Но ему, Шипу Фортунато, это зачем и за какие заслуги?!

– Что-то не так? – тихо спросила магесса, задерживая ладонь на его макушке. – Извините, я не хотела... Не хотела вас обидеть.

Лучано с чудовищным стыдом подумал, что после трёх дней лихорадки волосы у него – просто жуть. Грязные и слипшиеся от пота... Как ей не противно?! А потом испытал совершенно дикое и неправильное желание повернуться, перехватить и поцеловать эти ласковые пальцы. Так, как целовал руку своего мастера – с величайшим почтением и благодарностью. Да что же это, Претемнейшая?!

– О нет, – попытался он улыбнуться. – Всё... прекрасно. Я вам чрезвычайно благодарен, синьорина. За всё... А сейчас, если позволите, попробую встать...

– Да, конечно!

Щёки магессы заалели, и она отдёргнула руку, а потом, словно спохватившись, вскочила и принялась торопливо что-то делать у печи, старательно отвернувшись. Вот и правильно... Но у Лучано было ощущение, что из него только что выдернули огромную занозу. Вроде бы всё правильно, и теперь ничто не мешает, но всё равно больно.

Снова стиснув зубы, он спустил ноги с кровати и встал, слегка пошатываясь. Нечего разлёживаться, надо приходить в себя и восстанавливать силы. Вот сейчас он сходит по нужде, потом доберётся до сумки и наметает пару очень полезных снадобий в добавление к тому лекарству, которым его поили. Таких, чтобы уже завтра-послезавтра можно было сесть на лошадь. Мастер Ларци, правда, предупреждал не увлекаться подобным. Ничего, если понемногу и аккуратно, то можно...

Решить оказалось проще, чем сделать. Лучано натянул высохшие вещи, влез в сапоги и даже доковылял до двери, но стоило переступить порог – и в глазах опять потемнело. Он только и успел закрыть дверь за собой и прислониться к стене, переживая приступ слабости.

Вывернувшийся откуда-то бастардо вцепился ему в плечо, заглянул в лицо и мрачно поинтересовался:

– Что, жить надоело? Какого Баргота на мороз без плаща?

– Да я только до ветру... – попытался улыбнуться Лучано и едва не захлебнулся воздухом, подозрительно похожим на ту проклятую речную воду.

– Так меня позвать надо было, – ещё мрачнее сообщил Вальдерон. – Идём, отведу.

Без лишних церемоний он подхватил Лучано под мышки, почти удерживая на весу, и то ли повёл, то ли понёс к дальнему углу двора, где угадывалась накрытая досками яма.

Несмотря на всю постыдность происходящего, Лучано едва не рассмеялся по-настоящему. Подумать только! Ну когда ещё довелось бы обниматься с самым настоящим принцем, пусть и незаконнорождённым? Расскажи кому дома – не поверят! Ладно, в объятия ещё поверили бы, мало ли какие у принца вкусы, но чтобы владетельный грандсиньор помогал слуге добраться до нужника?!

А ведь обидно! Такое плечо рядом с его щекой... В другое время Лучано не упустил бы возможности

к нему прижаться, но сейчас ни на что нет сил. Штаны бы самому расстегнуть...

– Мои глубочайшие извинения, синьор, – проговорил он, добравшись до нужного места и сражаясь с гульфиком. – Я меньше всего хотел... как это на вашем языке... взвалить на вас тяготы...

– Вы себе льстите, Фарелли, – неожиданно усмехнулся бастардо. – Чтобы стать для меня тяготой, вам надо весить раза в два больше. И хватит уже извиняться. В том, что промокли и заболели, вы уж точно не виноваты. С любым из нас могло случиться.

Стоя в паре шагов, он дождался, пока Лучано справит малую нужду и застегнётся, а потом снова подставил ему плечо и отвёл обратно. Едва держась на дрожащих ногах, Лучано шёл и боялся только одного, как бы снова не свалиться в лихорадке и не наговорить в бреду лишнего.

Вдруг что-то мохнатое ткнулось ему в ладонь. Лучано опустил глаза и увидел, что Пушок подставил голову ему под руку и идёт рядом, словно предлагая опереться ещё и на него.

«Великолепно, – вздохнул он про себя. – Меня спас принц, которого я сам должен спасать и охранять. Меня выхаживает магесса, которую я должен убить. И даже мёртвая собака гораздо больше меня понимает в том, что происходит. Ну и что мне делать со всем этим?»

Глава 2

Огненный ветер

– Впереди должна быть деревня, – уверенно бросил Аластор, когда они миновали небольшой лесок и выехали на дорогу.

Это был ещё не королевский тракт, но дорога наверняка вела к нему, насколько помнила Айлин. Перед тем, как покинуть спасительную сторожку, они втроем долго рассматривали карту, определяя дальнейший путь. Шермез единогласно решили миновать, хотя Аластор так и не признался, что у него там случилось неприятного. Только буркнул, что в следующий раз он придет в этот городок с вооружённым отрядом, чтобы не было никаких неожиданностей.

– О! – просиял Фарелли и приподнялся на стременах, но ничего, конечно же, впереди не рассмотрел – гребень холма заслонял всё, кроме неба, такого беззаботно-голубого, как бывает только весной. – Не могу и сказать, как я обрадуюсь возможности снова переночевать под крышей!

– В лучшем случае – на сеновале, – буркнул Аластор, и Айлин укоризненно взглянула на него.

Вот зачем он так? Она тоже с удовольствием переночует под крышей, пусть даже и на сеновале. Да хоть с крысами, всё равно Пушок их переловит!

А синьор Фарелли всего четыре дня назад впервые встал на ноги, ему ночевать в палатке точно вредно, даже если уговорить Пушка улечься на его одеяло. Конечно, итлиеэ из всех сил старался не показывать слабости, да и отлежался после такой лихорадки на удивление быстро, однако Айлин помнила, как мэтр Гилмор, ведущий у них основы целительства, рассказывал об опасностях рецидива.

Впрочем, итлиеэ вёл себя гораздо благоразумнее того же Саймона, к примеру. Честно допил привезённые Алом лекарства, добавляя к ним снадобья из собственной сумки, тепло одевался и держался как можно дальше от снега, пока тот не растаял. Удивительное терпение! Айлин вот не удержалась – в последний день перед выездом, когда снег уже начал таять, устроила с Аластором битву в снежки. Пушка потом пришлось сушить возле печки, его роскошная шерсть намокла и свалялась сосульками, зато как было весело! Фарелли же и носа на улицу не сунул, бедняга!

На самом гребне они остановили лошадей, по молчаливому уговору давая ещё недостаточно окрепшему Фарелли отдышаться и разглядывая крошечную, десятка в три домов, деревушку, лежащую внизу. Айлин деревушка показалась очень мрачной и бедной, то ли из-за домов, маленьких и тёмных, то ли потому, что совсем не было видно никакого скота. Соломенные крыши, потемневшие и даже издали видно, что растрёпанные, пустые дворы...

Конечно, настоящая жизнь не похожа на то, что описывают в романах. Айлин и не ждала увидеть белоснежных овецек, похожих на облака, и нарядных пастушек, играющих на свирелях и танцующих с весёлыми пастухами. Но здесь было как-то слишком грязно и тоскливо! Аластор тоже смотрел на деревню без всякого удовольствия. Но какая разница? Они ведь не собираются остаться здесь надолго. Просто переночуют!

Аластор перехватил её взгляд и как-то виновато пожал плечами, предупредив:

– Нас могут не пустить ночевать. Даже за деньги. В Шермезе очень не любят приезжих, вряд ли здесь иначе. А мы к тому же выглядим совсем не как дворяне...

Это была чистая правда! За время путешествия Ал отрастил короткую бородку, став ещё сильнее похож на вольфгардца, и секиры это лишь подтверждали. Фарелли кутался в тёплый, но потёртый плащ из простого шерстяного сукна, да и саму Айлин только слепой принял бы за леди.

– Ничего! Вдруг всё-таки согласятся? – откликнулась Айлин с беззаботностью, которой на самом деле не чувствовала. Откуда-то появившаяся тревога заставляла сердце биться вдвое чаще, хотя ведь к этому не было ни одной причины. Даже если им и откажут в ночлеге – ничего страшного! – И вообще, если не пустят за деньги, может быть, согласятся на магические услуги? Вряд ли здесь водятся упыри, но я умею выводить крыс и мышей!

– Если нас и в самом деле пустят ночевать на се-но-вал, то ваши умения нам очень пригодятся, прекрасная синьорина! – так серьёзно заверил Фарелли, что даже Аластор не удержался от улыбки.

Айлин тоже хотела улыбнуться и не смогла – во рту вдруг стало кисло и горько, сердце сжалось, и её отчаянно замутило, так что пришлось поспешно зажать рот ладонью. Может быть, не стоило есть прихваченную из сторожки солонину? Но остальные, кажется, в порядке...

Затылок кольнуло множеством мелких иголочек. Айлин всей кожей почувствовала нарастающее магическое напряжение, уже понимая, что дело вовсе не в солонине, и изумляясь, почему не сообразила сразу? Ведь она уже испытывала это чувство! Внизу, под холмом, разноцветно мерцал воздух, сгущаясь с каждым мгновением! Что ж, этого следовало ожидать? В Аласторе течёт кровь Дорвеннов, привлекающая демонов, и чистая удача, что Разлом ни разу не случился раньше, в пути! Но что же делать теперь?

«Портал ведь ещё не открылся, – беспомощно подумала она. – Может быть, получится ускакать? Если прямо сейчас поднять лошадей в галоп... ведь демоны не могут быть быстрее лошадей?!»

– Айлин? – услышала она обеспокоенный голос Аластора и трусливо зажмурилась.

Если только она предложит ускакать... оставить демонам беззащитную деревню, в которой, наверное, из оружия есть только вилы и серпы... Ал наверняка станет её презирать и правильно сделает! Как можно думать, что сумеешь кого-то спасти, если готова сбежать от первой же трудности?!

– Уезжайте, – пробормотала она, едва шевеля губами от страха и отчаянной злости на себя.

Нет, так нельзя, так Аластор точно ничего не поймёт, а ведь самая большая опасность грозит как раз ему!

Айлин заставила себя открыть глаза, бросила напряжённый взгляд на друга, который смотрел на неё внимательно и тревожно, и проговорила как можно спокойнее:

– Разлом. Он вот-вот откроется. Наверное, здесь ткань мироздания особенно тонкая, но это... сейчас неважно. Просто уезжайте. А я попробую их остановить...

Она слишком поздно сообразила, что нельзя было показывать неуверенность. Просто нельзя! Аластор мгновенно вскинулся, перевёл взгляд на деревню, потом снова на Айлин. И напряжённо уточнил:

– А если не сможешь? Они ведь тогда пойдут вниз? В деревню?!

– Я смогу! – отчаянно заверила Айлин, не чувствуя даже тени уверенности. – Ал, у нас лошади! Их в любом случае надо увести, иначе понесут. А вы... то есть мы...

– А мы должны сбежать, оставив тебя прикрывать и нас, и деревню, так? – недобро усмехнулся Аластор. Повернулся к итлийцу и велел, спрыгивая с Искры: – Фарелли, уводите лошадей. Это приказ.

Портал ослепительно вспыхнул, ткань мира дрогнула, и Айлин с неумолимой ясностью поняла две вещи. Аластор не уйдёт. Он просто не позволит ей остаться одной против того... того, что сейчас хлынет из портала и начнёт подниматься по склону холма. И они погибнут здесь вдвоём. Это если Фарелли послушается и уведёт лошадей, которых очень жаль, конечно, но...

И второе: им нельзя здесь умирать. Нельзя! Ни ей, ни Алу! Потому что тогда получится, что всё зря! Она, высокомерная самолюбивая дура, погубит и Аластора, и Дорвенант!

– Синьор Фарелли, вам неясно? – рявкнул Аластор, вытаскивая из петель притороченные к седлу секиры. – Быстро отсюда! Галопом!

– Совершенно ясно, синьор Вальдерон, – заверил его итлиец, тоже спешиваясь и расчехляя арбалет. – Но вы уж простите, я отвечаю за вашу жизнь, а не за наших прекрасных лошадок, сохрани их Всеблагая Мать. Никогда не дрался с демонами. Шпага, я так понимаю, против них бесполезна?

– Болван! – выдохнул Аластор, но Айлин не услышала в его голосе настоящей злости, только безнадежность.

– Идиотто! – безмятежно поправил его Фарелли, снимая и цепляя на пояс кожаную сумку с арбалетными болтами. – Болваны – это у вас в Дорвенанте, а я всё-таки итлиец, предпочитаю родное наименование. Мне кажется, оно точнее и выразительнее. Хотя не смею настаивать из уважения к вам и прекрасной синьорине...

Не переставая болтать, он сноровисто взвёл небольшой арбалет, хищно блеснувший на солнце металлическими частями, наложил на него болт длиной примерно в локоть и приложил арбалет к плечу.

Портал разошёлся чудовищной прорехой во тьму, глубокую, чернильную. И оттуда посыпались изломанные силуэты, похожие то ли на причудливые тени, то ли на уродливые деревья, то ли

вообще на вставших на задние лапы барсов с крокодильими мордами – они были далеко, но приближались с каждым ударом сердца. Их было много, сосчитать точно не удавалось, но, кажется, не меньше дюжины. Потом – двух дюжин. Трёх...

Откуда столько?! Она рассчитывала на несколько тварей, как в Зале Совета! А из портала в междумирье сыпались всё новые отродья Баргота. Мельче того, что она убила в Академии, но всё равно смертоносно сильные и быстрые!

На Айлин снова волной накатила дурнота, сердце забилося так, словно хотело сломать клетку рёбер и вырваться на волю, на лбу выступил ледяной пот. Ей захотелось оказаться где угодно, лишь бы как можно дальше отсюда. В безопасности!

Она выставила ладонь, сотворив щит, и магическая пелена замерцала вокруг них троих искристым куполом. «А мэтр Бастельеро сказал бы, что щит надо делать прозрачным, – мелькнула неуместная дурацкая мысль. – Но демонам всё равно. Хотя бы лошади успели убежать подальше!»

– Айлин,ними. Щитними, – уронил Аластор так спокойно, что она не сразу поняла, о чём это он. – Не трать на него силы. Мы с Фарелли всё равно с ними не справимся, даже под щитом. Их слишком много. Ты же боевой маг! Сделай с ними что-нибудь, ну!

Он стоял, выпрямившись, с двумя секирами в руках, а рядом замер бесстрастный Фарелли с арбалетом на плече. И это было так безнадежно... Прекрасно и совершенно безнадежно! Они трое против нескольких дюжин тварей, летящих от подножья вверх по склону.

– Я... – Голос Айлин предательски дрогнул. – Ал, я не могу! Я ещё не умею, мы не учили массовые заклинания! И даже если бы... Они требуют много магов, хотя бы двух, лучше – больше! Или долгой подготовки! Я не смогу! Я...

Она лепетала что-то, пытаясь объяснить и понимая, как жалко звучат эти оправдания. Ну какой она боевой маг?! Серьёзные заклятия, способные накрыть большую площадь, проходят с десятого курса! Не на шестом! Да, она была уверена, что справится! Но с двумя, тремя, да хоть с полудюжиной тварей! Не с этим жутким потоком, что приближается быстро, как в кошмаре, когда видишь, но не можешь убежать.

– Должна смочь! – рявкнул Аластор. В его лице не было ни кровинки, только глаза горели, как у безумца. – Внизу деревня! Там люди, ещё живые люди. Ты предлагаешь отсидеться в щите?! А потом, когда у тебя кончатся силы, что делать будем? Снимай щит и колдуй!

– Если я его сниму, мы умрём!

– Мы в любом случае умрём, но хотя бы не зря! Чем больше их положим, тем меньше останется! Может, сельчане отобьются! Да бей же! Давай, мы дадим тебе время!

И он шагнул вперёд, проламывая её щит. «Главное свойство любой магической пелены, – словно услышала Айлин скрипучий голос мэтра Денвера, – это разность её потенциалов, зависящая от направления. Иными словами, пробить её изнутри неизмеримо легче, чем снаружи...»

Время словно застыло. Айлин видела, как бежит по склону Аластор, останавливаясь на середине холма, куда вот-вот добегут первые демоны. Они бежали не толпой, а растянувшись, и это могло дать Аластору несколько драгоценных мгновений, но совсем мало. А она стоит и не знает, что делать!

Слева от неё раздался щелчок. Айлин увидела, как из первых трёх демонов, бегущих рядом, самый крупный заваливается и, кувыркаясь, улетает на несколько шагов вниз. Ещё мгновение, второе... И снова щелчок, а потом резкий короткий свист – и ещё один демон падает. Только сейчас она догадалась, что это арбалет итлийца, но посмотреть на него времени не было. Вот пара демонов прыгнула на Аластора – и захлебнулась собственным отвратительным визгом. Но ниже по склону спешили другие...

«Щит бесполезен, – в отчаянии подумала Айлин. – Аластор прав. Я не смогу держать его достаточно долго! «Могильная Плита»? Снесёт одного-двух, они слишком далеко друг от друга... «Прах веков»? Я одна, я просто не накрою весь холм! И «Гнев Претемнейшей» у меня не получается! Нет-нет, надо думать как боевик! Магистр Кристоф говорил, что демонов нужно жечь! Или отрубать голову... Огонь... «Огненный ветер»? Он требует подготовки! Надо найти силовые линии, привязать к ним заклятие, учесть ветер и особенности рельефа...»

Она лихорадочно вытаскивала из памяти всё, что знала об этом заклинании, одном из самых разрушительных в арсенале боевого мага. И очень, очень сложно! Даже не десятый курс, а одиннадцатый-двенадцатый... Выпущенная стихия нестабильна! Огонь легче всего создать, но управлять им почти невозможно! Она же не магистр! Даже не полноценный боевой маг.

«А там внизу сейчас умрёт твой... умрёт Аластор», – подумала она и подняла руки.

К Барготу направление ветра! Огонь пойдёт вниз, этого достаточно. Ограничимся переменной рельефа, самой приблизительной. К Барготу силовые линии! Ей не нужно выжигать несколько лиг, вот совсем не нужно! Там ведь ещё и деревня внизу!

Айлин плела что-то непонятное даже ей самой, кроила изначальный аркан, как безумная швея – кусок ткани, грубо выбрасывая одни элементы и подставляя другие. Перед её внутренним взором колыхалось марево из багровых, алых и золотых линий, не похожее ни на одну схему в учебнике, но жадное, готовое сорваться, разрастись и выйти из-под контроля.

«Ограничители! – подумала она в тошнотворном ужасе, не зная, чего боится больше, демонов или этого созданного ею чудовища. – Надо выставить ограничители. Магистр Кристоф говорил что-то про цепную реакцию!»

Жаль, что говорил он это не ей! Айлин только сидела на дереве рядом с окном аудитории, прячась от мэтра Денвера после очередной шалости. И все её знания об «огненном ветре» – обрывки чужой лекции! «А катализатором будет... Я не знаю, что в этом аркане катализатор! Я же залезла на дерево не в начале занятия!»

В отчаянии она подставила вместо катализатора «Могильную Плиту» – её хоть точно известно, как швырять! – и структура на удивление срослась. «А мэтры не говорили, что можно плести аркан из двух видов магии! Хотя... откуда им знать, они же не двойные звёзды! А можно, оказывается! Тогда и ограничители можно поставить от «Праха веков»! Ой, мамочка! Страшно-то как!!! А-а-а-а...»

Но вслух она вместо этого закричала:

– Ложись!

Её услышали все. И Аластор, бешено крутящийся в середине круга из оскаленных пастей и тянущихся лап. И Пушок, рвущий зубами тварь в два раза больше себя, покрытый месивом из чёрно-зелёной крови и внутренностей. И даже Фарелли, пригнувшийся и упавший на одно колено. Наверняка услышали и демоны – но не поняли.

Ал упал первым, пытаясь откатиться подальше. Мгновением позже рядом плюхнулся Пушок, и первая волна, тугая, сбивающая с ног, прошла у них над головами, отбрасывая тварей. Айлин едва не вывернуло, когда она поняла, что могло случиться. Промедли Ал – и его швырнуло бы в самую гущу демонов! Они были уже в нескольких шагах!

Но Аластор доверился её голосу – и сейчас лежал, закрывая голову руками, а над ним прокатилось и ушло дальше обманчиво медленное багровое марево с золотыми проблесками. Плотное, как «Могильная Плита», но сотканное из живого огня. На миг остановилось парой дюжин шагов ниже Аластора и Пушка и вспыхнуло, как самый огромный чинский фейерверк, только неизмеримо страшнее. А потом покатилося к подножью, стремительно набирая скорость, расплываясь по склону пеленой расплавленного золота.

Айлин закричала, но в ушах, перекрывая её собственный крик, стоял истошный визг умирающих демонов. Они успевали вскрикнуть совсем ненадолго, вспыхивая, как сухие сосновые щепки, которыми она в сторожке разводила огонь. Несколько мгновений их силуэты виднелись в жутком золотом потоке, а потом чернели и падали, рассыпаясь пеплом. «Только бы не на деревню, – стучало в ушах. – Я поставила ограничители. Я точно их поставила. Мамочка... Только бы до деревни не докатилось. Там ещё на лошадях с полчаса езды, не может заклятие уйти так далеко! Магистр Кристоф говорил, что с первого раза ни у кого «Огненный ветер» далеко не уходит... Но это же не он!»

Она рыдала, обхватив себя за плечи руками и сотрясаясь всем телом. И через бегущие слёзы видела, как поднимается Аластор, встав на одно колено. Как шевелится неподалёку от него уцелевший демон. За его спиной, так что Ал не видит! Как собирается в комок, готовясь прыгнуть... и валится на землю с арбалетным болтом в уродливой голове.

– Синьорина... – услышала она словно сквозь пелену. – Синьорина, как вы?

Айлин застучала зубами, пытаясь что-то сказать. Бросив арбалет, Фарелли подскочил к ней, поддержал за плечи, но она вырвалась, вглядываясь вниз, туда, где ало-золотая волна прокатилась от подножья холма на пару сотен шагов и медленно погасла, словно уходя в почерневшую землю.

А потом Айлин поняла, что больше не слышит визга, зато в ноздри ей лезет жирный тяжёлый запах подгоревшего мяса. И её вывернуло остатками завтрака прямо под ноги, на побуревшую от недавнего мороза траву.

– Айлин... Айлин...

Её обнимал Аластор, говоря, что всё хорошо, всё закончилось. Айлин едва его слышала, в ушах шумело, ноги подкашивались от слабости.

Только сейчас она осознала, что не просто выложились полностью, а ещё и резерв из браслета Мэрли вычерпала. И сейчас пуста до донышка. Ни капли силы. И даже испугаться этому не получалось.

«А карвейн остался на лошадях, – подумала она, уплывая в беспамятство. – Ничего, Ал их поймает... Теперь можно, да?»

Пушок, бесцеремонно отталкивая Аластора, подлез к Айлин, прижался к ней лобастой головой, сунул морду ей в руки, и странным образом стало полегче, словно кто-то дал ей артефакт-накопитель. Айлин глубоко вздохнула и позволила себе обмякнуть в руках Аластора, уже не теряя сознание, а просто от слабости.

– Семеро Благих, Айлин! – услышала она восторженный голос друга. – Что это было?!

– А я не знаю, – призналась она и рассмеялась, но смех опять перешёл в слёзы. – Ал... ты живой...

Она уткнулась в его куртку, пахнущую гарью, но сейчас на свете не было ничего прекраснее этого запаха.

«Мы живы, – пришла простая и ясная мысль. – Мы все живы. И деревня спасена. И прямо сейчас всё хорошо. Пусть самое плохое случится потом, через несколько дней, когда доберёмся до Разлома, но не сейчас! Я справилась. Я сделала... ну, не «Огненный ветер», но что-то правильное, раз всё сработало. Лишь бы не пришлось это повторять! Совсем ничего не помню... Но я смогла! Значит... значит, не отступлю и потом, когда будет ещё страшнее...»

* * *

«А раньше я её не боялся, – пришла простая и ясная мысль. – Напрасно».

Юная магесса плакала в объятиях изрядно сконфуженного бастардо. Он гладил её по спине, уронив секиры на сырую тёмную землю, а несколькими шагами ниже прошла ровная, как по линейке отбитая граница гари.

Там земля запеклась от чудовищного жара, потрескалась на серые плиты, и лишь уродливые чёрные кляксы отмечали места, где испарились демоны. А ещё запах... Жирный густой дух, в котором смешались и вонь палёной плоти, и обычный дым от нескольких кустов, сгоревших уже далеко внизу, поэтому почти естественным образом.

«Вот тебе и милая рыжая девочка... – с удивившим его самого спокойствием подумал Лучано. – Жуть какая... И как она это сделала? Разве некроманты умеют управляться с огнём? Хотя откуда мне знать наверняка? А теперь вот плачет. Почему? Она ведь нас всех спасла, да и эту несчастную деревню заодно. Там никто и понять не успел бы, что случилось. А если бы даже сообразили вовремя, то это же крестьяне! Над ними небо рушиться начнёт, а они кинутся выводить коров из хлева и собирать горшки. Точно всех сожрали бы! Ну и чего, спрашивается, синьорина Айлин рыдает? Не демонов же ей жалко?!»

Он ещё раз осмотрел выжженную пустыню, ища взглядом драгоценные арбалетные болты. Быстро сообразил, что искать надо в тёмных пятнах: демоны полыхнули все разом, и ещё живые, и те, кого он успел подстрелить. А вот тот, который чуть не вцепился бастардо в спину, был близко, поэтому сгореть не успел, только обуглился слегка, и болт торчал из уродливой башки, поблёскивая на неярком весеннем солнце.

Вздохнув, Лучано спустился по склону, собрал отвратительно закопчённые болты, решив отмыть их при первой же возможности, и, вернувшись наверх, остановился у последнего. Подёргал, упираясь носком сапога в тушу, но болт накрепко застрял в черепа. Ну и кость! Как у быка!

– Дайте я...

Несмотря на отменный рост и завидное телосложение, Вальдерон подошёл тихо, словно кот. Конечно, не настолько тихо, чтобы подобраться незамеченным к Шипу, но всё-таки для дворянина это странно. Ладно бы опытный наёмник или бретёр! Но чтобы грандсиньор, причём юный и вряд ли бывавший в боях, так владел своим телом?

Лучано поднялся, уступая место, Вальдерон склонился, дёрнул почти небрежно, череп демона хрустнул – и болт из него вылетел.

– Моя искренняя благодарность, – склонил голову Лучано, принимая злополучную железку. – Надеюсь, вы не испачкались?

– Больше, чем до этого? – мрачно уточнил дорвенантец. – Не думаю.

Его куртку в самом деле покрывали пятна крови и сажки, светлые волосы потемнели, даже лицу досталось – чёрно-серые полосы на щеках подчеркнули заострившиеся скулы, словно грим у неопытного актёра в уличном балагане.

Лучано испытал острое томительное желание взять влажный платок, подойти поближе, как можно ближе, и... Но тут же опомнился – ещё чего не хватало! Здесь ему точно ничего не светит... наверное. Во всяком случае, ни одного по-мужски заинтересованного взгляда грандсиньора на свою персону он ни разу не поймал. Всё больше раздражённые или просто хмурые. Вот как сейчас.

– Я так понимаю, – с опасной мягкостью начал Вальдерон, – мои приказы для вас ничего не значат?

Этого только не хватало! Лучано про себя вздохнул и вознёс краткую молитву неизвестно кому о даровании разума одному не в меру гордому дворянину. Который изволил вспомнить, что приказывал ему бежать, прикрыв это заботой о лошадях. Спору нет, лошадей Вальдерон обожает, но вот стоит на миг представить, что Лучано послушался бы... А потом вернулся в Дорвенну и сообщил королеве Беатрис, что вместо самого бастардо спас и привёл его лошадку. Нет, правда, Вальдерон это всерьёз?! И что теперь делать?!

– Я готов повиноваться любым вашим приказам, – очень серьёзно и почтительно ответил Лучано, глядя прямо в голубые холодные глаза. – Если это не мешает моему первому поручению от её величества. Полагаю, грандсиньор знает, что такое долг и честь?

В глазах цвета весеннего неба мелькнула растерянность, потом – понимание. А потом Вальдерон глянул на болт в руках Лучано, на лежащего демона... Бастардо явственно передёрнуло, и он процедил, отводя пристальный взгляд:

– Полагаю, что да. Примите мою благодарность, синьор Фарелли. Если бы не вы...

– О, пустое! – торопливо махнул рукой Лучано. – Нам обоим следует благодарить прекрасную синьорину Айлин! Если бы не её несравненный дар!

– Да, кстати! – спохватился Вальдерон, явно радуясь перемене темы. – У вас карвейна не найдётся? Мой в сумке, а лошадей надо ловить.

Лучано с готовностью достал из-за отворота куртки маленькую фляжку, которую после болезни взял за правило носить с собой. В этом их Дорвенанте неизвестно, когда понадобится глотнуть согревающего. А уж после боя – сам Пресветлый Воин велел! Ничего странного, что Вальдерону захотелось выпить, Лучано и сам не отказался бы прополоскать рот, чтобы хоть немного перебить привкус гари, так и витающий в воздухе. Но ладно уж, обойдётся!

Однако бастардо пить не стал. Благодарно кивнув, он вернулся на вершину холма и протянул фляжку магессе, зябко обхватившей себя руками за плечи. Лучано только успел подумать, как бы девица не обожгла горло – ведь наверняка не привыкла к такому крепкому пойлу...

Синьорина улыбнулась Вальдерону, взяла флягу и преспокойно выпила стакан с лишним карвейна. В несколько глотков! Как воду! И даже не закашлялась, только улыбнулась опять, а потом признательно поглядела в сторону онемевшего от изумления Лучано. Ничего себе у них тут благородные девицы! Старый боцман в портовом кабаке позавидовал бы!

Наверное, что-то такое отразилось у него на лице, потому что улыбка синьорины стала смущённой, а бастардо очень укоризненно сказал:

– Это не то, что вы думаете, Фарелли. Маги пополняют карвейном свою силу. Айлин очень много её потратила.

– Разве я осмелился подумать что-то недостаточно восхищённое?! – изумился Лучано. – Грандсиньорина была великолепна!

Почтительный титул слетел у него с губ сам собою, и уже вслед Лучано подумал, что совершенно в этом прав. Если девица умеет творить такое... такое... А она всего лишь адептка! На что же тогда способны её учителя, да и просто полностью обученные маги?!

По спине пополз холодок. Лучано вдруг испугался намного сильнее, чем несколько минут назад, когда глядел с вершины холма на приближающихся тварей. Там была опасность незнакомая, но понятная. Целься и стреляй, как на тренировке. Если подбегут близко – дерись, пока не умрёшь, и постарайся обойтись врагам как можно дороже. Ничего, в сущности, нового.

Но из больших зелёных глаз магессы, мило заплаканных и даже сейчас наивных, смотрело что-то такое, чему он не мог дать названия. Смерть? Неизвестность? Судьба?

Девчонка шмыгнула носом – и пугающее очарование рассеялось. Только холодная дрожь ещё раз прокатилась по телу, и Лучано вспомнил старую примету. Это кто-то прошёлся по его будущей могиле.

– Если бы здесь был мэтр Ладецки! – вздохнула Айлин и запустила пальцы в шерсть Пушка, рассеянно перебирая посеревший от пепла загривок. – Или мэтр...

Она осеклась, и Лучано без труда понял, какое имя юная магесса проглотила. Мэтр Бастельеро, разумеется, её наставник. Да уж!

– Лучше не надо, – прямодушно уронил бастардо, который тоже всё понял. – Между Бастельеро и демонами я пока что предпочитаю демонов. Их убивать можно. А вообще, пойду-ка я поищу лошадей. Иначе до вечера не доберёмся в эту несчастную деревню, Баргот её...

И тоже осёкся. В другое время Лучано посмеялся бы про себя над таким сходством упоминаний Проклятого и грандсиньора Бастельеро, но сейчас на шутки что-то не тянуло.

– Благодарю за карвейн, синьор Фарелли, – негромко, но очень искренне сказала магесса, когда бастардо ушёл на другую сторону холма ловить разбежавшихся в испуге лошадей. – Это было очень кстати. Только, пожалуйста, не зовите меня грандсиньориной. Я отказалась от титула и больше не высокородная леди. Просто Айлин – этого вполне достаточно.

– Ну, если благородный синьор Вальдерон не будет против... – начал Лучано.

Изумрудные глаза гордо сверкнули, магесса выпрямилась в струнку, чуть откинула назад голову, будто под тяжестью толстых медных кос, и тоном, подобающим самой что ни на есть грандсиньорине, заявила:

– Я люблю и уважаю моего друга Аластора! Он мне как родной брат! Но решения относительно своего круга общения принимаю сама. И о том, кому и как позволено ко мне обращаться, тоже! Мы с вами вместе были в бою! Так что я для вас – Айлин! Если, конечно, у вас нет иных возражений, кроме этикета.

– Не смею спорить, – поклонился Лучано. – Но только, если вы тоже окажете мне эту честь.

Магесса просияла, словно где-то внутри неё зажёгся фонарь. И как это у неё получается? Лучано снова поймал себя на невольной ответной улыбке, но тут вернулся Вальдерон, уже верхом и ведя в поводу остальных лошадей. Гнедые сестрички шли ровно, как по нитке, и в сторону выжженной земли косились почти равнодушно, зато белая арлезийка фыркала и танцевала, дёргая головой, выгибая шею и всем видом показывая, как ей страшно и противно.

– Вернёмся в Дорвенну, приглашу стихийника и попрошу зачаровать её, – озабоченно сказал Вальдерон. – Как-то раньше не подумал, что тебе нужна лошадь с армейской выучкой.

– Благодарю, Ал! Прекрасная мысль! – с такой искренней лёгкостью отозвалась магесса, что Лучано на миг усомнился, не приснился ли ему тот памятный разговор, что синьорина Айлин вовсе не собирается возвращаться.

А она тем временем вскочила в седло и глубоко вздохнула, оглядывая холм с высоты. Тихо проговорила что-то непонятное. Лучано только понял про какие-то ограничители, которые следовало ставить совсем иначе. И первой тронула свою кобылу, нервно косящуюся на чёрные пятна.

Пушок, до этого смирно сидевший у ног магессы, потрусил рядом, ничуть не смущаясь, что сам теперь похож на демона, измазанного в крови и саже. Интересно, его вообще можно мыть? В снегу мёртвый волкодав купался с упоением, а вот как у него с водой?

Вальдерон покопался в седельной сумке, достал флягу и протянул её. Лучано помотал головой, но, чтобы бастардо не подумал чего лишнего и не обиделся, пояснил:

– Прошу прощения, синьор, я очень редко пью карвейн. И только в случае особой необходимости.

– Не любите? – понимающе уточнил Вальдерон, и Лучано кивнул, добавив, сам не зная почему:

– Чутьё отбивает. И вкус. А я учился на изготовителя зелий, да и сейчас иногда помогаю... Когда бываю дома.

– Отцу?

Вальдерон ехал рядом, глядя прямо вперёд. И Лучано снова ответил с удивившей его самого искренностью:

– Мастеру. Я подкидыш, меня взял из приюта один добрый человек. Воспитал в своём доме, учил ремеслу.

И ведь почти не солгал. Да, Ларци забрал его не из самого приюта, а из казарм, но так ли это важно? Чёрную тень по имени Алессандро, мелькнувшую где-то в глубине памяти, он старательно стёр.

– В подмастерья взял?

– Вроде того, – усмехнулся Лучано. – Я зову его мастером, так у нас принято. Но он мне ближе родного отца.

И это тоже была правда. И неважно, что самого мастера Ларци она ни к чему не обязывает.

– Отец по крови – это не всегда родной отец, – тихо и как-то очень напряжённо бросил Вальдерон. – То есть настоящий... он может быть и неродным...

– Да, синьор, – очень ровно и осторожно согласился Лучано, тоже старательно глядя на дорогу.

– Я... узнал об этом меньше месяца назад. Понимаете, Фарелли? У меня мысли никогда не было... Да и быть не могло! Он любит меня... как сына. А я – его. А тот... ну, вы понимаете...

– Понимаю, синьор, – так же бесстрастно согласился Лучано. – Его величество.

– Вот именно. – Губы Вальдерона тронула едва заметная злая улыбка. – Его величество. Он отказался от меня ещё до рождения. Несколько слов на представлении ко двору... Как всем, понимаете?! И зачем я вам такое рассказываю?!

– Наверное, потому, что я хорошо знаю, каково это, – мягко сказал Лучано. – Когда ты не нужен одному, но нужен другому.

О да... Только вот король Дорвенанта своего бастардо пристроил в богатый знатный дом. Ещё и к порядочному доброму синьору, судя по всему. А не бросил в корзину для младенцев у входа в приют. И растили Вальдерона любимым сыном, а не... инструментом. Но всё-таки Лучано его понимал.

Сменить счастливое неведение на горькое прозрение – это больно. Особенно для тех, кто не знает, как терпеть боль. Если душа сделана из хорошего материала, испытания вытравят слабость, и человек станет сильнее, а вот если в нём скрытый порок... Боль и стыд найдут эту червоточину и разъедят ещё сильнее, как кислота – малейшую царапину на коже.

– Да, – уронил бастардо. – Вы понимаете. Простите, я не хотел вас обидеть. Не всем везёт, как мне.

У Лучано мелькнула почти кощунственная мысль, что Вальдерон каким-то образом прочёл его мысли. Ну разве может благородный синьор просто понять его, простолюдина, да ещё и Шипа?! Это только в сказках братаются принцы и сыновья кузнецов или горшечников. Но ведь извинился... Извинился! Перед ним!

– Я и сам отменно везуч, синьор Вальдерон, – улыбнулся он, стараясь побыстрее сгладить неловкость. – Это вам скажет любой в славном городе Верокье. Меня даже прозвали «Фортунато» – Счастливым!

Бастардо покосился на него с трудноуловимым выражением лица, его губы дёрнулись в быстрой улыбке, но почти сразу Вальдерон снова принял серьёзный вид. Однако у Лучано осталось ясное ощущение, что в этот момент о нём подумали что-то совсем другое. Или назвали как-то иначе. Хм... Ладно, хотя до дрожи интересно было бы узнать, какое прозвище ему придумал про себя дорвенантский грандсиньор.

Они догнали магессу уже возле самой деревни. Девушка упорно держалась впереди, и Лучано её понимал. Если едешь к собственной смерти, есть о чём подумать... Но когда лошади миновали покосившийся столб с грубо вырезанными буквами, к которым он даже приглядываться не стал, синьорина Айлин обернулась.

– Кстати, Ал, – сказала она преспокойно. – Я разрешила синьору Фарелли звать меня просто по имени. То есть Лучано, прошу прощения. Иначе только представь! Лезет из Разлома очередная толпа демонов! А наш спутник соблюдает все правила этикета и кричит мне: «Благородная грандсиньорина Айлин! Не будет ли любезна ваша мажеская светлость!.. – Она фыркнула и добавила уморительно серьёзным тоном: – Как думаешь, на каком по счёту учтивом обороте нас

всех слопают?

– Просто... Айлин? – с явной растерянностью уточнил бастардо.

– Ну да, – беззаботно подтвердила магесса. – С родовым именем у меня... не очень. А синьорина – это слишком длинно! Си-и-и-ньо-о-о-ри-и-ина-а-а... – протянула она певуче. – Какой всё-таки красивый язык! Ал, не смотри так! Я не пьяна, честное слово. Даже в голову не ударило, только согрелась!

Глаза у неё блестели, щёки порозовели, но Лучано присмотрелся и про себя согласился, что для девушки, осушившей флягу крепчайшего карвейна без всякой закуски, синьорина Айлин держится неплохо. Язык не заплетается, движения точные и спокойные. Вот она поправила выбившуюся на лбу прядку, улыбнулась Вальдерону, покосившемуся на Лучано...

Лучано ответил очень выразительным невинным взглядом. Мол, вы же сами всё видите, синьор! Я-то что мог сделать?

Вальдерон на удивление понимающе хмыкнул, хотел что-то сказать, и тут они въехали в деревню. Магесса ойкнула, закусила губу, и Лучано увидел, как её лицо стремительно бледнеет, словно кровь отхлынула от кожи.

– Айлин? – тихо позвал бастардо. – Что? Опять демоны?

– Не... не сейчас, – прошептала синьорина, покачнувшись в седле и почти упав на шею кобылы. – Претемнейшая... как же это... Как?!

Вальдерон послал вперёд лошадь, даже поводьями не тряхнув, словно та послушалась мысленного приказа. Оказался впереди магессы, вытянул из петли у седла уже вычищенную секиру и принялся разглядывать пустую, словно вымершую улицу. Лучано, оставшись позади, последовал его примеру, только вместо секиры достал арбалет.

Как же здесь было тихо! Ни мычания и блеянья скота, ни собачьего лая... И над растрёпанными соломенными крышами ни одного дымка! Только цокот их лошадей, да и то приглушённый, потому что земля сырая. И вся изрыта странными следами... Лучано за всю жизнь был в деревне пару раз, да и мясо видел на рынке уже разделанным, но ему казалось, что козы и коровьи копыта не похожи на многопалые лапы с длиннющими когтями, следы от которых глубоко ушли в землю и уже успели высохнуть. Да и во-о-он то тёмное пятно у забора... Скотину там резали, что ли? Ага, прямо на обочине?!

Он потянул носом, по привычке доверяясь в первую очередь чутью. Дымом и в самом деле не пахло. Навозом тянуло отчётливо, это от ближайших коровников... А во-он за теми домами выгребная яма... Но что-то в этих обычных запахах деревенского жилья было неправильным. Какой-то резкий острый привкус, неумолимо тошнотворный...

– Айлин! – уже громче окликнул магессу Вальдерон, развернувшись и перегородив им обоим дорогу. – Что случилось?

Бледная до полупрозрачности девица смотрела мимо него, словно не слыша, и что-то шептала. В следующий миг Лучано понял, что она разговаривает не сама с собой, а с кем-то. Кем-то... невидимым. А ещё через миг вспомнил мастера Алессандро и невероятный дар синьорины видеть призраков. Только что же взгляд мечется?! Так, словно перед ней не один собеседник, а... Лучано попытался проследить за глазами магессы, и ему снова, уже второй раз за день, стало жутко до тошноты. Синьорина переводила взгляд с одного пустого места на другое так, словно стояла перед целой толпой.

Пушок улёгся перед ней, положил голову на лапы и тоже уставился в пространство перед собой пугающе осмысленным взглядом.

– Они... говорят... – тихо и монотонно отозвалась магесса. – Рассказывают, как умерли. Пять... нет, шесть дней назад... Мужчины были в поле, почти все. Женщины занимались хозяйством. Весна... Они сажали огороды, сеяли... Пастух увёл стадо... Дети... – Она всхлипнула. – Я не могу... не могу это повторить! Разлом! Он случился где-то далеко! Они не знают – где... Демоны пришли со стороны Гредона. Или от самого Керуа. Они не знают. Они... простые сельчане! Даже в Гредон из всей деревни ездил только староста и ещё несколько человек. Мельник, кузнец... – И снова тихий всхлип. – А потом пришли демоны. Выскочили из леса и первыми загрызли мужчин. Почти... почти всех... Кто-то убежал в деревню... Предупредил... Но демоны пришли почти сразу... сразу за ним! Лезли в дома, в сараи... Им... им было всё равно, люди или скот. Они рвали, а потом... шли дальше. Вырезали всех... всех! А потом вернулись к телам и начали жрать!

Она покачнулась в седле и завалилась бы, не окажись в тот же миг рядом Вальдерон. Лучано поёжился – ему показалось, что из пустоты смотрят десятки взглядов. Гневных, обиженных,

измученных, страдающих, укоризненных... Магесса не плакала, как на холме. Наверное, слёзы она выплакала ещё там, а может, сил не было. Просто тихо просокулила что-то, как побитый щенок. А потом оттолкнула руки Вальдерона, выпрямилась в седле и заявила:

– Я должна их отпустить! Это... мой долг. Они мучаются!

– Айлин, – с безнадёжным терпением напомнил бастардо. – Ты недавно потратила всю силу. Ты не сможешь провести ещё один ритуал. Да и сколько их?!

– Много, – скорее прочитал по движению бледных губ Лучано, чем услышал. – Очень... много. Но им плохо. Они умерли в боли и в страхе. Ал, как ты не понимаешь?! Они не могут обрести покой! Это хуже, чем незаконченное дело! Они не могут найти дорогу в Сады, а Провожатые не могут их забрать, потому что... Ай, да что я объясняю! Просто поверь! Я должна!

– Должна истощиться? – мрачно спросил Вальдерон. – Выгореть? Или что там с магами бывает? Айлин, я всё понимаю, но... Они подождут. Немного! Пока ты...

– Вон там! – Тонкая девичья рука взметнулась и указала в провал забора, где была калитка, но теперь, сорванная, лежала на земле. – Там стоит мальчик. Ему лет десять. У него... У него вырвано горло. Он молчит, потому что не знает, что призраки могут говорить без голоса. Только смотрит. Он на меня смотрит, Ал! Они все смотрят! И знают, что я некромантка!

Магесса обняла себя за плечи, помотала головой и уже чуть спокойнее сказала:

– Я смогу. Я никогда не отпускала столько душ разом, но... Это не проклятия. И не «Огненный ветер». Я только подумаю, как... сделать общий ритуал. Чтобы сразу... Но это нужно сейчас, понимаешь? Как можно... как можно быстрее!

– Может, съездим в Гредон? – безнадёжно предложил Вальдерон. – Там ведь должны быть некроманты! И нам по дороге...

Не слушая его, магесса соскочила на землю, испещрённую следами. А Лучано наконец понял, что ему кажется непонятным. Она видит призраков... много призраков! Но где же тела? Окликнув бастардо, он тихо сказал ему это, и Вальдерон, переменявшись в лице, ругнулся. Действительно, ни одного тела поблизости не было. Неужели они так и лежат в домах? Или демоны их куда-то уволокли? И где в таком случае сами демоны?!

– Айлин! – снова позвал бастардо. – Айлин, пожалуйста! Ты можешь их спросить? Это важно! Куда делись демоны? Они где-то рядом?

Синьорина, выхватив из ножен на поясе кинжал, чертила прямо в грязи какую-то сложную фигуру с множеством лучей. Услышав вопрос, она подняла голову и повторила его в пустоту так мягко и ласково, словно говорила с испуганным ребёнком. Прислушалась и бросила:

– Демонов здесь больше нет. Они были в деревне сутки, пока... не наелись. А потом собрались стайей и ушли. Туда! – Она махнула рукой в сторону Гредона, насколько помнил Лучано. – В город!

– В город – это хорошо, – пробормотал бастардо. – Там солдаты и маги. Там тварей перебьют. Айлин, может, всё-таки...

– Не мешай! – шикнула на него магесса.

Всё новые и новые знаки ложились по лучам звезды. Не глядя, что испачкалась уже по уши, синьорина ползала на коленях, с лихорадочной торопливостью чертя остриём кинжала прямо в грязи. Наконец она закончила, встала и шагнула в середину. Подняла перед собой кинжал, и Лучано испугался – вдруг полоснёт по руке? Кто их знает, эти некромантские ритуалы? Они, по слухам, большей частью на крови. А нож в земле! Гнилую лихорадку схватить от такого пореза – делать нечего!

– Властью, данной мне Претемнейшей Госпожой...

Что-то у неё не получалось. Нож дрожал в тонких пальцах, губы кривились от напряжения, и Вальдерон подался вперёд на лошади, словно собирался кинуться на помощь. Лучано и сам чувствовал себя так, словно тащит что-то невыносимо тяжёлое. Да что же это!

– Властью, данной мне Претемнейшей Госпожой... властью... данной...

Она повторяла это раз за разом, и было понятно, что всё бесполезно. То ли умения не хватает, то ли, что вернее, сил. А вот отдохнула бы, поела, выпалась... Угу, в мёртвой деревне! Сколько тут могло быть жителей? Домов две-три дюжины, но крестьяне живут большими семьями, так что сейчас магессу просят о милости десятки, если не сотни призраков.

Лучано передёрнуло.

А рыжая синьорина, и без того перемазанная, вытерла лицо грязной ладонью, села прямо в середину звезды на землю, обняла колени руками и заскулила:

– Не могу-у-у-у... Не получается! Сил... не хватает... Их так... так много!

– Айлин!

Бастардо прыгнул с лошади, пробежал эти несколько шагов – и остановился на границе звезды, не решаясь её пересечь. Ну, ещё бы. Нарушить некромантский ритуал, пусть и из лучших побуждений?

– Айлин... – повторил он отчаянно. – Айлин...

– Не могу, – шептала девчонка, кусая губы. – Не могу, не могу, не могу... – И вдруг подняла голову и закричала, глядя перед собой: – Да уходите вы! Идите! Я вас отпускаю, слышите! Всех! Вы свободны, свободны, свободны!

Она махнула перед собой рукой с кинжалом, то ли разрубая что-то невидимое, то ли разрезая плотную пелену. Лучано это почти увидел. И саму преграду, и как острый кинжал из странного тёмного металла с трудом её испарывает. Ледяной порыв ветра хлестнул его по лицу. Жалобно заржали кобылы. Вальдерон кинулся к ним и вовремя поймал свою лошадь, а потом белую арлезийку. Гнедые Лучано тоже забеспокоились, но меньше, а вокруг творилось что-то непонятное и оттого жуткое. Ветер дул разом со всех сторон. Холодный, и почему-то пахнувший цветами. Странно знакомый запах, смолистый такой и вместе с тем сладкий...

«Вереск! – понял Лучано. – Как будто целое поле рядом!»

Он вдохнул полной грудью... И всё прекратилось. Только Пушок, подняв голову, задрал нос и сосредоточенно принюхался, а потом пару раз слабо вильнул хвостом и опять успокоился.

Магесса посмотрела огромными испуганными глазами и прошептала:

– Ушли. Они просто ушли. Разве... так можно?

Бастардо звучно скрипнул зубами – Лучано оценил его выдержку! – и очень ласково сказал:

– Конечно можно. Они ведь ушли, правда? Теперь всё хорошо?

– Ага, – растерянно согласилась невероятная синьорина. – Я только не поняла, почему они... почему они называли меня королевой? Сказали: «Спасибо, ваше величество»... Перепутали что-то, наверное.

– Наверное, – согласился бастардо.

Снова спешил, уже без опаски переступил границы звезды и осторожно подхватил магессу на руки, деловито поинтересовавшись:

– Карвейн?

Та в ужасе замотала головой, так что длинные косы хлестнули Вальдерона по плечам.

– Нет! Всё хорошо! И поставь меня немедленно, слышишь?

– Обязательно, – согласился тот. – Вот сейчас найду чистое место – и поставлю! Фарелли! Вас не затруднит взять лошадей?

– Нисколько, синьор!

Лучано прыгнул на обочину, выбрав местечко посуше, собрал поводья кобыл в каждую руку. Успел подумать, что колодцы в деревне остались – куда бы им деться. И чистый дом с печкой наверняка найдётся...

Бастардо, шагающий впереди, словно споткнулся, замер на ходу, а потом осторожно опустил девицу на землю. Положил ладонь на рукоять секиры. И тут же её снял. Глубоко вдохнул и выдохнул:

– Благие Семеро!

Лучано его, в общем, понимал. Об этом призраки почему-то не предупредили. Может, уже не считали дела живых своими, кто знает?

Но в нескольких шагах от их маленького отряда из-за невысокого крепкого забора выглядывали две светловолосые головёнки. А за спиной ребятишек – лет пяти-шести, не больше – сгорбилась высокая

худая старуха, совершенно седая и морщинистая, как печёное яблоко. Она глядела исподлобья и, насколько видел Лучано, прижимала к себе детей. Третий малец, ещё меньше этих, всего лет трёх, вывернулся откуда-то у неё из-за спины. Старуха не успела его поймать, и мальчишка, путаясь в рубашонке, пролез между кольями забора, кинулся к Вальдерону, вцепился ему в высокий кавалерийский сапог и звонко завопил:

– Папа... папа пришёл!

Ошалевший бастардо замер, боясь шагнуть и даже пошевелиться. А старуха низко поклонилась, ухитрившись не задеть забор, и торопливо проговорила:

– Прощенья просим, ваша милость. Маленький он ещё. Спутал. Отец у него на вашу милость похож был.

– Чем... похож? – не нашёл ничего умнее спросить Вальдерон, и старуха, оттолкнув мальчишек постарше, выскочила из-за забора, на бегу объясняя:

– Лесорубом он был. Высокий, да с топором. И борода, как у вашей милости. Прощенья просим.

Наклонившись, она ловко оторвала мальчишку от сапога бастардо. Тот немедленно заревел и начал рваться из рук, но старуха так же бегом понесла его обратно за забор, крепко прижимая к себе и бормоча просьбы о прощении.

– Да погодите! – окликнул её бастардо. – Как же вы живы остались?! И что, только... вы?

Старуха обернулась у самого входа в низенький грязный домик, почти хижину. Настороженно замерла, словно решая, безопасно ли будет юркнуть туда и затаиться. Но поняла, что не выйдет. Снова глянула исподлобья и глухо сказала:

– Да вот... живы. То ли Претемнейшая смиловалась, то ли Баргот побрезговал. От всей нашей деревни... Я да эти... малые. Не обессудьте, ваша милость, а принимать вас нечем. Разве что по домам пройдите, поищите, где-то еда и осталась, может. Эти-то... свежину ели, припасы им наши без надобности оказались.

По виду синьорины Айлин можно было подумать, что она вот-вот разрыдается снова. И нельзя сказать, что Лучано её не понял бы! Пусть он давно перестал считать чужую смерть чем-то особенным, но было что-то невыносимо, до тяжёлого кома в горле отвратительное в такой смерти – несправедливой и донельзя бессмысленной!

– Как же вы останетесь одни? – помолчав, спросил бастардо, пока старуха запихивала ребятишек в дверь и накрепко закрывала её.

Сама она осталась снаружи, всё так же глядя со смесью настороженности и неприязни. Худые костлявые руки с узловатыми суставами комкали грязный передник. И было совершенно понятно, что от странных путников здесь не ждут ничего хорошего.

– А куда нам податься? – буркнула старуха. – В городе мы никому не нужны, разве что милостыню у храма просить – так там и своих нищих довольно. Вот чего в Гредоне точно в достатке...

– Но есть и другие деревни! – всё ещё не понимал Вальдерон.

Старуха поглядела на него, как на умалишённого, и Лучано негромко сказал, удивляясь, что приходится объяснять такие простые вещи.

– Дети ещё слишком малы, синьор, а она стара. Никто не станет кормить чужой рот, если к нему не прилагается пара крепких рук. Местный грандсиньор не выделит землю семье, где трое детей и ни одного мужчины. Здесь, правда, пустой земли осталось вдоволь, но её нужно обрабатывать. Нужны лошади, скот, а главное – много сил.

– Но не оставаться же им здесь! Ладно – летом, но ведь зима наступит!

Старуха медленно покивала, а потом снова заговорила равнодушным скрипучим голосом:

– Я-то что, пожила уже своё, а их жалко. Хоть и неродные. Мои все в поле были. Двое сыновей с невестками, внуки... А этих соседка привела, попросила присмотреть, пока мужу обед отнесёт. Я как увидела, что творится, в охапку их – да в подпол. А он у нас глубокий, муж покойный копал, чтобы сыр в холоде хранить. Закрылись и сидим. Слышим только – крики наверху. День сидели, потом всю ночь – выйти всё боялись. Вот я и думаю сейчас, может, лучше бы я в том подполе осталась? Потерпела бы немного, да и догнала всех своих в Претёмных Садах. Вот если б не эти... малые... так бы и сделала. А жалко... Ничего, что чужие, они ж не виноваты, что живы остались. Нет у меня теперь никого роднее... Умру – что с ними будет?

Лучано увидел, как широкую спину и мощные плечи Вальдерона повело и передёрнуло. Что ж за день такой неудачный? Всё по больному месту. Он покосился на притихшую магессу. Та засыпала стоя, глаза явно слипались. Немудрено после стольких магических подвигов. Как ещё на ногах держится?

– Давайте расседлаем коней, синьор? – тихо предложил он. – Синьорине Айлин нужно отдохнуть, а я бы приготовил еду.

– Да, всё верно, – тяжело сказал бастардо и спросил у старухи: – Где тут можно устроиться на ночлег?

– Да где хотите, – отозвалась та и добавила с чудовищной прямоотой: – Только поищите дом, чтобы покойников не было. Вон, к старосте можете заехать, его дом по улице чуть дальше, сразу увидите. Там у калитки двоих порвали, самого старосту да дочку его, но вы ж молодые, сильные, уберёте. Это мне не по силам, а то сами туда ночевать ушли бы.

Лучано услышал, как бастардо скрипнул зубами, а потом очень ровно сказал:

– Я уберу. Фарелли, побудьте с Айлин.

– Ал, – вздохнула магесса, прислоняясь к его плечу. – Я же некромантка. Я покойников столько видела! И в таком состоянии! Подумаешь, два трупа шестидневной давности. И даже не очень тепло было, так что ничего страшного. Пойдём вместе, вы уберёте, а я лошадей подержу.

«Что за девица! – в немом восхищении подумал Лучано. – Неужели у них там все такие? Или это только нам повезло? Ни визгов, ни капризов, держится, как опытный боец. Что бы из неё дальше выросло? Претемнейшая, до чего жалко...»

Вернувшись в сёдла, они проехали дальше по улице и вскоре увидели обещанный дом. Среди прочих он выделялся величиной, да и соломенная крыша казалась попышнее и поновее. Наверное, внутри найдутся и крепкие лавки, и одеяла, и кухонная утварь. Готовить в одном котелке всё-таки поднадоело.

На два тела, изломанными куклами лежащие у забора, он глянул с лёгким спокойным сожалением. Не повезло, что уж говорить. Но если рвать себе сердце из-за каждого чужака, так и с ума сойти недолго.

Бастардо непререкаемым тоном велел магессе побыть с лошадьми, и та, к удивлению Лучано, не стала спорить. Покорно взяла недоуздки и ждала, пока мужчины унесут мертвецов, а потом спешила и завела кобыл в ворота скотного двора.

Лучано помог Вальдерону оттащить оба трупа подальше, безгласно потряс в воздухе кистями рук, хотя прикоснулся только к обутым ногам мертвецов. И не смог не подумать, что стоит теплу вернуться, как деревня превратится в зловонный ад. Ещё и болезни могут вспыхнуть, они любят подобные места.

– Сколько же здесь покойников, – пробормотал о том же бастардо. – Надо бы их похоронить...

И осёкся. Оба понимали, что копать могилу для стольких тел – непосильная задача для двоих. Во всяком случае, очень долгая.

А потом, всё так же не сговариваясь, они посмотрели на дом старосты, молчаливо темнеющий в наступивших сумерках.

Лучано шагнул к деревянному крыльцу и замер, изумлённо чувствуя, как откуда-то изнутри поднялось невыносимое отвращение. Несправедливо и до ужаса глупо! Ведь дом свободен и больше никому не принадлежит, да и они не возьмут ничего! Разве что проспят одну ночь в тепле!

– Ал... Синьор... то есть Лучано...

Подошедшая магесса прятала глаза, а потом тихонько попросила:

– Может, переночуем на сеновале, как и собирались? Я зашла в дом, а он... Вы не подумайте, призраков там больше нет! И никакой нечисти – тоже. Просто он такой чужой... А сеновал – вон он! Там сена полно, и оно сухое...

– Богато жил староста, – с едва различимой ноткой одобрения отозвался бастардо. – Весна уже поздняя, а у него сено ещё целое. И крыши на домах в деревне не разобранные.

Поймал удивлённый взгляд Лучано и пояснил:

– Когда молодой травы долго нет, крестьяне часто разбирают крыши на корм скотине. А здесь хоть

и бедно жили, но люди были работающие, сена запасли вдоволь. На сеновале, так на сеновале.

Лучано посмотрел на сеновал и тихо вздохнул. В стенах длинного приземистого сарая даже самый невзыскательный взгляд нашёл бы немало щелей, а крыша казалась не более надёжной, чем, к примеру, бумажная. Лучше бы в палатке ночевали. Там, правда, тесно, зато он уже и забыл, когда мёрз ночами. А стоит представить, какие сквозняки гуляют по этому се-но-валу, как тут же становится зябко! И это если забыть, что солома имеет неприятное свойство колотиться и набиваться в одежду. К тому же крысы...

Впрочем, на фоне всего остального, крысы – это уже не стоящие внимания мелочи, если, конечно, синьор Пушок не примет их за дичь и не начнёт гонять по всему се-но-валу с грохотом, сделавшим бы честь любому табуну коней – в точности, как это делают кошки мастера Ларци.

С другой стороны, если выбирать между сеновалом и мёртвым домом, лишившимся хозяев... Ладно, это будет интересный опыт!

– Тогда устраивайтесь, – предложил он. – А я наберу воды и поставлю вариться ужин. Кстати, нашёл у себя в сумке кусок копчёного сыра, о котором совершенно забыл! Тащил его от самой Дорвенны, это же надо иметь настолько дырявую голову! Но всё к лучшему, зато на ужин у нас будет сырный суп. Что может быть лучше горячего супа после долгого тяжёлого дня, м?

Он болтал без умолку, не выходя из роли весёлого шута и с радостью наблюдая, как с лица магессы исчезает выражение загнанного зверька, да и у бастардо глаза теплеют. Ещё не летнее небо, но уже и не вода в полынье. А день и правда выдался тот ещё. Эх, им бы сейчас всем в купальню! А потом хороший массаж по всем правилам целительской науки...

– Будь мы сейчас в Верокье, – понизил он голос, наблюдая, как синьорина Айлин удаляется в сторону сеновала, – я бы позвал пару-тройку гулящих девиц.

– Зачем? – выдавил бастардо, глядя на него со священным ужасом. – То есть я понимаю, зачем они, но...

– Вы только представьте, синьор Вальдерон! – сказал Лучано, держа лицо непроницаемым. – Две или три прекрасные девушки готовят вам ужин, поливают на голову в купальне, разминают плечи... Потом укладывают в постель... Укрывают одеялом... – Он сделал тщательно рассчитанную паузу и закончил драматическим шёпотом: – А потом уходят подальше! Как можно дальше! И не возвращаются до самого утра, а лучше – ещё неделю!

Несколько мгновений Вальдерон смотрел на него в полном изумлении, Лучано уже почти уверился, что шутка провалилась, но потом глаза бастардо блеснули, и он негромко, но искренне рассмеялся. А просмеявшись, глянул уже совсем иначе, окончательно оттаявшим взглядом, и сказал:

– Да ну вас... Я же и в самом деле подумал! Фарелли, вы вообще бываете серьёзным?

– Зачем? – улыбнулся Лучано. – Скучного и страшного в жизни и без меня хватает. Но если всё хорошо, зачем быть серьёзным? А если всё плохо, шутка тем более не помешает, пусть хотя бы чуть веселее станет.

– Я над этим поразмыслю, – задумчиво пообещал Вальдерон и, развернувшись, пошёл к конюшне.

Так-то лучше... Ну и где у них здесь колодец, м? Пройдя единственную улицу деревни до конца, Лучано не нашёл ничего похожего и, вернувшись, постучал в дверь единственного обитаемого дома.

– Колодец? – проскрипела старуха, уяснив, что ему нужно. – Он вам не пригодится, ваша милость. Я за водой к ручью хожу, это во-о-он там!

Она махнула рукой в сторону небольшой рощицы, которая в сумерках выглядела на редкость зловеще.

– А с колодцем-то что? – уточнил Лучано.

Старуха пожевала морщинистыми губами, потом нехотя отозвалась:

– Жена старосты в нём плавает. Уж не знаю, то ли с перепугу туда прыгнула, то ли думала отсидеться, да забыла, что весной вода высокая. Не вытащить её никак. А и вытащить – вода не скоро очистится.

Лучано сглотнул и признал про себя, что почти неделю замачивать в колодце труп – это не самая хорошая идея для супа. Да и мыться такой водой не захочется.

– Многоуважаемый синьор Пушок, – церемонно обратился он к удивительно вовремя подбежавшему волкодаву. – Не соблаговолите ли прогуляться со мной до ручья? В вашей почтенной компании мне

будет как-то поспокойнее.

Пёс глянул на него снисходительно, но стоило Лучано двинуться в сторону рощицы, побежал рядом и немного впереди.

Вдвоём они быстро нашли упомянутый ручей. Лучано набрал воды и решил, что вот сейчас отыщет в доме старосты ведро и сходит сюда ещё пару раз. Демонов поблизости нет, раз Пушок совершенно спокоен, призраков – тоже, а если немедленно не отмыть въевшуюся в кожу и волосы вонь, он сам начнёт кусаться не хуже любой барготовой твари. Надо же было этой несчастной дуре так неудачно утопиться! Ещё вопрос, что хуже: чтобы тебя быстренько загрызли демоны, или долго захлёбываться в ледяной колодезной воде, видя круг света над головой.

Лучано вспомнил реку, где едва не утонул, передёрнулся и подумал, что лично он предпочёл бы демонов.

Уже в полной темноте он натащил воды в большую бадью, что обнаружилась на скотном дворе, и задумался, как сельчане греют воду для мытья. Ни одного котла поблизости не видно! И в чём моются? Неужели даже в доме старосты нет хотя бы бадьи?

Откуда-то вывернул Вальдерон, отчаянно пахнувший теперь не только гарью, но и лошадьми, из чего Лучано сделал вывод, что кобылы сыты, вычищены, и им разве что колыбельную на ночь не спели. А может, и спели, кто знает.

– Придётся мыться холодной, – сказал он вслух, надеясь, что благородный синьор подскажет что-нибудь дельное.

Но тот беззаботно поболтал в воде рукой и удивился:

– Разве холодная? Отличная водичка для весны!

«Это он всерьёз, – понял Лучано, глядя, как бастардо деловито тянет с могучих плеч рубашку. – Не издевается и даже не мстит за все мои шутки. Они тут просто все такие... устойчивые к холоду!»

– Ой, водичка! – раздался звонкий голос синьорины Айлин.

Ожившая магесса тоже попробовала воду рукой и просияла:

– Ух, какая прохладная, прелесть! Чур, я после тебя, Ал! Синьор Лучано, вы ведь не против? А у вас там суп кипит... И пахнет!

«Действительно, – вздохнул Лучано. – Что им какие-то демоны? Эту страну не уничтожить и не покорить! Банков у них нет, видите ли! Зато принц и грандсиньорина могут вымыться в воде, от которой у меня, бедняги, даже волосы замёрзнут! Не говоря уже об остальном... Да если только Баргот сюда явится – сам сбежит в ужасе!»

Много позже, уже согревшись горячим супом, а потом и шамьетом, он влез на сеновал, надеясь, что после такого купания не заболит снова. Глаза неумолимо слипались, и даже если в сухом колючем сене водились крысы, Лучано был согласен разделить с ними сеновал. Жёсткая труха кололась, лезла за шиворот, но Лучано свернулся на расстеленном плаще, подложил под голову свёрнутую куртку. Вокруг было темно, только слышалось, как ворочается Вальдерон. Что-то с ним творилось не то, и Лучано приказал себе завтра же попытаться вызвать бастардо на разговор. Магесса спала тихо: ни движения, ни дыхания. Замучилась, бедная.

Лучано закрыл глаза и оказался где-то в тёплом и потому на редкость приятном месте. Наверное, это охотничья сторожка, где он болел. В окно, слегка подёрнутое инеем, было видно, как в сугробах кувыркаются безумные дорвенантцы со своим не менее безумным псом. Синьорина Айлин и Пушок завалили Вальдерона, который от смеха не мог им сопротивляться, и с двух сторон его закапывали. Из-под девичьих ладоней и собачьих лап летел снег...

Было мучительно сладко наблюдать за этим и так же больно понимать, что он упустил свой единственный шанс присоединиться к веселью. Вряд ли у него получится дожить до следующей зимы. А у магессы это тем более не выйдет. И даже если каким-то чудом она останется жива, что за дело будет ей и наследнику трона до наёмного убийцы, оказавшегося их случайным спутником. Кто он такой, чтобы разделить с ним не только дорогу и опасности, но счастье, редкое и поэтому воистину драгоценное.

«А я никогда не кувыркался в снегу, – подумал Лучано, уже засыпая, но жадно ловя каждый миг воспоминаний. – Ужас, конечно, если смотреть со стороны. Холодина – бр-р-р-р! Но я бы рискнул. Ну, хоть разок. Просто чтобы понять, каково это: веселиться с людьми, от которых не ждёшь ножа в спину или яда в стакан, как от своих же братьев-Шипов. С людьми, которые смеются тебе в ответ и просят прощения, если думают, что обидели. По-настоящему просят, вот ведь какая штука! А

синьорина зовёт меня по имени... И правда, какой этикет, если он ей никогда больше не понадобится? Это живым нужно соблюдать тысячи правил, просто чтобы оставаться живыми как можно дольше. Но если ты знаешь, что вот-вот погибнешь, то... ты вроде как уже мёртв. А мёртвым можно вообще всё! Вот Айлин – красивое имя, всё-таки! – вот Айлин и ловит каждое мгновение как последнее. И если ещё подумать, то чем я от неё отличаюсь? Ну, разве что срок свой не знаю так точно. И всё-таки живым королева Беатрис меня не отпустит, а значит... Значит, мне тоже можно всё. Какая странная и великолепная мысль. Ещё бы только придумать, что именно? Вот завтра и подумаю над этим», – очень рассудительно успокоил он себя и окончательно провалился в снег, который теперь был везде.

Снег был тёплый, какой-то колючий, но очень душистый. «Вереск, – понял напоследок Лучано. – Сено пахнет вереском, наверное, на холмах косили... Где-то я этот запах уже слышал... Нет, не помню. Ну и ладно...»

Глава 3

До зверя Перлюрена

Утром Аластор обнаружил, что у него под боком спит, свернувшись котёнком, вчерашний мальчишка. Грязное личико во сне светилось таким счастьем, что Аластор замер, не решаясь встать. Глупо, конечно! Всё равно придётся уезжать, а мальчишка останется в мёртвой деревне, и неизвестно, какова будет его судьба. И вообще, это всего лишь крестьянин, простолюдин! Их везде, как грязи, не стоит и приглядываться...

«Папа! Папа!» – вспомнилось и резануло где-то внутри неожиданной болью. Старуха сказала, что он похож на погибшего отца этого малыша. Отца, который уже никогда не вернётся. Но что Аластору с этим делать? И можно ли вообще сделать что-нибудь для этих людей?

Фарелли правильно сказал, что в другой деревне они вряд ли найдут приют. Слишком беспомощные. А время идёт. Поля то ли вымерзли, то ли ещё не были засеяны, одинокой женщине с детьми обработать надел не по силам, да и скота в деревне не осталось. А значит, им нужно просить помощи у своего лорда!

Аластор вспомнил карту и невольно нахмурился. Гредон и его окрестности – земли Сазерлендов. Но их, кажется, проехали. А чей майорат здесь, он не помнил. Ладно, старуха-то должна знать, кто её господин!

Он осторожно отполз от мальчишки, стараясь не потревожить, и спустился с сеновала. Айлин ещё спала, зато Фарелли обнаружился внизу. Сидя на колоде для рубки дров, он ловко чистил какие-то корешки и болтал со старухой, которая ошипывала здорового гуся.

– Я и не думал, что в деревне птица осталась, – удивился Аластор.

Старуха, до этого спокойно говорившая с итлийцем, сжалась в комок, уже привычно для Аластора глянула исподлобья и замолчала, только руки её всё так же быстро мелькали, обдирая перья.

– Гуся изволил добыть и принести синьор Собака, – пояснил Фарелли. – Здесь озерцо маленькое за рощицей, вот он туда утром и прогулялся. А дальше, в полудне пути, есть озеро большое. Сударыня Грета говорит, что оно как раз по дороге на юг.

Грета, значит? Аластор слегка позавидовал умению итлийца молниеносно сходить с кем угодно, даже с этой то ли запуганной, то ли просто нелюдистой крестьянкой. Ну да, стоит вспомнить, как синьор Паскуда втёрся в отряд к ним самим!

Старуха тем временем подхватила недоошипанного гуся и, косясь на Аластора, буркнула:

– Пойду печь растоплю, нечего ей без дела стоять. Прошу прощения у вашей милости.

И ушла, забрав гуся с собой.

– Почему она меня боится? – спросил Аластор, не особо рассчитывая на ответ, но итлиец охотно пояснил:

– Чует благородную кровь, синьор. Вы ходите и говорите совсем иначе, не как деревенский люд. Шпагу снять можно, а вот манеры – нет.

– Ну и что? – продолжал удивляться Аластор. – Я же часто приезжал в свою деревню, там никому в голову не приходило меня бояться. Наоборот, все радовались!

Итлиец посмотрел на него с непонятым сожалением, а потом вздохнул и мягко, словно несмышлёнышу, сообщил:

– Немного зная вас, благородный синьор, я предполагаю, что вы вели себя с присущим вам великодушием. Не раскладывали деревенских девок, а то и невесту прямо на свадьбе, не пороли парней за то, что вовремя не отскочили с дороги. Наверное, не топтали посевов, охотясь рядом с полями. И суд, пожалуй, вершили справедливый?

– Что? Ну разумеется! – возмутился Аластор, краснея. – Да мне бы в голову не пришло вот это всё... что вы говорите! Отец меня учил, что мы не только хозяева своим людям, но их первые защитники!

– Исключительно достойный человек ваш отец, – уважительно склонил голову Фарелли. – Но... Как бы это сказать... Один высокородный синьор другому не ровня. В этой деревне людей золотой крови боятся, как огня, из чего я делаю вывод, что местный господин не отличается вашей добротой. Да и

живут здесь победнее, чем ваши люди, м?

– Это так, – признал Аластор, снова оглядевшись. – В наших землях у многих зажиточных крестьян дома и подворья не хуже, а здесь только у старосты. Да и деревня грязновата, хоть и не совсем нищая. На самое необходимое, видно, хватает, а вот спину разогнуть и сделать свою жизнь хоть немного краше...

– Для этого уже и силы нужны, – подхватил итлиец, – и лишняя монетка в кармане. Чего здесь и близко не видно. Я тут поговорил с бедной женщиной, так она, уж простите, благородный синьор, о своём хозяине слова доброго не сказала. Скрыга, по её словам, такой, что рыбьей чешуи не выпросишь.

– А у нас говорят «снёга зимой», – хмыкнул Аластор. – Но я понял. На своего лорда бедолага не надеется? Вот что, Фарелли, позовите её, будьте любезны. И постарайтесь успокоить.

Кивнув, наёмник встал и ушёл. Аластор рассеянно потрепал подошедшего за лаской Пушка и подумал, что решать опять придётся самому. И снова идти по той грани, за которой его поступок могут очень сурово осудить. Вообще-то, он сейчас собирался совершить одно из самых некрасивых дел для дворянина, причём сурово осуждаемое законом.

– Слушай меня внимательно, добрая женщина, – сказал он, когда старуха вернулась вместе с итлийцем и, подойдя, замерла перед Аластором, комкая передник. – Ты когда-нибудь бывала на севере за Дорвенной? Или хоть в самой Дорвенне?

– Откуда мне, ваша милость?

– Ну, значит, придётся, – вздохнул Аластор. – Здесь вам оставаться нельзя, не демоны вернутся, так неурожай доконает. Разве что, в самом деле, попросишь помощи у своего лорда, а?

Старуха ниже склонила голову и так упрямо поджала губы, что стало ясно – на милосердие хозяина она не рассчитывает.

– Тогда уходите, – тяжело уронил Аластор, внутри ёжась от того, что совершает.

Сманивает чужую крестьянскую семью! Законное имущество местного лорда! Хоть Правда Дорве Великого и признавала за крестьянами возможность сменить господина, но делалось это иначе! Благородным лордам следовало сначала договориться между собой и выплатить законную компенсацию за потерю рабочих рук! А не вот так, за глаза!

Старуха тоже поняла, что происходит неладное, потому что воззрилась на него с недоумением, даже голову подняла.

– Идите по большому тракту до самой Дорвенны, – сказал Аластор медленно, чтобы крестьянка его поняла. – Вам бы лошадь с повозкой, но ведь отнимут. А так потихоньку проскочите. Ничего, что медленно, мир не без добрых людей, может, и подвезут. Но в столицу не ходите. Обогните её и идите по северному тракту до городка Вальдро. Слышала о таком?

– Слышала, – неожиданно ответила старуха. – Муж мой ещё молодым добрую лошадь оттуда привёл для хозяйства.

– Ну, слава Благим, – усмехнулся Аластор. – Выбраковку взял, наверное... Ладно, неважно! Как доберётесь до земель Вальдеронов, которые под Вальдро, иди в любую деревню прямо к старосте. И говори, что младший лорд Аластор велел о тебе позаботиться. Пусть найдёт вам жильё и выделит из общинных денег вдовью долю и три сиротских, как положено. У нас голода точно не будет. А я вернусь – и спрошу с него, если крутить начнёт. Поняла, Грета? Земли Вальдеронов под Вальдро. Младший лорд Аластор Вальдерон. Приказал позаботиться как о своих людях.

Старуха долго смотрела на него, пытаясь осознать сказанное, потом беспомощным движением подняла морщинистую руку к губам, словно прикрывая рот, и ахнула из-под ладони:

– Так это что же! Ваша милость... То есть ваша светлость?!

– Моя, – устало подтвердил Аластор. – Моя светлость, он самый. Собирайтесь в дорогу, чем быстрее, тем лучше. Еды здесь набрать сможете?

Про себя он подумал, что надо бы дать старухе денег. Может, купит по дороге место в повозке для себя и ребятишек. Но денег осталось так мало, что каждая монетка на счету.

Грета закивала, и Аластор с удивлением подумал, что запомнил её имя. И, кажется, надолго. Ну, если Всеблагая Мать будет милостива, а Странник подарит немного удачи, эти бедолаги доберутся до его земель, а там уж не пропадут.

– Соберём... – отозвалась старуха, глядя на него с благоговейным ужасом. – А я вот гуся думала... Для вас, ваша... светлость...

– Гусь – это хорошо, – кивнул Аластор и повернулся к итлийцу, молча слушающему их разговор. – Фарелли, отдайте доброй женщине, что у вас там, и пойдёте со мной.

Он вышел на улицу, оглядел мёртвую деревню, передёрнулся и обернулся к неслышно подошедшему наёмнику. Глубоко вдохнул и выдохнул, а потом глянул в чуть прищуренные внимательные жёлто-зелёные глаза.

– Синьор Фарелли, есть одно дело. Приказывать в нём я не могу, поскольку ни вас, ни поручения королевы оно не касается. И дело, честно говоря, премерзкое...

Он невольно глянул в ту сторону, куда они с итлийцем вчера отволокли трупы старосты и его дочери. Потом посмотрел вдаль по улице. Десятка три домов! И в каждом непогребённые тела. Души, положим, Айлин отпустила, но всё равно это неправильно! Когда ещё сюда доберутся люди, узнав, что случилось с деревней? И всё это время тела будут гнить, источая зловоние и приманивая заразные болезни. А если ещё нежить встанет?!

Фарелли проследил за его взглядом и с удивительной проницательностью заметил:

– Мы ведь не сможем их всех похоронить, м? Копать могилы – занятие долгое.

– Я думаю об огненном погребении, – признался Аластор. – Собрать все тела в одном доме и... Даже если огонь перекинется на остальные, ничего страшного. Пусть хоть вся деревня выгорит – чище будет на этом месте. Но один я не справлюсь, а просить мне больше некого.

– Перчатки нужны, – деловито сказал Фарелли, снова оглядывая безмолвные жуткие дома. – Хорошие прочные перчатки. Трупный яд – отвратительная штука! Одна незаметная царапинка – и не всякий маг-целитель спасёт, а у нас их и вовсе нет под рукой. Куда носить будем? Дом нужен попросторнее.

– Так вы согласны? – с облегчением выдохнул Аластор. – Фарелли, мне, право, неудобно!

– Благородный синьор Вальдерон, – улыбнулся итлиец. – По моему скромному опыту «неудобно» – это когда вы только легли с дамой, а тут её муж вернулся. Исключительное неудобство может получиться! Особенно, если у неё балкона нет! А в вашей просьбе всё вполне разумно, потому что таскать покойников парой гораздо удобнее, чем в одиночку. Но перчатки! Непременно перчатки! Чужие, чтобы сжечь их потом. И лицо чем-то замотать надо. А потом, пожалуй, придётся нагреть воды и вымыться, потому что к концу работы от нас так будет смертью нести – лошади к себе не подпустят.

– Вы совершенно правы, – ошеломлённо кивнул Аластор.

К благодарности за то, что Фарелли так легко согласился, примешивалось изумление, как быстро итлиец сообразил, что им понадобится. Словно всю жизнь трупы таскал! Хотя он же наёмник... И очень опытный, похоже. Стоит поблагодарить её величество Беатрис при встрече за такую услугу.

Мысли о королеве никакого удовольствия не доставляли, но помогли немного отвлечься от того, что им предстояло. Фарелли исчез и примерно через четверть часа вернулся с двумя парами кожаных перчаток. Ещё итлиец принёс два простых полотняных платка, одним из которых сноровисто замотал себе лицо. Аластор старательно его скопировал. Отец всегда говорил, что если человек умеет что-то делать лучше тебя, стоит у него поучиться!

А потом они начали, и Аластору показалось, что он при жизни попал во владения Баргота. Как-то вот так он их и представлял. Не кипящие котлы с душами, не ледяные пустыни, а тяжёлая тошнота от непрерывной мерзости, которая никак не заканчивается. Они носили тела мужчин и женщин, стариков и детей. Окровавленные, разодранные на куски, что свешивались до земли, с изуродованными лицами, которые уже тронуло разложение. Грязная кровавая одежда не скрывала ничего, и Аластору пришлось мгновенно забыть стыд перед чужой наготой. Впрочем, испытать что-то, кроме отвращения и тягостного сочувствия, он всё равно не смог бы.

Тела, тела, тела... Они стаскивали их и складывали в дальней комнате дома старосты, потом, когда свободное пространство на полу закончилось, и покойники лежали омерзительной грудой, перешли в другую комнату. Третья осталась почти свободной.

Аластор хотел вытереть лоб, покрытый гадким холодным потом, но вовремя опомнился. Подошёл к колодцу...

– Не надо! – окликнул его Фарелли. И со вздохом добавил: – Там тоже тело, меня вчера предупредили. Но его мы вряд ли сможем вытащить, да и вода всё равно испорчена.

- Надо, - буркнул Аластор, сдирая мешающую повязку с лица.

Холодный свежий воздух обжёг кожу, и сразу почувствовалось, что он действительно пропах смертью, как метко выразился итлиец. У этой смерти был запах крови, грязи, страха и отчаяния. Ну и гнилой плоти уже, разумеется.

- Надо, - повторил он упрямо. - Не знаю, станут ли здесь жить люди, но путники могут заехать. Или кто-то приедет из города, чтобы разобраться. Да и Всеблагая Мать гневается на тех, кто оставляет родники и колодцы отравленными. Это... неправильно. Пусть это не моя земля, но я должен сделать для неё то, что могу.

- Я же не спорю, синьор, - мягко сказал итлиец. - Просто не понимаю, если честно, как вы собираетесь это устроить. Прошла почти неделя. Тело этой несчастной уже очень, очень плохо выглядит. Его не верёвкой, а сетью доставать надо, иначе на куски распадётся.

- Значит, сетью достанем, - выдавил Аластор.

Представил, что там плавает в тёмной ледяной воде, и его затошнило. Но если взялся - отступить нельзя. Нет, можно, если ты вдруг сам понял, что был неправ! Но не потому, что решил - и не справился.

- Синьор, надеюсь, вы не собрались туда лезть? - ещё мягче, почти вкрадчиво поинтересовался Фарелли. - Восхищаюсь вашей отвагой, но прошу этого не делать. Умоляю!

- Иначе - что? - огрызнулся Аластор. - Как вы меня заставите передумать?

В глазах Фарелли промелькнуло что-то нехорошее, словно он всерьёз прикидывал, получится ли дать строптивому спутнику по голове, например. Точно такой взгляд был у шулера, которого Аластору месьор д'Альбрэ однажды показал в кабаке. Очень выразительный взгляд, быстрый и оценивающий. Аластору даже захотелось сделать пару шагов назад. Но там как раз и была каменная кладка колодца.

- Заставлять вас? Ну что вы? - одними губами улыбнулся итлиец, а глаза у него вдруг стали непроницаемыми. - Если вам непременно хочется спуститься в этот барготов колодец, я вряд ли смогу вам помешать. Подумаешь, вода, в которой уже неделю настаивается труп, отравляя её! У вас ведь наверняка на теле ни малейшей царапинки после вчерашней драки, правда? А если даже вы свалитесь в лихорадке и не сможете продолжить путь, у Дорвенанта найдётся ещё дюжина принцев, чья кровь способна закрыть дыру к Проклятому. Не так ли, м?

- Чтоб вас, Фарелли! - с бессильной злостью сказал Аластор, понимая, что проиграл. - Ладно, я болван! Но я не могу просто уйти и оставить...

- Ал?

Они разом повернулись на голос Айлин - Аластор, до боли сжимающий кулаки, и невозмутимый внешне итлиец. Магесса неуверенно улыбнулась и сделала к ним шаг. Перевела взгляд на колодец, нахмурилась.

- Что случилось? - спросила она и потёрла лоб ладонью. - Я чувствую... некротические эманации. Такие сильные!

- Это от дома, наверное, - виновато сказал Аластор. - Мы решили сжечь в нём трупы. Все тела, что нашли.

- Ну и правильно, - кивнула Айлин и опять глянула на колодец. - А там - тоже тело? Его ведь нужно вытащить, я верно понимаю?

- Именно, прекрасная синьорина, - поклонился итлиец и подло выдал Аластора: - И потому наш отважный синьор собрался туда спуститься.

- Зачем? - поразились Айлин. - Ал, это же опасно! А я уже отдохнула. Покойник сейчас сам вылезет, на это у меня сил хватит.

- Сам? - с трудом выговорил Аластор, а Фарелли заметно побледнел.

- Ну да, - кивнула магесса. - Конечно, я не буду призывать душу! Просто анимирую его на время. Это совсем другое! Всё равно, что куклу сделать. Знаете, бывают такие куклы на верёвочках! Итлийские, кажется.

- О да... - со странным выражением лица согласился Фарелли. - Марионетти. Наша любимая... забава. С людьми так тоже можно?

– С живыми – нет. Я ведь не белый маг, чтобы управлять разумом. А тело – это просто тело. И помолчите, – нахмурилась синьорина. – Это сложно, мы ещё этого не проходили. На обычных занятиях, я имею в виду.

Она осеклась, и Аластор заподозрил, что здесь опять не обошлось без блистательных лордов Саймона и Дарры. Может, стоит поговорить с ними? Некромантам, конечно, виднее, чему учить Айлин. Однако если они дают ей запрещённые или преждевременные знания... Вдруг это опасно?!

Он думал, что Айлин будет чертить звезду, как вчера, призывая Претемнейшую, но она просто достала кинжал и написала что-то в воздухе его остриём, не вынимая из ножен. Письмена на миг вспыхнули густо-фиолетовым и тут же погасли. А на лбу Айлин выступил пот. Не отрывая взгляда от колодца, она протянула к нему другую руку, пошевелила пальцами...

У Аластора мороз прокатился по спине. Это была его Айлин, родная, милая, и в то же время что-то совершенно чужое смотрело из её глаз. Древнее, зловещее, опасное. Впервые в жизни он понял, почему некромантов боятся.

Губы Айлин шевельнулись, и вдруг над колодцем что-то показалось. Тёмная масса приподнялась ещё раз, и Аластор понял, что это волосы. Макушка, полурасплетённые косы, одутловатое лицо с тёмными пятнами и слепыми мутными глазами. Мёртвая женщина выбиралась из зева колодца, как нелепая жуткая кукла, Айлин смотрела куда-то мимо неё, покачивая пальцами. Аластор отступил, услышал рядом и немного позади шумный выдох итлийца. Тошнота подступила к горлу, и он сдержал её немыслимым усилием. А ещё думал сам лезть в колодец!

Покойница неуклюже перевалилась через край каменной кладки и грязной скользкой кучей осела на землю. И тут же Айлин всхлипнула и бросилась к забору, зажимая рот ладонью, а спустя мгновение оттуда послышались кашляющие звуки.

Аластор сглотнул, не представляя, как вообще взять вот это! Не за ноги и плечи ведь, как прочих мертвецов?!

– Схожу за рогожей, – раздался бесцветный голос Фарелли, и Аластор преисполнился к нему почти восторженного уважения. – Где-то я видел достаточно большой кусок.

Потом они молча мылись водой, которую Аластор притащил от ручья – сразу два больших кожаных ведра. Айлин подогрела её в кадushке магией, и Аластор отправил итлийца отмываться первым, а сам сходил к ручью ещё раз – пары вёдер им бы явно не хватило. Фарелли накапал в воду какого-то зелья с резким травяным запахом, и только тогда Аластору полегчало, а тошнота отступила.

Они даже поели гусятины, которой хватило на всех, потому что Грета сварила большой котелок вкуснейшей пшённой каши с птичьим мясом. Дети ели, настороженно поглядывая на чужаков, и только младший снова прилип к Аластору, вцепившись тонкими пальчиками в отворот его сапога.

– Дани, перестань! – прошипела Грета, но Аластор её остановил.

– Пусть посидит, – сказал он, роняя ладонь на голову мальчишки. – Дани... Даниэль, значит? Я запомню.

А потом вдруг оказалось, что пора, причём всем. Грета с детьми вышла из своего дома, неся за спиной мешок с какими-то скудными пожитками, и Фарелли сорвался с места. Влетел в дом старосты, возле которого Айлин с мрачным лицом перебрасывала с ладони на ладонь огненный шар размером с крупное яблоко, и пропал в нём на несколько минут. Выбежал и сунул в руки Грете кожаный мешочек, пояснив то ли спутникам, то растерянной старухе:

– Староста собирал налоги. В тайнике были.

– А откуда вы его тайник узнали? – изумился Аластор.

Итлиец посмотрел укоризненно, почти обиженно, словно нет ничего естественнее, чем в незнакомом доме, полном мертвецов, быстренько найти тайник с деньгами и выскочить оттуда, даже не запачкавшись. Словно по воздуху летел, котюра брезгливый!

– Это же крестьяне! – снизошёл он до объяснений. – Всегда или под стрехой прячут, или в подвале. В этот раз повезло, что вниз не пришлось лезть. Ну, во имя Благих!

Айлин резко кивнула и запустила в соломенную крышу дома огненный шар. Упав на потемневшую кровлю, тот покатился пылающим клубком, посыпались искры, загудело мигом взметнувшееся пламя. Фарелли улыбнулся, и в его кошачьих глазах заплескались отблески.

Грета молча поклонилась, а потом пошла по улице вверх, к выходу из деревни и тому холму, где вчера они отбивались от демонов. Прямая, высокая и похожая на высохшее дерево, мёртвое, но всё

ещё очень прочное. Трое мальчишек семенили рядом с ней, держа друг друга за руки. Подсадив Айлин, Аластор взлетел на Искру, и рядом тут же оказался в седле своей гнедой Фарелли, держа вторую в поводу.

– Подождите! – сказала вдруг Айлин.

Достав из седельной сумки потрёпанную тетрадь очень старого вида, она с превеликой осторожностью вырвала из неё пол-листика. Вытащила из ножен кинжал и остриём начертила на листке пожелтевшей бумаги несколько слов, которые тут же потемнели, словно выведенные чернилами. Держа листок в руках, пустила Луну с места в галоп, и озадаченный Аластор последовал за подругой вместе с Фарелли.

Айлин же, доехав до столба, отмечавшего границы деревни, ладонью прищёпнула к нему бумажный клочок, и тот врос в потемневшее дерево, словно выжженное клеймо.

– Я, Айлин, ад-деп-тка... – с трудом прочитал подъехавший Фарелли.

– У меня ужасный почерк, – почему-то очень грустно улыбнулась магесса. – Но те, кому нужно, разберут. Это отчёт некроманта о сделанной работе. Деревня чиста, все души упокоены, и я ручаюсь за это своим именем. Только мне всё равно не поверят, – добавила она со вздохом. – Я же на шестом курсе... была. Упокоить столько душ разом! Точно не поверят! Проверять будут. А здесь и следов нет, я же сама не понимаю, как их отпустила! Решат, что наврала из хвастовства.

– Так, может, не оставлять этот отчёт? – осторожно поинтересовался Аластор, однако глаза Айлин гордо и тоскливо сверкнули.

– Нет уж! – отрубил она. – Я сделала своё дело честно, и стыдиться не собираюсь! А кто не поверит – может обращаться в Претёмные Сады за подтверждением!

– Отчего-то мне кажется, – кротко заметил Фарелли, – что всем сомневающимся достаточно будет проехать через во-он тот холмик. После чего сомнений в силах грандсиньорины у них поубавится.

– А если не поубавится, мы засвидетельствуем, – пообещал Аластор. – Ну что, едем?

Он в последний раз глянул на граничный столб, где темнело магическое клеймо, и послал Искру в быстрый аллюр.

* * *

К небольшому озеру они подъехали на закате. Лучано по-прежнему чувствовал себя в лесу отвратительно беспомощным, поэтому не сразу сообразил, куда кинулся, проламывая кусты, Пушок. Только потом в нос ударил запах воды и сырой травы. Затем послышалось возмущённое криканье, резко оборвалось, и стало ясно, что на ужин – печёная утка. Эх, апельсинов нет! Да что там апельсины, хоть бы несколько яблок и стакан вина!

Он сглотнул слюну, с удивлением чувствуя, что проголодался. Вот что значит вторая неделя без фокаччи и булочек с корицей к завтраку. Вторая? Или уже третья? А кажется, что прошло уже несколько лет, как улицы Верокки остались где-то в немыслимой дали. Здесь, в глубине холодного и неприветливого дорвенантского леса, не верилось, что существует залитый солнцем город, где пахнет апельсинами, а тёплая вода серебрится под ажурными мостами...

Ехавший впереди по узкой тропе Вальдерон восхищённо присвистнул, следом восторженно ахнула магесса, и, наконец, Лучано увидел гладь озера. Тёмную, почти непрозрачную и окаймлённую бархатной зеленью травы, будто драгоценное, но очень старое зеркало в такой же старинной медной раме, позеленевшей от времени.

Ветви деревьев, подступивших к самому озеру, свисали над ним, затеняя воду, стебли камыша у дальнего берега казались мазками серебряной краски на чёрном опале, и если бы альвы до сих пор жили где-то, кроме острова Альба, Лучано мог бы поклясться, что это озеро – одно из их любимых владений, такая молчаливая, чарующая и почти жуткая красота царила вокруг.

Но вот тишину опять разорвало криканье, а потом кусты неподалёку заколыхались, и оттуда выломился Пушок с уткой в зубах. Принёс её к лошади Айлин, положил и, вильнув хвостом, убежал снова, чтобы вернуться через пару минут со второй. Несмотря на весну, утки были толстенькие, и Лучано подумал, что в озере должна водиться рыба. Знать бы ещё, как её ловят! Здесь в его блестящем образовании был досадный пробел, как и во всём, что касалось добывания насущной пищи мирными путями. Вот приготовить уже принесённую кем-то на кухню свежайшую рыбку – это бы он запросто!

– Исккупаться можно будет! – совершенно счастливым голосом проговорила рядом магесса. – И Пушка вымыть!

– Да и лошадям не помешало бы, – немедленно согласился бастардо.

Кто о чём, а Вальдерон о любимых лошадках. Лучано вот много чего дал бы за пару свежего белья, а придётся стирать. Причём самому! Зато теперь он точно узнает, как моют волшебных волкодавов. Грязь на спине и морде Пушка засохла и отвалилась, но пузо и лапы свалились в неприглядные серые жгуты, так что синьор Собака в мытье нуждался чрезвычайно.

– Устроим привал прямо здесь? – окликнул Лучано Вальдерона.

– Лучше отъедем немного, – предложил тот. – Иначе, как стемнеет, нас комары живьём съедят. Хотя они и так съедят, наверное...

– С этим обещаю помочь, – улыбнулся Лучано. – У меня найдётся немного гвоздичного масла, а всякая кровососущая дрянь его боится. Но палатку и правда лучше ставить подальше от воды. Сыро же.

Магесса, всё это время с вожделием глядевшая на воду, согласилась, но тут же выговорила себе право купаться первой. Потому что ей ещё волосы сушить нужно! И с таким забавно-умоляющим видом посмотрела на Лучано, что всё стало ясно без слов, а его словно погладили по спине мягкой, тёплой и пушистой лапкой. Снова запустить руки с гребнем в эту роскошную рыжую копну? О да! Всеблагая Мать, благодарю тебя за столь щедрую милость!

Они вернулись немного назад по тропе, потому что как раз перед озером проехали чудную полянку. Вальдерон расседлал лошадей, уже без всяких вопросов и предложений занявшись кобылами Лучано вместе со своими, потом ушёл за дровами, а Лучано быстро разжёг костёр из того, что смог собрать прямо на поляне. Магесса, свистнув Пушка, отправилась к озеру, и вскоре оттуда послышался её звонкий смех. Лучано прислушался, удивляясь, как далеко разносятся звуки в лесу. В городе их приглушают каменные стены домов, а здесь кажется, что озеро совсем близко, хотя до него не одна сотня шагов.

Он ощипал и разделал обеих уток, натёр их толчёными травами и пряностями, с грустью убедившись, что запасы приправ тают на глазах, подкинул хвороста в огонь. Оглянулся в сторону озера. Просто так, на всякий случай! Мало ли что!

Пока утки готовились к жарке, вырезал несколько прутьев, на которые будет насаживать мясо, перебрал рубашки и прочее бельё, прикинул, где их потом развесит... Сделал смесь для шамьета, осталось только воды поставить. Воды, вот! Разумеется, ему нужна вода! Ужин приготовить, да и руки сполоснуть бы от перьев и крови. Потом это всё засохнет, придётся отдирать... Лучано закусил губу, борясь со смехом. Ну и кого он обманывает? Нет, воды, конечно, набрать надо, но...

Да ладно, кому будет хуже от подобной малости?! Он ведь уснуть не сможет, зная, что упустил такой случай! Единственный! Лишь бы синьорина не заметила, а то запустит какой-то магической жутью в кусты на шорох – и доказывай, что ты не демон!

Взяв котелок, он дошёл до озера, но перед самым берегом свернул в густые заросли орешника. Тонкие ветви послушались легко, с какой-то даже подозрительной готовностью. Лучано сделал единственный шаг вперёд, мягкий и плавный, словно на задании. Выглянул в прореху между листьями и замер, едва дыша от восторга.

Всеблагая Мать! Как есть она! Главную площадь Верокьи уже двести лет украшает фонтан работы величайшего Джакомо дель Арбицци, прозванного Прядильщиком мрамора. Единственного, кто умел ваять, превращая тяжёлый камень в подобие полупрозрачного шёлка, покорного и нежного. А Всеблагая Мать в облике «Весны» – его лучшая работа. Лучано сам не помнил, сколько раз ею любовался. Да что там! Лет в тринадцать-четырнадцать ему достаточно было сбегать на площадь и посмотреть на «Весну», чтобы потом всю ночь изнывать в томных жарких грёзах, которые неизменно заканчивались неловкостью за мокрые простыни.

Но «Весна» дель Арбицци была неподвижна! Совсем юная девица, стройная, как цветок на длинном стебле, но обещающая пленительно распуститься совсем скоро. Небольшая округлая грудь совершенной формы, увенчанная остренькими бутонами, тонкая талия, почти плоский животик и плавные линии бёдер, переходящие в стройные длинные ноги. Она ступала в воду фонтана, лукаво улыбаясь, придерживая одной рукой собранные на затылке длинные волосы, протянув другую вперёд, словно опасаясь, что волна раньше срока лизнёт колени. О, эти ямочки под её коленями! Тонкие ключицы! Точёные лодыжки и щиколотки, на которые можно смотреть часами, даже не прикасаясь...

Если бы Лучано спросили, он бы поклялся чем угодно, что в мире нет женщины прекраснее, чем «Весна». Именно потому, что живой такой быть не может! Всем известно, что дель Арбицци ваял

девичье воплощение Всеблагой, собрав семь прекраснейших натурщиц! Лицо, тело, волосы – каждая принесла мастеру лучшее, что имела. И когда он закончил, сама Всеблагая пришла к настоятелю своего храма во сне и велела воздать мастеру великую честь, потому что он изобразил её прекраснее, чем она есть на самом деле.

Сколько раз «Весну» хотели купить у Верокьи! Сколько раз пытались отнять силой! Богатейший род Риккарди, предки королевы Беатрис, чтоб ей не уснуть без кошмаров, предлагали выкуп в сто золотых каждому жителю города. Сто! Бедняку хватит на всю жизнь! Но тогдашнего дожа Верокьи, который согласился на это, разгневанные жители выволокли из дворца и выпороли прямо возле фонтана, а потом с позором изгнали из города! Вот что такое «Весна»...

А сейчас девушка, словно покинувшая фонтан, со смехом плескалась в чернильной воде озера, озарённая лунным светом. Белоснежный мрамор обнажённого тела, тёмные от воды волосы, где рыжина скорее угадывается, чем видна на самом деле, лицо... Вот лицом синьорина Айлин была не слишком похожа на «Весну». Конечно, иначе Лучано заметил бы это гораздо раньше! Черты другие, разрез глаз и форма губ... Но посадка головы! Но этот жест, которым она откинула волосы, что упали ей на грудь мокрыми жгутами! И линии тела – те же самые! Юная женственная красота, ещё не сознающая всей своей силы, но уже зовущая к себе так, что не устоять.

Огромный белый пёс носился вокруг неё по мелководью, плескался, бил лапами, поднимая облако сверкающих брызг, и Лучано сглотнул, чувствуя, что рот и горло пересохла. Он словно оглох и ослеп ко всему, кроме увиденного, и только этим можно было объяснить то, что случилось несколько мгновений спустя.

– Фарелли, я вам голову оторву! – раздался яростный шёпот, и мощная рука легла на плечо Лучано, стиснув его до боли. – Вы с ума сошли! Позорить... её?!

Лучано встряхнул упомянутой головой, не сразу сообразив, что нужно бастардо. Только испытал досаду, что ему мешают. А потом так изумился, что вместо оправданий не менее возмущённым шёпотом возразил, не оборачиваясь:

– Это вы с ума сошли! Да как бы я осмелился! Подумать неприличное... Да о ком угодно, только не о ней! Она же... вылитая Всеблагая! Всеблагая мать в облике Весны! Ради всех богов, неужели вы в этом своём Дорвенанте совсем не умеете ценить красоту?! Она же... совершенство! Чистая нежная прелесть! Да я даже не думал ни о чём таком, пока вы... Вы! И уберите руку, синьор, чтоб вас! Никогда, слышите... Никогда так не подходите к человеку, если не собираетесь его убить!

Его потрянуло от запоздалого стыда за то, что позволил кому-то просто подойти к себе сзади. Он, Шип! Этому дорвенантскому медведю с сотней благородных предков, или сколько их там у него! Да если бы не это... эта... не чудо, что плещется в зачарованном озере! Вот сработало бы тело раньше головы, прыгнул нож в руку и...

– Это нечестно, – так же тихо, но уже без возмущения сказал бастардо, явно ошеломлённый его напором, и убрал руку. – Слушайте, я понимаю ваш... э-э-э... итлийский характер, но смотреть на девушку без её позволения недопустимо!

– Вот и не смотрите! – с наслаждением отрезал Лучано, слегка повернувшись и поняв, что Вальдерон в самом деле старательно отводит взгляд от картины в озере. – Вы человек благородный, вам нельзя. А я простолюдин. И развратный итлиедец к тому же. Мне можно всё!

Фыркнул, приходя в себя, с огромным сожалением отвернулся и уныло добавил:

– Ну что вы за человек такой, а, синьор? Я ведь и правда без всяких грязных помыслов, клянусь Всеблагой.

– Верю, – бросил бастардо. И добавил совершенно серьёзным тоном: – Только поэтому голову и не отрываю. Айлин мне как сестра, ясно? И подглядывать за нею я никому не позволю даже из самых... благочестивых помыслов.

– Не повезло вам тогда, синьор, – посочувствовал Лучано. – Иметь такую сестру, о которой даже мечтать нельзя! Ладно, как скажете.

А потом добавил с расчётливой мстительностью:

– Ну, раз она вам как сестра, никаких разговоров быть не может, верно? А я-то хотел рассказать вам про веснушки...

– Какие веснушки? – процедил бастардо.

– Маленькие, – с нежной вкрадчивостью уточнил Лучано. – Золотистые такие, просто ах! Неужели вы никогда не задавались вопросом, где они ещё у синьорины Айлин, кроме лица? М-м-м?

Он ловко увернулся от Вальдерона и, смеясь, выскочил из кустов.

– Фарелли! – умудрился рявкнуть бастардо шёпотом. – Вы же не могли! Не могли их разглядеть.

– Как скажете, синьор, – весело согласился Лучано, отступая по тропе спиной назад и зорко глядя за возмущённым дорвенантцем. – Нет-нет, никаких разговоров! Я чту добродетель синьорины Айлин и вашу заодно! Всем сердцем! Кстати, вы ведь принесли дрова? Утки уже готовы стать нашим ужином!

– Ну вы и мерзавец! – почти восхищённо простонал Вальдерон. – Никакого стыда! Правильно я подумал, что вы кое на кого похожи.

– О-о-о! – заулыбался Лучано. – И на кого же? Может, обменяемся секретами, м?

– Нет! – отрезал Вальдерон с не меньшей мстительностью. – Идите уже, занимайтесь утками! И я надеюсь, что когда пойду купаться, в кустах вас не будет.

– Один-один, – поклонился Лучано как мог изящно. – Не извольте беспокоиться, синьор. И советую не задерживаться здесь слишком долго, иначе за бесстыжего мерзавца примут уже вас.

Вальдерон что-то фыркнул позади, но Лучано уже нёсся по тропинке, перейдя с шага на бег. Ему казалось, что сейчас он мог бы добежать до самой Верокьи! Что-то горячее и острое жгло внутри, колотилось, будто вместо одного сердца в груди разом забились дюжина. Он с удивлением думал, как был неосторожен. Да с чего из него вообще пошёл эта хмельная насмешливая дерзость? Быть пойманным на подглядывании за благородной девицей и вместо почтительных извинений начать огрызаться!

Бастардо ведь мог его выгнать! Что там выгнать, в Верокье за подобное благородный синьор велел бы слугам запороть наглого простолюдина насмерть, и все приняли бы это как должное! Положим, сейчас у них в отряде иное положение, но всё-таки... Да уж, втёрся в доверие по приказу королевы, нечего сказать!

Он хотел приложить ладони к пылающим щекам, и только сейчас понял, что руки всё ещё грязные, да и воды в котелок не набрал. Как пришёл с пустым, так и убежал. Это оказалось последней каплей. Лучано уже шагом вступил на поляну, бросил злосчастный котелок на землю, полил себе на руки остатками воды из фляги и принялся насаживать куски утки на прутья.

Глупо, как же глупо всё вышло! И надо же было напороться на столь добродетельного синьора! Другой встал бы рядом полюбоваться. Ну, или выгнал бы Лучано, чтобы простолюдин не позволял себе лишнего, но остался сам. Этот – пари держать можно! – подглядывать не станет. Как сестра, ага. То-то в глазах бастардо порой такое собачье выражение, когда он украдкой поглядывает на синьорину. Неужели сам не понимает?!

А перед глазами стояло сияющее видение посреди чёрной глади ночного озера. Лучано скрипнул зубами. И вот эта вот девчонка... нежная и милая, добрая, умеющая улыбаться так, что невозможно не улыбнуться в ответ, храбрая, как сотня пьяных гуардо... Её просто не станет через несколько дней. Не станет! И никогда больше не будет в этом мире!

Да, конечно, её душа отправится в Претёмные Сады и когда-нибудь опять вернётся в этот мир в другом теле. Но это уже будет не она! Если через сотню-другую лет она встретит Лучано, который тоже перестанет быть собой, они не узнают друг друга! Да и встретятся вряд ли. Известно, что судьба сталкивает снова только те души, которые оставили слишком глубокий след в прошлой жизни. Несчастливые возлюбленные, смертельные враги, лучшие друзья или любимые, не успевшие выучить какой-то важный урок, данный богами... Это уж точно не про Лучано! Кто он такой для синьорины Айлин? Даже не убийца, потому что магесса всё уже решила для себя сама!

Он пристроил прутья над углями, едва сдерживаясь, чтобы делать это с должной аккуратностью. Ох, как же правы были наставники, говоря, что Шип никогда и ни в коем случае не должен думать о клиенте, как о живом человеке! С того момента, как взят заказ, жертва уже мертва, даже если ещё дышит и ходит.

Но ведь раньше так и было! Лет пять назад мастеру Ларци заказали молодого дворянина, сверстника Лучано. Парень как раз праздновал двадцатилетие. Шумно праздновал, с размахом! Пристроившись к развесёлой компании, Лучано три дня таскался вместе с ними по кабакам и борделям, пил и ел за счёт клиента, тискал оплаченных им гулящих девок, смеялся шуткам именинника и вместе с остальными клялся ему в вечной верности... А потом, улучив, наконец, момент, капнул в его стакан содержимое крошечного флакона, дождался, когда клиент выпьет, и остался в очередном публичном доме, когда все двинулись дальше.

Через несколько часов, когда про Лучано давно забыли, именинник упал мёртвым – и трое отличных целителей, которым заплатил безутешный отец, поклялись репутацией, что это следствие

слабого от природы сердца и невоздержанности в забавах. Чистая работа. И ведь ничего даже не дрогнуло, хотя парень был славный. Весёлый такой, щедрый... Но Лучано смотрел на него и видел полторы тысячи серебряных скудо, половина из которых уже заплачена вперёд.

Сейчас-то что изменилось?! Ну да, синьорина Айлин тоже мила... А ещё она ухаживала за Лучано во время болезни. Стирала для него. Избавила от призрака Алессандро, поberi его Баргот. Позволила называть себя по имени... Но разве всего этого достаточно?!

Да он даже спасти её не может! Приди ему, младшему мастеру Шипов, такая дурная блажь, он не может схватить её в охапку и утащить в Итлию, а лучше куда-нибудь подальше – она просто не позволит! Ей обязательно надо спасти эту жуткую страну! И бастардо, который, которого... с которым тоже всё сложно, если говорить откровенно! Лучано никогда и никому не был обязан жизнью, кроме мастера Ларци, а Вальдерон вытащил его из реки, да ещё и за лекарствами ездил. Ага, и по нужде сходить помогал. Правда, Лучано вернул ему часть долга на холме, но... Претёмная, как же всё это глупо, сложно, неправильно!

Последний предмет его мыслей появился на поляне, когда утка уже начала подрумяниваться, и запах от неё поплыл одуряющий. Бастардо бросил возле костра охапку сучьев и присел не напротив, а немного в стороне, чтобы пламя не светило в глаза, из чего Лучано сделал вывод, что с ним собираются поговорить. Ну, хотя бы перед тем, как попытаться набить морду, чему он бы не особо удивился.

– Послушайте, Фарелли, – начал дорвенантец на удивление мирным голосом. – Я вас, в общем-то, не виню. Айлин... Она прекрасная девушка! Просто невероятная! И я понимаю, что ею легко увлечёшься. Да что там, ею просто невозможно не увлечёшься! Я, конечно, не себя имею в виду... А так, вообще!

– Да, синьор, – очень вежливо отозвался Лучано, наклоняясь к костру и переворачивая прутик над углями.

Ну, разумеется, «вообще»! Конечно-конечно!

– Но вы же понимаете, что она вам не пара?

Вальдерон имел такой сконфуженный и одновременно упрямый вид, что Лучано стало почти смешно. То есть непременно стало бы, не будь на душе так мерзко. Бастардо решил, что он просто увлёкся синьориной. Да если бы! Будь это обычное желание покувыркаться с красивой девицей, Лучано улучил бы время и попытался добиться своего. Не силой, Всеблагая Мать упаси! Но попробовал бы непременно. В конце концов, что магессе терять? А близость смерти кружит голову... Так нет! Он понятия не имел, как назвать то, что чувствует при мыслях о синьорине Айлин и в её присутствии, но желание там стояло на последнем месте. Хотя после сегодняшнего вечера...

– Я понимаю, синьор, – повторил он тем же безупречно учтивым тоном. – И приношу искренние извинения за то, что позволил себе. Надеюсь, это... может остаться между нами?

– Ну, Айлин я точно ничего рассказывать не стану. – Бастардо запустил пальцы в и без того взлохмаченные светлые волосы, растрепав их ещё сильнее. – Только потому, что ей будет неловко! Вы не понимаете, какая она! Если Айлин иногда позволяет себе... вольности... Или ведёт себя слишком... просто для леди... Так это потому, что она даже подумать не может о плохом или недостойном. Но она не просто магесса, она леди из Трёх Дюжин, а это лишь на ступеньку ниже королевского рода.

– Это многое объясняет, – бесстрастно согласился Лучано.

Действительно, не будет же столь высокородная дама, хоть и юная, стесняться слуги? Всем известно, что простолюдины – это вещи, только умеют ходить и говорить. Может быть, в этом всё дело? Магесса видит в нём что-то вроде... Пушка? Вот и балует, как ещё одного ручного зверя? А, да что об этом думать!

– Наша утка пахнет на весь лес! – раздалось вдруг звонко, и на поляну выскочил сначала Пушок, блистающий белизной от ушей до лап, а следом вышла синьорина Айлин, на ходу отжимая мокрую рыжую копну. – Господа, озеро в вашем полном распоряжении! Представьте себе, там вода тёплая! Ну, почти тёплая... Но всё равно, дивное место, как будто сама Всеблагая благословила. А что у вас такие лица? Что-то случилось?

– Нет, ничего, прекрасная синьорина, – безмятежно улыбнулся Лучано, поднимаясь. – Погодите сушить волосы, я сейчас возьму гребень и уложу их. Вы ведь позволите несравненное счастье снова послужить вам горничной, м?

Магесса прыснула и присела на пенёк у костра, сложив руки на коленях и идеально выпрямив спину. Такие, как она, впитывают манеры с молоком матери. Лучано взял любимый гребень из сандала, привезённый с собой из Итлии, встал за спиной синьорины и принялся разбирать тугие

влажные кольца, не поднимая взгляда на Вальдерона.

– Мы попозже сходим, – уронил бастардо тоже совершенно спокойно. – Правда, Фарелли? После ужина.

– Как скажете, синьор. Тогда окажите любезность, снимите утку. Она готова.

Мокрая рыжая роскошь липла к рукам, пахла озёрной водой и самой девушкой. Лучано бережно расчёсывал длинные пряди от кончиков к корням, укладывал их волнами...

– Время рассказывать истории, – сказала вдруг магесса. – Мы в Академии всегда такими весенними и летними ночами собирались у кого-нибудь в комнате, приносили шамьет, печенье и... Только обычно это были страшные истории, а мне сейчас не хочется пугаться!

«Неудивительно, – молча согласился Лучано. – После того холма и деревни вряд ли получится рассказать что-то страшнее. А если получится, то тем более не стоит. Наоборот, нужно смеяться, нести любые пошлости, только бы прогнать саму память о том, чем мы занимались ещё утром».

– Прекрасная мысль! – поспешно поддержал бастардо, подавая магессе прутик с мясом. – Кто будет первым?

– Синьор... то есть Лучано! – сообщила синьорина, вгрызаясь в утку. – М-м-м-м, как вкусно! У него руки всё равно пока заняты! То есть... Лучано, вы ведь не против?

– Нисколько, – отозвался он. – Только дайте подумать.

Положим, рассказать любой Шип способен многое... Только всё это не годится ни для ушей благородной девицы, ни для бастардо, считающего его честным наёмником, а не убийцей. Хм, разве что...

– Не помню, говорил ли я, – начал Лучано неторопливо, – но мой мастер взял меня из детского приюта, когда мне было десять лет. Человек он одинокий, ни супруги, ни детей не имеет, но живёт весьма состоятельно, в собственном палаццо с садом и как это... лабораторию... мастерской. Выполняет заказы на лекарства и средства для красоты, делает ароматные свечи и духи. Вот этому ремеслу он меня и стал учить. Но после приюта я был несносным сорванцом, просто ужасным.

– Почему? – удивился бастардо. – Разве вы не были ему благодарны?

– Был, – улыбнулся Лучано. – Но я никак не мог поверить, что он взял меня насовсем, понимаете? Один из лучших мастеров Верокьи, совладелец торгового дома «Скрабацца и сыновья», зельедел, к которому приезжают посоветоваться знаменитые целители, – и я, безродный подкидыш.

В памяти вспыхнуло, как он впервые увидел сад мастера. Огромный, полный красок и запахов, так что голова закружилась. И по этому саду можно было ходить! В любое время! Нюхать траву и цветы, трогать влажную душистую землю, мять её в пальцах, закрывать глаза и дышать, дышать...

А ещё у мастера были книги! Огромные и совсем небольшие, с непонятными письменами и кучей картинок, которые неделями разглядывай – и всё равно найдёшь новую. И лаборатория с множеством стеклянных, металлических и деревянных устройств! И еда... Кухня без замка на двери! Понятное дело, Лучано скорее руку бы себе отгрыз, чем взял в доме грандмастера хоть кусок хлеба без разрешения, но корзина, в которой на столе просто так лежат булочки, это само по себе чудо!

И, глядя на всё это, он чувствовал себя самозванцем. Драным помоечным котёнком, которого взяли в дом из прихоти, но вот он уронит что-то, разобьёт или поцарапает драгоценную обивку мебели... И рука, которая только что гладила, сожмётся на загравке, мир перевернётся – и облезлый котёныш полетит на жаркую, каменистую и голодную улицу.

А раз так – чего стараться? Дурное упрямство кипело где-то внутри, по ночам прорываясь беззвучными злыми слезами в подушку, а днём Лучано словно сам Баргот под руку толкал. И каждый раз, уронив хрупкую пробирку или дорогую фарфоровую чашку, сломав метлой для подметания дорожек редкий цветок в саду, он с вызовом смотрел на мастера в упор, плотно сжав губы. Ну же! Когда ты перестанешь прикидываться добрым?! Добрых грандмастеров не бывает! Да и просто людей, пожалуй, тоже.

Чувствуя, что перерыв в рассказе затянулся, он снова улыбнулся, но в этот раз улыбка вышла чуть неловкой, потому что бастардо на неё не ответил, напротив, посмотрел сочувственно.

– А ещё у мастера жили кошки! – продолжил Лучано. – Собственно, и сейчас живут, просто другие, уже не те. Мастер иногда подбирает уличных кошек и котов, самых облезлых и худых, лечит их, откармливает... Ну, надо же на ком-то пробовать лекарства от чесотки и лишая! Можно и на людях,

но... в общем, кошек он просто очень любит. Когда я к нему попал, в доме их было три. Толстые, как поросята, мохнатые, а уж наглые, как... сборщики налогов, – заменил он в последний момент сравнение с гулящими девками, но синьорина всё равно хихикнула. – Мастер обожал их и пускал гулять повсюду, кроме мастерской, а одной из моих обязанностей по дому как раз и было подметать там пол и мыть посуду. Сущие пустяки по сравнению с приютом, я и за работу это не считал. Но всё равно то бросал мензурки грязными, то не оттирал пятна... То вместо булочек, за которыми меня посылали, тратил деньги на уличный балаган, а потом врал, что у меня их украли. И всё время ждал, когда же мастер разозлится и меня выгонит.

– Бедный... – вздохнула синьорина и задрала голову, ухитрившись посмотреть в глаза Лучано. – А ваш мастер вас не наказывал?

– Сначала нет. Это меня больше всего и удивляло.

Лучано запнулся, потому что весёлая история про кошек, артефакторный ларь и печёнку вдруг вывернула в какую-то другую сторону, совсем неожиданную.

– Но потом и у него терпение кончилось, конечно, – усмехнулся он. – Когда я разбил очередной флакон с духами, мастер меня поймал, перегнул через колено, сдёрнул штаны и так всыпал ремня! О-о-о, я потом неделю чесался!

– Заслужил, – бросил Вальдерон, а магесса снова сочувственно вздохнула.

«Идиотто, – через годы всплыл в памяти голос Ларци, в котором усталости было куда больше, чем раздражения. – И долго ты ещё будешь чудить, паршивец? В казармы хочешь? Хвост от дохлой кошки тебе, а не казармы. Я из тебя, поганца, человека сделаю...» Голос был подозрительно мягким, и Лучано как-то сразу проникся! Понял, что человека из него сделают, хочет он того или нет, но лучше не мешать мастеру в этом благом деле.

И ледяной карцер в казармах, куда сажали провинившихся после жестокой порки, показался далёким сном.

– Ещё как заслужил, – согласился Лучано. – А главное, мне сразу так полегчало! Ремень – это же пустяки! Ремнём отцы наказывают сыновей! Вот тут я и поверил, что меня не вернут обратно. И до того проникся, что решил быть самым лучшим подмастерьем на свете. Так старался! Мыл и чистил до блеска всё, даже то, что не просили. На рынок был готов бегать хоть по три раза в день, а уж двор и дорожки в саду выметал – ни пылинки не было! Ну и перестарался однажды. Мастер проводил опыт с розовым маслом. Знаете, оно очень сильно пахнет! И мне было велено и самому в эти дни не ходить в мастерскую, и, главное, не пускать туда кошек. Но вы вот знаете, как не пустить кошку туда, куда ей нельзя ходить?!

– Никакой надежды, – согласился Вальдерон задумчиво, и его глаза опять как-то подозрительно блеснули, когда бастардо почему-то окинул взглядом самого Лучано. – Значит, кошки вас и подвели?

– Один кот, – вздохнул Лучано. – Огромная серая скотина по имени Мышьяк! Пролез каким-то образом в окно, я кинулся его ловить... В общем, своротили мы с ним на пару перегонный куб на пол! Пока я его ловил, свалил ещё пару готовых бутылок. Кот в масле, я в масле, хоть обоих жарь на сковороде, а в мастерской по полу кататься можно, как на льду! И запа-а-ах!

Плечи и голова магессы подрагивали под ладонями Лучано, Вальдерон тоже ухмылялся, но с пониманием. Ох, явно бастардо сам в детстве не был паинькой...

– Уж поверьте, – снова вздохнул Лучано, – столько розового масла – это вам не шутки! Отмывай не отмывай – толку никакого. Да и масло дорожущее! Мышьяк своими совиными глазищами на меня сверкнул – и снова в окно, а я перепугался до смерти, всякое рассуждение потерял. За те деньги, что это масло стоило, мастер мог бы пять толковых подмастерьев на несколько лет нанять! И куб ещё разбился... Понял я, что поркой не отделаюсь, и забился куда подальше, а самым далёким оказался подвал, где стоял артефакторный ларь. Такой, знаете, где холод внутри. Здоровенный! Мастер Ларци в нём печёнку хранил для котов. Чтобы в доме всегда имелся запас, а то, не дай Всеблагая, котики голодными останутся. Вот я в этот ларь залез, изнутри закрылся и принялся ждать неизвестно чего.

– Ой, – сказала магесса. – У нас такие лари в лабораториях стоят. В них трупы для исследований хранятся. Они же на защёлках!

– Именно, – кивнул Лучано. – Захлопнуть-то я его смог, а вот открыть изнутри уже не получилось. Тут-то я понял, что всё. Покричал, поколотился изнутри, а потом... уснул. На холоде быстро засыпаете! Говорят, самая лёгкая смерть. Хотя я теперь совершенно не согласен! Как вспомню ту реку!

Его снова передёрнуло. Бастардо молча и снова с явным сочувствием кивнул.

– Ну и как вы выбрались? – негромко поинтересовался он.

– Да никак, – пожал плечами Лучано. – Кошки меня спасли. Когда мастер Ларци понял, что случилось, начал меня искать. А проще всего это было сделать по запаху. Мы же с Мышьяком пропахли насквозь! Вот мастер сначала нашёл эту пушистую скотину в саду, потом вернулся, прошёл по розовому следу до подвала... А там ему в голову не пришло, что я такого дурака свалю! И ушёл бы он от ларя обратно, да кошки возмутились, начали орать, бегать вокруг и драть ларь когтями. Не иначе, решили, что я на их законную печёнку посягаю. Вот мастер понял, что дело неладно, открыл ларь, а там...

«А там был я, – подумал он. – Уже засыпающий от холода, ни мозги, ни язык не ворочались... И Ларци молча потащил меня в горячую ванну, где принялся отмачивать, растирать, поить снадобьями. Зато как он потом возмущался! Человек, от взгляда которого трепетали старшие мастера гильдии, ругал меня на все лады, а я слова сказать не мог. Потом он утомился и уже с безнадежным спокойствием спросил: «Ну и зачем ты это сделал, мальчик мой? Объяснить хоть можешь?» «Не хотел... в казармы... – шёпотом выдавил я, дрожа от холода в горячей ванне. – Я думал... за такое...» «Идиотто, – вздохнул Ларци. – Как есть идиотто. Ну сколько раз тебе повторять, что в казармы ты не вернёшься? Что, не веришь?» Я помотал головой и ещё тише выдавил: «А если я совсем что-то такое сделаю... такое... ну такое!» «Совершенно непростительное? – серьёзно уточнил Ларци, и я молча кивнул. – Ну, тогда я сам тебя убью, – сказал он. – Собственными руками. Этому веришь?»

И я закивал, чувствуя, как ледяная глыба где-то внутри тает, а губы тянутся в искренней счастливой улыбке. Я поверил! И какая же безмерная благодарность затопила меня тогда... Потому что смерть – это не страшно! Страшно вернуться в казармы или снова нарваться на кого-то вроде мастера Алессандро. А смерть, да ещё от этих рук, что поили меня горячим шамьетом... Это будет совершенно правильно!»

– Б-бедненький... – проговорила магесса, безуспешно борясь со смехом. – Но вас больше не наказали?

– Да нет, – усмехнулся Лучано. – И даже не выпороли. Мастер, правда, кричал, что заставит меня самого эту пропахшую розами печёнку слопать. Но это он только грозился. Коты же от неё наотрез отказались, да и ларь пришлось поменять. А уж мастерская ещё год благоухала, как самый дорогой бордель... Прошу прощения, синьорина!

– Н-ничего, – сквозь смех успокоила его магесса. – Хорошо, что всё так закончилось, правда?

– Правда, – согласился Лучано и, с сожалением оставив почти высохшую мягкую гриву, обошёл сидящую магессу, сев у костра. – Только печёнку я с тех пор не слишком люблю. Пожалуй, как и розы вообще. Хорошо, что в саду мастера Ларци их нет.

– А я люблю розы, – вздохнула Айлин. – Однажды мне подарили целую корзину роз, представляете? А потом ещё веточку белой розы с двумя бутонами... Как же это было красиво, если бы вы только знали!

Она замолчала, глядя в костёр нежно и мечтательно, но прежде, чем Лучано заверил, что столь прекрасная синьорина заслуживает не корзины, а целой поляны роз, вдруг встрепенулась и хихикнула, добавив:

– А ещё розы очень удобно зачаровывать. Однажды на моём первом курсе мы с Даррой и Саймоном зачаровали розу. Ой, что тогда было! А ещё... – Она зарумянилась и покосилась на бастардо. – В этом году мы сдавали экзамен по проклятиям, и мэтр Денвер... он вёл этот предмет у нашего курса, понимаете? Так вот, мэтр Денвер поручил всем просто выучить и наложить по одному проклятию, а мне – составить авторское, потому что мэтр Бастельеро, наш куратор, мастер проклятий! А мне... – Она вздохнула и доверчиво призналась: – Мне совсем не удаются проклятия. Даже накладывается одно из трёх, а уж самой составить... Я честно пыталась! Но у меня всё никак не выходило, и я так расстроилась, что решила отвлечься! И одолжила у соседки итлийский роман. «Замок Любви», – уточнила она, покраснев, и Лучано едва не присвистнул.

«Замок Любви» даже в Итлии прославился фривольностью! Насколько же свободные нравы в этой их Академии? Бастардо же, судя по невозмутимому лицу, название вовсе ничего не сказало. И хорошо, пожалуй, что не сказало – хватит с Лучано неожиданностей от синьорины Айлин!

– Весьма примечательный роман, – согласился он вслух. – И что же?

– И там я нашла великолепный материал для проклятия! – воодушевлённо откликнулась магесса. – Понимаете, там... Вы ведь его читали, да? Все эти мириады бабочек в животе прекрасной Джульетты, или расцветшая роза в её лоне...

– Прекрасные аллегории, – кивнул Лучано, теряясь в догадках, в чём именно эта невозможная девица нашла материал для проклятий? – Но, должен признать, я всё ещё не понимаю.

– Бабочки! – хихикнула магесса. – Лучано, вы когда-нибудь ловили бабочек? Они царапаются. У них жёсткие лапки, а ещё усы, мохнатое тело, даже если не говорить о крыльях! А розы? У них ведь шипы! Кстати, когда бутон раскрывается, то... основание венчика тоже жёсткое!

Лучано вспомнил бабочек, прилетавших в сад к мастеру Ларци. Ловить их ему, правда, не доводилось, но иногда бабочки, опьянённые запахами цветов, садились на руки или на волосы, важно складывали и снова разворачивали крылья – не хуже, чем павлин в палатке дождя свой огромный хвост, – и это действительно было слегка щекотно, но приятно!

«На руке, – невольно подумал Лучано. – А в животе это должно быть... хм... да ещё и мириады! Нет, если подумать, то проклятие и в самом деле страшное. Ну почему, почему автор не мог ограничиться одной, в крайнем случае – двумя-тремя бабочками? Сдались ему эти мириады!»

– Полагаю, экзамен вы выдержали с блеском? – поинтересовался он уже вслух.

Вот мастер Ларци непременно оценил бы и необычный подход, и работу с материалом, но кто знает, каковы мэтры в их Академии? К примеру, грандсиньор Бастельеро вовсе не походил на человека, способного оценить изящество подобного решения!

– Ну, мэтр Денвер остался не слишком доволен, – вздохнула магесса. – Он всегда говорил, что проклятия – чрезвычайно серьёзное дело. Да и мэтр Бастельеро тоже... Зато Саймон был в полном восторге и даже сказал, что обязательно изобретёт что-нибудь подобное, только возьмёт за образец не итлийские романы, а чинский трактат о любви. Насколько я поняла, даже изобрёл, – задумчиво добавила она. – Понимаете, один боевик с двенадцатого курса постоянно норовил его задеть, и Саймон, конечно, отомстил. Только я совсем не поняла, что он сделал. То есть... Саймон сказал, что слегка повредил ему флейту, но на флейте тот боевик никогда не играл, это точно. И даже если бы играл! Что страшного в том, что флейта превратилась в нефритовую? Ведь можно купить новую в любой музыкальной лавке! Синьор Фарелли? Вам плохо?

– М-мне хорошо-о-о... – возразил Лучано, сползая на землю и утыкаясь лицом в колени. – Мне п-п-просто замечательно-о-о-о... у-у-у-у...

– Это... Фарелли, это ведь то, о чём я подумал? – со священным ужасом уточнил бастардо, и Лучано кивнул. – Всеблагая мать! А как же...

И тоже скорчился, пряча лицо в поднятых ладонях.

– Вот! – гневно завершила магесса. – И Вороны тоже так смеялись. А мне никто ничего не объяснил! Мужчины иногда бывают совершенно невыносимы! Лучано, ну хоть вы расскажите!

– П-пощадите, синьорина, – всхлипнул Лучано. – Не могу. Язык не повернётся. Но поверьте, проклятие было... ик... страшное! Надеюсь, его удалось потом снять?

– Саймон говорил, что да. Магистр Бреннан, хоть и целитель, уже столько лет работает в Академии с проклятыми адептами! У него такой опыт! Но тот боевик больше с Саймоном не связывался.

– Охотно верю, – согласился Вальдерон, просмеявшись. – Думаю, необходимость э-э-э... обращаться к целителю сама по себе была тем ещё наказанием.

– Да-да, – подтвердил Лучано. – Тут, главное, флейту... донести... в целости...

Они посмотрели друг на друга и снова заржали, как жеребцы, под возмущённое сопение добродетельной синьорины.

– А мне и рассказать особо нечего, – признался Вальдерон, когда все трое успокоились. – Разве что про свой первый урок фехтования? Только это между нами, обещаете?

– Клянусь! – приложил руку к сердцу Лучано и выслушал совершенно восхитительную историю о фраганском бретёре и кочерге.

– Пять лет? – изумился он, когда бастардо закончил. – Можно только позавидовать! Эти господа редко берут учеников, а уж так, как вас, учат только собственных детей, которым готовятся передать семейное дело и славу.

Он вспомнил южанина, которого видел на дороге под конвоем дорвенантского отряда. Похоже, это и был тот самый бретёр. Не просто телохранитель, как сказала королева, но друг и наставник. Беатрис во многом ошиблась. И самое печальное, что вряд ли она поймёт, насколько ошиблась в юной магессе.

Лучано поспешно прогнал эти мысли и прислушался: синьорина Айлин начала объяснять бастардо, почему на дороге крикнула «ку-ку» перед тем, как швырнуть заклятием в благородного синьора Кастельмаро.

– А у нас тоже есть такая игра, – сказал он одобрительно, выслушав правила «кукушки». – Одному завязывают глаза, остальные кричат или мяукают, а он кидает... яблоки.

Крошечной заминки никто, кажется, не заметил, а Лучано не стал объяснять, что яблоками бросаются только самые маленькие Шипы-первогодки, а потом в дело идут ножи. И тут хоть лови их на лету, хоть уклоняйся – дело твоё. Поймать, конечно, выгоднее, тогда можно пойманный нож кинуть в кого-нибудь другого, и если попадёшь – будешь следующей «кукушкой» вне очереди, а это лишний шанс уцелеть.

– Как-то мы с отцом пошли на рыбалку... – начал, в свою очередь, бастардо. – Считается, что это не такое достойное дворянина дело, как охота, но ему нравится...

– Ал, я уверена, что любое дело, которым занимается лорд Себастьян, исключительно достойное, – серьёзно заверила магесса, и бастардо, благодарно улыбнувшись, уже собрался продолжать, но замер и поинтересовался: – Фарелли? Вы что, Баргота увидели?

– Н-нет, – с трудом проговорил Лучано, чувствуя себя ужасно глупо, но не в силах признаться, что увидел.

Только не Баргота, а Перлюрена! Именно его, неведомого зверя, что приходит к пьяницам. Особенно Перлюрен любит тех, кто подолгу и помногу совершает возлияния, а потом резко бросает это делать. Страшное существо, как говорят! Описывают, правда, по-разному.

Личный зверь Перлюрен, явившийся Лучано, обладал телом огромного серо-рыжего кота, но сидел на задних лапах, а в передних держал прутик с кусками жареной утки. Нет, не лапы это были, а руки! Маленькие мохнатые ручки с пятью длинными и даже на вид очень ловкими пальцами. Округлые ушки, вытянутая морда с чёрным круглым носом, не по-звериному умные глаза! Лучано мог бы поклясться, что в этих тёмных глазах, обращённых на него, светится хитрость и расчётливое коварство! Звери так не смотрят!

А ещё у зверя Перлюрена была маска! Самая настоящая маска, какую носят уличные бандиты, чтобы жертвы ограблений их не опознали. Маска закрывала мордочку до носа, придавая Перлюрену вид лихой и воинственный.

«Ведь не пил же! – в полном ошеломлении подумал Лучано. – Совсем не пил! За что мне это? Может, Перлюрен просто мимо проходил? Да нет, бред какой-то! И магессе меня проклинать вроде бы не за что... Но ведь остальные не видят! Вон как синьорина недоумённо таращится в кусты! Правда, зверя там уже нет. Или есть? Вот он мелькает, можно разглядеть глаза, нос, лапы... А вот опять нет! И утки нет... Бастардо ведь туда поставил котелок, а на него сложил прутья с готовым мясом, так? А теперь...»

– Твою же! – заорал Вальдерон, вскакивая на ноги. – Фарелли, гоните их! Пропала наша утка!

– Вы их видите! – радостно воспрянул Лучано, понимая, что самое страшное миновало: с ума он не сошёл. – Видите?!

– Разумеется, я их вижу! – ядовито отозвался бастардо. – А вот нашу утку – нет! Паршивые еноты!

– Кто?

– Да еноты же! – простонал Вальдерон, швыряя в показавшегося Перлюрена куском палки. – Пошёл вон, тварь! Теперь всё прятать надо! Сумки придётся снимать с лошадей! Благословенное озеро, говорите? Да если бы я знал, что они здесь водятся!

Лучано, наконец, понял, что у него не двоится в глазах. И даже не троится. И вообще этих зверей просто на самом деле много! Они шныряли в кустах, иногда выглядывая оттуда, и смотрели на людей откровенно оценивающим взглядом. Пушок почему-то за ними не гонялся, то ли не считая серьёзной опасностью, то ли ожидая приказа. Синьорина Айлин по-детски открыла рот и смотрела на странных зверей почти с восторгом, а бастардо, ругаясь, подошёл к котелку и зачем-то забрал его. Зачем?

Ладно – жареная утяттина! Но не будут же дикие звери воровать пустой железный котелок! Им вообще железа бояться положено. И огня. И людей. Лучано ещё раз глянул на бандитские морды, выглянувшие из куста втроём, и подумал, что звери здесь какие-то странные. Под стать всему остальному.

– Фарелли, вы вообще в лесу бывали? – проникновенно поинтересовался Вальдерон.

– Нет, – честно признался Лучано. – Я только на болотах однажды бывал, когда мастеру понадобился змеиный яд. Но это не лес, это совсем близко от Верокьи...

– Понятно. Прячьте вещи. Нужно всё повесить на дерево, да и то...

Лучано ошеломлённо увидел, как бастардо с тихой руганью сквозь зубы привязывает к ветке дерева верёвку, потом натягивает её, и свободный конец вяжет на другое дерево. А потом на эту верёвку вешает снятые с лошадей сумки. Зачем?!

– Они такие смешны-ы-е... – протянула синьорина.

Три «Перлюрена», убедившись, что Вальдерон на другой стороне поляны, а остальные люди не шевелятся, выскользнули из кустов, и Лучано вдруг понял, кого они ему напоминают больше, чем бандитто. Именно так, осторожно, крадучись, ходят мелкие Шипята, воображая себя незаметными. Он сам бегал так на кухню и заглядывал в котлы, стараясь узнать, что будет на обед. Или подбирался к спальням старших, чтобы подслушать полезное. Точно! Вот эти хитрые глаза, суетливые движения, руки-лапки, протянутые к...

– Эй, котелок! – опомнился он и вскочил.

«Перлюрены» бросились врассыпную. Один ещё и возмущился, остановившись на краю поляны и что-то прострекотав в сторону Лучано.

– Вешайте на дерево, – посоветовал бастардо, как раз управившись с последней сумкой. – Иначе лишимся его, как утки. Эх, какая утка была!

– Ну, не расстраивайтесь, синьор, – постарался успокоить его Лучано. – У меня остались потрошки, крылья и лапки. Сварю суп! И даже могу прямо сейчас это сделать, чтобы на завтрак только разогреть.

– Спать уже пора, а у нас ещё палатка не поставлена, – передёрнул плечами Вальдерон и глянул на луну, что ушла уже к краю неба. – Пойдёмте купаться, что ли?

Лучано в свою очередь пожал плечами – ему же меньше мороки, а спать и в самом деле хочется! – сложил утиные остатки в котелок и повесил на ветку. Беспокойства спутника он решительно не понимал, но если у бастардо такая блажь, отчего её не уважить? Да, лапки у местных «Перлюренов» – как их там, еноты? – выглядят ловкими, но если это всего лишь звери, большой беды они не натворят. Бедняги совсем изголодались, наверное, если забыли извечный звериный страх перед человеком и утащили еду. Что ж, хорошо уже то, что он всё-таки не сошёл с ума!

Пока Вальдерон ставил палатку, Лучано быстро собрал грязное бельё и попросил у магессы мыло. Посмотрел на кобыл, которые фыркали, косясь на кусты. Хм... Да нет, зверьки ведь и правда мелкие, лошадям не повредят. И весьма симпатичные! Эти их лапки – прелесть какая! И почему таких милашек не приручают? Они ведь явно умные! Жили бы дома, делали всякие смешные трюки, как собачки в джунгарских балаганах...

Всё, что было после купанья в воде, оказавшейся не тёплой, но и не ледяной, а весьма терпимой, Лучано помнил смутно. Спать хотелось просто смертельно! Он простирнул бельё и, вернувшись в лагерь, развесил его на той же верёвке, где были сумки. Рядом накинуд свои вещи бастардо... Подкинув в костёр несколько толстых сучьев, Лучано заполз в палатку, почти радуясь, что так устал. Иначе после увиденной на озере картины и не уснул бы!

Он спал без всяких сновидений, будто плавая в чёрной воде озера, вдруг оказавшегося тёплым и мягким. Слева едва слышно посапывала синьорина, справа мощное тело Вальдерона излучало жар. Пушок, правда, среди ночи вылез из палатки, и Лучано смутно грезилась какие-то звуки снаружи, шорохи, треск веток, писк и стрёкот... Но спать это не мешало совершенно! И его спутники явно были того же мнения, потому что проснулись все трое, когда уже давно рассвело.

Лучано вылез первым, ёжась от утренней прохлады и держа в руках вещи, чтобы побыстрее одеться. Глянул вокруг – и обомлел.

Из пяти сумок, подвешенных Вальдероном на верёвку, уцелели три! Ещё две валялись на земле, и всё их содержимое было вытащено, развёрнуто, попробовано на зуб, судя по следам этих зубов! «Перлюрены» рассыпали остатки овса, украли сапог Вальдерона, но не унесли его далеко, только обгрызли кожаную бахрому с голенища и бросили в кустах. Постиравшие вчера рубашки и подштанники лежали скомканной грудой. А ещё... на дереве не было котелка!

– Твою м-м-мать! – выдохнул бастардо, покосился на появившуюся из палатки Айлин и поспешно добавил: – Всеблагую! Всего живого хозяйку и покровительницу! И тварей этих – тоже! Фарелли, вы где котелок оставили?!

- На ветке, - неизвестно почему виновато ответил Лучано. - Точно на ветке!

- Ясно... Да что уж там, если они мой сапог... прямо из палатки... Еноты же!

Он шевельнул губами беззвучно, но так выразительно, что Лучано понял: про Перлюрена вчера показалось не зря. Просто вот такие они, дорвенантские страшные звери Перлюрены!

- Я найду котелок, - пообещал Лучано. - Он ведь железный! Ну не могли они утащить его далеко! Потроха съели и бросили где-то рядом.

Перед его мысленным взором промелькнула чудовищная картина, как ен-но-ты разводят в глуши леса костёр взятыми у людей углями, ставят котелок на огонь и варят суп, демонически хохоча и заправляя его украденным овсом. А их передовой отряд, понутив головы, выслушивает порицание от седого щекастого грандмастера, неуловимо похожего на мастера Ларци, за то, что не принесли сапоги путников. И их самих не вынесли из палатки! Можно было связать людей верёвкой, на которой висели сумки, подвесить и закоптить...

Лучано передёрнулся, кляня своё богатое воображение, и отправился по тропе к озеру. Вдруг эти мохнатые твари в масках и правда сообразили, что в котелке носят воду! Позади слышался возмущённый рёв бастардо, который разглядел сапог поближе и понял, что острые зубы зверьков превратили отворот голенища в кожаные кружева.

- Перлюрены, - прошептал Лучано, углубляясь в лес. - Как есть Перлюрены! Да что же за страна такая!

Глава 4

Ученики и наставники

Синьор Фарелли, то есть Лучано, зашагал в сторону озера, и Пушок побежал за ним, помахивая хвостом и делая вид, что вовсе не сопровождает итлийца, а просто идёт купаться. Выглядело это так забавно, что Айлин не удержалась от улыбки, и только когда оба скрылись за кустами, перевела взгляд на Аластора. Друг стоял возле кострища на одной ноге, стараясь не наступать на вторую – в носке, но без сапога. Сапог он держал в руках и рассматривал кружево, в которое превратился отворот. Между прочим, очень красивое кружево, работа на загляденье тонкая, если, конечно, то, что сделано зубами енотов, можно назвать работой.

«Вот я бы не отказалась так украсить сапоги! И Саймону бы понравилось, наверное...» – невольно подумала Айлин и тут же устыдилась своих мыслей. Аластор выглядел так, словно ему очень хотелось запустить этим сапогом хоть куда-нибудь, и явно сдерживался только из-за отсутствия запасной пары.

– Прости, Ал, – виновато вздохнула она. – Если бы я вчера кинула в енотов заклятием... Но они такие забавные, я и подумать не могла, что от них может быть столько неприятностей! Или надо было велеть Пушку их прогнать.

– Я думаю, Пушок их ночью и прогнал, – откликнулся друг. – Наверное, не выдержал наглости, когда они крали мой сапог. Но при чём здесь ты, в самом деле! Ты ведь тоже никогда не бывала в лесу, да? Это я болван! Должен был сообразить... Ладно, ничего уже не поделаешь, всё равно вторых сапог нет. Овёс вот жалко – лошадям придётся туго. Что смогу – соберу, но они же его по всей поляне разнесли.

– Ну, до Керуа мы как-нибудь доберёмся, – утешила его Айлин. – И там купим овса. А сапоги... Ал, вот увидишь, стоит тебе вернуться в столицу – и они станут последним капризом моды! Ни у кого таких нет!

– Неудивительно! – от души согласился Аластор, уныло разглядывая сапог.

Айлин снова едва не хихикнула – и вдруг задохнулась. Воздух стал плотным и тягучим, внезапный холод пробрался под куртку, превращая тело в неподвижный холодный камень... Она попыталась что-то сказать – и не смогла. Ноги подкосились, мир вокруг закружился, и она беспомощно осела на землю. Мелькнуло изумлённое лицо Ала. Кажется, он бросился к ней, но у Айлин потемнело в глазах, а тело налилось свинцовой тяжестью, и даже пошевелить рукой было невозможно. Паралич!

Кто-то атаковал их Фиолетовой силой! А она даже не почувствовала поблизости некроманта! В глазах потемнело окончательно, и она провалилась куда-то в тёмную холодную глубину.

...Ощущение своего тела возвращалось медленно. Сначала пришёл озноб, но Айлин обрадовалась даже ему, ведь это значило, что она жива. Потом в нос ударил сырой запах земли и влажных листьев, а тело словно закололо иголками. «Чувствительность восстанавливается, – подумала Айлин и вспомнила описание из учебника: „Вторая фаза после применения заклятия паралича – частичный паралич конечностей. На этом этапе возвращается речь, но...“» Мысли путались, и больше всего удивляло, что ей совсем не страшно. А ведь должно быть!

– Что вы делаете?! – прозвучал неподалёку полный изумлённой ярости голос Аластора.

Айлин попыталась открыть глаза, но веки словно склеились.

– Помолчите, юноша, – ввинтился в уши другой голос, устало-брюзгливый и такой знакомый, что Айлин просто не поверила себе. Этого человека здесь не могло быть! – Мешаете. Ну вот, изволите видеть, ваша подруга пришла в себя. А ведь могла бы так и не очнуться, ей же было бы легче.

«Зачем он врёт? – растерянно подумала Айлин. – Паралич подолгу не действует. Я бы всё равно скоро опомнилась». А вслух выдохнула:

– Мэтр Денвер?!

Веки, наконец, послушались. Айлин открыла глаза и едва не вскрикнула. Склонившийся над ней чумазый и оборванный старик ничем, ну совершенно ничем не напоминал всегда подтянутого и подчёркнуто-аккуратного наставника. Слипшиеся и взлохмаченные волосы, грязь в морщинах, засаленная одежда, в которой с трудом угадывался охотничий костюм...

Прежними остались только глаза под широкими густыми бровями, пронзительно-голубые, как осколки льда. Но даже они сейчас казались чужими, неправильными. Что-то странное, наводящее

на мысли о безумии, смотрело из глаз мэтра Денвера, словно жуткое существо надело маску хорошо знакомого человека.

Айлин попыталась сесть и тут же поняла, что не может. Паралич оказался ни при чём, её руки и ноги были растянuty звездой и привязаны к вбитым в землю кольям, тем самым, на которых раньше стояла палатка. Стиснув зубы от напряжения, Айлин смогла лишь повернуть голову – и увидела немного поодаль сидящего у дерева Аластора, тоже связанного и прикрученного к стволу. Друг ответил ей виноватым взглядом и дёрнулся, но безуспешно.

По спине пополз противный холодок страха. Непонятно, что происходит, но наверняка что-то очень мерзкое! Слишком хорошо она знала позу, в которой была привязана. В любом учебнике по ритуальной некромантии «жертвенная звезда» встречается много раз. Но почему мэтр?!

А ещё она поняла, что Пушкина нигде нет. И Лучано тоже. Ах да, они же ушли к озеру. Значит... Значит, надежда есть!

Айлин попыталась мысленно позвать Пушкина, но вокруг неё словно выросла глухая стена, и она поняла, что мэтр Денвер поставил вокруг поляны ментальный щит. Очень предусмотрительно с его стороны! Ну почему она сама не была такой осторожной?!

«Если выживу, – подумала Айлин, пытаюсь отогнать липкий ужас, – обязательно буду ставить полный набор щитов! Как бы ни казалось вокруг безопасно...»

– Рад видеть, что вы меня всё-таки узнали, – сухо кивнул старый некромант, наклонился ниже, и его пальцы, тоже грязные и с обломанными ногтями, принялись расстёгивать на ней куртку.

Айлин затошнило от брезгливости. Озеро ведь рядом! Как можно было так себя запустить! А ещё наставник, называется! Но в следующий миг она опомнилась. Денвер уже тянул вверх её рубашку!

Дёрнувшись, Айлин безуспешно попыталась сбросить чужую руку, омерзительную и по виду, и по действиям.

– Уберите руки от леди, мерзавец! Здесь вам не дом терпимости! – рявкнул Аластор, и мэтр Денвер изумлённо взглянул на него.

– Я же просил не мешать! – бросил он, а потом, вдруг побагровев так, что это было видно даже под грязью на лице, возмутился:

– Да как вы посмели?! Что за мерзость у вас в голове!

Он перевёл взгляд на Айлин и выдохнул:

– Что, и вы тоже подумали?... Ревенгар! Я же ваш преподаватель! Это всё влияние Бастельеро, – пробормотал он раздражённо. – Паршивый щенок, ни малейшего уважения к старшим, и адептов этому же учит.

– Ни о чём таком я не думала! – запротестовала Айлин. – Ал, это же мэтр Денвер! Он мой наставник. И вообще он старый!

Она посмотрела в лицо мэтру, почему-то ответившему ещё более злым взглядом, и поспешно добавила:

– Я прекрасно вижу, что вы собираетесь принести меня в жертву.

Скосила глаза на порядок рун, прорисованных вокруг её тела, и уточнила:

– Ради силы, да?

Мэтр Денвер вскинул брови и посмотрел на Айлин с удивлённым интересом, словно впервые увидел.

– Подумать только, Ревенгар, я вас недооценивал. А вы, оказывается, умны, наблюдательны и значительно опережаете программу! К тому же умеете принимать неизбежное с достоинством. У меня под самым носом был такой бриллиант, а я делал ставку на Морьеzu! Как жаль, клянусь Падшим...

Айлин с трудом подавила вскрик. Падшим – то есть Барготом? Но ведь мэтр Денвер – некромант, разве он может призывать Баргота? Не говоря уже о том, чтобы принести человеческую жертву! Что за безумие им овладело?

«А может, я сплю? – подумала она. – Может, мне просто снится кошмар? Наверное, так оно и есть!»

Мэтр Денвер удовлетворённо улыбнулся, словно увидел что-то очень приятное, и тут же помрачнел.

– И просто поразительное самообладание, особенно для Ревенгаров, – пробормотал он почти себе под нос. – Кто бы мог подумать... Пожалуй, окажись здесь Бастельеро – и я охотно оставил бы вам жизнь, но этот негодяй уже второй раз уваливает от жертвоприношения! А ведь хотел же я его вместо мальчишки... Впрочем, какая теперь разница? – прервал он сам себя.

– Отпустите леди! – рявкнул Ал так, что Айлин невольно вздрогнула. – Лучше убейте меня!

– Да помолчите же, юноша! – раздражённо прикрикнул некромант. – Мешаете! Во-первых, вы не маг, во-вторых, я менее всего заинтересован в вашей смерти! Вами я займусь чуть позже, так что подождите. Впрочем...

Он отвернулся к Аластору, помолчал немного и наконец кивнул:

– Вы злитесь? Превосходно!

Снова наклонившись над Айлин, он осмотрел её с ног до головы странным оценивающим взглядом и развёл руками.

– Вам придётся немного потерпеть, Ревенгар. Если вы знаете теорию жертвоприношений, то просто обязаны понимать, что лучшая жертва – та, что выведена из себя. Эмоции – ключ, открывающий сознание... Эту тему мы ещё не проходили и с вами уже не пройдем. Почти жаль.

Неприятно шершавая рука Денвера скользнула под рубашку, бесцеремонно стиснула грудь. Айлин невольно вскрикнула от боли и отвращения, забилась, пытаясь стряхнуть руку, и услышала яростный рёв Аластора. Денвер удовлетворённо улыбнулся и положил вторую руку на её пояс. Нет! Да нет же! Только не это! Пушо-о-о-ок... Ей показалось, что она услышала безмолвный отклик, будто знакомый упругий нос ткнулся в ладонь. Хоть бы это была правда!

– Ну-ну, Ревенгар, потерпите ещё немного. Клянусь Падшим, всё это вовсе не доставляет мне удовольствия. Как я уже сказал, я предпочёл бы видеть здесь Бастельеро...

– С него вы тоже стянули бы штаны?! – яростно выплюнула Айлин и почувствовала, как вспыхнула щека от мгновенной пощёчины.

Аластор забился в путах, яростно рыча без слов, и на мгновение Айлин показалось, что он сейчас вырвется. Но что профан может против некроманта? Пусть и обученный воин, Аластор беспомощен! Ну где же Пушок и Лучано? Итлиец тоже профан, но он опытный убийца! Может, он хотя бы отвлечёт Денвера на себя и даст Айлин возможность освободить одну руку?! Ей бы несколько мгновений, хоть одно-два!

– Мразь, – прохрипел Аластор. – Какой вы наставник? Бар-р-готова тварь! Она же девушка, ваша ученица...

– Вы меня утомили, – холодно уронил Денвер, вставая и отходя от Айлин. – Неужели нельзя спокойно подождать своей участи? Ваше счастье, юноша, что на вас у меня иные планы. Но дерзости я спускать больше не собираюсь. Небольшой урок вам не повредит.

Айлин закрыла глаза, боясь посмотреть в сторону Аластора. Небольшой – значит, мэтр его не убьёт? Не убьёт же, да?! Претемнейшая, пожалуйста, пусть окажется, что Денверу нужна только её жизнь? Пусть Аластор как-нибудь уцелеет! Конечно, тогда всё будет плохо, очень плохо, но... А лучше всего – пусть их сейчас спасут! Ведь может её и Аластора кто-то спасти?! Пушо-о-о-о-ок!!! Ну где же ты?!

Аластор как-то странно вскрикнул, будто стиснув зубы, и Айлин зажмурилась ещё сильнее. Проклятый мэтр Денвер! Чтоб ему сдохнуть! И ничуть ей не стыдно, что так думает о наставнике! Да и какой он ей наставник?! Барготова тварь – прав Аластор! Некромант, собирающийся принести кровавую жертву! Хуже умертвия! То хотя бы существо бессознательное!

– Не нравится, да? – слышался глумливый голос Денвера. – Все вы гордецы – высокородные мальчишки и девочки... Ну-ну, не скрипите зубами, никакого вреда я вам не причинил. Вот если бы взялся всерьёз, вы бы очень быстро принялись молить о пощаде и скулить. Королевская кровь! Ублюдки высокомерные...

Он отошёл от Аластора, и мигом позже Айлин снова ощутила зловоние немытого тела, волной окатившее её, когда Денвер оказался рядом. Глубоко вздохнув, она открыла глаза, поклявшись, что больше ни за что их не закроет. Что бы с ней ни делали! Если придётся умирать – то она умрёт как магесса. И как Ревенгар! А потом обязательно станет неупокоенной душой и устроит мэтру Денверу такое... такое... Баргота с два он от неё отделается, как от обычного призрака!

Она посмотрела в лицо старого некроманта, сосредоточенное и совершенно спокойное, разве что с лёгкой брезгливостью. В руке Денвера блеснул ритуальный нож, и мэтр принялся нараспев читать какое-то незнакомое заклинание, при первых звуках которого Айлин накрыла волна ужаса и отвращения...

* * *

Обогнав Лучано, синьор Собака гордо трусил по тропинке, слегка покачивая роскошным веером хвоста. Вид у него при этом был торжественный, словно у дожа, вышедшего на ежегодное праздничное шествие в честь Семи Благих. Только драгоценной цепи с медальоном не хватало и пояса с гербовой бляхой. Хм, а если нацепить на синьора Собаку пояс, то с какой стороны должна быть бляха? На животе её не будет видно, а на спине как-то странно соотрится...

Лучано внимательно поглядывал по сторонам, но в голову лезли всякие легкомысленные глупости, а настроение было на редкость хорошим. Подумаешь, пропавший котелок! Найдётся. А если нет, всё равно до последнего города осталось не так уж много... Вот эта мысль ему настроение испортила, Лучано даже поморщился.

Думать о том, что путешествие скоро подойдёт к концу, отчаянно не хотелось, потому что он прекрасно помнил, чем именно оно должно закончиться. И даже не в том дело, что с путешествием, скорее всего, закончится и его собственная жизнь. Королева Беатрис может передумать и повременить, но это... неважно. Просто у него никогда больше не будет этих ночёвок в лесу, в пропахшей дымом от костра палатке, где даже холодными ночами тепло и так странно уютно.

Кто бы ему раньше сказал, что он, младший мастер Шип, станет доверчиво засыпать между почти незнакомцами. Шутить с ними, щуриться от удовольствия, запуская руки в рыжие локоны, искоса поглядывать, как редкая улыбка трогает губы грандсиньора бастардо...

За эти дни он выучил, какой шамьет эти двое любят больше всего. Синьорина Айлин – крепкий и пряный, но не сладкий, зато горячий настолько, что пальцы едва терпят кружку. А она обхватывает посудину обеими руками, словно греется об неё, и всегда – всегда! – благодарит взглядом, словно это не обязанность Лучано – служить благородной девице.

А Вальдерон любит послаще, и Лучано уже извёл почти все запасы мёда на этого сластёну, каждый раз добавляя ему в кружку особую порцию. И ведь не замечает! Ну как можно быть таким беспечным! А если ему кто-то яду так сыпанёт?!

«Ведь должна у них быть хоть какая-то тайная стража, м? – попытался успокоить себя Лучано. – Не могут не беречь единственного наследника там, где все помешаны на линиях крови. Да и вообще, не моё это дело. Мне лишь нужно вернуть его в Дорвенну живым, а там бастардо с его честью и великодушием сыграют, словно козырную карту. Там, где ставка – трон, игроки не тебе чета, мастер Шип. И раньше тебя такие мелочи не беспокоили».

«Потому что раньше я не просыпался, уткнувшись лицом в плечо человека, бросившегося за мной в ледяную реку, – ответил сам себе Лучано. – Конечно, это только из-за тесноты в палатке. Но всё-таки... И раньше меня не звала по имени грандсиньорина, у которой благородных предков больше, чем блох на уличной кошке. Глупо думать, что это делает нас равными. А вот смерть, которую она мне доверила... Вот она, пожалуй, нас уравнивает. И всё чаще приходится напоминать себе, что я ничего не могу сделать. Ни-че-го! Как там говорила чинская гадалка Минри? Судьба идёт по заранее начертанной колее? И никто из нас не может из неё выбраться?»

Следуя за Пушком, он свернул к самому озеру, почти в те кусты, где вчера его нашёл Вальдерон. И смешно вспомнить, и стыдно. Пушок, не останавливаясь, пробежал мимо, хотя глянул на кусты внимательно, даже голову повернул. А потом шумно рухнул в воду и поплыл от берега куда-то вдаль.

– Помощничек! – растерянно и уныло заключил Лучано. – И что мне делать?! Котелок-то где?

Он всё-таки сунулся в кусты, не особо на что-то надеясь, и... Барготовы подштанники, удача! Железный бок их главного походного сокровища, не считая палатки, призывно блеснул в примятой траве. А в котелке виднелось что-то тёмное!

Лучано осторожно раздвинул стебли, опасаясь, что в посудине могла затаиться змея, присмотрелся... и едва не прыснул, даже рот прикрыл ладонью.

Перлюрен! То есть енот!

Маленький, на двух ладонях запросто поместится! Совсем ещё детёныш! Ушки круглые, лапки умильно когтистые, хвостик серый и короткий, но толстенький, как морковка. И пузо такое круглое, что сразу ясно, куда подевались утиные потроха. Неужели эта кроха их все слопала?!

Трава вокруг котелка была примята, и Лучано, приглядевшись, увидел множество звериных следов, а потом – цепочку собачьих. Так-так... Он, конечно, не опытный егерь, но похоже, что старшие родичи этого малыша доблестно стянули котелок и притащили сюда, но их, в свою очередь, разогнал синьор Собака. Детёныша он то ли не заметил, то ли посчитал ниже своего достоинства поднимать зуб на такую мелочь, а маленький Перлюренчик воспользовался случаем.

– Ну и правильно, – посмеиваясь, одобрил Лучано. – С этими здоровяками того и гляди голодным останешься. Эй, ты меня совсем не боишься, а?

Енотик открыл глаза и посмотрел так жалобно, что сразу стало понятно: боится, ещё как! Но объелся до совершенно невменяемого состояния, превратившись в круглый мохнатый мячик, серый с тёмными полосками. И даже шевельнуться не может, попавшись в ловушку коварного котелка...

– Ну разве так можно, синьорино? – укоризненно сказал ему Лучано. – Еда едой, но об осторожности забывать не следует. Главное в нашем деле – заранее знать, куда и когда бежать после самого дела.

Он протянул руку и погладил мягкую шёрстку. Енотик вздохнул и прижал ушки, словно показывая, что всё понимает, раскаивается, но вот беда – лапы совсем не слушаются, а пузо тяжёлое... И не будет ли великодушен благородный грандсиньор пойти своей дорогой? Что ему, такому большому и сильному, прибывтка от маленького жалкого зверька?

– Может, ещё и котелок тебе оставить? – иронически осведомился Лучано и прочитал в радостно вспыхнувших чёрных глазках, что оставить, конечно же! – Ну, ты и нахал! Пойдёшь со мной, мохнатый недотёпа. Одна прекрасная синьорина наверняка позабавится, глядя на твою умильную мордашу. А мне – так уж получилось! – очень хочется чем-то её порадовать. Не бойся, потом отпущу.

Он подхватил котелок и прикрыл енотика ладонью, невольно ожидая, что зверёк дернется. Может, даже, укусит. Но Перлюренчик снова обречённо вздохнул, покоряясь.

– Ну и правильно, – одобрил его Лучано. – Если не можешь сбежать, надо делать жалобные глазки. Глядишь, кто-то и обманется. Я смотрю, ваши мастера знают толк в воспитании. А что попался – это бывает. Скажи спасибо, что мне, а не синьору Собаке...

Кстати, а где синьор Собака?

Лучано глянул на озеро, откуда доносилось весёлое хлюпанье – оказывается, всего один волкодав, пусть и дохлый, может произвести шума больше, чем дюжина прачек, что полощут бельё. Разве что волкодав молчит, зато плещется так, что брызги взлетают до небес. И заплыл уже далеко, почти на середину озера.

Но вот Пушок, словно почувствовав его взгляд, перевернулся в воде, посмотрел на берег, с которого приплыл, и что-то неуловимо изменилось. Волкодав рванул к берегу мощными размашистыми движениями лап, в которых больше не было никакой щенячьей игривости. Белое мохнатое тело вытянулось в воде, морда задрана, и даже со стороны видно, что пёс отчаянно спешит. Но до берега ему плыть ещё далеко, а вода сильно замедляет движения.

У Лучано по спине прокатился холодок. Он оглянулся на лагерь, оставшийся позади, перехватил котелок поудобнее, так и не вытряхнув из него непрошеного гостя, и кинулся бежать по тропинке. Может, ему показалось, но лучше выставить себя идиотом, чем пропустить настоящую беду. Демоны? Да нет, от этих тварей было бы столько шума!

И потому Лучано не собирался влетать на поляну с разбегу. Он же не синьор Собака всё-таки. Очень уж там нехорошая тишина. И голоса издалека... Спокойные голоса, ни крика, ни ругани, но чутьё так и вопило, что это неспроста.

На бегу он посмотрел на руку, в которой так и сжимал котелок. Идиотто. Нет бы хоть дагу с собой взять! Придётся обходиться тем, что есть. А есть у него шпильки с набором разных секретов, ну и ножи, разумеется. Один на запястье, второй в сапоге. Негусто. Но бывало и хуже.

Когда до поляны осталось дюжины две шагов и один поворот, Лучано осторожно свернул с тропы, превратившись в тень самого себя. Неслышную и как можно менее видимую тень. Да, в лесах он не бывал, зато отлично умел ходить по любому саду. А разница не так уж велика, синьоры. Трава, земля, коварные хрустящие ветки. Зато в этом лесу вряд ли есть ловушки, которыми полны сады итлийских грандсиньоров, очень ценящих свою жизнь. Вот и хорошо, что это всего лишь лес, м?

Шаг, второй, третий... Лучано бесшумно скользнул в кусты, окаймляющие поляну. Беззвучно поставил на землю котелок. Прислушался. Негромкий разговор... Магесса кому-то заговаривает зубы, старается изо всех сил. Умница, беллиссимо. Вот и бастардо присоединился. Но почему ничего не делают? Неважно. Не делают, значит, не могут.

Лучано окончательно отпустил все посторонние мысли и даже задышал иначе, чем обычно, – ровно, медленно и глубоко. Когда-то грандмастер Лоренцо из уважения к Ларци дал его ученику пару уроков. Уроки от самого Лоренцо Стилета – о, это дорогого стоило. Лучано ждал особенных секретных приёмов, но Силет лишь улыбнулся узкими бледными губами и показал ему, как стать оружием самому.

Оружие не боится, не делает ошибок, не думает лишнего. Оно скользит вперёд в безупречном ударе, единственном, а большего и не надо. Лучано выбросил из головы всё, что делало его человеком, и мир вокруг стал чётким и ярким. Вот поляна, на ней трое. Магесса растянута на земле, бастардо привязан у дерева.

Разум равнодушно пропускал услышанные слова и вытаскивал из них только то, что имело значение. Старик на поляне – маг. Наставник синьорины. Тварь Барготова. Цель.

Нож скользнул из рукава в ладонь.

Вскрикнул бастардо, и Лучано позволил себе один взгляд в ту сторону. Просто оценить, насколько цель увлечена пыткой. Там, над бастардо, его ловить неудобно, лучше бы вернулся к магессе. Вот она как на ладони.

Но то, что маг делал с Вальдероном, Лучано всё-таки увидел. Не настоящая пытка, всего лишь развлечение. Один точный и почти ленивый удар носком сапога в пах, а потом туда же слегка наступить... Больно и очень, очень обидно. Особенно для мужчины-дворянина, вдруг обнаружившего, что не может управлять собственным телом. И оно, это тело, совершает грязный постыдный конфуз. А синьор маг знает толк в унижениях.

Лучано почти пожалел, что нельзя оставить его в живых ненадолго. Слишком опасен. А жаль. Он никогда не мучил клиентов, но если цель начинает первой... Это его, Лучано, спутники! Его Вальдерон и его магесса! И всякая тварь будет руки распускать? Ну, ещё пару шагов назад, м?

Маг вернулся к синьорине Айлин, поднял руку, забубнил что-то, и тут на поляну вылетел Пушок. Лучано затаил дыхание, ожидая, что вот-вот огромная белая молния налетит, собьёт и...

Ему показалось, что Пушок прямо в воздухе врезался в стену. Пёс молча перевернулся и мохнатой грудой мокрой шерсти упал на землю, а магесса отчаянно вскрикнула. Так, словно ей сделали невыносимо больно.

– Не-е-ет!

Старик поднял руку с ножом и указал в сторону упавшей собаки медленным плавным жестом.

– Пушо-ок! – опять закричала Айлин.

Волкодав бился, пытаясь подняться, но с каждым движением всё медленнее, будто терял силы.

Лучано заставил себя отвести от него взгляд. Не время. Круто развернувшись, маг шагнул к синьорине, наконец-то подставляя спину, и рукоять ножа, нежно и крепко лежащая в ладони Лучано, попросилась в полёт. Вдох! И одно движение кисти.

Нелепо вскинув руки, старик застыл на месте, будто стараясь понять, что укололо его в шею. Лучано на выдохе выхватил второй нож, метнулся к упавшему и коротким чётким движением сунул ему лезвие под лопатку, прямо в сердце.

Оставив нож там, выдернул из тела первый, бросился к синьорине и перехватил на ней верёвки. Потом – к бастардо. Тот дёрнулся, неловко приподнялся... стиснул зубы – лицо аж закаменело... Идиотто! Нашёл, о чём думать! Ах, ну да, у нас же благородная синьорина здесь рядом! Неважно, что их обоих чуть не убили. И он, Лучано, трижды идиотто, что потакает этому дурному мальчишке. Но это от радости, видит Претемнейшая. От радости, что они живы. Оба! И Вальдерон, и магесса!

Собственная фляжка у него давно опустела, но вещи, разворошённые енотами, так и лежали грудой на поляне совсем рядом. Выхватив из кучи общую флягу, Лучано сдёрнул колпачок и с преувеличенной тревогой осведомился:

– Как вы, синьор? Хотите глотнуть? О, бар-р-готово дерьмо! Тысяча извинений! Мне так жаль...

– Н-ничего... – с невероятным облегчением выдохнул бастардо, словно ему, приговорённому к казни, подписали помилование, и посмотрел себе на штаны.

Туда, где расплывалось пятно щедро вылитого карвейна, надёжно скрывшее другое пятно, поменьше.

Ни один Шип не посчитал бы такую мелочь позором. Старый мерзавец явно знал, куда и как бить. И

вообще, он мёртв, так что какая разница? Но эти благородные синьоры!

Вальдерон поднял взгляд, и Лучано увидел в его глазах такую истовую благодарность, что ему самому стало отчего-то стыдно. Ну точно, ненормальный... Когда его от демона спасли, и близко так не смотрел!

– Ал! Ты в порядке?!

Вскочившая синьорина кинулась к ним обоим, вгляделась бастардо в лицо. Тот неловко улыбнулся, и Лучано захотелось оказаться где-нибудь подальше от этой поляны. Прямо сцена из драмы! И не какой-нибудь балаганной, а высокая трагедия, как она есть! И что ему, персонажу третьей линии, делать между двумя главными героями?!

– Лучано! – обернулась к нему магесса. – Спасибо!

– Не стоит благодарности, – слегка поклонился Лучано. – Ваш пёс...

И отошёл к синьору Собаке, что пытался подняться, но тут же снова падал набок.

– Пушок...

Ну и зачем эти двое тоже кинулись сюда? Им бы сейчас друг другу в глаза смотреть, думая о счастливом спасении. Ловить момент... Когда смерть проходит мимо, жить хочется особенно сильно, и, попроси бастардо его ещё раз сходить к озеру за водичкой и не возвращаться в ближайший час, Лучано бы не удивился. И сходил бы, конечно. Когда двое так смотрят на друг на друга...

Смотрели! А теперь они страдают над полудохлым волкодавом, боясь встретиться глазами! И почему Лучано от этого тошно, словно он сам виноват в чьей-то дурасти? Кстати, волкодав и в самом деле ведь дохлый. Но был как живой! И как его прикажете лечить, если что?

– Пушочек... – мягко уговаривала пса синьорина, поглаживая по морде. – Хороший мой. Что он с тобой сделал? Выпил, да? Вот ведь...

Она запнулась. Видимо, воспитание даже сейчас не позволяло назвать мёртвого мага, как синьорине явно хотелось и как он того заслуживал. Пушок жалобно смотрел, лизал ей руки замшевым языком и вилял хвостом.

– Он поправится? – с тщательно скрытой тревогой спросил бастардо.

– Конечно!

Айлин старательно улыбнулась, и Лучано искренне понадеялся, что так и будет. Иначе придётся везти синьора Собаку на свободной лошади. Вряд ли синьорина позволит оставить его в лесу, да Лучано и самому об этом даже думать не хотелось.

– Конечно, поправится, – уверенно повторила магесса и встала. – А дражайшего мэтра Денвера следует...

– У-по-коить... – прохрипел мертвец, изогнулся дёрганым, совершенно неестественным движением и встал на четвереньки. – Правильно мыслите, Р-р-ревенгар-р-р... Но без учёта важных... исходных... данных.

И глумливо улыбнулся.

Лучано посмотрел в пустые, безусловно мёртвые глаза убитого им человека. Отлично убитого, на совесть! Дважды, считая завершающий удар! Ну не оживают после такого! Порядочные покойники, во всяком случае...

По спине прокатился мороз, словно кто-то плеснул туда ледяной воды. Лучано невольно сделал шаг назад, потом опомнился и скользнул к лошади, у седла которой был пристёгнут арбалет. Выдернул его с уже наложенным болтом и замер. На лице магессы ледяной маской застыл ужас, которого не было ни на холме перед ордой демонов, ни в проклятой деревне.

Почему? Она ведь некромантка! А это вставший труп! Как раз по её части, верно? С крестьянкой в колодце их синьорина управлялась не играючи, но спокойно и уверенно. Так почему боится этого старика? Да, правильные мертвецы не встают, но в этом их Дорвенанте возможно всё!

Синьорина Айлин что-то шептала, напряжённо глядя на убитого, а тот, стоя на четвереньках, продолжал улыбаться. Потом одним плавным движением поднялся на ноги, и Лучано стало ещё страшнее. Люди так не двигаются. Люди не могут завести руку за спину так, словно у них там ни одного сустава, а рука превратилась в огромную змею.

Выдернув нож, мертвец небрежно кинул его в сторону и обвёл всех на поляне многообещающим, несмотря на пустоту, взглядом.

– И стоило так усложнять? – прохрипел он уже увереннее. – Глупая девчонка. Всё равно... никуда... не денетесь.

И опять улыбнулся, показав мгновенно заострившиеся клыки.

* * *

Словно во сне Айлин видела, как Лучано бросился за арбалетом, как Аластор подхватил секиру, а Пушок опять попытался приподняться и оскалится навстречу Денверу. Тот ответил не менее злым оскалом, и Айлин увидела, как изменился рот старого некроманта. Губы утончились, и крупные острые зубы приподняли их, выпирая наружу. Слегка сгорбившись, Денвер стоял на четвереньках, и это выглядело одновременно жутко и нелепо, словно Айлин попала в кошмар наяву. Как он вообще мог подняться так быстро?! И... кем?

Она лихорадочно перебрала основные виды нежити. Стригои днём не встают – солнце их убивает! Обычные упыри тоже не показываются до заката, а ещё у тех и других длинный цикл созревания.

Может, мертвые? Но Денвер только что вытащил нож из-под лопатки таким гибким и неожиданно молодым движением, что сомнений не осталось – кто угодно, только не простая кладбищенская нежить! Умертвия совсем иначе двигаются! Проклятие, да что же он такое?!

Внутри противно ёкнуло – как вообще можно рассуждать о мэтре Денвере подобным образом? Он же был её преподавателем!

«Мастер Крема тоже был преподавателем! – яростно подумала Айлин, сама не зная, на кого злится больше – на себя, глупую курицу, или на бывшего наставника. – Обезумел Денвер или действительно поклонялся Барготу все эти годы – какая разница, если он пытался нас убить?! А теперь он вообще не человек!»

И тут она спохватилась! Выдохнула быструю фразу и махнула рукой в сторону друзей... Очень вовремя!

Денвер расхохотался неприятно шипящим смехом, встал с четверенек и на полусогнутых ногах пошёл к Аластору с итлийцем, но остановился в шаге от них. Зашипел и отпрянул, обернулся к замершей Айлин, яростно сверкнул почерневшими глазами...

– Ревенгар! Ваших рук дело?

Айлин улыбнулась как можно беспечнее и пожала плечами, постаравшись отогнать некстати проснувшуюся гордость. Щит был экспериментальным: пару месяцев назад Саймон, спасаясь от брошенной в него на тренировке «Могильной Плиты», поставил нечто совершенно невообразимое, не поглощающее, а отражающее магию. И Дарра целых две недели делал расчёт конструкции, а потом проследил, чтобы Айлин с Саймоном вызубрили новое заклятие лучше, чем молитву Претемнейшей, и никому о нём не рассказывали. Вот и пригодилось! Жалко, что на два щита у неё не хватит концентрации... И это не игра в «кукушку», здесь промах обойдётся слишком дорого.

Мэтр Денвер поскрёб невидимый щит уродливо удлинившимися ногтями и поморщился.

– Клянусь Барготом, Ревенгар, на занятиях я от вас такого рвения не видел.

Слегка повернулся и... небрежно перехватил «Могильную Плиту». Просто раскрытой ладонью! Хотя любое умертвие «плита» должна была уничтожить, а стригию – переломать все кости! Если бы, конечно, мэтр был стригием...

Расширившимися глазами Айлин смотрела, как перехваченное заклятие истаивает, словно впитываясь в ауру мёртвого некроманта. Такого... такого просто не бывает!

Денвер облизнулся – так похоже и на стригию с картинки в учебнике, и на упыря, и на умертвие, что у неё вдруг резко ослабели колени. Отчаянно захотелось бежать как можно дальше, чтобы не догнала эта тварь, чем бы она ни была! Но это желание тут же исчезло, смытое приливом яростной злости на себя. Бежать? А как же друзья?! Не бросит же она их на растерзание невесте кому?

И всё-таки Айлин невольно попятилась, не забывая держать щит вокруг Аластора и Лучано. Невесте кому... невесте...

Она закусила губу, снова перебирая в памяти все известные виды нежити, на сей раз редкие. Действительно, как можно было подумать, что мэтр Денвер, один из лучших некромантов Ордена,

встанет банальным упырьём?!

Глаза мертвеца злорадно блеснули, и он опять облизнулся, явно наслаждаясь её страхом и растерянностью. Ночница? В них превращаются только невинные девушки. Морой? Он становится кровососом при жизни. Мормо? Вообще бесплотный дух!

Ну почему она так легкомысленно относилась к занятиям по нежитеведению?! Да потому, что Дарру и Саймона эта область не слишком интересовала! Лорд Бастельеро делал упор на боевую некромантию и проклятия, как и сам Денвер. А нежить казалась Воронам чем-то неважным, несущественным... Разве что Эдгар Гринхилл готовился в кладбищенские мастера и знал назубок всех, кто может прийти с той стороны жизни. Но его здесь нет. Поэтому думай, Ревенгар! Думай...

Страница из дневника Лоу спасительно всплыла в памяти. Киран Лоу тоже был кладбищенским мастером, охотником на нежить. И там точно было о поглотителе силы!

Айлин вздрогнула и подавила желание сделать ещё шаг назад. Она вспомнила. Единственная нежить, которая поглощает магическую энергию, это кадавр! Древняя страшная сказка для любого некроманта! Дух мага, ожививший собственное мёртвое тело для охоты на чужую душу!

– Это кадавр! – крикнула Айлин, краем глаза видя, как Аластор замахивается секирой. Её щит не помешал бы самому броску, но толку? – Оружие его не убьёт! И огонь – тоже. И... магия бесполезна! – честно добавила она, чтобы друзья поняли, насколько всё плохо.

Мэтр Денвер трижды хлопнул в ладони с издевательской учтивостью.

– Bravo, Ревенгар! Искренне восхищаюсь вашими знаниями. Даже жаль, что они ничем вам не помогут. Хм, разве что зачесть вам экзамен по нежитеведению напоследок?

И снова глумливо улыбнулся. Мерзавец!

Айлин бросила отчаянный взгляд на неподвижно застывшего Пушка, на Аластора и Лучано – хотя бы до них обезумевший мэтр Денвер не доберётся! Впрочем, пока не доберётся... Если кадавр убьёт её, щит упадёт.

Она в бессильной злости сжала рукоять подаренного магистром Роверстаном ножа... и замерла от простой и удивительной мысли: кадавр, конечно, отвратительное создание и нарушает все законы Претемнейшей, но ведь он просто призрак! Дух, захвативший собственное мёртвое тело. Вот, кстати, почему она не видела Денвера призраком. Он не покинул свой труп. Но получается... Его можно упокоить! Просто упокоить, как любого призрака! Нужно только понять – как это сделать? На этот счёт в дневнике мэтра Лоу никаких указаний не было!

«Ясно одно, – торопливо подумала Айлин. – Сначала обездвигить и лишить возможности колдовать! Вот только...»

Она снова огляделась по сторонам и мысленно ругнулась словами, совершенно неподходящими для леди... и, пожалуй, вообще ни для кого не подходящими. Чтобы обездвигить мёртвое тело, нужны острые колья. Пусть даже не слишком длинные! Колышки от палатки, те самые, к которым привязывал её мэтр Денвер, подошли бы как нельзя лучше, но не стоит и мечтать, что кадавр её к ним подпустит!

А что, если вместо колышков использовать нож?

Вот только для этого нужно сбить покойного мэтра с ног, а как это сделать? Он ведь намного сильнее!

Нож почти обжигал руку, так не терпелось пустить его в ход, и Айлин поняла, что больше не боится. Сейчас всем её существом завладела злость. Этот мерзавец хотел принести её в жертву! И ладно бы только это! Для некроманта, отдавшего Барготу, подобное... как-то даже естественно. Барготопоклонники приносили людей в жертву, это все знают. Но он её... он её трогал! Как... непристойную девку! Ещё и на глазах у Аластора! И самого Аластора ударил. И Пушка выпил, словно обычный упырь! Ещё и издевается! Экзамен он ей зачтёт, надо же! Да ей за ту деревню с холмом и так три экзамена причитается! По боевой магии, по прикладной некромантии и по ритуальной тоже!

Злиться было приятнее, чем бояться, и гораздо проще. Выпрямившись, Айлин крепче сжала нож и звенящим от гнева голосом сказала:

– Благодарю, обойдусь! Когда я вас упокою, экзамен мне и так засчитают, причём на высший балл. А я вас обязательно упокою, слышите?! Одного только понять не могу, как вы нас выследили?

– Вас только это интересует, Ревенгар? – ухмыльнулся Денвер, и в его речи проступили знакомые

брюзгливые интонации. – Глупая наглая девчонка! Извольте, объясню. Я засёк вспышку силы в той деревне, которую вы зачистили. Неплохо зачистили, признаю. А потом оставили свою подпись, как и положено. К вашему сведению, эту традицию придумали не только для того, чтобы хвастаться успехами. Подпись позволяет найти мага. След держится всего несколько дней, но я ведь не только наставник для малолетних балбесов, – Он неприятно улыбнулся, и солнце блеснуло на желтоватых клыках. – Я ещё и глава службы безопасности Ордена. А значит – лучшая ищейка, куда там вашему дохлому отродью.

– То есть вы нашли деревню, а потом догнали нас, так? – ровно уточнила Айлин. – Понятно, зачем вам понадобилась я. Не знаю, что случилось, но выглядите вы отвратительно. И сил мало, да? У вас каналы повреждены, – присмотрелась она. – То есть были повреждены при жизни. Вот вы и хотели меня выпить... Но Аластор-то вам зачем?

– Фраганских романов начитались, Ревенгар? – дёрнулся в её сторону Денвер с явным раздражением. – Тянете время в ожидании спасителя? Должен вас разочаровать, все рыцари заняты в других местах, а единственного принца самого надо бы спасти. Верно, юноша? – хихикнул он в сторону Аластора.

Тот ничего не ответил, только поудобнее перехватил секиру, и у Айлин забрезжила надежда. Убить кадавра обычным оружием нельзя, это верно. Зато можно остановить хотя бы ненадолго. А ей нужно всего несколько мгновений! Только как бы намекнуть на это Аластору?

– Вы решили украсть его тело, – сказала она брезгливо, потому что кусочки мозаики вдруг сложились воедино.

Может, ей бы и не пришло это в голову, но то же самое недавно пытался проделать мастер Крема. Вот ведь им с Лучано повезло с учителями!

– Герой вернётся из похода с победой, – оскалился Денвер. – Молодой, здоровый, всеми обожаемый. Держу пари, я буду куда лучшим королём, чем ваш дружок! Такое тело заслуживает разума получше.

– И вы думаете, никто не поймёт? – поразила Айлин. – У Аластора есть семья и друзья. Вы не сможете притвориться перед всеми! Да вы даже секиру не сможете метнуть, как он! Правда ведь, Ал? Спорим, он точно не попадёт издали по ногам, как ты!

Посмотреть в сторону Аластора она не решилась. Но неужели не сообразит?!

– Власть меняет людей, а короли секирами не бросаются, – пожал плечами кадавр, и его глаза снова алчно блеснули. – Хватит болтовни, Ревенгар. Время завтракать. Добро пожаловать на роль первого блюда.

И он скользнул вперёд одним плавным быстрым движением.

Айлин увернулась в последний момент. Оскаленная пасть кадавра мелькнула совсем рядом, но «Молот Пресветлого» сорвался с ладони – и Денвера отшвырнуло назад. Второй Молот врезался в грудь твари почти сразу, но кадавр уродливо раскрыл пасть, чавкнул – и довольно оскалился, пожирая пойманное заклятие.

Что-то мелькнуло в воздухе на несколько мгновений раньше, чем Айлин сорвалась с места. Блеснуло светлой сталью, врезалось в ноги Денверу, и кадавр покачнулся снова. Секира перерубила ему правое колено полностью, и Айлин успела пожалеть, что вторая осталась в палатке. Ал не успеет!

Глухо чавкнул арбалетный болт, пробив другое колено. Денвер устоял, но Айлин уже прыгнула к нему, сжимая нож. С размаху всадила клинок в грудь, удерживая двумя руками и толкая всем весом. Мёртвая плоть подавалась туго, словно деревянная. «Не пробью, – с ужасом подумала Айлин. – До сердца не достанет!»

Денвер крепко обхватил её руками, и Айлин показалось, что её рёбра сейчас сломаются, но ещё через мгновение во лбу кадавра вырос второй болт, чудом не задев её саму. Или не чудом, а просто искусством арбалетчика.

Отчаянно стиснув нож, Айлин смотрела в глаза бывшего наставника. Бывшего мэтра Академии. Бывшего некроманта. Бывшего человека. С чего она взяла, что у неё получится?! Клыкастая мерзкая пасть была совсем близко, Айлин видела, как между зубами тянутся ниточки кровавой слюны, но подскокивший Аластор ударил Денвера кулаком, с другой стороны в плечо умертвия вцепился Лучано...

– На землю! – крикнула Айлин, едва вдохнув через боль в рёбрах. – Держите его!

И упала вместе с Денвером, всем весом вгоняя лезвие по самую рукоять прямо в сердце.

Аластор и Лучано упали вместе с ней, прижимая руки кадавра к земле. Денвер выл и рычал, эти омерзительные звуки резали уши, и Айлин очень хотелось зажмуриться.

– Коля! – крикнула она. – Прибейте его!

– Вальдерон, держите! – первым сообразил итлиец.

Вскочив, добрался до колышков, так и торчащих в нарисованной звезде, вернулся с парой и с размаху ткнул один из них в запястье Денвера. Кол вошёл с трудом, и Лучано с силой на него наступил. Кадавр заорал совсем истошно, а потом смолк. Пока Аластор с Лучано забивали ему в руку второй кол, он только скалился, не отрывая взгляда от Айлин, а потом заговорил. Глухо, с явным трудом и такой ненавистью, что у Айлин мурашки по спине пробежали:

– Если бы вы знали, Ревенгар, как я вас ненавижу. Всех адептов, упырей мелких... Тратить на вас время, талант, свою жизнь... Разве вы этого достойны?

– Ну так не тратали бы! – огрызнулась Айлин. – В Академию силой никого не тянут! Шли бы кладбища чистить, самое ваше место!

– Наглая деф-ф-фка! – прошипел кадавр. – Вы, Вороны, хуже всех! Эти ваши дружки драгоценные, Аранвен и Эддерли! Конечно, любимые детки, наследники! Будущая гордость гильдии! А не будь они сыновьями своих папочек, давно бы вылетели из Академии! Других бы дюжину раз выгнали за то, что творит Эддерли! Сколько он девчонок перепортил, сколько соперников проклял... И отродье канцлера не лучше. Попадись на дороге хоть одному, хоть другому, растопчут! Аранвен потом просто мимо пройдёт, а Эддерли ещё и посмеётся!

– Неправда! – крикнула Айлин, и у неё даже губы задрожали от несправедливости услышанного. – Они не такие! Вы лжёте!

– Я? Лгу? – скривился кадавр, и из его рта брызнула кровавая слюна. – Ну-ну... Вы хоть раз видели, как мы с Бреннаном снимаем проклятия с тех, кто не угодил вашим Воронам? Они стая зверёнышей, ошалевших от безнаказанности. А все вокруг только умиляются, ах, такие таланты! Отработки на конюшне и в библиотеке – смех один! Им бы плетей всыпать, но нельзя! Три Дюжины, золотая кровь!

– А вы... вы завидуете! – пробормотала Айлин, изо всех сил нажимая на нож. – Их все любят! А вас терпеть не могут. Не могли...

– Ну, ещё бы. Я же не дворянин! Я не родился с золотой ложкой во рту, как ваш драгоценный Бастельеро! Никогда не задумывались, чем он так прекрасен? Да будь он хоть сто раз гением военного дела, никогда не стал бы командором, родись простолюдином! И другом короля не стал бы! И даже Претёмная ему отсыпала милостей заранее, по родовому имени, а не по заслугам. Избранный, ха! Попробовал бы он выбиться наверх сам, без денег и родословной! Без дружбы с Эддерли! Они оба ничем не лучше меня, но один – магистр, второй – Избранный, а мне оказали высокую честь! Копаться в грязном бельё Ордена и учить сопливых недоносков. Зато Бастельеро только пришёл в Академию – и ему на подносе принесли лучших учеников на особый курс! Нате, милорд, учите их быть такими же высокомерными убудками!

Кадавр говорил торопливо, захлёбываясь слюной и кровью, и Айлин изнывала от гадливости перед тем, что он говорит, и какой-то странной жуткой жалости. Это как же надо ненавидеть весь мир, столько лет страдая от зависти! Ну да, мэтра Денвера в Академии никто не любил. Хотя с младшими учениками он был даже милым. И учил отлично, его уроки запоминались легко и быстро. А что потом, когда адепты подрастали, начинал язвить и придирается, ну так это от желания научить их большему – Айлин всегда именно так думала! Ей в голову не могло прийти, сколько в душе этого человека застарелой злобы!

– Вы сами виноваты, – сказала она. – Вот магистра Роверстана все любят и уважают, хоть он и простолюдин! А мэтр Ладецки вообще из Карлонии, он сам рассказывал, что приехал сюда без единого флорина в кармане! И они никому не завидуют! А вы...

– Айлин... – негромко сказал Аластор, и она опомнилась.

Действительно, что толку спорить с кадавром? Его упокаивать надо! Но как?! В дневнике Лоу этого не было. Да о кадаврах вообще почти ничего не известно! Более редкая нежить разве что аккару! Наверное, даже Дарра не смог бы... Разве что сам Киран Лоу? Но он в Претёмных Садах!

Айлин едва не всхлипнула от бессилия, но тут в её ушах прозвучал как обычно спокойный голос Дарры.

«Милая Айлин, – сказал он однажды, наблюдая, как Саймон пытается освоить очень сложное плетение. – Магу позволительно чего-то не знать или не уметь. Но он должен понимать, когда следует обратиться за помощью. И к кому...»

– Мне нужна помощь, – прошептала Айлин, ни к кому не обращаясь. – Очень нужна.

Она же адептка, в конце концов! А наставник, который наверняка знает, как убивать кадавров, лежит и скалится на неё, сверкая глазами! И вряд ли подскажет на этом экзамене! А других некромантов рядом нет!

– Может, его на куски порубить? – спокойно и очень деловито предложил Лучано.

– Не поможет, – мрачно отозвалась Айлин и покосилась на ногу кадавра, отрубленную по колено Аластором.

Та слабо извивалась, как змея, в паре шагов, и было понятно, что стоит отвлечься, и Барготом драная конечность подползёт к хозяину. А там и прирастёт наверняка! Кадавры – самые живучие из мёртвых тварей, как ни странно это звучит. Или, точнее, самые плохо убиваемые. Потому что уже трупы.

Трупы... Что-то смутно брезжило в памяти, непонятным образом связывая мертвецов, помощь и долг... У неё в долгу... Кто-то у неё в долгу. Они сами сказали... Ну конечно, Провожатые же! Вот кого можно позвать к любому мертвецу, даже если он задержался на грани между мирами, как Денвер.

– Господа Провожатые! – подняв голову, позвала Айлин куда-то в пространство. – Пожалуйста! Мне очень нужна ваша помощь! Я прошу о любезности!

Напоминать о долге за мастера Крема, который посланники Претёмной Госпожи сами признали, она не стала. Это неприлично! Провожатые, как истинно достойные господа, и так всё помнят.

– Прошу вас! – повторила она уже тише, старательно отгоняя мысль, что будет делать, если никто не явится на зов.

Ледяной ветер ударил ниоткуда. Принёс благоухание цветов и запах сырой земли, холодными пальцами погладил пылающее от напряжения лицо Айлин. В этот раз всё было похоже на прошлый и в то же время иначе.

Краски мира вокруг потускнели, звуки стали глухими, словно Айлин провалилась глубоко под воду. Настоящим и ярким осталось только тело кадавра, замершего под её руками. Денвер смотрел широко открытыми глазами, в которых плескался ужас.

А потом прямо перед Айлин, не касаясь силуэтов Аластора и Лучано, видимых как через мутное стекло, вспыхнуло радужное сияние. И из него выбрался... нет, степенно и с огромным достоинством вышел Провожатый. То есть... Айлин ведь призывала именно Провожатого, не мог же явиться просто призрак?!

И этого Провожатого она разглядела во всех подробностях: и одежду, подобранную с отменным вкусом и превосходно пошитую по моде двадцатилетней давности, и два перстня – родовой с огромным сапфиром и мажеский с аметистом и, главное, лицо! Узкое, с точёными резкими чертами, мраморно-бледное, но с ярко-синими глазами и такими знакомыми локонами, только не чёрными, а седыми!

Только вот Провожатому было лет на двадцать-тридцать больше, чем тому, чьи черты Айлин в нём узнала! И это никак не мог быть он!

От изумления Айлин едва не выпустила нож, и кадавр, увидев её смятение, попытался изогнуться и достать её когтями. Айлин, тут же спохватившись, изо всех сил надавила на рукоять.

Ну почему Провожатый ничего не делает?! Может быть, нужно попросить ещё раз?

– Милорд Бастельеро! – позвала она, изо всех сил стараясь, чтобы голос не звучал жалобно. – Милорд Бастельеро, прошу вас! Помогите мне!

Провожатый поджал и без того узкие губы и взглянул на неё с крайним неодобрением.

– Польщён, что меня узнают даже после смерти, – сухо бросил он. – Но помочь вам, юная особа, не могу при всём желании. Насколько я понимаю, вы ничего не знаете о кадаврах? И это в вашем возрасте? На каком вы курсе, и кто вас учит?

– Ваш... драгоценный внук! – прохрипел кадавр и снова дёрнулся, а Айлин на миг показалось, что она спит и видит какой-то бесконечный странный кошмар!

В глазах Провожатого мелькнула искорка интереса.

– Денвер? Не удивлён. Я всегда говорил, что из вас не выйдет хорошего мага. Пожалуй, избавить мир от вашего присутствия следовало уже давно. Что ж, – добавил он, переводя взгляд на Айлин. – Помочь вам я действительно не могу, но шанс дам. При обычных условиях кадавра невозможно уничтожить, так как он не принадлежит ни к миру живых, ни к миру мёртвых, в отличие от любой другой посмертной сущности...

«Ненавижу наставников! – отчаянно подумала Айлин. – Читать лекцию сейчас?!»

– Из этого следует, что для уничтожения кадавра требуется определённое место, где граничат, но не соприкасаются два мира, – закончил призрак так сухо, словно услышал последние мысли Айлин. – Иными словами – мост.

– Мост?! – вырвалось у неё. – Милорд, вы шутите?! Где же я найду мост?!

«И как дотащить туда мэтра Денвера?!»

Провожатый равнодушно пожал плечами и опустил взгляд на собственный орденский перстень, фиолетовым огнём блеснувший на холёной, несмотря на возраст, руке.

Айлин же вдруг разозлилась так отчаянно, как не злилась никогда раньше. Хороша же помощь! Интересно, своему потомку этот надутый... гусь! Помогал бы так же?! А она даже не может ничего ему ответить! Вот был бы здесь магистр Роверстан, он бы наверняка нашёл нужные слова...

Магистр Роверстан...

Айлин вдруг с небывалой ясностью вспомнилось, как ещё на первом курсе магистр говорил: «Внимательно слушайте собеседника, юноши и девушки. Обычно в самом вопросе заключена подсказка...»

Подсказка! Место, где соприкасаются два мира!

– Это я! – выкрикнула она, уже не заботясь, услышат ли её Ал и Лучано. – Я – мост! Я соединяю два мира! Я держу открытой дорогу в Претёмные Сады, милорд, условие выполнено! Значит, вы должны забрать душу мэтра, вы же Провожатый!

Кадавр захрипел, а в синих глазах лорда Бастельеро, таких же холодных и красивых, как у его потомка, мелькнуло одобрение.

– Весьма изящно, – признал он и чуть-чуть склонил голову. – Вижу, что вы не безнадёжны. Денвер, сами пойдёте или мне придётся применить силу?

– Будьте вы все прокляты... – прохрипел кадавр. – И вы с вашими хитрозадами намёками, и эта дрянная девка со своим ножом. Думаете, победили? Не будь у неё небесного железа...

– Да-да, – со скучающим лицом перебил его Провожатый. – Не будь у неё клинка из небесного железа и пары сообразительных спутников, не учи её мой внук, и не будь она той, кто она есть... У проигравших всегда тысяча оправданий, только победители в них не нуждаются. Не позорьтесь, Денвер. Право применено верно. Вы проиграли. Ну же, идёте, ваш новый господин ждать не любит. Вы так рвались ему услужить, пора пожинать плоды стараний.

Он щёлкнул пальцами, и тело под руками Айлин обмякло, а полупрозрачный силуэт мэтра Денвера поднялся над ним, колыхаясь.

– Вы его... к Барготу? – с ужасом спросила Айлин.

– Каждому по делам и помыслам его, – равнодушно отозвался дед милорда Грегора и дёрнул рукой, словно подтягивая поводок.

Денвера протащило по воздуху, и он застыл у ног Провожатого.

– Миледи, моё почтение, – церемонно проговорил лорд Бастельеро и поклонился.

А потом радужное сияние вспыхнуло вокруг него и духа Денвера, несколько мгновений продержалось и погасло.

– Всё... – выдохнула Айлин и поняла, что не может разжать пальцы на рукояти ножа, так его стиснула.

– Позвольте мне?

Итлиец очень бережно взял её руки в свои и объяснил Аластору:

– Судорога. Я разомну, и всё пройдет.

Он действительно потёр её ладони, куда-то нажал, и нож вывалился из ослабевших пальцев Айлин. Она подняла его и по-новому взглянула на клинок, который, оказывается, их всех и спас!

– Представляете, – то ли прошептала, то ли всхлипнула она. – Оказывается, это небесное железо. Если бы я ударила Денвера другим ножом...

Плакать не хотелось, глаза у неё были сухими, но навалилась жуткая слабость, а потом по телу прошёл озноб. Айлин села прямо рядом с трупом на землю и обняла себя руками. Аластор накинул ей на плечи свою куртку, и Айлин прижалась щекой к её вороту, глубоко вдохнув запах. От куртки пахло Аластором, дымом и лошадьми. Самый прекрасный на свете запах – запах жизни.

Нож она так и держала в руках, не в силах убрать его в ножны.

– Небесное железо? – повторил Лучано, посматривая на клинок с опасливым почтением. – Я о таком только слышал. Прекрасное оружие! И большая редкость.

– А я не знала, – призналась Айлин, снова взглянув на нож, и виновато вздохнула.

Милорд магистр... Дункан... сделал ей такой подарок! Даже у мэтра Бастельеро ритуальный нож обычный, хотя и из самой лучшей стали, а она... она его даже не поблагодарила в том разговоре!

– Это подарок...

– Воистину драгоценный и необыкновенно уместный при вашем роде занятий – весело согласился Фарелли. – Хотя, должен признать, я не совсем понимаю, почему этот... недостойный сударь... не воспользовался вашим ножом, если он настолько лучше его собственного. И почему вообще не снял его с вашего пояса? Как можно оставить противнику оружие?! – воскликнул он с недоумённым возмущением, и Айлин, не выдержав, прыснула.

Нехорошо, конечно, но негодование Лучано было таким забавным! Ещё немного, и он начнёт учить покойного Денвера, как правильно и безопасно убивать нерадивых адептов!

Лучано рассмеялся в ответ, а глядя на них, заулыбался и странно мрачный Ал.

– Я же была под параличом, – объяснила Айлин, отсмеявшись. – Зачем отнимать нож у того, кто не сможет им воспользоваться? Только время терять. Да и ритуальные ножи некроманты предпочитают личные, – добавила она сконфуженно, не зная, как объяснить, насколько помогают в работе привычный вес ножа, баланс, даже гладкость или, напротив, шершавость рукояти – и как сбивает с толку непривычный инструмент!

– А! Личный нож – это я понимаю! – кивнул итлиец. – Действительно, это важно. Кстати, а я ведь нашёл котелок! Он в кустах, я сейчас принесу! И вы не поверите, кого я нашёл вместе с ним! Жалко, он наверняка сбежал! Ну, ничего, что поделаешь...

Не переставая болтать, Лучано куда-то исчез, и Айлин с благодарным облегчением подумала о его деликатности. Совсем не такой, как дворянский этикет, но не менее внимательной и какой-то... доброй, что ли.

Аластор подал ей руку и попросил:

– Не сиди на земле, она холодная. Мы сейчас быстренько закопаем эту... этого...

– Мэтра Денвера, – подсказала Айлин и послушно поднялась.

Глупо ей, собирающейся умереть, бояться простуды. Но до Разлома ещё несколько дней пути, и Ал прав – не стоит остаток жизни проводить с кашлем и насморком. Это ещё глупее.

– Лучше сожжём, – сказала она равнодушно. – Наберите веток, а я сейчас передохну и подпалю их. Жалко, соли нет. Солью бы засыпать для верности.

Аластор шагнул к ней и обнял, а она уткнулась в его грудь лицом, как маленькая испуганная девочка. Слез так и не было, только внутри что-то безнадежно оборвалось и, кажется, навсегда. Она убила своего наставника. Человека, собиравшегося убить их всех. Да, нож в спину Денвера воткнул Фарелли, наёмный убийца, которому одним трупом меньше, одним больше... Но это ничего не значит. Это Айлин вызвала Провожатого и отдала ему душу Денвера. Победа, которой она никогда не сможет гордиться. Даже думать о ней противно. Неужели с победами так бывает?

Лучано вернулся из кустов и присел возле трупа. Взял двумя пальцами ритуальный нож Денвера за

кончик рукояти, восхищённо присвистнул.

– Как вы думаете? – жалобно спросил он. – Этот ножичек... Он ведь не проклят? Ничего такого, м?

– Не проклят, – отозвалась Айлин, торопливо отходя от Аластора. – Можете смело забирать, если нравится. Только лезвие прокалите на всякий случай. Кто знает, кого им до этого мэтр потрошил.

– Непременно, – согласился итлиец и доверительно признался: – Ну не могу пройти мимо хорошего ножа. Это, конечно, обычное железо, но какая работа!

Не смущаясь, быстро обыскал труп, выудил из лохмотьев Денвера деревянную коробочку и открыл. Несколько мгновений рассматривал содержимое, потом очень осторожно тронул пальцем и попробовал на язык. Длинно присвистнул и выругался по-итлийски, а по-дорвенантски сказал уже серьёзно:

– Вот несколько теперь не удивляюсь, что этому отвратному синьору понадобилось новое тело. Старое у него точно бы долго не протянуло. Хороший алхимик делал, забористая дрянь, – и пояснил, хотя его никто не спрашивал: – С этой пакостью можно не спать несколько дней. Будешь очень живой и даже весёлый. А если не остановишься вовремя, то вскоредохлый.

– Вот так он нас и догнал, – буркнул Аластор. – А это что?

– Трофей, – легкомысленно пожал плечами итлиец, протягивая Айлин ладонь.

Золотой перстень с нешироким ободком, но довольно крупным аметистом блеснул ярко, как глаза лорда Бастельеро. Айлин постаралась не задумываться, какого именно.

– Это не мой трофей, – покачала она головой. – Вы ведь убили Денвера, вот и забирайте.

Действительно, зачем ей чужой мажеский перстень? А Лучано вернётся в Дорвенну, ему дорогая безделушка пригодится.

– А это не вызовет лишних...

Лучано покрутил в воздухе рукой, пытаясь подобрать слова.

– Теперь это обычный камень, – равнодушно отозвалась Айлин. – Магия в нём умерла вместе с хозяином. Хотите – продайте любому ювелиру, хотите – оставьте на память. Всё-таки третий по силе некромант Ордена, а вы его простым ножом.

– Я его очень хорошим ножом, – слегка обиженно уточнил итлиец и поднёс перстень к глазам. – Если бы не ваши странные дорвенантские традиции! Раньше у меня покойники никогда не вставали!

– Безобразие, и не говорите, – вздохнула Айлин, подойдя к Пушку.

Пёс вильнул ей хвостом и попытался приподняться. Лапы его ещё плохо держали, но встать волкодав смог и немедленно уткнулся мордой в руки Айлин.

– Спасибо вам, – сказала она тихо. – Аластор... Лу...

Голос оборвался, но итлиец, будто не заметив этого, бодро отозвался:

– Лу? А мне нравится! Так меня ещё никто не называл. Спасибо, Айлин! Лу-у-у... Прелесть, м?

И улыбнулся так заразительно, что на мгновение Айлин показалось, будто и вправду всё было страшным сном. Подумать только, пару часов назад они переживали из-за пропавшего котелка и сапог Аластора! А сейчас впереди опять дорога, и кто знает, что ещё встретится на ней до Разлома?

Глава 5

Справедливость и великодушие

Зависеть от Райнгартена Грегор действительно не собирался и поэтому сразу, как только позволили бесконечные дела, начал присматриваться к другим секретарям. Таковых обнаружилось пять, но все они, как быстро понял Грегор, были преданы стихийнику, а не Архимагу – неважно, прошлому или нынешнему. Что ж, придётся пока работать с теми, кто есть. Зато можно не сомневаться, что свою работу они знают отменно, исполнительны, аккуратны и в должной степени умны – подчинённых Этьен подбирать умеет, этого у него не отнять.

Подписав бумаги и счета, касавшиеся лечения раненых и погребения убитых, Грегор закопался в ворох документов, относящихся к Денверу и его соучастникам. Орден лихорадило, а служба безопасности пребывала в смятении: как раскрыть заговор, который возглавлял человек, за эти заговоры ответственный?! Более того, именно эта служба и попадала под подозрение в первую очередь! Из двух заместителей Денвера один совершенно точно был заговорщиком, его имя Грегор услышал от Морхальта, второй клялся Благими и собственным даром, что ни о чём понятия не имел.

Обычно искренность подозреваемых легко проверялась артефактами, а в самых трудных случаях – разумниками. Но опытный маг, много лет работающий с этими самыми артефактами, постепенно учился обходить их воздействие. Заместитель Денвера, безусловно, был опытен, а разумникам Грегор не мог доверить расследование, потому что заговор напрямую был обращён к Барготу. Да, Белая гильдия отсеклась от Падшего, но кто знает, сколько в её рядах тайных сектантов?!

Скрепя сердце Грегор готов был привлечь к делу Роверстана, раз уж Морхальт, человек в заговоре не последний и не имевший возможности лгать, ясно сказал, что Белый магистр в их делах не замешан. Умения разумнику тоже не занимать... Но где он? На водах, Бар-п-ргот его побери!

Грегор с отвращением посмотрел на бумаги. Вину тех магов, кого назвал Морхальт, определили и доказали полностью. Легко искать, если знаешь – где. Барготопоклонников ждало выжигание дара по орденскому правосудию и казнь – по королевскому. Собственно, казнь им была определена и по уставу Ордена, но в этом случае Грегор не видел решительно никакой необходимости предъявлять на преступников исключительные права. Какая разница, кто их казнит? Зато всем видно, что Орден проявляет почтение и лояльность к королевской власти.

Но ведь были ещё и те, кто оставался под подозрением! Друзья заговорщиков, члены их семей, ближайшие подчинённые... Любой заговор похож на зловредную опухоль, главная опасность которой в мельчайших щупальцах, которые пронизывают тело больного. Это он отлично знал как некромант, много раз вскрывавший трупы. Можно вырезать или вытравить саму опухоль, но оставь хоть одно щупальце, и вскоре Милосердная Сестра с грустью уступит человека Претёмной Госпоже.

А ещё был один документ, который Грегор, едва глянув на имя, отложил в сторону. Здесь, пожалуй, без Райнгартена не разобраться. Следовало привлечь ещё и магистра Красных, но Ладечки сам недавно принял пост. К тому же его мнение Грегор знал заранее, даже не спросив. Разумеется, глава боевиков будет отстаивать своего, как сделал бы на его месте почти любой магистр гильдии.

Вздохнув, Грегор всё-таки потянулся к оранжевому лучу звезды...

– Лионель Саграсс? – уточнил Райнгартен, через полчаса появившись в кабинете Архимага. – Но с ним всё совершенно ясно. С точки зрения Устава он чист и неподсуден. Можно даже разумниками не проверять. Будь он в заговоре, Денвер не стал бы его подставлять, а в чём можно обвинить боевика, честно выполнявшего приказы непосредственного начальника? В старательном выполнении этих приказов? – Стихийник фыркнул, откинулся в кресле и равнодушно закончил: – Это дело королевской власти, а не наше. Вся разница в том, что остальных мы отдадим коронному правосудию с выжженным даром, а Саграсса – в артефакторных браслетах. Обычная процедура.

– Вы же сами понимаете, что он не виноват! – Грегор раздражённо положил ладонь на тоненькую стопку листов, прошитых обычной ниткой. – В заговоре не участвовал, выполнял прямые приказы. И его вина в смерти принца случайна!

– Но несомненна! – парировал Райнгартен. – Королевская кровь священна, Грегор, неужели я обязан это объяснять? И кому – вам?! Всё, что мы можем сделать, это ходатайствовать о смягчении кары. Например, быстрое и безболезненное отсечение головы вместо полагающегося по закону четвертования. Я уверен, коронное правосудие пойдёт нам навстречу. И ещё, разумеется, можно подать прошение о полном помиловании его братьев и выведении их из королевской опалы. Они несовершеннолетние, к заговору не относятся никаким образом – их наверняка удастся отстоять. Правда, я решительно не представляю, кто в таком случае будет платить за их обучение. Вот ещё

дополнительные расходы для Ордена!

– Погодите, – попросил Грегор, тоже удобнее устраиваясь на стуле. – Его братья... Один ведь некромант, верно? Учится на том же курсе, что Ревенгар?

– Именно, – подтвердил стихийник, который, как подозревал Грегор, знал всех адептов Академии. – Шестой курс вашей гильдии. А самый младший из братьев на четвёртом курсе у меня. Очень способный мальчик. Но их отец разорился ещё до рождения первенца, и Лионель учился за казённый счёт. После окончания Академии оплату пришлось отрабатывать, и его оставили Денверу, хотя Саграсс подавал рапорт о переводе в армию. Вообще-то он подавал рапорты три раза, – хмыкнув, добавил Райнгартен. – А потом, как я подозреваю, Денвер ему объяснил, что делать этого не надо. Задолжал Ордену, так будь любезен отработать там, где велено.

– Могу представить, как этот мерзавец объяснял! – бросил Грегор с отвращением. – Получается, за младших братьев платил уже сам Лионель?

– Ну да. Жалованье в службе безопасности неплохое, да ещё он наверняка брал заказы на помощь артефакторам. Даже с учётом выплаты долга ему хватало, хоть и едва-едва.

– Только у Денвера он оказался практически в рабстве, – угрюмо продолжил Грегор. – Война закончилась, в мирное время жалованье у боевиков куда ниже, а свой шанс отличиться во фраганскую кампанию и выслужить приличный чин он упустил. Скажи Денвер, что услуги Саграсса ему больше не нужны, и... Либо армейская служба за гроши, либо те же заказы артефакторов. Может быть, чья-то личная гвардия, если Орден позволит. В любом случае, и на жизнь, и на содержание братьев ему бы уже не хватило, не говоря уж о выгодном браке. А среднему учиться ещё шесть лет, не говоря о младшем. Этьен, послушайте, неужели ничего нельзя сделать?

– Грегор... – Стихийник поморщился и сплёл пальцы перед собой. Крупный золотистый опал редкого оттенка и чистоты празднично блеснул на дорогом оранжевом сукне мантии, ему ответил бликом родовой перстень на другой руке. – Вы меня чудовищем считаете? Разумеется, я присмотрю за младшим мальчиком Саграссов, как и лорд Эддерли – за средним. Сейчас Орден не может позволить себе лишней благотворительности, но... Думаю, мы дадим им скидку на обучение. Частные заказы на старших курсах... Да, определённо, частные заказы будут прекрасным решением. А после окончания Академии молодые люди отработают остаток долга и будут свободны! Не все же магистры у нас такие, как Денвер.

И он улыбнулся так, что сразу стало понятно: гордится своим великодушием.

– Не все, – кивнул Грегор и попросил: – Этьен, дайте указание рассчитать полную сумму долга за обучение обоих мальчиков. И добавьте к ней содержание за все годы до выпуска, приличное юным дворянам. Когда будет готово, пусть пошлют этот счёт моему управляющему. Полагаю, род Бастельеро не разорится, оплатив учёбу двум мальчишкам, чей брат сражался рядом со мной.

– Всеблагая Матушка! Грегор, как же вы умеете быть невыносимым! – раздражённо бросил теперь уже Райнгартен. – Вы знаете, сколько сирот на попечении Академии? У вашего Ирвинга, между прочим, остались малолетние сёстры-профанки! И я без всяких списков могу назвать ещё пару дюжин человек в подобном положении. Чем вас не устраивает забота Ордена?

– Несправедливостью, – холодно сказал Грегор. – Орден берёт на себя заботу о близких погибшего мага, и это правильно. Мы делаем для своих людей гораздо больше, чем любой король. Но Саграсса казнят, потому что все мы долгие годы были слепы и глухи. Денвера следовало найти гораздо раньше. Тогда всего этого не произошло бы! – Он хлопнул ладонью по стопке документов о заговоре. – Вы не хуже меня знаете, в какой беде сейчас Дорвенант. И если бы деньги моей семьи могли вернуть время на месяц назад и дать мне тогда хотя бы пару часов... Я бы с радостью отдал за это не только состояние Бастельеро до последнего гроша, но и всю свою кровь до капли. Так что не мешайте мне вернуть хотя бы крошечную часть долга за мою личную слепоту. Двое будущих магов – это, конечно, не пара дюжин, но ровно на два больше, чем ни одного.

– Боги, сколько красивых слов... – поморщился Райнгартен и тут же примирительно поднял ладонь. – Ну-ну, не обижайтесь. Я знаю, что вы и говорите, и делаете всё от чистого сердца. Вы – это вы, мой дорогой Грегор, и нам всем... хм... придётся с этим считаться. Но в таком случае я настаиваю: расходы на учёбу младших братьев Саграссов поделим пополам. Вы же не намерены оскорбить меня предположением, что Оранжевая гильдия беднее Фиолетовой, а? – Он усмехнулся. – Или что Райнгартены скупее Бастельеро?!

– Я знал, что вы меня поймёте, Этьен, – с облегчением согласился Грегор. – Видит Претемнейшая, и в мыслях не было вас обидеть. И всё-таки составьте петицию от Ордена с просьбой помиловать Лионеля Саграсса.

– У нас нет короля, – поморщился стихийник. – Рассматривать эту петицию будет Совет Трёх Дюжин. Вам напомнить, как профаны Совета относятся к любым проектам магов? Тем более теперь,

когда несомненна и доказана вина Денвера? А ведь Саграсс был его ближайшим помощником. В его невиновность попросту никто не поверит, а если вдруг это и случится... во имя Всеблагое, Грегор, неужели вы сами не понимаете, что прошение отвергнут хотя бы из желания поставить нас на место? Я уже не говорю о том, что просить за одного из участников значит изрядно замарать Орден, хотя куда уж дальше!

Грегор стиснул зубы. Проклятье, Райнгартен прав во всём! Что и говорить, в сплетении интриг – что орденских, что придворных, стихийник чувствует себя уверенно, как рыба в воде! Но как же отвратительно понимать, что придётся отдать Саграсса палачу ради того, чтобы сохранить авторитет Ордена!

– Я понял вас, Этьен, – глухо уронил он. – В таком случае позаботьтесь составить прошение о снисхождении. Уж это мы должны Саграссу в любом случае.

«А я, – подумал вдруг Грегор, – сегодня же вечером навещу Аранвена. Канцлер пользуется огромным авторитетом в Совете! Если помиловать Саграсса предложит он, возможно, профаны отнесутся к этой мысли более благосклонно?»

– Непременно, милорд Архимаг. – Встав, стихийник усмехнулся, указав взглядом на документы, ещё не разобранные Грегором. – Вижу, вы успешно осваиваетесь. Наш небольшой договор всё ещё в силе?

– Да, – кивнул Грегор и вздохнул: – Но дайте мне сделать для Ордена хоть что-то полезное. Не хочется быть самым незначительным Архимагом за всю историю Дорвенанта.

– О, я уверен, это вам не грозит... – рассеянно протянул Райнгартен, подходя к дверям: – Вы и незначительность? Это так же забавно, как Ревенгары и осторожность, Эддерли и воздержание, Аранвены и азарт... Разумеется, я подожду, милорд.

И вышел, отвесив на прощание короткий поклон.

«К Барготу дела хоть ненадолго, – подумал Грегор устало. – Занятий у меня сегодня нет, ими не отвлекаться, но пора навестить Эддерли. Его наверняка уже перевели из операционной палаты в обычную».

Выйдя из кабинета и попрощавшись с секретарями, вскочившими при его появлении, он спустился из башни Архимага по длинной витой лестнице. Интересно, как её преодолевали прошлые Великие Магистры? Престарелый Кастельмаро, например. Перила и ступени удобные, но высота же! И зачем загонять Архимага на самый верх? Давно прошли те времена, когда Академия была в первую очередь крепостью, и глава Ордена в случае нападения командовал защитой с самой высокой точки. Сейчас-то зачем сохранять эту традицию?

«Впрочем, – подумалось ему, – в Ордене не так уж мало традиций, нуждающихся в изменении. Над этим стоит подумать, раз уж судьба дала такую власть и возможность её применить».

Больничное крыло показалось ему более шумным, чем обычно, всё-таки многие палаты до сих пор были заняты. Грегор решил не отвлекать Бреннана и осведомился у попавшегося навстречу старшекурсника-целителя, где лежит младший Эддерли.

– Угловая палата в конце коридора, милорд! – отозвался тот. – Разрешите вас проводить?

– Та, что с окнами в сад? – уточнил Грегор. – Благодарю, не стоит, сам найду.

Ещё бы, в бытность свою адептом именно там они обычно отлёживались с Диланом после особенно усердных тренировок или попросту дуэлей, замаскированных под таковые. А сейчас там лежит брат Дилана, уже совсем взрослый... Как летит время! Взрослый, а дурной до невозможности!

Постучав в зелёную дверь и дождавшись ответа – почему-то девичьим голосом! – Грегор вошёл и увидел дивную картину.

Его любимый ученик валялся на больничной койке поверх одеяла, опираясь на кучу подушек и вытянув забинтованную ногу. А столик возле кровати был полон коробок, бутылок, корзин... И каждая заботливо украшена изящно повязанным бантом самых разных цветов, отчего столик напоминал то ли пышную клумбу, то ли корзинку рукодельницы. Что ж, этого следовало ожидать! Разве могут девицы упустить такой шанс напомнить о себе раненому герою? Странно, что в палате всего одна!

Невысокая адептка в тёмной мантии с жёлтой оторочкой присела в реверансе, и Грегор понял, что вот именно эта девица ему знакома. Милое личико с голубыми глазами и пухлыми губками, умело выпущенные из-под косынки белокурые пряди... Да она же накрашена! В прошлый раз он не обратил на это внимания; после боя, когда шла речь о жизни Саймона, было не до того, но сейчас!

Незамужняя девица-адептка, причём не на балу или в гостях с визитом, а просто днём в целительском крыле...

Грегор про себя поморщился. Делать замечания чужим адептам – дурной тон, а он до сих пор не мог привыкнуть, что отвечает не только за Фиолетовый факультет, но и за всю Академию. Но чего ждать от Волански? Тот если и заметит подобное нарушение приличий, вряд ли придаст ему значение.

Он кивнул выпрямившейся девице и вдруг подумал, что именно в этом случае и сам готов сделать некоторое послабление. Девчонка ухаживала за ранеными, когда её более скромные подружки послушно разъехались по домам. Притом, она, кажется, простолюдинка. Да, верно, кто-то упоминал, что Айлин живёт в комнате с девушкой из купеческой семьи. «Моя Ревенгар!» – вспомнилось ему, и Грегор едва не улыбнулся.

Бойкая девица. Не слишком воспитанная, но определённо хваткая. Хм... Остаётся надеяться, что у Саймона Эддерли есть понятия о пристойности или хотя бы хороший вкус.

– Милорд Грегор! – восторженно приподнялся ему навстречу ученик и тут же упал на постель. – Простите, не могу встать!

– Лежите, Эддерли, лежите!

Грегор подошёл и присел на край постели, заметив ненароком, что почти все корзинки и открытые коробки на столе пусты. Претёмная, это же сколько сладостей может съесть один человек?! Или он по ночам всех Воронов для этого приглашает?

Вторая постель у самого окна была разобрана, однако никого, кроме Саймона и девицы, протирающей пыль, в палате не было. На Грегора иллюзорница только покосилась, продолжив заниматься своим делом. Впрочем, пыль она вытирала на совесть, не только для вида, и Грегор решил не выставлять девчонку из палаты.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он сияющего Саймона.

– Превосходно, милорд! – заверил тот и обиженным тоном добавил: – А магистр Бреннан не выпускает меня на занятия. Здесь так скучно! Милорд Бастельеро, поговорите с ним, прошу!

– Нет уж, – усмехнулся Грегор и подавил желание потрепать светловолосую вихрастую голову, как раньше, когда Саймон был ещё совсем маленьким. – Если магистр Бреннан считает, что вам рано вставать, ему виднее. В любом случае, он будет решать это с вашим отцом, а не со мною.

И мягко добавил, увидев разочарование в глазах Саймона:

– Целителей нужно слушаться, Эддерли. Они спасли вам жизнь. Вы хоть понимаете, глупый вы мальчишка, что едва не ушли в Претёмные Сады? Что было бы с вашими родителями, потеряй они единственного сына?

– И вы тоже, милорд! – горестно воскликнул Саймон и покосился на девицу, увлечённо натирающую окно до зеркального блеска. – Это была случайность! Я просто не ожидал, что тварь такая быстрая! Милорд Бастельеро, вы же знаете, я лучший в дуэлях! Меня только вы можете одолеть! Ну и Дарра мог бы... наверное...

– Эддерли... Саймон, послушайте... – вздохнул Грегор, подумав, что Эддерли-старший что-то упустил в воспитании наследника. Нельзя же растить мальчишку в полном убеждении, что мир добр, а любая опасность – всего лишь очередной случай поиграть. – Послушайте меня очень внимательно, – попросил он. – Ваши победы в учебных дуэлях вовсе не повод считать себя неуязвимым. Совсем напротив! Ради Претёмной, Саймон, я смотрю на вас и словно вижу вашего брата! Дилан был прекрасным дуэлянтом и вообще сильным магом. Безумно талантливым! Вам рассказывали, как он погиб?

– На войне, – буркнул вмиг нахмурившийся Саймон.

– Почти у меня на глазах, – кивнул Грегор. – Он хотел взять в плен двух фраганских офицеров. Пожалел раненого, не стал добивать. Рыцарские правила ведения войны... А тот лейтенант, к которому он наклонился, всадил ему в грудь обломок своей рапиры. Прямо в сердце. Я ничего не успел сделать, только убить... их обоих. – Он помолчал и закончил с ожесточением: – Но ваш брат и мой друг, один из лучших некромантов Дорвенанта, был уже мёртв. И погиб не на магической дуэли или от лап демона, слышите?

Он смолк. В памяти снова всплыло искажённое ужасом и болью лицо того лейтенанта. И второго фраганца – тоже. Они оба умерли, едва успев понять, что произошло, Грегору было не до изошрённых долгих проклятий. Но Дилана их смерть не вернула.

– Милорд, но это совсем другое, – пролепетал Саймон, и тут дверь за спиной Грегора хлопнула, а к свободной постели кто-то прошёл.

Грегор поднял взгляд и только вздохнул. Ну что за день такой, даже случайности отдают гнилым привкусом собственной вины.

– Милорд Бастельеро?

Лионель Саграсс поклонился ему, неловко оберегая руку на свежей, белеющей бинтами, перевязи.

– Доброго дня, – кивнул Грегор, с омерзением почувствовав, как фальшиво это прозвучало.

Какой добрый день может быть у человека, подлежащего казни в самом скором времени и прекрасно об этом знающего?

Саграсс ответил коротким кивком и присел на постель, а иллюзорница мгновенно обернулась к нему и предложила:

– Хотите шамьета, милорд? На кухне как раз варят свежий, я могу принести. Вы с чем предпочитаете булочки, с вишней или с яблоками?

– Благодарю, леди Иоланда, вы очень любезны, – скованно улыбнулся ей боевик. – Право, не стоит, я как раз обедал.

– Но булочки – это ведь не обед! Подождите, я взобью вам подушку. Может, закрыть окно? Или открыть его пошире?

– Как вам будет угодно. И не трудитесь насчёт подушки, я пока не буду ложиться. Я... пожалуй, я прогуляюсь ещё немного.

Стремительно поднявшись, боевик торопливо выскочил из палаты. Это было бы забавно, но где-то внутри у Грегора снова болезненно потянуло чувством вины. Как же невыносимо, до отвращения к самому себе стыдно смотреть на ещё живого, полного сил человека, зная, что он уже приговорён. Если только Аранвену не удастся совершить чудо, убедив перепуганных профанов в Королевском Совете, что именно этот маг не виновен в измене...

И плевать, что это чудо может понадобиться самому Грегору, если дела пойдут плохо. Он хотя бы ответит за смерть королевского бастарда по справедливости, а не как Саграсс.

Ещё и девчонка эта...

Она смотрела вслед боевику сердито и озабоченно, ничуть не смущаясь присутствием в палате кого-то ещё.

– Почему?! – раздался возмущённый голос Саймона, едва за Саграссом закрылась дверь. – Иоланда! Почему он, а не я?! Я же лучше! И ты хотела со мной встречаться, я помню, так я не против!

Иллюзорница отвернулась от двери и уставилась на Саймона со снисходительным высокомерием.

– Видите ли, адепт Эддерли, – произнесла она самым сладким голосом. – Вы, вероятно, удивитесь, но некоторые девушки при ближайшем рассмотрении предпочитают мужчин, а вовсе не порывистых и бестолковых мальчиков.

– Что? – возмущённо выдохнул Саймон, попытался подняться на постели и с проклятием упал обратно на подушки. – Я вовсе не то, что ты... только что сказала!

– В самом деле? – притворно изумилась иллюзорница. – Что ж, прошу прощения. Конечно же, ваше боевое ранение связано с вашим благоразумием и дальновидностью. Кстати, милорд Бреннан просил передать! Если вы не прекратите есть сладости в таком количестве, то задержитесь у нас надолго. Причём причина будет совсем не такой героической, как сейчас.

– Милорд Бреннан... – так же возмущённо начал Саймон и тут же махнул рукой. – Видите? – пожаловался он.

– Что ж, – усмехнулся Грегор. – Если мои слова пролетели мимо ваших ушей впустую, может, хотя бы слова этой адепки заставят задуматься. Девушки действительно предпочитают мужчин, а не мальчиков. Но главное – они предпочитают живых мужчин. А погибших, причём по собственной глупости, оплакивают и быстро забывают. Поразмыслите над этим хорошенько, Саймон. И жду вас на занятиях, как только целители позволят.

Он вышел в коридор и, не возвращаясь в главное крыло, прошёл к полуприкрытой двери, ведущей в сад. Туда, где на крыльце виднелось тёмно-красное пятно – рубашка Саграсса.

Встал рядом на крыльце, старательно не замечая, как боевик вцепился в перила пальцами здоровой руки, помолчал, а потом выдавил:

– Академия подаст прошение о вашем помиловании. И я сделаю всё, что смогу, для его удовлетворения.

– Благодарю, милорд, – бесстрастно ответил Саграсс, не поворачиваясь к нему лицом. – Вы очень великодушны. Но если позволите, я бы хотел просить о другом. Мои братья...

– Даже не думайте об этом, Лионель! – торопливо прервал его Грегор и тут же поправился: – То есть не беспокойтесь. Если вас... Вашим братьям в любом случае ничего не угрожает. И я обещаю, они доучатся за счёт Ордена без всяких выплат потом. Я об этом позабочусь!

– Благодарю, милорд.

Всё так же не поворачиваясь, Саграсс склонил голову. Ещё немного постояв, Грегор отошёл от перил, и тут боевик его окликнул:

– А знаете, милорд Бастельеро, справедливость всё-таки есть!

И объяснил, невесело улыбаясь, остановившемуся Грегору:

– Те двое наблюдателей на Северной окраине, помните? Я же знал, что это Денвер их... Нетрудно было догадаться. И спросил его об этом.

– А он?

– А он сказал, что эти двое продались барготопоклонникам. – Усмешка Саграсса стала совсем фальшивой. – И то, что он сделал, сделано ради чести Ордена. Чтобы никто не узнал, что среди нас была такая мерзость. И я... я согласился с этим, милорд. Ведь честь Ордена – это... святое! А у них тоже наверняка были родные, да и сами они, получается, погибли ни за что.

– Они выполняли свой долг, – уронил Грегор, проглотив уже бесполезный упрёк, что если бы Саграсс тогда пришёл к нему... – И запомнят их именно так.

– Повезло, – бросил Саграсс. – А мои братья будут жить с клеймом. И всю жизнь платить за то, в чём они не виноваты. Я понимаю, что это ради чести Ордена. И готов искупить собственную вину, но этого Денверу никогда не прощу. Милорд Бастельеро, если вы найдёте его живым...

– Он заплатит за всё, – кивнул Грегор и ушёл, чувствуя себя отвратительно беспомощным.

Саграсса ведь даже не охраняют! Потому что лучше любой тюрьмы его держит данное слово и семейная честь. Быть братом казнённого – почти наверняка крах любой придворной или военной карьере, кроме орденской. Но быть братом труса, сбежавшего от наказания, этого он бы и лютому врагу не пожелал. Разве что Денверу, но как раз у того ничего святого не осталось, да и не было.

Одна надежда, среди тел у Разлома его, вроде бы, не нашли, так что шанс повстречаться ещё есть. И Грегор готов был молить об этом всех богов, включая Баргота.

* * *

От озера, то ли благословенного, то ли проклятого, они уезжали молча и торопливо. Пока Аластор собирал палатку и седлал лошадей, итлиец ещё раз ушёл и вернулся с флягами, полными воды. Отмытый котелок он привязал к седлу, но шамьёт по тому же молчаливому соглашению варить не стал – поляну хотелось покинуть как можно скорее. Тело Денвера завалили хворостом, и Айлин уже привычным жестом запустила туда огненный шар с совершенно каменным лицом.

– Лес не загорится? – обеспокоился Фарелли, оглядев поляну.

– Нет, – ответил Аластор. – Земля сырая, ни одного сухого листочка ни на деревьях, ни под ними. Вот прогореть может не до конца.

– Ну и Баргот с ним, – так же равнодушно отозвалась Айлин. – Душу я отправила, а после огня, даже такого, тело нежитью не встанет. Надо бы отчёт в гильдию написать. Но если укажу в нём, что упокоила кадавра...

Она усмехнулась как-то по-новому, очень холодно и скупое. У Аластора болезненно потянуло внутри. Его милая почти-сестрёнка на глазах превращалась в какую-то другую, незнакомую Айлин. Всё такую же славную, добрую и смелую, но безнадежно взрослую. словно с отъезда из Дорвенны прошли не считанные дни, а годы. Пожалуй, она повзрослела за время пути гораздо сильнее, чем за

пять лет, которые они не виделись.

Впрочем, Аластор чувствовал, что и сам изменился. Дорога беспощадно стесала с его души наивную веру, что весь мир прекрасен за редким исключением. И демоны в этом новом мире были ещё не худшим, что можно повстречать. Их, как он сказал спутникам раньше, можно просто убить.

А что делать с наглым лживым менялой, способным ограбить человека, который пришёл за помощью? Или с лордом, что не заботится о собственных крестьянах, зато выжимает из них последние соки? Или с наставником, который готов принести в жертву собственную ученицу, а потом украсть чужое тело? Все они, маги или профаны, простолюдины или дворяне, были отвратительны, и хуже всего, что Аластор теперь понимал: мир полон такими людьми, как они, а не только такими, как батюшка с матушкой, месьюр д'Альбрэ или Айлин.

А ещё в мире оказались и такие люди, как Фарелли, которых вообще непонятно к кому отнести. Глянешь с одной стороны – дерзкий и развратный наглец, на котором клейма негде поставить. Посмотришь с другой – человек, способный поделиться последним, не бросить в опасности и встать рядом в самом тяжёлом и отвратительном труде. Вот и что о нём думать?

Аластор подал Айлин руку, и девушка взлетела в седло. Подобрала поводья, погладила Луну по морде, и та отозвалась тихим ласковым ржанием. Фарелли с самым серьёзным видом объяснял одной из своих гнедых, почему сегодня намерен изменить ей с другой – вот ведь болтун! Пушок, уже пришедший в себя, потрусил с поляны первым, и Аластор с невольным сожалением оглянулся на тропу, ведущую к озеру. Жаль, что такое прекрасное место навсегда останется у них в памяти связанным с такой мерзостью.

Они уже отъехали от поляны на несколько сотен шагов, и тут из кустов послышалось едва слышное ржание. Аластору показалось, что это подала голос одна из их лошадей, но он тут же понял, что неправ. Слишком далеко, да и ржание сдавленное, полное боли. Пушок тоже насторожил в ту сторону уши, а потом уверенно пошёл на звук.

– Проверим? – глянул Аластор на итлийца, и тот кивнул.

Они свернули с тропы и проехали через густой подлесок совсем немного. Белое пятно указало путь, как маяк, и Аластор не сразу понял, возле чего сидит Пушок. А когда сообразил, чуть не выругался. Спрыгнул с Искры и подошёл к лежащей на земле осёдланной лошади. Старый каурый мерин приподнял голову и жалобно посмотрел на него слезящимися глазами.

– Бедный... – тихо сказала позади Айлин. – Откуда он здесь?

– Полагаю, на нём приехал тот синьор, – ответил Фарелли и негромко выругался по-итлийски.

Аластор сел на корточки, тронул сухой горячий нос. Мерин дышал тяжело и прерывисто, его бока поднимались и опускались, а шкура, вся в потёртостях от тяжёлой работы и плохого ухода, туго обтягивала рёбра. Не чистокровка, даже не армейская лошадь, просто изнурённый крестьянский конёк. И насмерть загнанный, хотя ещё жив.

– Вот так он нас и догнал, – услышал Аластор собственный голос. – Ему не нужно было спать, а лошадь... что лошадь? Наверное, украл в какой-то деревне...

Мерин смотрел с такой тоской, что на миг Аластору показалось, будто он всё понимает. И даже не осуждает людей, только просит, чтобы всё побыстрее закончилось. Аластор скрипнул зубами и снова погладил бархатистую морду. Вот за это он и раньше иногда ненавидел людей. Почему-то считается, что лошади созданы Всеблагой только для человеческой пользы и удовольствия. И их можно не только разводить, продавать и дарить, но и загонять до смерти, изнурять бесконечной невыносимой работой, издеваться хлыстом и шпорами. Над бессловесным, но благороднейшим созданием!

Вот чем провинился этот бедняга, всю жизнь покорно возивший дрова и сено? Тем, что подвернулся под руку барготову ублюдку? А теперь ему даже помочь нельзя! К горлу Аластора снова подкатил тот горький ком, что жёг изнутри, когда Кагельмаро бил заклятием лошадей на дороге. Только теперь было ещё тяжелее. Вот проехали бы они мимо – и сколько бы этот мерин здесь умирал? Долго, если поблизости нет крупного зверья. А помочь ему никак не получится! Загнанную лошадь невозможно выходить!

Аластор глубоко вдохнул и выдохнул, потянул из ножен на поясе длинный охотничий нож.

– Может, я? – тихо спросил Фарелли, присаживаясь рядом. – Это будет быстро и не больно, я обещаю. Не рвите себе сердце, синьор...

Аластор помотал головой. Не хватало ещё переваливать на других то, что должен сделать сам. Да, этому мерину всё равно, кто оборвёт его мучения, но... зато не всё равно самому Аластору! Его

учили не только продавать лошадей, но и любить их! Иногда любви приходится быть жестокой.

Он последний раз погладил измученного коня и придержал ему морду так, чтобы каурый не увидел нож. Лезвие чиркнуло по грязной вытертой шкуре быстро и уверенно – и кровь хлынула сразу, словно ждала этого. Мерин опять тихонько заржал, но даже не дёрнулся, только покосился на Аластора с немой благодарностью. А потом влажный карий глаз подёрнулся неуловимой знакомой пеленой – и застыл. Аластор встал, вытер почти чистый нож о рукав куртки и сунул его в ножны. Снова вскочил в седло Искры и принялся выбираться из леса опять на тропу. Остальные молча последовали за ним.

На душе было не просто паршиво – да ему волком выть хотелось! Который раз уже судьба тычет его носом в собственную беспомощность, как слепого щенка – в материнское брюхо!

Айлин – юная леди, которую он должен беречь и защищать, на деле снова и снова сама спасает его. Без неё Аластор не ускользнул бы от людей лорда Бастельеро, не отбил от демонов. Да что там, даже дорогу без Пушка, по одной карте, искать было бы куда труднее.

Фарелли спас их обоих от глупого отравления грибами, а потом был тот выстрел в демона и нож, прикончивший мэтра Денвера. Да, Аластор тоже вытащил его из реки и раздобыл лекарства, но у итлийца счёт всё равно больше! Да если бы не Фарелли, Аластор бы умер от стыда, опозорившись перед Айлин! Это можно ещё к одному спасению жизни приравнять, не меньше, а то и больше.

Зато он, благородный лорд, чувствует себя самым слабым из троих! Не маг, не опытный боец... Это Айлин и Фарелли спасают и берегут его, прикрывают от беды. И, если понадобится, пожертвуют собой, лишь бы он дошёл до цели...

Тропа стала шире, и гнедая итлийца зашагала вровень с Искрой, а через мгновение Фарелли вкрадчиво произнёс:

– У вас такое лицо, благородный синьор, как будто вы хотите кого-то убить.

– Не вас, – буркнул Аластор и тут же устыдился собственной грубости.

И к кому? К человеку, которому снова обязан!

– О, это радует! – жизнерадостно и совсем не обидчиво отозвался итлиец. – Ничего, остановимся на обед, сварим что-нибудь вкусное, и вам полегчает. Большим мужчинам нужно хорошо есть, а из-за этого недостойного синьора, прими его Баргот, мы остались без завтрака. Безобразие!

– Даже спорить не буду, – усмехнулся Аластор. – Хорошо, что живы. А я ещё... не поблагодарил вас...

Он бросил быстрый взгляд в спину едущей впереди Айлин, но подруга была слишком далеко, чтобы слышать их тихий разговор.

– Пустое, синьор, – небрежно пожал плечами итлиец. – Я вам тоже кое-чем обязан, знаете ли. И всегда рад быть полезным. А ножом, арбалетом или котелком – это уж как доведётся.

– Давно вы занимаетесь этим ремеслом? – помолчав, спросил Аластор, не зная, как подобраться к тому, о чём хочется спросить.

Он впервые задумался, что итлиец выглядит ненамного старше, да и не поймёшь по его гладкому тонкому лицу настоящий возраст. Но так легко убивает...

– Лет десять, – по-прежнему беззаботно ответил Фарелли. Возвёл глаза к небу, что-то беззвучно посчитал и подтвердил: – Ну да, где-то с шестнадцати. У нас в Итлии рано начинают. Жара, синьор, сами понимаете. Апельсины зреют быстро, красивые девушки – ещё быстрее, приходится за ними поспевать.

– Вы стали наёмником в шестнадцать? – поразился Аластор. – А как же ваше ремесло и мастер?

– Ну, так я не уезжал из города, – ловко выкрутился итлиец. – Одно небольшое дельце там, другое здесь – ремеслу это совершенно не мешает. На свете полно благородных синьоров, которым требуется ловкая шпага и умение молчать про их секреты. Но такая работа бывает не каждый день, а безделье – мать всех пороков, как говорит мой мастер.

– Он тоже? – вырвалось у Аластора.

Они с Фарелли разом посмотрели друг на друга и хохотнули.

– Но королева очень вас ценит, верно? – ступил Аластор на весьма скользкий лёд. – Если выбрала для такого дела...

– Её величество знает в людях толк, – согласился итлиец, но Аластору показалось, что улыбка на красивом смуглом лице поблёкла. – Я чрезвычайно горд её доверием. Охранять... такую важную особу – это честь.

– Только честь? А как насчёт выгоды? Если не секрет, сколько стоит моя... безопасность?

Аластору казалось, что они с Фарелли перекидываются словами, словно мячиком в игре, легко и быстро.

– Хотите знать, что мне обещали за успех? – глянул на него итлиец. – Деньги, разумеется. И дворянство. И... ещё кое-какие мелочи...

Его улыбка снова показалась Аластору слишком натянутой. Что ж, королева и вправду не поскупилась. Дворянство – это очень приличная награда! Похоже, она и вправду заинтересована, чтобы они с Айлин вернулись в Дорвенну.

– Я обязательно скажу её величеству, что вы заслужили награду в полной мере, – пообещал он. И замялся, но всё-таки выдавил: – Синьор Фарелли, а когда... когда вы впервые убили человека? Это была дуэль? Или просто схватка? Простите, если это слишком личное...

– Личное? Что вы, синьор, нисколько! – Лицо итлийца было так бесстрастно, а голос так любезен, что Аластор мгновенно пожалел о вопросе, но Фарелли продолжил: – Но вряд ли я смогу сказать это точно. В большой драке не всегда знаешь, кого уложил ты, а кого – твой товарищ. Опять же, раненные могут выжить, а могут отдать душу Претёмной... Кажется, это был какой-то бандитто... как же по-вашему... разбойник. Решил поживиться моим кошельком в переулке. Идиотто, что сказать!

– Разбойник? – с некоторым облегчением переспросил Аластор. – Ну, туда ему и дорога. Если вы владеете шпагой, как арбалетом и ножом, я бы вашим противникам не позавидовал.

– Шпагой как раз похуже, – признался итлиец без всякого смущения. – Бретёру точно уступлю, да и многие дворяне владеют ею лучше меня. Но у нас в Итлии свой стиль, мы дерёмся с рапирой в одной руке и дагой – в другой.

– А! – выдохнул Аластор. – Это я видел! Но сам не пробовал. Может, как-нибудь дадите урок?

– К вашим услугам, синьор, – кивнул итлиец. – Хотите, я и ножи вас научу кидать. Со мной вряд ли сравняетесь, но в бою лишних умений не бывает.

– Ножи? Это не дворянское умение, – смущённо улынулся Аластор. – Не поймите меня неправильно! Я бы хотел, но...

– Бойтесь, что про вас скажут? – понимающе продолжил Фарелли. – Скажите, синьор Вальдерон, вы играете в карты?

– Не очень, – признался Аластор. – Знаю несколько игр, но не особо люблю. Мне больше нравятся арлезийские башни. А что?

– Башни? Хорошая штука, но есть у неё большой недостаток! На доске ни за что не появится ещё пара-тройка фигур, которые противник до этого прятал в кустах. Карты – совсем другое дело. Вот они похожи на жизнь! Вы никогда не думали, как шут в них бьёт короля? Я имею в виду, как именно он это делает. Ведь у шута нет ни собственных гвардо, ни власти, м?

– Но это же игра, – удивился Аластор. – Шут бьёт короля просто по правилам, как иначе? В жизни так не бывает.

– Неужели? – усмехнулся итлиец и вдруг показался Аластору гораздо старше. – Позвольте вас огорчить, синьор, в жизни бывает как угодно, на то она и жизнь. Чаще, конечно, короли казнят шутов, но у всякого шута за пазухой или в рукаве найдётся нож. Если встретятся два короля – они, скорее всего, разойдутся миром, потому что за каждым – сила. Но перед шутом король беззащитен, потому что слабый бьёт в спину. Или травит королевское вино. Или ставит подножку на крутой лестнице. Понимаете, м?

– По-вашему, подлость всегда побеждает? – нахмурился Аластор.

– Нет, синьор! Но часто, очень часто! Маленькая змейка или скорпион могут укусить огромного быка – и тот сдохнет. Мало быть только сильным, чтобы победить, нужно ещё быть умным и осторожным. Посмотрите на синьора Собаку – великолепный зверь, м? Если бы я вышел против него с одним ножом, на кого бы вы поставили?

Аластор глянул на Пушка, преспокойно трусившего сбоку от Луны, перевёл взгляд на итлийца.

– Даже не знаю, – подумав, признался он.

– О, синьор, не сомневайтесь, я бы тогда сам на себя не поставил. Прекрасный пёс! Человеку с ножом перехватит горло одним укусом. Но там, на поляне, сила встретила силу, и бедный синьор Собака проиграл. Если бы я выскочил из кустов, как он... Ну, вы понимаете, м?

– Вы спасли нам жизнь, – помрачнел Аластор. – Я никогда не назову это подлостью. Профан не может одолеть мага, это неравный поединок!

– Но, так или иначе, я ударил в спину, синьор, – спокойно подытожил Фарелли. – И мы живы, а тот мерзавец – нет. Лично я считаю это правильным!

– Я... подумаю над вашими словами, – тяжело уронил Аластор. – Не уверен, что смогу так же, но... благодарю за урок.

Итлиец молча склонил голову. Аластор несколько минут ехал молча, удивляясь собственной нерешительности. Ну что за раздумья? Будь Фарелли дворянином, Вальдероны были бы перед ним в неоплатном долгу! Да, он простолюдин, но Благие боги учат, что благородство человека не только в гербе, не зря же они иногда посылают свою искру и простолюдинам, выказывая им величайшую милость и доверие! Но то, что Айлин сделала так легко и непринуждённо, у него никак не получалось!

И тут Фарелли увидел в просвете деревьев большую дорогу, на которую они вот-вот должны были выехать.

– Смотрите, синьор Вальдерон!

Он слегка привстал на стремянах, глядя вперёд, и Аластор поправил:

– Аластор. Зовите меня просто по имени.

Итлиец обернулся к нему в полнейшем изумлении, у него даже брови взлетели, а глаза округлились, и солнце наполнило радужки зелёно-золотым свечением.

– Грандсиньор!

– Перестаньте, – досадливо попросил Аластор. – Я слишком многим вам обязан. Если бы вы просто спасли мне жизнь... Но после... после сегодняшнего... В общем, я обязан вам честью, а это куда важнее. С королевской наградой моей семье не тягаться, но моя дружба – это меньшее, что я могу предложить.

– Это... слишком большая награда, – вдруг севшим голосом проговорил итлиец.

– Мне виднее, – отрезал Аластор. И с огромным облегчением, потому что главное было сказано, добавил: – Или вас чем-то оскорбляет это предложение?

– Оскорбляет? – попытался улыбнуться итлиец, вдруг растеряв неизменную наглость. – Ну что вы, разве что слегка ужасает. То есть... просто Аластор? Вы уверены?

– Можно даже Ал, – великодушно разрешил Аластор. – Так меня зовёт Айлин.

– Ал... Ал-л-л... – Фарелли словно покатал его имя на языке и задумчиво сказал: – Нет, это слишком... по-дорвенантски! Ал-ластор-р-р... Алас-с-с... Альс! – вдруг просиял он. – Это гораздо лучше, м? Заодно я точно не стану покушаться на привилегии нашей милой синьорины!

«Всё-таки он на удивление наглый котище, – с лёгким насмешливым удивлением подумал Аластор. – Те тоже сначала сидят рядом, боясь лапку протянуть, а потом раз – и уже мурчат у тебя на коленях, словно всю жизнь там лежали! Ужасает его эта честь, ага! Ну и пусть! Я не принц, мне можно дружить с кем угодно по собственному выбору, не думая о чести государства и короны!»

* * *

– Ангус, я к вам по крайне важному и неотложному делу, – выдал Грегор, рассматривая Аранвена – такого изумительно спокойного, словно Дорвенанту не угрожали демоны, а единственная надежда на спасение не затерялась неизвестно где.

«Или канцлеру это как раз известно?» – подумал Грегор и тут же отогнал эту изумительно несвоевременную мысль.

Сначала – Саграсс, это нельзя отложить!

– Разумеется, милорд протектор, – с неизменной вежливостью откликнулся Аранвен, чуть заметно

склонив голову и жестом предлагая ему кресло напротив своего письменного стола. – Если то, о чём вы просите, в моих силах...

– Будет суд, – уронил Грегор, садясь. – Денвера мы не нашли, хотя я каждый день молю Претемнейшую о встрече. Но его пособники должны понести наказание согласно Орденскому и королевскому правосудию. К несчастью, среди барготопоклонников оказался один невиновный... Лионель Саграсс из Красной гильдии, служивший под началом этого мерзавца. Он непричастен к делам Денвера! Но оказался причастен к смерти его высочества Кристиана. Это вышло случайно, он и не подозревал, что Денвер – барготопоклонник! Ангус, вы должны понять...

– Я понимаю, – бесстрастно согласился канцлер. – И вы хотите просить Совет о помиловании?

– Нет, – поспешно откликнулся Грегор. – Совет едва ли пойдёт мне навстречу. Да и имею ли я право на такую просьбу как протектор? Я хочу, чтобы о помиловании попросили вы. Ангус, вы пользуетесь огромным авторитетом в Совете, вы столько лет безупречно служили Дорвенанту, к вам наверняка прислушаются!

– А ещё я профан, – тонко улыбнулся Аранвен, но глаза у него при этом остались столь же холодными и внимательными. – И вы полагаете, что прочие профаны прислушаются ко мне охотнее, чем к любому магу. Что ж, я хочу ознакомиться с показаниями этого Саграсса, и если сочту их достаточно убедительными – выполню вашу просьбу. Не могу, однако, обещать, что это принесёт пользу. К сожалению, лорды Совета бывают... непредсказуемы.

– Показания? – растерянно изумился Грегор. – Да, конечно! Но разве вам недостаточно слова Бастельеро? Вы не доверяете моим суждениям?

– Учитывая, что происходит в Дорвенанте, – с той же холодной любезностью откликнулся Аранвен. – Я не доверяю почти никому. Не сомневаюсь, что вы меня понимаете. Я могу помочь вам чем-нибудь ещё?

– Можете, – скрипнул зубами Грегор. – Как обстоят дела с поисками лорда Вальдерона и адепки Ревенгар?

– Пока безрезультатно, – откликнулся Аранвен так невозмутимо, что Грегор снова заподозрил неладное. Слишком уж Аранвен был спокоен!

– В самом деле? – ядовито поинтересовался он. – И, однако, вы как будто вовсе не волнуетесь. Может быть, на самом деле вы уже нашли их, и они гостят в одном из ваших отдалённых поместий?

– Дорогой Грегор, – утомлённо вздохнул Аранвен. – Я слышал о том, что происходило в Академии. И прекрасно понимаю, сколько разнообразных обязанностей и забот стали вдруг вашими. Но поверьте моему опыту – за бесконечной работой надо уделять время и отдыху. В противном случае начинают возникать самые разнообразные... странные идеи. Надеюсь, вы воспользуетесь моим советом?

– Не премину.

– Вот и славно, – невозмутимо кивнул канцлер. – Что до поисков, я несколько неверно выразился. Мне известно из достоверных источников, что и юный Вальдерон, и леди Ревенгар ещё недавно пребывали в полном здравии. Но о месте их нынешнего пребывания не известно, к сожалению, ничего.

– Вы... их опять упустили? – озарило Грегора, и Аранвен досадливо поморщился.

– Нет, – сдержанно сказал он тоном человека, вынужденного объяснять очевидные истины. – Потому что в том городе мы их и не ловили. Сведения поступили... иначе.

Посмотрел на Грегора, напряжённого, вытянувшегося в кресле, вздохнул и добавил:

– Хорошо, я расскажу. Но это останется исключительно между нами.

Дождался торопливого кивка Грегора и выложил на стол массивный золотой перстень с голубым камнем, а следом – листок бумаги, не запечатанный, а просто сложенный.

Грегор взял сначала перстень и глянул на герб. На щитках, окружавших камень, вздыбленный конь Вальдеронов. А перстень хоть и родовой, но...

– Перстень наследника? – предположил он.

– Именно, – подтвердил канцлер. – Можете ознакомиться с письмом. Но я предупреждаю, оно попало ко мне путём... не совсем приличным. И сегодня же вместе с перстнем отправится по прямому назначению.

– Я понимаю! – нетерпеливо отозвался Грегор и развернул листок.

Прочитал, потом перечитал ещё раз...

– Известная особа? – поднял он глаза на канцлера.

– Как видите, юноша достаточно благоразумен, чтобы беречь репутацию леди, – одобрительно улыбнулся Аранвен краешками губ. – Имя он не называет, но какие могут быть сомнения?

«Что ж, хоть какие-то уроки пошли ему впрок, – жёлчно подумал Грегор. – Вряд ли удастся скрыть, с кем он путешествовал, но... Да, имя Айлин определённо не стоит упоминать».

– Прекрасная работа, Ангус, – сказал он, оценив доверие канцлера. – Не представляю, как это к вам попало.

– Почти случайно, – хмыкнул Аранвен, сплетая длинные тонкие пальцы на столе перед собой. – Как ясно из письма, юноша остался без средств и пошёл к меняле. Тот обманул его наивным видом и решил отнять перстень, заплатив сущую мелочь для придания законности. Юный Вальдерон возмутился, избил охранников менялы, разнёс лавку, а потом взял необходимую сумму – весьма скромную, хотя хозяин уже был рад откупиться всем имуществом! – и честно оставил перстень в залог, написав отцу письмо с просьбой его выкупить.

«Восхитительно! – не мог не признать Грегор. – Претёмная, как же это похоже на...»

И тут же, спохватившись, недоумённо уточнил:

– Заложил перстень наследника?

– Именно, – невозмутимо кивнул канцлер. – Согласно отчёту моих людей, взятые под залог деньги юный лорд потратил на покупку тёплых вещей небольшого размера. Неудивительно, если вспомнить, что припасов он и его спутника лишились ещё в начале путешествия.

«И мы оба знаем, кто в этом виноват» – без труда закончил Грегор, едва сдерживаясь, чтобы не скрипнуть зубами.

– А... известная особа?

– В разгроме лавки не участвовала, – хмыкнул канцлер. – Что тоже говорит в пользу её спутника. Однако с ним был огромный белый пёс. Думаю, эта примета нам обоим знакома. И если уж сам принц утверждает, что леди жива и здорова, я не вижу оснований не верить ему.

«Принц...» Слово резануло Грегора неожиданной болью, так спокойно и обыденно Аранвен его произнёс. А ведь для них обоих оно долгие годы относилось к другим юношам. Совершенно другим!

– И как вы намерены отдать это всё... – повёл он рукой, – Вальдерону-старшему?

– Я? – удивился канцлер. – Всеблагая с вами, Грегор! Сам меняла ему и отдаст, как намеревался. Вы же не думаете, что он станет распространяться об участии моих людей? После настоящей просьбы этого не делать.

– Разумеется, – кивнул Грегор. – Но что с Вальдероном? Письмо пришло из Шермеза, а это значит, что они не скрываются, а продвигаются к порталу и скоро достигнут его.

«А значит, безумная девица и не собиралась прятаться, – подумал Грегор, невольно удивляясь самому себе. И как можно было поверить в то, что кто-то из Ревенгаров упустит возможность совершить подвиг? Разумеется, не думая о последствиях! – И уж конечно, ей и в голову не придёт пожертвовать бастардом... Претёмная, как же я был слеп! Как можно было беспечно уверить себя, что девчонка просто пересидит опасность в надёжном месте? Словно я не успел узнать её за эти пять лет!»

– Надеюсь, – уронил он, стараясь не морщиться от странной резкой боли где-то за грудиной. – Вы понимаете, что их мало найти? Необходимо остановить и как можно скорее.

– Смею надеяться, понимаю лучше, чем вы, – веско уронил канцлер. – Керуа полностью перекрыт. Посты стоят на дороге и всех тропах после города. Мои люди клянутся, что у нихмышь не проскочит. Нам остаётся только ждать. Кстати, Грегор, если уж вы здесь... Что скажете об Эдуарде Райнгартене?

– Младшая ветвь? Капитан Райнгартен, служивший под личным началом Эжена? – Грегор не без труда вспомнил ничем особо не выделявшегося офицера. – Много старания, мало собственного мнения и всегда сверкающие золотые эполеты.

– Исчерпывающе, – вздохнул Аранвен. – Однако он уже полковник. И командор Райнгартен отправил его с полком егерей в окрестности Мервиля. Там прорыв, как оказалось, произошёл на месте бывшего храма Баргота, разрушенного сто лет назад...

– Жертвенник?

– Да. Очень старый и заброшенный, но... Прорыв оказался... как же это... аномальным. По размеру и количеству демонов.

– Я помню, вы мне писали об этом, – кивнул Грегор. – Всё настолько плохо? Ну, полк егерей должен справиться. Хотя если демоны уже разбежались по лесам...

– Не разбежались, – сухо сказал канцлер. – Они сбились в стаи по несколько сотен и нападают на деревни. Я не уверен, что таланта полковника Райнгартена хватит для истребления этой угрозы силами всего одного егерского полка, но и он сам, и командор Райнгартен убеждают меня в обратном.

– Райнгартен с ума сошёл? – растерянно поинтересовался Грегор. – Мервиль – сплошные болота. Если тварей настолько много... Всего один полк егерей они попросту вырежут! Ангус, подкрепление им необходимо! Я поговорю с Ладецки и Этьеном Райнгартеном, отправим боевиков и стихийников!

– Буду очень благодарен, – согласился Аранвен и потёр виски пальцами. – Ах да, ещё одно. Умер его величество Флоримон.

– Давно пора, – с огромным удовольствием сказал Грегор. – Туда ему и дорога, старому мерзавцу. Не смотрите на меня так, мы оба прекрасно знаем, кто до последнего дня лелеял надежду на новую войну. Его сын, насколько знаю, настроен мирно, и это хорошо для Дорвенанта.

– Это так, – снова поморщился канцлер. – Но вы как всегда думаете о государстве больше, чем о себе. Грегор, если постоянная угроза войны с Фраганой уйдёт в прошлое, кое-кто в Совете может решить, что у нас нет необходимости в...

– Во мне, – закончил Грегор. – Да, полагаю, так и будет. Но знаете, Ангус, я никогда ничего не хотел для себя, кроме справедливости. Пусть новый король, кем бы он ни был, судит мои нынешние дела, а не прошлую славу. Справедливость – это такая большая роскошь, как я теперь понимаю, что большего и желать нельзя.

Аранвен только вздохнул и подвинул к себе бумаги, из чего Грегор сделал вывод, что встреча окончена.

Раскланявшись, он вышел из кабинета канцлера, уже предвкушая, как доберётся домой и, наконец-то, выпится. Но в огромном дворцовом холле, когда лакей уже подал тонкий весенний плащ, его окликнули:

– Грегор! Позвольте вас ненадолго задержать?

«Райнгартен? – устало изумился Грегор. – И как он успевает быть везде?!»

Он обернулся, кивнул стихийнику, успевшему сменить мантию магистра на придворный камзол, и заметил, что Райнгартен выглядит не только нарядным, но и каким-то смущённо-довольным, если не просто счастливым.

– Грегор, у меня к вам важнейшее дело! – проговорил он, понизив голос. – Я понимаю, что вы заняты каждую минуту, но довериться никому, кроме вас, не могу. Умоляю, окажите мне любезность!

– Этьен, вы меня пугаете! – неловко пошутил Грегор. – Вам нужно срочно кого-то убить и спрятать труп? Для вас – что угодно, даже это.

– О, что вы! – махнул рукой Райнгартен и хохотнул: – В таком случае мы бы с кузеном и сами управились по-семейному. Нет-нет, у меня совсем иная просьба.

Он посмотрел с неожиданной серьёзностью и ещё тише сказал:

– Вы не могли бы завтра приехать к нам и обновить защиту на доме? Клянусь, мне действительно неловко просить, но другого такого мастера я просто не найду!

«Это верно, – признал Грегор. – Эддерли – специалист по призракам, а Денвер... И, разумеется, Райнгартены предпочитают лучших, поэтому кто-то из менее известных и сильных мастеров им просто не подходит».

– Вам угрожают? – изумился он вслух. – Этьен, разумеется, вы можете на меня рассчитывать!

– Благие с вами, Грегор! – торопливо прервал его стихийник. – Никаких угроз! Обычная предосторожность. Дело в том, что моя дорогая Мэнди...

В его глазах блеснуло такое сытое и блаженное мужское самодовольство, что Грегор невольно улыбнулся.

– Так вас можно поздравить? Я очень рад!

– Ещё рано, – вздохнул стихийник, по-прежнему сохраняя вид кота, обожравшегося сливок. – Так долго ждать...

– Ну, вы ждали гораздо дольше, выбирая супругу, – усмехнулся Грегор. – И ведь не прогадали? Хотя, признаться, я был немного удивлён вашим выбором. Нет-нет, она... прелестна! – поспешно исправился он, вспомнив миленьких, но невыносимо скучных и отвратительно одинаковых блондинок, представленных ему обоими Райнгартенами. – Но почему Вальдероны? Они, кажется, не выделяются ничем особенным, кроме добродетельной жизни в поместье?

– Считаете это недостатком? – усмехнулся в ответ Райнгартен. – Грегор, вы просто не созданы для тихого семейного счастья. Или ещё не встретили ту единственную, с которой захотите именно этого. Да, скажу откровенно, моя супруга не блистает умом и талантами, но умных людей мне хватает в Академии и при дворе. Право, иногда так устаёшь от этого! – Он доверительно взял Грегора под локоть и повёл от лестницы к галерее, по пути рассказывая: – Ах, Бастельеро, вы не представляете, какое это счастье просто приехать домой и оставить за порогом всё! Дела, интриги, склоки и сплетни... Мэнди сама заваривает мне шамьет и даже печёт пирожные! И спрашивает о делах... Ради приличия, конечно, всё равно она в них ничего не понимает. Но так внимательно слушает о каком-нибудь пустяке!

Грегор проглотил жёлчное и, пожалуй, несправедливое замечание, что с тем же успехом Райнгартен мог завести породистую собаку. Те слушают ничуть не хуже! Правда, пирожные не пекут, но ведь на это есть кухарки. Хм, что-то у него и вправду испортилось настроение, раз тянет на откровенные гадости. Ведь видно же, что человек счастлив!

– Понимаю, – согласился он вслух. – Действительно, иногда очень хочется чего-нибудь... этакого!

«Чтобы кто-то ждал тебя дома, – подумал он, вдруг понимая Райнгартена. – Смотрел в глаза, улыбался не из любезности, а от всего сердца. И даже пёк пирожные, хоть я их терпеть не могу, как и шамьет. Неужели Этьен прав? Дело в одиночестве? Или в том, что это должен быть особенный человек? Только мой...»

– Мэнди меня любит, – подтвердил Райнгартен в унисон его мыслям. – Я, конечно, понимаю, что ещё она любит новые платья к каждому придворному сезону, фамильные украшения нашей семьи, экипаж с арлезийскими лошадками и прочие приятные мелочи. Но какая разница? Это моя жена, и я могу и хочу её баловать. Право, её улыбка этого стоит! А сейчас... Сейчас она носит моего наследника. Наследника, понимаете!

– Вполне понимаю, – кивнул Грегор. – И вы... беспокоитесь?

– Просто с ума схожу, – ещё доверительнее признался стихийник. – Я выбрал Вальдеронов и посоветовал Эжену взять сестру Мэнди, потому что эта семья отмечена Всеблагой Матерью. Нет, никаких сильных магов! Но у них уже много поколений исключительно здоровые и крепкие дети, а женщины рожают легко и всегда остаются в живых. Знаете, в моём возрасте это уже важно! Я не хочу терять ни жену, ни детей, слишком долго выбирал. А Вальдероны – густая сильная кровь, хоть и не золотая. Да и покровительство Всеблагой... У Мэнди нет искры, зато «зелёная рука». Видели бы вы, как цветут розы в нашей оранжерее! Лучше, чем от моей магии, представляете? И чтобы всё это рухнуло в один момент из-за какого-нибудь... завистника? Который увидит наше счастье и...

Он осёкся, и Грегор понял, что Райнгартен действительно разволновался. Этот хладнокровный интриган! Впрочем, его можно понять. Оба кузена действительно немолоды. Нет, любой маг в их возрасте по-мужски ещё в самом соку! Но хочется ведь не просто увидеть сына, но и воспитать его! А там ещё и внуков дожидаться. Его, Грегора, дед ушёл слишком рано, Грегору тогда и двадцати ещё не было. А с отцом, отлучённым и изгнанным в поместье, они никогда не были близки... И смерть деда стала первой огромной потерей Грегора. Так что Райнгартена ещё как можно понять. Безопасность семьи – это святое!

– Какие завистники, Этьен, вы о чём? – поспешил он успокоить будущего счастливого отца. – Защиту на вашем особняке делал мой дед, и я прекрасно её помню, потому что был его подмастерьем. Она великолепна! Её направленным проклятием на крови не пробьёшь! Вы же не хотите сказать, что Стефан Чёрный Глаз плохо знал своё дело? Но, я, конечно, завтра заеду и тщательно всё проверю. Просто, чтобы вы не переживали.

– Благодарю, Грегор! – Стихийник посмотрел на него с искренней теплотой. – Буду у вас в долгу. А

сейчас, простите, я вас покину.

– Ну, разумеется, – с улыбкой согласился Грегор. – Может, вам взять отпуск? Не знаю, как буду обходиться без вашей помощи, но...

– Даже не знаю... Нет-нет, сейчас я точно не брошу дела! Но ближе к родам... Если будет необходимость, я непременно воспользуюсь вашим любезным предложением! Вы же понимаете!

– Безусловно! – кивнул Грегор. – Мои наилучшие пожелания леди Аманде!

Райнгартен торопливо поклонился и поспешил уйти. Грегор посмотрел ему вслед и вздохнул, понимая, что завтра придётся отложить любые дела, но съездить в особняк Райнгартенов. Давно он не ставил защиту на такие старые дома. Нужно ещё записи деда посмотреть, там должны быть схемы плетений и ключи к ним. Без них, пожалуй, и не разобраться. Королевский некромант Стефан Бастельеро славился невероятно изощрёнными работами по защите родовых поместий, и Грегор точно знал, что эта слава заслужена. В столице почти все особняки Трёх Дюжин зачаровывал именно он. Разве что Аранвены и Эддерли обходились сами, да ещё род Вольдеринг, с которым у Бастельеро была давняя вражда. Ну так Вольдерингов полсотни лет назад и вырезали подчистую! Нет-нет, Бастельеро здесь были ни при чём! Но кто знает, как бы обернулось дело, защити их дом Чёрный Глаз...

«А ведь мне придётся оказать Райнгартенам услугу и не только поэтому, – подумал Грегор с ещё большим удивлением. – Если я собираюсь жениться на Айлин Ревенгар, ей понадобятся подруги соответствующего круга! Леди Райнгартен – это подходящее знакомство для моей жены и будущей матери моих детей. А их дети... Ну, кто знает, возможно, у них будет не такая уж большая разница в возрасте с моими? Для игр, может быть, и не подойдёт, но для будущего брака... Претёмная, о чём я вообще думаю?! – Его снова прошила ледяная тоскливая тревога, не столько утихшая в последние дни, сколько загнанная глубоко внутрь бесконечными делами и заботами. – Айлин неизвестно где! Что бы там ни говорил канцлер, но она в опасности! Постоянной! А я не могу отлучиться из столицы даже на несколько дней и должен ждать новостей, как умирающий от голода – подаяния! Право, позавидуешь Роверстану, который бросил всё и уехал по делам!»

Он представил завтрашний день, бесконечный, как все дни до него и ещё много-много дней после. Разрушенная Академия, в которой одновременно делают ремонт, учат здоровых, лечат выживших и всё ещё хоронят павших! Встречи с родителями, что пришли требовать ответа за смерть своих детей! Да, с большинством из них беседовали магистры гильдий, но мать Аделин Мэрли вчера прорвалась на приём к самому Грегору. И он предпочёл бы ещё раз с пустым резервом отбиться от демонов, чем объяснять женщине, как могло случиться, что он, некромант, бывший в гуще боя, уцелел, а юная целительница погибла.

А ещё была столица, где на окраинах до сих пор ночами вспыхивали потасовки обнаглевших разбойников с солдатами! Иногда Грегору хотелось пройти по трущобам, глядя на них Чумным взглядом! Потом останется только пустить хороший пал, сжечь вонючие хибары дотла вместе с трупами и остановить огонь на подступах к другим кварталам! В такие моменты его мучило от самого себя, но злость и брезгливость упорно твердили, что честных и работающих ремесленников там не осталось, все, кто мог, сбежали во время бунта и нашествия демонов. Остались те, кто либо сам грабит, либо скупает краденное и награбленное, либо живёт за счёт тех, кто этим занимается. А крыс травят скопом, не разбирая, какая из них больше кусается.

Потом он всё-таки устало одёргивал себя и заставлял вспомнить, что кто-то из бедняков мог остаться просто потому, что им было некуда бежать. А эти люди нужны столице, как навоз нужен полям. Да, он воняет и непригляден на вид, но Претёмной Госпоже виднее, кому рождаться в Трёх Дюжинах, а кому – простолюдином. И не её Избранному мешать планам своей покровительницы.

«Я просто хочу, чтобы всё было, как раньше, – устало подумал он, опираясь о перила. – Так, как уже никогда не будет. Но если Претемнейшая сжалится и вернёт мне хотя бы Айлин Ревенгар... клянусь, я сумею защитить её. С этой несносной девчонки волосок больше не упадёт, я убью любого, кто посмеет сказать о ней плохо... Ну почему, стоит мне найти то, ради чего можно жить, как у меня это отнимают?! Хорошо Райнгартену, женившемуся на домашней кошечке в человеческом обличье. Ласковой, игривой и безмозглой... Да если бы я мог полюбить такую! Обе леди Райнгартен, вместе взятые, не стоят одного рыжего локона Айлин Ревенгар, такого же дерзкого и непослушного, как она сама. Как я смогу сделать её счастливой?! Но... это единственное, что делает счастливым меня самого. Только бы она осталась в живых! Только бы...»

* * *

Остановиться на обед у них не получилось. Аластор слишком поздно сообразил, что стоит выехать из леса, и набрать хвороста для костра будет не так уж легко. Вдоль большой дороги каждую

случайную деревяшку исправно поднимали другие путники, проехавшие здесь раньше. Так что Фарелли на ходу вытащил из сумки кусок копчёного сыра, поломал его, и все трое слегка утолили голод, жуя твёрдые солёные кусочки, вкусно пахнущие дымом. Хлеба к сыру, увы, не было, да и дичи вблизи от дороги не водилось, так что к вечеру Аластор решил свернуть в холмы, чтобы набрать для костра хотя бы сухой прошлогодней травы и каких-нибудь прутьев.

– А я думал, что мы до самого Керуа будем ехать лесом, – признался неунывающий итлиец.

Он надрал изрядную охапку толстых сухих стеблей, растущих на склоне холма, и обложил ими котелок, понимая, что надолго топлива не хватит.

– Перед Керуа ещё будут леса, – сказал Аластор, рассматривая карту. – Но здесь удобно срезать дорогу и проехать пустошами. Они начинаются вон там, за холмами. Насколько я помню рассказы отца, это граница Озёрного края, так что без воды не останемся, да и дичь на маленьких озерах наверняка водится.

– Керуа... – вздохнула вдруг Айлин, сидящая с уже знакомой Аластору пухлой тетрадь на коленях. – Жалко, что не сможем там задержаться! Вдруг получилось бы разгадать знаменитый парадокс Керуа!

– Парадокс? – заинтересовался Лучано, обложенный сумками. – Этот город чем-то знаменит?

– В нём не водится нечисть! – мечтательно улыбнулась Айлин. – Вот уже лет двести ни одного случая, представляете? Никаких умертвий и упырей, совершенно спокойное кладбище! Стригои, ночницы, мары... Нежить обходит Керуа стороной, и никто не знает, почему это происходит. Нам рассказывали, что в Керуа несколько раз отправляли некромантов, чтобы выяснить природу парадокса, но так ничего и не нашли. Удивительное место! Тихое и безопасное!

– Действительно... – пробормотал итлиец. – Безопасное место – это прекрасно! После путешествия по вашей восхитительной стране начинаешь очень высоко ценить места, где нет этих... всяких! Но знаете, синьорина, с нашим талантом привлекать к себе внимание, я бы постарался не задерживаться в этом тихом городе.

– Почему? – удивилась Айлин, и Аластор тоже поднял голову от работы.

Луна умудрилась где-то зацепиться нашёчным ремнём, и он порвался. Починить его по-настоящему не получилось бы, но хотя бы заменить ремешок куском верёвки Аластор мог.

– Видите ли... – замялся Фарелли. – Моя любимая Верокья – тоже прекрасное место. Дивной красоты, клянусь! Но не очень спокойное. От портовых кварталов и до дворца дождя жизнь так и кипит! Кто-то кого-то грабит, кто-то у кого-то ворует – ну вы понимаете, м? И во всём городе есть только несколько улочек, на которых никогда ничего такого не происходит.

– И... кто там живёт? – спросил Аластор, затягивая новый ремешок.

– Очень почтенные люди, – вздохнул итлиец, разводя огонь под котелком. – Грандмастера гильдии Шипов. – И пояснил, встретив непонимающий взгляд Аластора: – Лорды и наставники всех наёмных убийц Итии. Очень, очень уважаемые люди, известные всему городу. И очень любящие тишину и спокойствие у себя дома. Так что любой бандитто, проходя по такой улице, скорее палец себе откусит, чем ткнёт этим пальцем прохожего, не говоря уж о ноже.

– И вы... ты думаешь, – поправился Аластор, – что в Керуа...

– Понятия не имею, – пожал плечами Лучано. – Однако с нашим общим восхитительным везением... Кровь Барготова! Это ещё что?!

Он вытащил руку из сумки, сжимая что-то серо-бурое, маленькое, беспомощно болтающееся...

– Ой! – ахнула Айлин, а Аластору мгновенно вспомнились проклятые твари, испортившие сапог и рассыпавшие овёс.

Лучано держал за шкурку маленького енота! Тот сонно хлопал глазками и тянулся лапами к морде, словно пытаясь её застенчиво прикрыть.

– Зверь Перлюрен! – ошеломлённо выдал итлиец и вдруг воспрянул: – Я же хотел вам рассказать! Это его я нашёл в котелке возле озера! Взял с собой, думал показать Айлин! А потом бросил котелок в кустах, ну, он и убежал. Не котелок, конечно! А вот... он...

– Недалеко убежал, – хмыкнул Аластор. – Как раз до твоей сумки. Пригрелся там и уснул. Ну что ж, зато у нас будет ужин. – Он оглядел енота и поморщился: зверёк размером с ладонь, какой уж там ужин на троих. – Всё равно хоть какое-то мясо.

– Мясо? – выдохнул Лучано с непонятным ужасом.

– Мяса там чуть, – согласился Аластор. – Но бульон-то сварить можно! Жалко, шкура весенняя, облезлая, да и махонькая – никакого прока!

– Бульон... – растерянно повторил Лучано и посмотрел на зверёныша, беспомощно болтающегося у него в руке.

Енот, словно поняв, что речь о нём, пискнул и попытался съежиться.

– Ну да! – уже раздражённо бросил Аластор, не понимая, что тут непонятного.

Ну чем енот отличается от утки или куропатки? Та же дичь, даже лучше – болотом не пахнет. Был бы побольше – цены бы ему не было! Мясо енотов – крестьянское лакомство, да и на дворянский стол его иногда подают.

– Но он маленький... – всё так же растерянно сказал итлиец. – Это же... детёныш совсем. Альс! Может... не надо?

Он что, всерьёз предлагал эту тварь отпустить?! Аластор поражённо воззрился на итлийца, который ответил ему жалобным взглядом. Просто умоляющим! Проклятье, да он так смотрел, когда просил оставить его в отряде и клялся всеми Благими в преданности! Нет, пожалуй, тогда он смотрел даже менее жалобно.

– Фа... Лучано! – Аластор перевёл взгляд на съевшегося енота, потом снова на итлийца. Опытного наёмника, грозу демонов и некромантов. – Ради Пресветлого, да не глядите вы на меня так! Оба! Это же просто зверюшка! Ну ладно, если хотите, давайте его отпустим. Хотя лично я сварил бы суп!

– Ал, – укоризненно сказала Айлин. – Он же и правда ещё маленький. И сам залез в мешок. Нечаянно! А теперь ему страшно – ты посмотри!

Енот всеми силами изображал, как ему страшно. Щурился, тёр морду лапами и тихонько скулил. Наверное, чувствовал, что Аластор ему не верит. Зато Лучано перехватил хитрую тварь второй рукой и прижал к себе, как ребёнка. Енот мгновенно понял, кто его защитник, и распластался у итлийца на груди, вцепившись в него всеми лапами и мелко дрожа.

– Ладно, – бросил Аластор. – Отпусти его, Лу. И правда, навара никакого... одна подлость!

– Отпустить? Но мы же его увезли из леса! – возмутился итлиец. – Он ещё малыш, а его родни здесь нет!

– Очень надеюсь, что нет, – едко согласился Аластор. – Иначе пришлось бы искать другое место для ночлега. Может, нам съездить обратно и вернуть его?

Итлиец посмотрел так странно, что Аластору на миг представилось невозможное – как этот сумасшедший действительно тащит енота обратно к озеру! К родственникам, Баргот их поберит! Ну не могла Всеблагая Мать лично создать такого злокозненного зверя, явно Баргот вмешался!

– Нет, к озеру – это далеко возвращаться, – с явным сожалением отозвался Лучано, и Айлин закивала. – Но дальше по дороге ведь будет лес! Мы можем довести его туда! Здесь он погибнет, сам посмотри! На этих холмах ни воды, ни еды!

– Везти енота в лес, – повторил теперь уже Аластор и подавил жгучее желание выругаться. – Енота! Лу, ты рехнулся?! Он у тебя завтра же сожрёт и разгрызёт всё, до чего дотянется! И учти, если тронет мои сапоги – я его на стельки пушу!

Глянул на размер предполагаемых стелек и поправился:

– Ладно, на одну стельку – для Айлин!

– Не нужна мне одна стелька! – обиженно заявила подруга-предательница и тоже посмотрела на енота с таким состраданием, что Аластор мысленно застонал. – Ал, это же не он грыз твои сапоги! Ты посмотри, он совсем кроха, у него и зубов таких нет, чтобы кожу прокусить! А если мы бросим его здесь...

Глаза Айлин подозрительно блеснули, и Аластор понял, что грозная магесса, истребительница демонов и повелительница призраков, сейчас разразится слезами. А он, Аластор, сам загнал себя в ловушку. Потому что он был вправе приказать синьору Фарелли, наёмнику, и тот обязан был повиноваться. Но Лучано, друг и соратник, слушаться не обязан. Таково право друзей – они стоят с тобой вровень, если это настоящая дружба. И если делают глупости, ты можешь их предостеречь, но запрещать им это не вправе.

- Сумасшедшие, - сказал он с безнадежной тоской. - Безумцы! И я с вами совсем сошёл с ума, если соглашаюсь на это. Хорошо, как скажете! Но если эта тварь съест твои драгоценные специи! - ткнул он пальцем в сумку итлийца, - или постирает твою магическую тетрадь! - Палец указал на Айлин. - Или Пушок примет его за дичь и всё-таки придавит, - продолжил Аластор с тайной надеждой, - то я вас предупреждал! И смотреть за ним будешь ты, Лу!

- Да! - выдохнул итлиец с таким счастьем, словно ему не драного енота оставили, а подарили наследное дворянство, место в Королевском Совете и пол-Дорвенанта в личный надел. - Обещаю! Спасибо, Альс!

Погладил зверёныша и окончательно подтвердил свою невменяемость, влюблённо заявив:

- Я назову его Перлюреном! Отлично звучит, м?

Глава 6

Трактир «Весёлый упырь»

Приехав домой, Грегор продолжал думать о делах. Где, к примеру, рабочие записи деда? Педант во всём остальном, свои тетради лорд Стефан рассовывал по самым разным, подчас неожиданным местам. Помнится, схему силовых потоков для очищения логова стригоев юный тогда Грегор обнаружил между страницами арлезийского авантюрного романа о дворянине-пирате... Пожалуй, поиски займут весь вечер, и хорошо, если не прихватят часть ночи. Грегор уже и забыл, когда ему доводилось как следует выспаться, но перед наложением защитных чар это непременно следовало сделать. А затем можно и должно поговорить с Эженом Райнгартеном о помощи тому егерскому полку... Не хватало только погубить отличных солдат бездарным руководством!

Камердинера, беззвучно возникшего в дверях спальни, Грегор отпустил одним движением брови. Хвала Претёмной, он вполне способен переодеться без помощи прислуги, в отличие от иных лордов, зачастую не подозревающих, где именно в их доме находится гардеробная! А вот размышлениям даже молчаливое присутствие посторонних определённо мешало. Вышколенный слуга исчез в то же мгновение, на зависть любому иллюзорнику, и Грегор сразу о нём забыл. Открыл дверь в малую гардеробную, подошёл к полке с домашними комплектами одежды, потянулся к ближайшей рубашке... И замер, отметив какую-то неправильность, но от усталости не в силах понять, какую именно.

Закрыв глаза, с силой потёр ноющие виски, снова открыл...

Лента?

На верхней рубашке лежала лента, странно-узкая, не шире мизинца, шёлковая зелёная ленточка, несуразно короткая... Не годится ни для волос, ни в отделку – не говоря уже о том, что Грегор в жизни не надел бы ничего с подобной отделкой. Так откуда же она здесь взялась, и что это вообще такое?

На мгновение Грегора посетила совершенно безумная мысль, что кто-то подбросил ему этот клочок шёлка с прицепленной порчей, а то и приворотом. Да что за глупость? Ни проклятием, ни порчей от ленты не веяло, как и магией вообще, так откуда же она взялась?

Грегор уже собрался позвать камердинера – тот явно должен знать, что делает в гардеробной эта безделица, – и замер.

Узкие зелёные, в тон девичьих глаз, шёлковые ленточки-подвязки, тонкие стройные лодыжки, тёмный подол мантии...

Грудь вдруг сдавило так, словно Грегор пропустил «Могильную Плиту», а то и «Молот Пресветлого». Он попытался перехватить хоть глоток воздуха, но тот сгустился, не давая сделать вдох. Внутри, за рёбрами, стало обжигающе-горячо, будто там вспыхнул пожар, и защипало глаза, как когда-то от порохового дыма на фраганской границе...

«Защитить дом Райнгартена? – мелькнула беспомощная мысль. – Подруги для жены? Товарищи детям? Да будут ли они у меня?.. Что, если канцлер снова упустит эту безумную девчонку?! Аранвен уверяет, что Керуа перекрыт полностью, но что, если они попросту не доедут до Керуа? Проклятье, в бастарде – половина крови Дорвеннов, а это значит, что рядом с ним в любой момент может открыться Разлом. Да, пока они оба живы – не иначе, как милостью Претёмной, но сколько продлится её милость? А банды разбойников, в которых попадают и маги? Дикие звери и холод, в конце концов?!»

Он взял ленточку, до боли ясно вспомнив, откуда она взялась. Разумеется, Айлин обронила её в ту самую ночь! А горничная, убирая спальню, нашла и отнесла в стирку. Потом ленточку сунули в гардеробную, попросту не зная, что с ней делать, и опасаясь спросить самого Грегора – дело всё-таки деликатное. Зато всем известно, что время от времени он одевается сам...

Дурацкие и совершенно лишние сейчас мысли текли сами собой, Грегор тонул в них, но вдохнуть воздуха всё-таки смог. На негнувшихся ногах вернулся в спальню и сел на кровать, бессмысленно смотря перед собой, сжимая в руках уже измятую ленточку. Он так старался увериться, что всё будет хорошо! Трус и глупец! До последнего убеждал сам себя, что Айлин решила спасти давнего друга, оказавшегося принцем! Да разве может эта девушка совершить что-то простое и логичное, вроде бегства?!

«Портал! – вскинулся он. – Да, они опасны, но ради такого можно и рискнуть! Портал к самому Разлому – и перехватить их там! Как же не вовремя умер Адальред, его порталная горгулья

перестала работать, и никто не знает секрета. Райнгартен об этом недавно сокрушался. Что ж, ради Айлин...»

И тут же обозвал себя тупицей. Даже порталы, ведущие в Итлию и Арлезу, смертельны, а что говорить о том, который будет направлен к самому Разлому? Там сейчас такие жуткие искажения ткани реальности, что смерть неминуема. И будет бессмысленной донельзя!

«Какое счастье, что они просто едут верхом...»

Запоздалое осознание происходящего разом смыло плотину, что Грегор так старательно возводил между своим рассудком и страхом. И страх окатил его ледяной волной... А что, если Айлин погибнет при задержании? Она отважна до безумия и мнит себя полноценной магессой, как и все в её возрасте. Да ещё эта дорожная дуэль с Кастельмаро! Трудно не возгордиться, победив опытного боевика! Однако люди Аранвена тоже знают своё дело, среди них наверняка есть маги! И даже если нет... Одна стрела! Один случайный арбалетный болт!

Грегор почувствовал, что его пальцы, сжимающие ленточку, мелко дрожат. Он так не боялся ничего и никогда. Ни первой дуэли, а противник был серьёзный, не чета вчерашнему выпускнику Академии. Ни самых страшных атак на войну. Даже смерть Малкольма словно бы поблёкла и отступила перед этим новым чувством. В конце концов, Малкольм погиб у него на глазах, и Грегор точно знал, что не мог сделать ничего, кроме того, что сделал. Айлин пока жива...

Но если Аранвену привёз перстень и письмо даже самый быстрый курьер, это всё-таки несколько дней дороги! И за это время могло случиться всё что угодно.

«Я схожу с ума, – измученно подумал Грегор. – Эта безнадёжность и беспомощность... Но догнать Айлин до того, как они с Вальдероном достигнут Разлома, невозможно. Я мог бы сделать это сразу, если бы понял, куда они направляются. Да, и получил бы, вернувшись в столицу, смертный приговор за оставление Дорвенны в опасности. А ещё – целую Академию с живыми адептами и преподавателями, потому что некому было бы развернуть от неё потоки. И разрушенную столицу с тысячами жертв... Да я бы сам, не колеблясь, признал, что за такое меня казнить мало! Всё равно, что дезертировать с поля боя!

Жизнь одной девушки, которую я люблю, и неисчислимое множество чужих жизней на другой чаше весов... Айлин, прости, но разве ты сама хотела бы этого, моя храбрая девочка? Девочка, которая выбрала собственную смерть ради спасения страны... Вот она, справедливость богов, колесо судьбы. Я столько раз отправлял на смерть других, а теперь судьба платит мне той же монетой. Айлин... Моя любовь, единственный смысл моей жизни...»

Он встал, чувствуя, как голова кружится, а сердце колет сотня мелких иголок. Подошёл к окну и взглянул в ночной сад, раскинувшийся вокруг особняка. За голыми деревьями угадывался силуэт ажурной чугунной ограды, темнели клубки огромных птиц на ветвях – в саду Бастельеро всегда жили вороны, которых никто не смел тронуть из уважения к родовому гербу.

Грегор и сам любил этих умных важных птиц, но сейчас мысль о них показалась почему-то зловещей. Он не хотел думать о смерти. Он, некромант, отчаянно боялся даже на миг предположить, что знакомая и вроде бы послушная стихия предаст его, отобрав Айлин.

«Несколько дней, – подумал он, уже не стараясь ни в чём себя убедить. – Пока они достигнут Керуа, пока их поймут, пока отправят в столицу... Конечно, курьер с донесением прибудет раньше, но ещё несколько дней волноваться глупо и бессмысленно. Проклятье! Я всю жизнь считал это отличным доводом для себя и других! Можешь что-то сделать – делай! Не можешь – просто терпи и жди. Но вот сейчас такая простая и ясная логика больше не действует!»

Он с трудом разжал пальцы, но не уронил ленточку, а бережно разгладил её, свернул и сунул во внутренний карман камзола. Глупо, но от этого показалось теплее, терзающий сердце колючий холод отступил.

«Претемнейшая, – подумал Грегор. – Я впервые понимаю тех некромантов, что возвращали своих возлюбленных из Твоих Садов. Возвращали, зная, какова будет кара. Зная, что без твоего позволения вернётся тело с разумом, но без души, извращённая аморальная тварь, не различающая добро и зло. Просто не могли иначе... Претемнейшая, молю, убереги меня от этого выбора, потому что я боюсь собственной силы!»

В открытое окно подул прохладный ветер, и один из воронов, сорвавшись с ветки, низко пролетел над крышей особняка, громко каркнув. Грегор вздрогнул, провожая его взглядом. Если это был знак... Не хотелось даже думать, о чём он говорит.

Чем ближе они подъезжали к Керуа, тем паршивее было на душе у Аластора. То ли смутное предчувствие, то ли какая-то назойливая мысль пряталась в глубине сознания, не давая радоваться тому, что пока всё хорошо. Всё чаще Аластор виновато замечал, как осунулась Айлин. Её большие зелёные глаза блеснули ярко, но лицо обветрилось, губы словно стали тоньше, а носик заострился. И всё равно она держалась мужественно, постоянно шутила и рассказывала всякие интересные про знаменитых магов... И только иногда, когда думала, что он на неё не смотрит, замирала и смотрела перед собой куда-то в пустоту. Аластор никогда не заметил бы этих мимолётных мгновений, но месьор д'Альбрэ учил его читать взгляды и выражение лица, постоянно повторяя, что в этом один из главных секретов хорошего бойца.

Айлин совершенно точно была бойцом, причём на стороне самого Аластора, но почему же у него иногда появлялось чувство, будто что-то не так? Наверное, она думает о возвращении? О магии, которую теряет? О разрушенной репутации? Девица, которая путешествовала в компании мужчин, уже никогда не будет считаться достаточно порядочной, что бы она при этом ни совершила. Общество прощает это лишь магессам, служившим в армии, да и то шепотки и слухи всё равно сопровождают их всю жизнь. Но простят ли при дворе Айлин?

Он старательно гнал от себя эти мысли, понимая, что надежды почти никакой. И Айлин не может об этом не задумываться, но всё равно жертвует своим будущим. Ради страны, но главное – ради него, Аластора. И когда он об этом думал, горькое чувство вины и стыда не сменялось, но дополнялось горячим, почти мучительным восхищением и благодарностью. А Керуа всё приближался.

– Не очень-то мне хочется туда ехать, – признался Аластор на последнем привале перед городом.

Лучано уже сварил простой, но всё равно очень вкусный суп из пойманного Пушком кролика и теперь сидел у костерка, занятый чрезвычайно важным делом – воспитанием клятого енота.

С Перлюреном он возился, словно с маленьким ребёнком, и следил за ним на совесть, не подпуская к сумкам и прочему имуществу отряда. Аластор тайне надеялся, что зверёныш скоро сбежит, но в дороге енот спал в сумке итлийца или внутреннем кармане его куртки, а на привалах почти не отходил от покровителя. Лучано ворковал над ним, чесал за ушком, умилялся, как ловко енот хватается еду и ещё норовит вымыть её... Со стороны это выглядело так забавно, что Аластор смирился с присутствием полосатого мерзавца. Ещё и потому, что Айлин, глядя на потешного наглого зверька, улыбалась.

– Полагаете, нас там ждут? – рассеянно уточнил Лучано, уже привычным движением отбирая у Перлюрена чистую ложку и откладывая её в сторону.

«А раньше он сказал бы не «нас», а «вас», – подумал Аластор. – Это путешествие меняет не только меня и Айлин, хотя совершенно непонятно, с чего меняться наёмнику?»

– Почти наверняка, – отозвался он. – Сам посуди, где ещё нас ловить? Мы едем к Разлому, это ясно. Перехватить нас можно либо здесь, либо у самого Разлома, но мы опережаем людей канцлера. Хочется думать, что опережаем, – добавил он, помрачнев. – Но нам нужна еда и овёс для лошадей.

Искра подтвердила его слова горестным фырканьем и принялась тщательно пережёвывать пук травы, выхваченный из-под носа Луны. Та покосилась на извечную соперницу и потянулась мордой в сторону одной из гнедых, собираясь выместить на ней обиду. Однако гнедая предусмотрительно отошла в сторону, и Луна разочарованно опустила морду к земле, снова выискивая траву.

– Ищут наверняка вас, а не меня, – задумчиво сказал Лучано и забрал у Перлюрена уже нож. Обиженный енот застрекотал, но итлиец тут же сунул ему варёную косточку с хрящиком, в которую зверёныш радостно вцепился. – Я вполне могу съездить в город сам. Куплю еды, присмотрюсь, что там творится... Обернусь к вечеру, не позже.

– Было бы неплохо, – благодарно согласился Аластор. – Возьми Пушка, с ним точно не заблудишься.

– М-м-м... не уверен, что это удачная мысль... – мягко возразил Лучано. – Синьор Собака – великолепный пёс! И очень приметный. Человек может прикинуться кем-то другим, а вот нашего прекрасного синьора Собаку не спрячешь и маску на него не наденешь. Я уж лучше сам потихоньку...

Аластор нехотя кивнул, признавая правоту. В подобных делах Лучано явно смыслил больше него самого, да и звучало это разумно. Невийский волкодав размером куда больше обыкновенного, ещё и белый, в самом деле, несказанная редкость.

– Поедешь со мной, синьорино? – поинтересовался Лучано у енота, увлечённо грызущего косточку. – Или останешься здесь? Нет, не трогай котелок, он горячий! Ну вот... И что теперь визжать, а? Сильно болит? Ну-ка покажи... Хорошо, что не носом, верно?

- Лу, ты точно не стихийник? - рассмеялась Айлин. - Это они умеют разговаривать с животными.

- Разговаривать с животными умеет кто угодно, - невозмутимо парировал итлиец. - А вот отвечают они не всем. Наш Альс, я уверен, договорится с любой лошадьё, у тебя есть Пушок. А я, может, всю жизнь мечтал о собственной зверюшке.

Он как-то кривовато усмехнулся, но тут же снова просиял ослепительной улыбкой.

- А как же твои кошки? - поддел его Аластор, и Лучано пожал плечами.

- Так ведь не мои, а мастера, - просто ответил он. - Кошек я люблю! Но они отлично знают, кто хозяин в доме. И это уж точно был не я. А вот Перлюрен... Как вы думаете, он не сильно ко мне привыкнет, пока мы доедем до леса?

- Я думаю, - вздохнул Аластор, - что нужно сделать ему ошейник и шлейку. Чтобы можно было хоть иногда привязывать... Лу, ты посмотри на это барготово отродье! Хорошо-хорошо, на эту тварь Всеблагой! Ты думаешь, он уйдёт от тебя в лес? Где нет ни котелка с супом, ни тёплой сумки? Кто его там чесать будет? Знаешь, наш конюх как-то поймал и прикормил ёжика. Дело хорошее, в конюшне всегда полно мышей! Но через недельку надоело ему, что ёж по ночам топает, как рейтарский полк, и решил он ежа выгнать. Не тут-то было! Ёж ломился в конюшню, пока его не отнесли очень далеко за усадьбу, да и там наверняка долго обижался. Звери как дети, если не уверен, что сможешь о нём позаботиться, лучше не приручай.

- Вот и я думаю, - расстроено согласился Лучано. - Как он будет в лесу, такой малыш? А вдруг его другие еноты не примут? Или съест кто-нибудь... Ладно, там видно будет!

Перлюрен - подобрал же имечко! - словно понимая, что речь идёт о нём, устроился на коленях итлийца, подогнул под себя обожжённую коварным котелком лапу и засопел, прикрыв глаза. Лучано погладил его и снова улыбнулся как-то странно, совсем не похоже на себя обычного.

- Кстати! - вскинулся Аластор, чтобы рассеять повисшую вдруг неловкость. - Енота ты назвал, значит, а как же лошади! Твои гнедые! У них даже имён до сих пор нет?

- Как это нет? - возмутился в ответ Лучано. - Разве ты не слышал? Вот это - Донна! - указал он на кобылу, что до сих пор держалась подальше от Луны.

- Донна? - растерянно переспросил Аластор. - Так это имя? Я думал...

- Ты думал, я обращаюсь к лошади по титулу? - Итлиец расплылся в ухмылке. - Как к замужней даме? Но она же не арлезийка, м? Нет, Альс, Донна - это имя.

- Красиво, - согласился Аластор. - Но почему Донна?

- Потому что вторая - Белла, - невозмутимо пояснил Лучано, и Айлин искренне рассмеялась.

Аластор почувствовал себя дураком, явно эти двое знают, о чём речь, но он по-прежнему не понимал смысла шуток.

- Белладонна, Ал, - со смехом объяснила Айлин. - Это трава такая. Очень ядовитая. Сразу видно, кто был в учениках у мастера зелий. А нам её на основах алхимии показывали!

- Я покорён! - умудрился поклониться Лучано в её сторону. - Ну что, так я еду? Завтра, м?

- Завтра, - кивнул Аластор.

А назавтра пошёл дождь. Утром он разбудил их, стуча по крыше палатки, и Айлин зябко поёжилась, выглянув наружу.

- Бедный Лу, - вздохнула она. - Ехать в такую погоду...

- Ну, это же не снег, - улыбнулся итлиец, собираясь.

Аластор вытряхнул из кармана все деньги, которых оказалось позорно мало, и мрачно подумал, что и на овёс, и на еду может не хватит, если здесь на рынке такие же цены, как в Гредоне.

- Если не вернёшься завтра до вечера, - предупредил он, - поедем тебя выручать. Так что не дури там.

- Буду благоденствен, как юная жрица среди толпы пьяных гуардо! - пообещал тот. - Эх, ну почему в

вашей прекрасной стране нигде, кроме столицы, нет банков?! Что за несправедливость? Упырей, значит, сколько угодно, а банков нет! Что бы я ни думал о наших банкирах, но замена всё-таки неравноценная!

Вернулся он всё-таки раньше, всего лишь затемно, однако тем же днём. И Аластор, едва глянув на расстроенное лицо, заподозрил неладное.

– Еды купил, – признался Лучано. – А вот с овсом беда. Ты был прав, Альс, вас ищут. Весь город в соглядателях, а рынок и вовсе оцеплен. Меня раз пять спросили, кто таков и откуда, хотя ни на рыжую девицу, ни на вольфгардца я не похож. И даже за синьора Собаку не сойду, – попытался он улыбнуться. – Всем торговцам в городе строго-настрого запрещено продавать съестные припасы и лошадиный корм без извещения городской стражи. А те каждого крестьянина перетряхивают от макушки до пяток, не покупает ли он овёс для кого-то ещё. Понятно для кого, м?

– Понятно, – кивнул Аластор и покосился на изрядно отощавших лошадей. – Ладно, хорошо, что ты не стал рисковать. Наверняка они бы к тебе прицепились, ты явный чужак.

– Только это и остановило, – вздохнул итлиец и добавил с искренним возмущением: – Не будь там столько гуардо и... как это... ищеек, вот! Я бы и еды больше привёз! А так пришлось искать трактир на окраине и торговаться за каждый сухарь. Но на пару дней нам хватит... И ещё... – Он помолчал, а потом выложил самую поганую новость: – На дорогах везде посты. И перед городом, и за ним. Егеря прочёсывают лес до самой границы. Говорят, что это для истребления демонов, но...

– Ясно, – бросил Аластор. – Спасибо, Лу.

И отошёл к укрытым под деревьями лошадям.

Что ж, этого следовало ожидать. Канцлер взялся за их поимку всерьёз. В Керуа соваться нельзя, и хорошо, что они отправили туда Лучано. На большой королевский тракт тем более не выехать. Да и рядом с дорогой не пробраться. Королевские егеря – это не городская стража, их набирают из пойманных браконьеров или солдат, осуждённых за нападение офицера. Каторга, виселица или служба в егерском полку – выбор только на первый взгляд лёгкий. Месьор д'Альбрэ о королевских егерях отзывался с огромным уважением...

Айлин тихо подошла, положила ему на плечо руку, и Аластор понял, что она уже знает новости.

– Жалко, что я не иллюзорница, – помолчав, сказала подруга. – Отвела бы глаза любому посту. А так... Ал, нам придётся прорываться с боем?

– Если не найдём объезд... – начал Аластор и сам понял, как беспомощно это звучит.

– Знаешь, – так же негромко и спокойно сказала Айлин, – я верю, мы обязательно доберёмся до нужного места. Сам посмотри, как далеко мы проехали, скольких опасностей избежали. Не может быть, чтобы это всё было зря. Если боги хотят испытать нас, они позаботятся, чтобы испытание случилось. Посмотри карту ещё раз, может, найдётся какой-то овраг?

– Оврагом нам точно не уйти, – вздохнул Аластор. – Тогда это сработало, потому что солдаты не сунулись следом. А егеря... У них лошади из наших конюшен, вот ведь! Обученные охотничьи лошади Вальдеронов!

Он улыбнулся, хотя было совсем невесело, и всё-таки полез за картой. У костра хлопотал Лучано, готовя из привезённых продуктов ужин и что-то вполголоса выговаривая Перлюрену. Обиженный енот стрекотал, пока Пушок, улучив момент, не накрыл его тяжёлой лапой, под которой зверёныш мгновенно примолк.

– Благодарю, синьор Собака, – очень серьёзно сказал итлиец. – Вы незаменимы! Альс, а что, если попробовать проскочить ночью?

– Похоже, так и придётся, – отозвался Аластор. – Объедем Керуа вот здесь, – прикинул он путь по карте. – Если встретится разъезд... Ну что поделать, отобьёмся.

В душе неприятно царапнуло при мысли, что снова придётся драться с честными служаками, выполняющими свой долг. И нельзя же вечно полагаться на Айлин!

– Непременно отобьёмся, – согласился Лучано. – Ты только посмотри на наш грозный отряд! Великий воин, могущественная магесса! Исключительный синьор Собака! Самые умные в мире лошади! И скромный, но прекрасный я!

– И Перлюрен, – добавил Аластор с усталым ехидством. – Не отряд, а джунгарский балаган, только раскрашенного фургона не хватает. Одна надежда, что ускользнём, пока егеря будут помирать со смеху.

* * *

Высоченный дубовый забор с массивными воротами мог бы принадлежать богатому поместью вроде их собственного. Но вывеска, не без изящества вырезанная на дубовой же доске, гласила: «Трактир «Весёлый упырь». То же самое было написано строчкой ниже по-фрагански, а потом и по-итлийски, насколько мог разобрать Аластор. Слова «трактир» и «весёлый», во всяком случае, повторялись.

Трактир появился на дороге около полудня так внезапно, словно выскочил из лесной чащи, подобно разбойнику, долго и терпеливо сидевшему в засаде и, наконец, дождавшемуся беспечных прохожих. Аластор даже поёжился от неожиданности! И стоило проскользнуть лесом мимо двух застав, чтобы наткнуться на засаду в придорожном трактире? Или здесь нет засады? Пожалуй, это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

– Вот это сооружение! – хмыкнул Лучано. – Осаду можно выдержать.

– Вы совершенно правы, сударь, – раздался вдруг рядом незнакомый голос. – Осаду не осаду, но мелкие неприятности вроде разбойников – запросто. Хотя, хвала Благим, после фраганской кампании у нас тут мирно, лихого людя не водится.

Аластор резко обернулся, удивляясь и слегка досадуя, что кто-то смог подобраться к нему незамеченным. Да что там к нему! Даже Пушок не насторожился! Вот только теперь повернул голову на чужой голос, но как-то лениво.

Оказалось, рядом с воротами имеется небольшая калитка, в проёме которой стоял человек лет сорока, с любопытством рассматривая их маленький отряд. Высокий, худощавый, но явно жилистый и крепкий, загорелый до смуглоты, он был то ли светловолосым от природы, то ли седым, но коротко постриженные волосы на солнце отливали серебром, как и серые глаза. Обычная одежда состоятельного простолюдина, длинный нож на поясе... Поймав обращённые на него взгляды, содержатель трактира, если это был он, с достоинством поклонился и поинтересовался:

– Изволите остановиться в моём скромном заведении? Комнаты чистые, еда и вино приличные, купальня натоплена – как знал! И овёс по разумной цене, а не как в Керуа.

Ну, положим, после готовки Лучано трактирными изысками их не удивишь. Но вот комнаты с настоящей постелью! И купальня! Аластор с тоской подумал, что сам успел отвыкнуть от этого всего, а каково приходится Айлин? Опять же овёс... Только вот нужно быть совершеннейшим болваном, чтобы не предположить, что столь щедрые обещания вполне могут вести прямоком в объятия людей канцлера!

Трактирщик ждал, разглядывая их с весёлым и чуть ироничным прищуром, и Аластор покачал головой:

– Благодарю, сударь, но мы со спутниками не хотим потревожить покой ваших постояльцев.

– Других постояльцев у меня нет, Благие не дадут соврать, – усмехнулся трактирщик. – Разве что полк егерей пару дней назад проехал, да и тот мимо. Даже перекусить не остановились – торопились, видать. Так что если дело только в этом...

Аластор на миг задумался, но, вспомнив, как они с Айлин отправляли Лучано в Керуа, с неловкостью признался:

– Мы бы с радостью приняли ваше любезное приглашение, сударь, но...

Следующие слова просто на язык не шли. Ему, владельческому лорду, никогда не испытывавшему нужды в деньгах, признаться в подобном! И ведь даже в залог предложить больше нечего!

– Поиздержались в дороге? – подсказал трактирщик, и Аластор со стыдом кивнул.

– У меня ещё кое-что осталось, – тихонько уронил итлиец.

– Всякое про меня говорят, – хмыкнул трактирщик. – Но ещё никто не обвинял, что забираю последнее. Хм... Три человека, четыре лошади и... зверёк неизвестной породы, – безошибочно нашёл он взглядом выпуклость в куртке Лучано. – За свой ночлег и ужин новостями расплатитесь. Вы ведь из Дорвенны едете? А за овёс, если желаете, можете отработать.

– Отработать? – растерялся Аластор. – Как?

– Это трактир, милорд, – усмехнулся в высшей степени странный содержатель оного. – Здесь всегда есть работа. Да хоть дрова поколоть и сложить. Парни вы крепкие, до вечера управитесь. А юная леди на кухне мне поможет.

– Я готовить не умею! – выпалила Айлин, прежде чем Аластор открыл рот, чтобы возмутиться. – Но могу почистить посуду!

Леди – на кухню?! А его самого – дрова рубить?! И это при том, что трактирщик с небывалой проницательностью распознал в нём дворянина, раз уж обратился по титулу, а не «сударем», как к итлийцу!

– А я не умею рубить дрова, – хладнокровно признался Лучано. – Но могу попытаться.

И Аластор почувствовал на себе с двух сторон прямо-таки умоляющие взгляды спутников.

– Благодарю, сударь, вы очень щедры, – кивнул он трактирщику. – Мы принимаем ваше приглашение.

– О да, поистине удивительная щедрость! – оживился Лучано, спешиваясь первым. – Первый раз встречаю человека вашего почтенного ремесла, готового принять новости вместо звонкой монеты. Если вы оказываете такое благодеяние всем голодным путникам, то как ещё не разорились?

– Иные новости подороже золота будут, – усмехнулся трактирщик, заходя внутрь и через несколько мгновений открывая одну тяжёлую створку ворот. – А Странник велел быть гостеприимным.

– Но всё-таки за овёс придётся отработать? – лукаво уточнил Фарелли.

– Так ведь гостеприимность и глупость – это разные вещи, сударь, – снова усмехнулся трактирщик. – Лошадок во-он там поставьте! – махнул он рукой на крепкую конюшню в глубине просторного двора. – Прислуги не держу, так что сами своих кобылок обихаживайте. А потом прошу в дом, пообедать перед работой. Да, кстати, звать меня можете мастером Витольсом.

И, оставив Аластора со спутниками посреди двора, ушёл в сам трактир – двухэтажный, высокий и крепкий, как все здесь.

– Станный он какой-то, – негромко проговорила Айлин, оглядывая с высоты седла совершенно пустой двор. – И посетителей нет, кроме нас. Ни проезжающих, ни прислуги... Разве в подобных заведениях так бывает?

– С прислугой и вправду странно, – задумчиво согласился Фарелли. – Хотя объяснимо. Если почтенный мастер не любит в своём доме чужих, а своими не обзавёлся. Редкость, но бывает. Может, он из бывших наёмников? Держится вольно, спину лишней раз не согнёт, да и глаз намётанный.

– Или из бывших разбойников, – мрачно сказал Аластор, похлопывая Искру по шее – кобыла вдруг решила беспокойно затанцевать. – А то и нынешних...

– Полагаешь? – вскинул брови итлиец. – Исключать нельзя, конечно... И всё-таки я бы рискнул. Подумаешь, разбойники! Сонного зелья или отравы нам не подольют, за это я ручаюсь. А с обычными головорезами справимся как-нибудь.

– Я не думаю, что мастер Витольс – разбойник, – подала голос Айлин. – Смотрите сами, будь он душегубом, как раз постарался бы, чтобы здесь всё выглядело как обычно. Купцы не любят постоянные дворы со странностями, где нужно самим чистить лошадей. А если здесь ни кухарки, ни конюха, ни кузнеца, то что это за трактир такой? Чем сюда богатых путников заманить? А с бедных много не возмёшь.

– Да, пожалуй, – кивнул Аластор и спешился. – Но всё-таки давайте будем поосторожнее. Айлин, ты уверена, что тебе стоит идти с ним на кухню? Тем более в одиночку. С дровами я и сам управлюсь, а Лучано мог бы...

Он не закончил фразу, но итлиец понял и так.

– Думаю, друг мой Альс, – опять улыбнулся он, – мы поступим немного иначе. Не будем высказывать недоверие нашему почтенному хозяину, м? Пусть Айлин идёт одна, а я загляну чуть позже. Перлюрена покормить, например! Кстати, а ты умеешь рубить дрова?

– Не пробовал, – буркнул Аластор, и ему вдруг стало смешно.

Вот они втроём идут спасать Дорвенант, а то и весь мир, которому тоже придётся несладко, если Разлом не будет закрыт. А по дороге приходится зарабатывать на миску похлёбки и торбу овса! Как простолюдину! Да что там, как обычному бродяге! И весь этот мир знать не знает ничего о своих спасителях и знать не хочет, разве что желающих им помешать в достатке. Дрова, ну надо же!

– Надеюсь, хоть топор у него имеется, – хмыкнул он уже веселее. – Секиру я для этого брать не стану, сразу говорю!

– Да, это уж слишком, – подозрительно серьёзно отозвался Фарелли. – Хватит с нашего хозяина и того, что рубить дрова у него будет целый принц, а чистить котелки – леди магесса... Ай! Альс, я же пошутил!

Он ловко уклонился от подзатыльника, и Аластор подумал, что надо было стукнуть по шее, причём гораздо быстрее. Месьор такую промашку не одобрил бы, не говоря уж о потере скорости. Хотя месьор просто не знаком с этим итлийским котярой, увёртливым – куда там любому настоящему коту.

* * *

– Скажите, мастер Витольс, а почему ваша таверна так называется? – спросила Айлин, любясь, как играет солнечный луч на вычищенном до блеска котелке.

Это был уже третий котелок, а впереди ждала ещё гора посуды. Не то чтобы грязной, нет-нет. На кухне у господина Витоля оказалось чисто и уютно. Просто сковородки и кастрюли не сияли, как это требовалось в Академии, а слегка подёрнулись налётом, вот Айлин и добивалась от них привычного вида. Сам хозяин посматривал на её старания одобрительно и даже выдал ей, кроме мыла и скребков, тонкие, но прочные кожаные перчатки, заметив, что такие прелестные ручки надо беречь.

– Да так, юная леди, – хмыкнул трактирщик, помешивая на сковороде вкусно пахнущее мясо с луком. – Один старый друг пошутил. А мне шутка понравилась, вот и прижилось. К слову об упырях, вы ведь магесса, да? Изволите служить Претёмной Госпоже?

– Да, сударь, – согласилась Айлин, благоразумно решив не упоминать про вторую часть своего дара. Слишком долго придётся объяснять, что такое Двойная Звезда. Притом она ещё помнила сомнения Аластора насчёт добропорядочности трактирщика. – Как вы узнали?

– Так ведь перстень, – улыбнулся Витольс. – Тот, что вы сняли, когда принялись драить котелки. Изумительно у вас получается, к слову! Примите моё искреннее восхищение. Кстати, ещё не надоело?

– Благодарю, – улыбнулась Айлин. – Нет, нисколько. Мне не сложно. Даже забавно – напоминает Академию. К тому же вы так радушно нас приняли, не хочется быть в долгу.

– Весьма достойное чувство, – одобрил Витольс, и Айлин подумала, что Лучано, наверное, прав.

Обычным простолудином, пусть и повидавшим мир, этот человек не выглядел. Было в нём что-то от мага, но без магической силы – это она проверила так тщательно, как только могла. Ни тени искры, ни изменений в ауре – Витольс точно был профаном. И всё-таки держался он либо как маг, либо как дворянин, скрывающий свой титул. Свободно, уверенно, спокойно. Так, словно чувствовал за собой некую силу. И речь его была речью образованного человека, богатая и плавная, с прекрасным столичным выговором.

– Между прочим, гостил у меня как-то один некромант, – сообщил Витольс, принимаясь чистить чеснок. – Очень возмущался названием! Говорил, что упыри на человеческие чувства не способны, да и трактир называть в честь нежити глупо. Ну а как по мне, все эти «Львы» в каждом городе ничуть не умнее. Моё название хоть запоминается на славу!

– Это правда, – рассмеялась Айлин. – Ни с чем не перепутаешь. А что это был за некромант? Может быть, я его знаю?

– Уверен, что знаете. Его теперь все знают. Как же, герой-полководец, а теперь ещё и этот, как его... лорд-протектор! Но тогда он был обычным лейтенантом, только-только ехавшим в полк со своим приятелем. Вот они у меня и остановились.

Он раздавил чеснок в маленькой серебряной ступке и скинул остро пахнущую массу в сковороду.

– Вы... о лорде Бастельеро? – растерянно уточнила Айлин. – Это же... давно было! Фраганская война кончилась шесть лет назад, а если он был лейтенантом...

– Ну, так я и трактир давно уже держу, – резонно возразил Витольс, блеснув серебристыми глазами. – Да-да, именно лорд Бастельеро. Уж так ему мой «Упирь» не понравился, прямо в лучших чувствах оскорбил. Некромант – а шутки совершенно не понимает!

– Да, он... такой, – тихонько согласилась Айлин, удивляясь, как причудлива бывает судьба.

Чуть ли не двадцать лет назад – ну немного меньше! – лорд Бастельеро тоже останавливался здесь,

следуя на войну, которая принесёт ему славу. А теперь она, Айлин, готовится идти в единственную битву, которая станет для неё последней. И не о славе речь, только бы всё получилось, как надо. Интересно, лорду Бастельеро было страшно? Наверное, нет, он ведь мужчина и вообще герой. Образец храбрости, как все говорят. Саймон им так восхищается... Дарра, правда, в таких случаях странно хмыкает, но это же Дарра, он всегда думает о чём-то своём.

Воспоминания о друзьях нахлынули так неожиданно и коварно, что Айлин чуть не расплакалась. Да она бы сейчас даже лорда Бастельеро увидела с радостью! Если бы... если бы только не это всё! Если бы вернуться к прежней жизни в Академию... Ходить на занятия, выполнять работы... Раньше она как-то не думала, что не успеет доучиться и, значит, не станет полноценной магессой! Несравнимо с важностью Разлома – но всё-таки обидно...

Она смахнула единственную предательскую слезинку, нахернувшуюся на глаза, обозвала себя трусливой дурой и улыбнулась Витольсу.

– Не обижайтесь на лорда Бастельеро. Некроманты тоже все разные, как и обычные люди. Вот один мой друг был бы в полном восторге от вашего названия! И мне оно тоже нравится!

– Премного благодарен! – изящно поклонился Витольс, не отрываясь от готовки и лишь на мгновение повернувшись к Айлин. – Да я и не обижаюсь. Если боги обделили человека чувством смешного, ему можно лишь посочувствовать. Обычно именно некромантам оно и нравится. Был у меня как-то друг-некромант... Собственно, он его и придумал...

– А почему был? – спросила Айлин, радуясь возможности увести беседу подальше от лорда Бастельеро. – Вы перестали быть друзьями? Или... Ой, простите, я слишком навязчива!

– Ничего страшного, милое дитя, – улыбнулся Витольс. – Нет, мы просто расстались. Он уехал в столицу исполнять свою давнюю мечту и почему-то перестал мне писать, хотя обещал. Но я не обижаюсь. Люди так непостоянны.

– Это достойно сожаления, – посочувствовала Айлин, и её снова уколола вина за ненаписанное магистру Роверстану и тётушке Элоизе письмо. – Надеюсь, с ним ничего не случилось. А что, если вам написать ему первым? В Академии знают всех магов столицы. Рано или поздно ему передадут ваше письмо.

– В самом деле? Жаль, что я не знал этого раньше, – вздохнул Витольс. – А теперь... да, слишком поздно, пожалуй. Никогда не тяните с такими вещами, милое дитя. Время имеет подлое свойство идти незаметно. О, да хватит вам возиться с котелками!

Айлин со вздохом отодвинула котелок и потянула к себе большую, потемневшую от времени поварёшку. На фоне наконец-то заблестевших котелков – просто вызывающе тёмную.

«Это последняя!» – пообещала она себе, украдкой поглядывая на мастера Витольса. Тот как раз в очередной раз попробовал суп, одобрительно кивнул, потянулся к коробочкам со специями, высыпал на ладонь крупные, круглые и ровные, как на подбор, зёрна перца и принялся отсчитывать их по одному, отодвигая нужные пальцем.

Айлин невольно насторожилась: в учебнике нежитеведения одним из главнейших народных средств защиты от мороя или стригоя считались рассыпанные семена мака, якобы неизбежно привлекающие внимание нежити и отвлекающие её от жертвы. Правда, в том же учебнике адептов призывали не надеяться на сомнительные народные средства, а сразу использовать магию, да и перец совсем не мак. Но всё-таки...

Витольс поднял взгляд от ладони и с весёлым любопытством взглянул на Айлин.

– Вы так внимательно на меня смотрите, милое дитя, словно никогда не видели, как готовят еду.

– Простите, мастер, – сконфуженно откликнулась Айлин. – Просто вы считаете.

– Считаю? – изумлённо переспросил Витольс, бросив взгляд на чёрные зёрна. – Ах, вы об этом! Милая моя, кулинария – это искусство, а использование специй – точная наука! Недоложишь – суп останется пресным. Переложил – в рот не возьмёшь! Право, мне порой кажется, что об этом не знают только некроманты. Ну-ну, не нужно так смущаться. Видите ли, мой друг Киран, тот самый некромант, что придумал название для моей таверны... К слову, вы, случайно, не родственники? Он такой же рыжий, как и вы, просто пожар! Хотя теперь, должно быть, уже седой...

Мастер Витольс вздохнул, и Айлин виновато покачала головой, невольно вспомнив мэтра Лоу – несомненно рыжего, некроманта и Кирана. Но мастер Витольс, конечно, говорит не о нём – ведь мэтр Лоу умер целых шестьдесят... ой нет, уже шестьдесят пять лет назад, а мастер Витольс выглядит самое большее на сорок. Они никак не могли быть знакомы! Впрочем, Киран не такое уж редкое имя, как и рыжие волосы.

– Жаль, – заключил Витольс. – Так вот, Киран тоже поначалу всегда удивлялся, что я считаю специ. Ну вот, стоило отвлечься – сбился! Простите, милая, кажется, мне придётся пересчитать их снова!

Айлин кивнула, уже почти не слушая, что ещё говорит любезный трактирщик. Тёмный налёт наконец поддался скребку, и старая поварёшка заблестела серебром! Прямо как ступка, в которой мастер Витольс давил чеснок.

«Серебро на трактирной кухне? – поразилась Айлин. – Можно понять серебряные приборы в обеденном зале, на случай, если в трактире останутся дворяне вроде лорда Бастельеро, которые скорее останутся голодными, но не прикоснутся к деревянной ложке! Но на кухне, просто для готовки? Очень, очень странно! Может, они фамильные?.. Мастер Витольс ведь и правда не похож на простолюдина! Но дворянин-трактирщик? Невозможное неприличие!»

Бросив взгляд в окно, она увидела, что Аластор колет дрова уже в одиночестве, но так увлечённо, словно вместо обычного дерева перед ним вдруг оказалась целая гора демонов.

Она даже потрясла головой, пытаясь прогнать эту странную картину, а мастер Витольс, высыпав, наконец, сочтённый перец в котелок, тихонько хмыкнул.

– Приятно наблюдать подобное старание, не правда ли? Должен сказать, я впервые вижу, чтобы сила так полно возместила отсутствие умения!

Айлин тихонько прыснула, и тут дверь на кухню приоткрылась, впустив умильно улыбающегося Лучано.

– Мастер Витольс, – почтительно обратился он к трактирщику. – Мы вот-вот закончим с дровами. А пока нельзя ли попросить у вас немного молока?

– Вы голодны, – понимающе кивнул трактирщик. – Суп и жаркое пока не готовы, но могу предложить хлеб и холодное мясо.

– На обед мы пока не заработали, как утверждает мой друг, – беззаботно откликнулся итлиец. – От всей души благодарю, но возвращаться к дровам с полным желудком кажется не слишком разумным. Я говорил не о себе.

Мастер Витольс недоумённо нахмурился, скользнул по Лучано рассеянным и вместе с тем цепким взглядом, и его лицо прояснилось.

– Ах да, ваш зверёк. Значит, молока? Что ж, придётся немного подождать, пока не доварится суп. Или заменить меня у котла, пока я спущусь в погреб.

– Сочту за честь, – закивал Лучано, и Витольс, вручив ему ложку, вышел из кухни через вторую дверь, явно ведущую в кладовую.

Лу, посмотрев ему вслед и выждав несколько мгновений, наклонился над котелком и принялся, зачерпнул ложкой гущи с самого дна котелка, осторожно попробовал и озадаченно нахмурился.

По спине Айлин пробежал холодок.

– Что там? – шепнула она. – Что-то опасное?

– Нет, – задумчиво откликнулся Лучано. – Суп выше всяких похвал. Как ведёт себя Пушок?

Айлин торопливо заглянула под стол – Пушок улёгся там сразу же, как они пришли на кухню, и совершенно не беспокоился. Вот и сейчас только хвостом вильнул.

– Спокойно, – призналась она.

– Вот и мне спокойно, – вздохнул итлиец. – Слишком уж спокойно для такого странного места. Ты заметила, что здесь ничем не пахнет, м?

– Не пахнет? – растерянно поразилась Айлин и потянула носом.

На её взгляд, запахов на кухне было – хоть отбавляй! Пахло крепким бульоном, чесноком, развешанными по стенам пучками мяты, тонко, но отчётливо слышался лёгкий аромат пряностей...

– Нет-нет, не на кухне, – торопливо поправился Лу. – Здесь множество запахов, и таких притягательных! Но вот в остальном заведении... Я позволил себе немного по нему пройтись... Даже в самой пристойной трактирии пахнут, к примеру, стены обеденного зала, а случается, что и столы. Пахнет камин, даже вычищенный. Я уже не говорю о комнатах! А здесь... здесь пахнет разве что пылью да немного сыростью. Ну и совсем немного – лавандой. А ещё, – добавил он, – наш

любезный хозяин не держит ни собаки, ни кошки. Странно, м?

– Странно, – прошептала Айлин.

Ещё как странно! Правда, не все любят собак, но как же без кошки? Кто же ловит крыс и мышей, которые всегда заводятся на поварнях? Может, Лу ошибся, и кошка всё-таки есть, просто где-то прячется? Она прикрыла глаза, всматриваясь в сплетение энергий, и едва не вскрикнула.

– Лу! Представляешь, здесь и крыс нет! Ни одной крысы или мыши!

– И даже отхожее место не воняет, – закончил Фарелли, мрачняя на глазах. – О, прошу прощения! В общем, странно это всё.

– Странно, – растерянно согласилась Айлин. – Постоялый двор, в котором не останавливались люди?

– Или останавливались очень давно, – пожал плечами итлиец и опять принялся к супу. – А готовит наш любезный хозяин просто беллиссимо! Ставлю своих гневных против любой местной кошки, что в супе шафран и розовый перец, кроме чёрного.

– У вас отменный нюх, сударь, – откликнулся Витольс, появляясь в дверях. – Увы, кошки у меня нет, поэтому проиграть её вам я не смогу. Ну что ж, выпускайте своего таинственного спутника.

Лучано наклонился, расстегнул куртку, и лицо мастера Витольса на глазах вытянулось.

– Енот? – сказал он почти со священным ужасом. – Вы держите енота? Вот это отвага!

Айлин фыркнула, прикрыв рот ладонью, а Лучано невозмутимо развёл руками.

– И что все так переживают! – обиженно возмущился он. – Перлюрен очень милое существо!

Милое существо, выскользнув у него из-под полы куртки, прыгнуло на пол и деловито обнюхало воздух, а потом, обнаружив миску, сунуло туда лапу. Айлин видела, как приучают пить щенков, но енот облизал пальцы, зачмокал, снова сунул в миску лапу, а потом, сообразив, что так молоко стекает, нырнул туда мордочкой. Неловко лакнул раз, другой, а потом, прищурившись от удовольствия, заработал язычком с невероятной скоростью.

– Разве он не умница? – гордо спросил Лучано. – Первый раз видит молоко и сразу сообразил, что с ним следует делать!

– Эм... да... Исключительно умный зверь, – сдержанно повторил Витольс. – Только умоляю, держите его подальше от моей кухни.

Перлюрен увлечённо чавкал молоком. Он прижал уши и время от времени неловко окунался в миску всей мордой, потом отфыркивался, облизывался, но в целом действительно быстро учился. Сначала Айлин решила, что у него почему-то добавилось тёмных полосок на шее и спине, но присмотрелась и поняла, что на еноте ошейник и что-то вроде сбруи, пропущенной под передние лапы и надёжно закреплённой на спине.

– Это Альс придумал, – сообщил Лучано. – Говорит, что ошейник может соскользнуть, а это... как же...

– Шлейка, – подсказал Витольс, и итлиец благодарно кивнул.

– Да-да, синьор, шлейка! Очень удобно! И ему нравится!

– Перлюрену или Аластору? – рассмеялась Айлин.

Так вот с чем Ал возился весь день, пока они ждали уехавшего в город Лучано! Ножом распускал обрывок нащёчного ремня на тонкие ленточки, связывал их между собой и ещё ворчал, что занимается глупостями! А сам сделал такой подарок Лу! Всё-таки Ал... он совершенно изумительный! Ему ведь не нравится Перлюрен, но это так благородно – порадовать спутника!

– Смеркается, – заметил Витольс, глядя в окно. – Скажите вашему приятелю, что дров уже вполне достаточно. Баня натоплена, может остыть. А после бани жду вас на ужин. Милое дитя, а вы, пока ваши спутники моются, можете выбрать наверху комнаты и разложить вещи.

Айлин кивнула. Лучано подхватил отвалившегося от миски Перлюрена, рассыпался в учтивых благодарностях и исчез. Мастер Витольс сдвинул котёл с готовым супом на край плиты, накрыл его и сковороду с мясом крышками и любезно придержал дверь перед Айлин. Пушок, выбравшись из-под стола, прошёл в дверь первым, как обычно цокая когтями. Айлин последовала за Пушком, но пёс не стал подниматься по лестнице, лениво и совершенно спокойно развалившись у её подножья.

На втором этаже оказалось пять комнат – две рядом с лестницей и три по другой стороне.

– Занимайте любые, – махнул рукой Витольс. – Они не заперты, постели есть везде. Обстановка, правда, небогатая, не взыщите.

– У вас очень уютно, – сказала Айлин, заглянув в пару дверей.

Комнаты были одинаковые и действительно просто обставленные. В каждой – кровать, застеленная тёмным шерстяным одеялом, стол и пара стульев, да сундук в углу. Айлин никогда не приходилось ночевать в трактирах, из первого в её жизни подобного заведения они с Аластором тогда бежали, спасаясь от людей канцлера. Но здесь было... неплохо. Только вот она теперь понимала, о чём говорил Лучано. Комната была совершенно чистой, ни пылинки, словно мастер Витольс тщательно готовился к приёму гостей. Одеяло – новое, с мягким ровным ворсом, а ведь шерсть так легко скатывается!

Она зашла в ближайшую дверь и огляделась. Окно плотно закрыто, но на нём есть щеколда, значит, открывается. На двери изнутри засов, по виду вполне надёжный. Перед кроватью яркий коврик, тоже шерстяной и тоже выглядит так, словно его вычистили, выбили и ещё прошлись щёткой с солёной водой для оживления цвета. В приличных домах с коврами поступают именно так.

– Я, пожалуй, останусь здесь, – сказала она, и мастер Витольс кивнул.

– Располагайтесь, милая леди, – слегка улыбнулся он. – И можете спать спокойно, никто вас не потревожит.

Поклонился и ушёл, закрыв за собой дверь.

Айлин ещё раз огляделась, села на кровать и вдруг осознала, что сегодня последний раз в своей жизни будет спать в настоящей постели. После настоящего купанья и ужина за столом! И... пусть только кто-нибудь попробует испортить ей этот последний ужин и сон! Хоть разбойники, хоть нечисть, хоть демоны, хоть сам Баргот!

* * *

– Вот это и есть местная купальня? – с некоторым сомнением уточнил Лучано. – То есть... ба-а-анья?

– Баня, – поправил его Аластор, присев на невысокую скамейку и стягивая сапоги.

Лицо у него так и светилось предвкушением, что Лучано ещё как понимал. Сам всю дорогу мечтал вымыться горячей водой вволю! А приходилось быстро ополаскиваться в ручье и потом торопливо сохнуть у костра, так что запах дыма мгновенно сводил всё купание на нет.

– А мыться – там? – уточнил он, глянув на плотно закрытую дверь напротив.

В крошечной комнатке, куда они попали со двора, не было ничего, кроме скамеек и прибитых к деревянным стенам оленьих рогов, на которые бастардо принялся развешивать одежду. «Аластор, – поправил сам себя Лучано. – Он разрешил звать себя по имени... И даже переделать это самое имя, что уж вовсе любезность необычайная! Хм... Даже странно как-то. Непривычно – это уж точно».

Ему вдруг подумалось, что этот светловолосый здоровяк, временами чужой и совершенно непонятный, чуть ли не первый друг в его жизни. Ну да, есть ещё Фелипе! Или, вернее сказать, был... Но их объединяло ремесло Шипа и общие два года в казарме. Да и с Фелипе Лучано сблизился далеко не сразу, долго присматриваясь и принимаясь, решая, можно ли довериться хоть в малом. Постельные забавы – это не в счёт! Переспать с кем-то гораздо проще, чем принять кусок хлеба или выпить из одной бутылки, а уж о том, чтобы подставить спину, и говорить нечего!

Но с Вальдероном с самого начала всё пошло наперекосяк. Дорвенантец, изволите ли видеть, сам решил, что Лучано ему отныне друг, и втянул его в эту дружбу, как кота – за шиворот! Не зная о нём ничего, кроме полуправды, которой Лучано наскоро замазывал дыры в своих рассказах и признаниях. Приёмный отец – мастер-парфюмер. Почтенное и прибыльное ремесло. Спокойная семейная жизнь среди колб, реторт и бывших бродячих, а ныне домашних котов... Поручение королевы охранять последнего принца Дорвеннов. Награда... И ведь ни слова лжи! Только если эту правду развернуть другой стороной, увидишь совсем иную картину.

И потому Лучано порой ловил себя на странном гадком чувстве, словно бросил слепому в миску для подаяния камешек вместо монеты. Аластор Вальдерон предложил дружбу простолюдину, да, но всё-таки наёмнику. Человеку клинка, солдату с собственным кодексом чести, притом горожанину из приличной семьи почтенного мастера. С таким даже дворянину водиться не особенно зазорно, и в Итлии, к примеру, хватало случаев, когда лихие гуардо выслуживали герб. Некоторые даже

наследственный, хотя этих уж точно можно было по пальцам одной руки пересчитать. Но было ведь!

А что скажет честный и великодушный Альс, узнав, что его друг – убийца? Шип, для которого закон – приказ грандмастера! Наёмник, но не брезгующий ни ядом, ни ножом в спину, ни ещё парой дюжин тихих и подлых видов смерти. Чем подлее, тем лучше, потому что безопаснее. Какие уж тут правила чести?

И ведь наверняка узнает рано или поздно. Чем позже, тем ему будет противнее...

«А ты что, собрался жить так долго, чтобы это имело значение? – усмехнулся про себя Лучано, тоже вешая на отrostок рога снятую рубашку. – Ну, так подумай лучше о том, что ваша дружба даже до Дорвенны вряд ли доживёт. Вот поймёт Аластор, что ты обманывал его вместе с Айлин, и всё... Хорошо, если сам тебя не прибьёт или ещё какой глупости не сотворит!»

«Поймёт? Как? – возразил Лучано самому себе, стягивая штаны и морщась от множества запахов, пропитавших их. – Если Айлин ему не скажет, а я потом сделаю удивлённое лицо... Мол, понятия ни о чём не имел!»

«А, это верно! – ехидно согласился невидимый собеседник, незванным поселившийся в его разуме. – Отличная дружба тогда получится! Замешанная на крови и вранье, в точности, как у Шипов и положено...»

Аластор, быстро скинув подштанники, обернул вокруг талии широкое полотенце из целой стопки, предусмотрительно выданной местным хозяином, и открыл дверь в противоположной от входа в стене. Оттуда ударил жар и горячий влажный пар.

– Быстрее, Лу! – приказал дорвенантец и первым шагнул в купальню.

Лучано, тоже обмотавшись полотенцем, последовал за ним.

Дверь плотно закрылась за их спинами, и...

– Ух... – не сдержался Лучано, оглядывая мокрые бревенчатые стены, огромную печь, в которую был вделан большой котёл, и чан, стоящий рядом с печью на деревянной же подставке. – Вот это... баня!

– Это ещё не сама баня, – с лёгким превосходством поправил его Аластор и указал на вторую дверь, не сразу заметную в полумраке. Лучи света в «баню» попадали только из небольшого окошка под потолком, затянутого какой-то плёнкой. – Во-он там парная. Там парятся! Но сначала надо вымыться здесь... Лу, ты что, никогда в бане не был?!

– В такой – нет, – честно признался Лучано. – У нас купальни другие. И на арлезийскую совсем не похоже, знаешь ли... Ни тебе мраморных бассейнов, ни ароматных масел, ни массажисток...

Он осёкся и с сожалением подумал, как далеко и неприлично пошлёт его скромный дорвенантец за предложением оказать друг другу обычную банную услугу? Ну там спину потереть... Только спину! На остальное с этим целомудренным медведем и рассчитывать нечего, хотя обстановка весьма располагает... Это его полотенце... Тонкое, между прочим, из отличного гладкого полотна!

Лучано сглотнул и поспешно отвёл взгляд. Хорошо Аластору, он топором так намахался, что сейчас вряд ли появятся неприличные мысли, даже окажись рядом вместо мужчины хорошенькая служанка! А он сам, Лучано, только складывал эти барготовы дрова в сарай, так что устал куда меньше. А здесь жарко... Жарко, влажно и томно. Пахнет сосновой смолой от стен, какими-то травами и сыростью... Неужели там, во второй комнате, ещё жарче?

– Без бассейнов обойдёмся, – пообещал Аластор, смешивая горячую воду из котла и холодную из чана в деревянной бадейке. – Я смотрю, наш любезный хозяин любит мыться по-вольфгардски! Спорим, у него и бочка имеется!

– Бочка? – не понял Лучано. – А что в этом такого? У него два котла есть! Из меди! Вот это, я понимаю, сокровище для лесного трактира... Кстати, Альс, насчёт лесного трактира...

Он наконец отыскал взглядом на стене полку, где стояли какие-то глиняные бутылки, деревянные коробочки, придиричиво перенюхал каждую и остался приятно удивлён. Мыло отличного качества, прямо как в Итлии! И неплохой выбор масел для тела. А ещё мочалки-рукавицы из грубой шерстяной пряжи, скребки для ног и даже бритвы. Отменной стали и прекрасно заточенные.

– Бороду сбривать будешь? – поинтересовался он у Аластора, который тоже посмотрел на это богатство с непонятным сожалением.

– Надо бы... – протянул дорвенантец и погладил короткую светлую бородку, без которой Лучано его

просто не представлял.

То есть представлял, конечно, видел же монеты, да и в начале путешествия у Вальдерона была лишь небольшая щетина, но всё равно. Бородка ему шла! Вообще-то Лучано терпеть не мог бородатых мужчин. Редко кто из них умел носить этот признак мужественности с должным достоинством. У остальных либо крошки в ней путались, либо сама борода напоминала козлиную, либо попросту кололась и мешала в самые неподходящие моменты... Но Аластору она была на удивление к лицу! Делала немного старше, скрадывала наивность и подчёркивала именно то, что должна была – роскошную стать юного, но уже матеряющего мужчины.

Лучано снова старательно отогнал неподобающие и рискованные сейчас мысли.

– Привык я к ней, – признался дорвенантец, и Лучано пожал плечами, наливая на ладонь жидкое мыло, пахнущее лавандой, как в лучших купальнях Верокьи.

– Ну и не сбривай, – посоветовал он. – Тебе к лицу. Или у вас так не принято? Я видел, ваши благородные синьоры вроде бы носят и бороды, и усы.

Он принялся намыливать волосы, заставив себя закрыть глаза, но помогло это не очень. Перед внутренним взором предательски чётко стояла картина, вызывающая в памяти мраморные статуи в богатейших палаццо родного города. Округлые валуны плеч, длинные мускулистые руки, ещё стройный, но уже мощный стан... Бёдра и длинные сильные ноги с идеально очерченными мышцами... Глаза раскрылись сами собой, потому что Лучано не смог удержаться. Ему было необходимо – ну просто как воздух! – проверить, совпадает ли эта картина с действительностью! А то вдруг только кажется, что Альс такой... такой!

Картина совпадала! Почти... Оказалось, что статуям, которые его так всегда восхищали, не хватало небольшой, но имеющей жизненно важное значение детали! Руки и ноги Аластора, в отличие от мраморных воителей, покрывали короткие светлые волоски, даже на взгляд мягкие. А ещё широкая дорожка этих волосков спускалась почти от самых ключиц по груди и животу, уходя под бар-р-готово полотенце...

– Лу? Что ты на меня так смотришь? – удивлённо поинтересовался Аластор.

– Что? А! – спохватился Лучано и потёр глаза руками, усердно изображая, что в них попало мыло. – Да вот думаю, что у нас любой скульптор взял бы тебя моделью! Редкостная стать, друг мой!

– Хм... – неопределённо, но с явным смущением отозвался Вальдерон и отвернулся, в свою очередь старательно намыливая мочалку.

Лучано только вздохнул. Опять он сказал что-то неприличное с точки зрения этого... целомудренного уникума? Что, у них тут совсем нельзя восхититься крепостью и красотой чужого тела?! Эх... К счастью, хотя бы одну беспроегрышную тему для разговора он уже знал. Ну, если не считать лошадей, но это следовало приберечь на совсем уж крайний случай!

– Альс, позволь спросить, а почему ты носишь секиры? – спросил он, принимаясь мыться уже по-настоящему. – Почему не меч? Это ведь более благородное оружие, м? Ну, если выбирать из того, что вообще может поразить демона!

– Секира гораздо удобнее, – искренне обрадовался Аластор переходу с сомнительной темы своих внешних достоинств на куда более приятную и привычную. – Она даёт больше свободы при манёвре, с ней можно использовать щит. А ещё её можно кинуть.

– Понимаю, – согласился Лучано. – Но кидать – как по мне – удобнее ножи. А чтобы работать топором, надо быть атлетом вроде тебя, друг мой. Видел я вольфгардцев, которые охраняют нашего дожа и его дворец – среди них ты сошёл бы за своего и ростом, и плечами, и светлой мастью. Это правда, что ваш король и его грандсиньоры родом с дальнего Севера?

– Так говорят летописи, – безразлично пожал плечами Аластор. – Дорве Великий и его дружина пришли сюда так давно, что кровь севера давно разбавилась иной. Хотя северяне меня признали за своего, ты сам видел.

– Да уж, – заулыбался Лучано. – Немой вольфгардский наёмник и купеческая дочка! Как же, как же, такое разве забудешь?

– И Ульв! – добавил Аластор очень серьёзно, но Лучано уже научился ловить едва заметную смешливую искру в его взгляде, только на вид холодном, как северное небо.

– Два Ульва! – подхватил он, и оба хохотнули.

Ковшик оказался всего один, так что Лучано подождал, пока Альс намылится и разотрётся

мочалкой. Это оказалось ещё одним испытанием: светлая северная кожа дорвенантца мгновенно порозовела. Мочалкой растирался он, а жарко до невозможности стало Лучано! В голову снова полезло всякое, как он подходит к Аластору... опускается перед ним на колени, глядя как раз в эту светлую дорожку, бегущую по животу... И поправляет барготово полотенце, пока оно не свалилось ко всем демонам Бездны! Да что же это такое-то, а?!

Лучано чуть головой не замотал, пытаясь успокоиться. Нет-нет-нет! Ему и так позволили много, невероятно много! Альс его зовёт другом, спит с ним в одной палатке, а в последние холодные ночи и вовсе небрежно подгребал себе под бок, так что Лучано всю ночь спал, укутанный теплом его тела. И лишиться этого всего за одну дурацкую попытку... Альс никогда не согласится, видно же. А если даже получится его уломать – будет только хуже! Не простит потом слабости ни себе, ни Лучано. Так что нет и нет!

– Ну что, в парную? – окатившись водой из бадейки, с полной невозмутимостью спросил Вальдерон. – Если ты такого никогда не пробовал, так и быть, я тебя попарю! – И пояснил, открывая последнюю дверь, за которой оказалась... преисподняя, именно так показалось Лучано: – Я не мастер, но в баню по-вольфгардски ходил. С Долгим Мартином, кузнецом нашим. Вот кто умеет парить! Ложись!

– Куда? – ошалело поинтересовался Лучано, пытаясь проморгаться в клубах пара, потому что Аластор зачем-то плеснул из ковша на печь. – Э... э... э... Зачем?!

– Сейчас узнаешь, – невозмутимо пообещал дорвенантец и принялся перебирать какие-то связки веток с листьями, то ли маленькие мётлы, то ли пучки целебных растений...

Лучано, уже ничему не удивляясь, покорно улёгся на деревянную полку, что обнаружилась у стены. Потом так же покорно перевернулся на живот, уткнувшись лицом в сложенные руки и думая, что никогда! Никогда он не поймёт этих дорвенантцев! Сказать про красивое тело – это неприлично, значит! А вот так... И так... и вот та-а-а-ак... Ай! Это, значит, ничего неприличного?! Оу... Да-а-а-а... А-а-а-а-а... Ах... У-у-у-у...

Следующие несколько минут, а может, и несколько часов, потому что время куда-то подевалось, он в голос постанывал, скулил и спрашивал, чем мог заслужить подобное. Нет, то есть понятно чем... Но это он не со зла! И вообще нечаянно! И... а-а-а-а... о-о-о... нет, ещё! Да не болит у него голова! И не кружится! И не... а-а-а-а-ах...

– А-а-а-а-а! – заорал он со всей дури, потому что на распаренное тело, разомлевшее и истомлённое непривычными ощущениями, вдруг обрушился ледяной водопад. – А-а-альс! Ты...

И от полноты чувств длинно выругался по-итлийски.

– Вот это и есть баня по-вольфгардски, – ухмыльнулся Аластор, отбрасывая мокрый измочаленный пучок веток, ставя пустое ведро и садясь рядом с Лучано на полку. – Ничего, ещё спасибо скажешь!

– Я... убивал... за меньшее... – простонал Лучано и попытался привстать, но кожа горела, голова была ясная и пустая, а тело не слушалось, будто он уговорил пару бутылок карвейна без закуски.

Впрочем, какие-то мысли всё-таки лениво проплывали, не давая окончательно погрузиться в ленивое томное блаженство. Так совершенно по-дурацки подумалось, что если бы остаться живым и вернуться в Верокью, то можно было бы войти в долю с синьорой Беамольди, содержательницей роскошного борделя, и к её арлезийским купальням добавить эту «банью». И банщиков, да! Банщиков непременно найти именно таких, здоровенных, светловолосых!

Но Лучано тут же с сожалением подумал, что сам уже такой фальшивкой ни за что не обманется. В борделях Верокьи полно мускулистых красавцев на любой вкус, хоть женский, хоть мужской, но это же подделка! Тело, которое лелеют для красоты и постельных забав, никогда не сравнится с телом, которое растило мышцы для боя. Альс даже двигается совершенно иначе! Плавно, однако не как танцор, а как опытный боец, не делающий ни одного лишнего движения. Скупое и точно. Платным банщиком его точно не заменишь!

– Так вот, о лесном трактире! – вернулся он к тому, что начал говорить ещё перед самым мытьём. – Скажи, Альс, тебе здесь ничего странным не кажется?

И коротко пересказал то, что услышал от магессы, добавив собственные соображения.

– Вот, значит, как... – буркнул Аластор, мигом мрачней. – А я ещё думал...

Потёр розовое от жара плечо и пояснил:

– Я же лошадей на конюшню ставил. А она чистая, понимаешь? Не так, словно её почистили, а так, будто лошади там вообще никогда не стояли. Ну не бывает этого, просто быть не может! На чём

этот мастер Витольс сам в город ездит, а? Припасы на чём привозит?! А ведь у него трактир богатый. Двор булыжником вымощен! Да и баня эта... Вон, бочка в углу!

Он мотнул головой, и Лучано только сейчас разглядел огромную бочку, стоящую в углу. В ней, пожалуй, можно было запросто поместиться целиком, если присесть. К борту бочки была приставлена лестница. Любопытство заставило слезть с полки, он подошёл, заглянул и увидел на дне бочки, наполовину заполненной водой, скамеечку. Ванна, значит! Не арлезийская, но...

– Что делать будем? – спросил он, возвращаясь к полке. – Уедем?

– А толку? – Аластор указал взглядом в окно, которое здесь тоже имелось. За ним была непроглядная темнота. – Неизвестно, кто нас в лесу догонит. Если любезный мастер держит разбойничий притон, они тут каждую корягу знают, а мы – нет. Ну и с лошадьми да запахами тогда всё равно непонятно.

– Это да, – согласился Лучано. – Бандитто – люди шумные и... пахнущие. Вино, пот, грязь... Кровь опять же. И лошадки у них непременно имеются, м? Но синьорина Айлин говорит, что магии не чуёт. И на нежить наш хозяин не похож. Ходит, правда, тихо, как тень, и слух у него кошачий. Я нарочно проверил – издали всё слышит! Но у какой нежити посуда будет из серебра, а в жарком – чеснок?! Ладно, ты, пожалуй, прав. Если выбирать между ночным лесом и тракторией, то здесь отбиваться гораздо уютнее!

– Скажи лучше, без ужина уезжать не хочешь, – фыркнул Аластор. – Ну что, пойдём? Я бы ещё попарился, но надо Айлин пустить, пока баня не остыла. Поужинаем, а потом придётся нам с тобой ночью дежурить. Можно, конечно, Пушка на карауле оставить, но мне так спокойнее будет.

Он поправил светлые влажные волосы, липнущие ко лбу, и вздохнул:

– Попрошу Айлин, чтобы заплела по-вольфгардски. Ну, или можно обрезать...

– Не надо! – вскинулся Лучано и поспешно уточнил, поймав удивлённый взгляд: – Раз уж ты решил бороду оставить, короткие волосы будут смотреться глупо. А так одно к другому подходит! И... насколько я помню, ты же не хотел быть похожим... на короля, м? А он, если глянуть на ваши флорины...

– Точно, – с облегчением выдохнул Аластор, поднимаясь. – Обязательно оставлю и бороду, и вот это... Только придётся заплетать!

Лучано благоразумно проглотил предложение всю оставшуюся жизнь – хотя сколько её там осталось? – заплетать Аластору волосы, как тому будет угодно. И Айлин – тоже! И духи для них делать... В конце концов, кто сказал, что из него не получится куафёр, если уж мастер Ларци столько лет варит крема и помады?!

«Сказка для юных Шипят, – усмехнулся Лучано про себя, пока Аластор выходил из парной. – Гильдию покидают только покойники. Нет, бывало, что некоторые умники, выучившись и решив, что отлично проживут сами, сбегали. Кое-кому даже хватало соображения сначала изобразить свою смерть, чтобы не искали. Уехать из Итлии, взять другое имя, даже внешность поменять...

Но кому ты нужен в большом мире без родных, покровителей и благородного синьора, готового за тебя поручиться? Дорога либо в солдаты, либо в собственные гвардо какого-нибудь богача. А и те, и другие – просто расходный материал! Покалечишься – тебя выкинут на улицу подыхать, тогда как в Гильдии станут лечить. И даже если не вылечат, всё равно будешь иметь еду и тёплую постель, пусть даже конюхом или истопником при казармах. Притом солдата, который надерзит офицеру, могут запороть до смерти. И ты никогда сам не станешь офицером, если не имеешь благородных предков. Выше сержанта с грошовым жалованьем не подняться, разве что умудришься спасти целую крепость или взять в плен короля. Только королей на всех желающих ни за что не хватит!

А Шипы привыкли сладко есть и пить, спать с красивыми девчонками или парнями, щеголять оружием и одеждой. Привыкли не бояться городской стражи и даже с людьми дожа раскланиваться, не опасаясь ничего, пока не попались на самом деле. Да и тогда... Если гильдия не сможет вытаскать неумеху, он хотя бы получит быструю лёгкую смерть в кружке воды, а не колесование, четвертование или сожжение на медленном огне, как обычный бандитто. Поэтому из Гильдии бегут лишь безумцы. Или обречённые. Те, кому нечего терять и некого подвести своим побегом. Так что... не быть мне куафёром и парфюмером ни его высочества Аластора, ни её магической светлости Айлин. Да и синьора Минри обещала совсем другое».

– Ах ты, зараза! – послышался медвежий рёв Аластора из соседней комнаты, где они только что мылись. – Лу! Ты посмотри, что твой мерзавец наделал!

Лучано прыгнул к двери, распахнул её... Перлюрен, облезло-мокрый, так что только нос торчал на гладкой мордочке, понуро свешивался из огромной ладони Аластора, хлопая глазками и помахивая

лапами. А на полу рядом с бадейкой воды, которую они оставили, лежал мокрый ком, в котором Лучано узнал подштанники своего спутника.

– Я для чего чистое бельё приготовил?! – бушевал дорвенантец. – Чтобы ты, паскуда, сюда пробрался и постирал его?! У меня другого белья нету! А просить подштанники неизвестно у кого я не собираюсь! Лу, заberi свою тварь, пока я его не утопил!

И он мрачно вручил Лучано мокрого дрожащего Перлюрена, раздражённо сообщив:

– И запомни, ради всех Благих! Еноты – стирают!

– Что стирают? – обомлев, переспросил Лучано, прижимая Перлюрена к себе.

– Всё! – рявкнул Аластор. – До чего дотянутся! А дотянутся они до чего угодно! Не знаю, кто здесь в трактире окопался, нежить или разбойники, но если я их найду, я им сам твоего зверя подарю! Пусть лучше они страдают, чем мы!

Торопливо одевшись, он выскочил из «бань», а Лучано проникновенно посмотрел в глаза Перлюрену. Во взгляде енота читалось такое же чистое незамутнённое раскаяние, как у него самого лет этак шестнадцать назад.

– И как меня Ларци не утопил? – пробормотал Лучано. – Святой человек, хоть и грандмастер. И даже выпорол всего раз. А тебя и бить-то нельзя, кроху такую... Да и за что бить, если вы, ено-оты... если вы, оказывается, стираете! Нельзя же бить кота, если он ловит мышей! Или щенка за то, что гоняется за дичью! Хм... а хочешь мои носки постирать? Они где-то здесь были... И я тебя за это ругать точно не буду! Хочешь?

Он погладил мокрую тёмную шёрстку, подцепил пальцем кожаную шлейку работы его высочества и тихо добавил:

– А Альса ты не бойся. Он такой добрый, что непонятно, как до своего возраста дожил. Он даже меня терпит! Хотя поглядывает иногда странно... Ничего, он к тебе привыкнет! Но знаешь, страшный зверь Перлюрен, мне самому жутко, что я тоже... привыкаю... к чему-то.

* * *

Айлин казалось, что она проваливается в белый туман, такой плотный, что он лишь немного расступался перед ней и сразу смыкался то ли позади, то ли сверху. Она плавала в этом тумане, ничуть его не боясь. Напротив, было так уютно! Пошевелив руками и ногами, словно в тёплой воде, она постаралась оглянуться вокруг, ища Аластора и Лучано, однако их не было, только ровная пелена застилала всё вокруг. Что ж, сон, конечно, довольно скучный, зато на кошмар точно не похож. Почему-то она была твёрдо уверена, что белый туман, так ласково её обнимающий, не таит никаких неприятных сюрпризов.

– А всё-таки, зачем тебе понадобились перья? – вдруг послышался совсем рядом знакомый голос, полный отчаянного любопытства.

Айлин узнала Саймона и напряжённо заморгала. Она же заснула в таверне, откуда там мог взяться Саймон? Или он ей просто снится? Но голос был таким настоящим, а туманная пелена перед глазами всё никак не развеивалась...

– Саймон, не отвлекай меня, – раздался ровный, как обычно, голос Дарры. – И всё увидишь сам.

Айлин снова потёрла глаза и что было сил ущипнула себя за руку. Больно не стало, значит, это всё-таки сон? Зато туман впереди развеялся, образовав подобие огромного окна, и она увидела нежно-зелёные стены и узкую кровать, накрытую зелёным же покрывалом. Поверх него развалился странно бледный Саймон, закинув руки за голову в своей излюбленной позе. Возле него на покрывале валялось несколько ярких обёрток от сладостей, а правая нога была почему-то туго забинтована. Он что, поранился на тренировке?

Переведя взгляд на Дарру, Айлин едва не вскрикнула от удивления. Дарра стоял на колене у самой кровати Саймона, перед ним на полу была расстелена большая карта Дорвенанта – совсем как та, что висела в аудитории землеописания, а на карте разложено девять шпилек-перьев из чёрного серебра. Перья Воронов! Интересно, что Дарра собирается с ними делать?!

Она вдруг поняла, что комната – это, конечно же, палата в целительском крыле. Вот и стакан с остатками зелья стоит на тумбочке рядом с кроватью... Какой яркий сон, совсем как настоящий!

Айлин даже показалось на миг, что она и вправду стоит за окном, и если юноши обернутся, то

увидят её. Но они, разумеется, ничего не замечали.

Дарра вытянул руку над картой, глубоко вздохнул и что-то зашептал. Айлин не удалось разобрать ни слова, но в комнате словно повеяло ледяным ветром. Мажеский перстень на указательном пальце Дарры ослепительно вспыхнул лиловым, а потом шпильки, разложенные по карте, завертелись на месте, словно кто-то невидимый их раскручивал! Они вертелись всё быстрее и быстрее, сталкиваясь друг с другом, одно и вовсе соскочило с карты, за ним второе, третье... Лицо Дарры залила смертельная бледность, он бессильно уронил руку, пошатнулся, и Саймон, привстав с постели, поспешно схватил его за плечо.

Дарра тут же выпрямился, осторожно и бережно отстранил руку Саймона и принялся собирать шпильки, затем неспешно свернул карту, положил то и другое на столик у изголовья и, наконец, присел на краешек кровати.

– Так что это было-то?! – тут же выпалил Саймон, и Айлин честно им восхитилась: видно же, что лопаётся от любопытства, но ведь терпел!

– Саймон... – вздохнул Дарра, и Айлин уже совсем поверила, что сейчас прозвучит привычное «ты излишне тороплив», но Аранвен вдруг проговорил резким и ясным голосом, словно объяснял очередной параграф учебника:

– Это было композитное поисковое заклинание. Десять шпилек составляют универсальный поисковый артефакт. На каждой из них установлен маяк, а пять или более перьев, объединённые и активированные заклятием, указывают на одно потерянное. Чем больше перьев, тем точнее результат. Девять же шпилек должны были указать место, где находится последнее перо, с точностью до мили. Должны были указать... – повторил он почти беззвучно, и в его голосе Айлин явственно расслышала отчаяние.

– Так ты пытался найти Айлин? И не сказал мне сразу?! – вскинулся Саймон и вдруг замер в точности так же, как и она сама.

Кажется, полный смысл слов Дарры они поняли одновременно!

– Ты... Ты что, повесил на нас следилки?! На всех? И когда ты собирался мне об этом сказать?! – выдохнул Саймон с тем же возмущением, что вскипело в жилах Айлин.

Она подалась ближе, искренне жалея, что это лишь сон, и друзья её не видят. Ух, она бы сейчас высказала, что об этом думает!

Дарра же ответил Саймону искренне недоумевающим взглядом и поинтересовался:

– А зачем тебе было об этом знать?

Саймон вытаращил на него глаза, kloкочуще выдохнул что-то, явно неподобающее лорду, а Дарра едва заметно пожал плечами и безмятежно уточнил:

– Смею надеяться, ты достаточно мне доверяешь? Маяки нужны лишь для того, чтобы Вороны могли прийти на помощь друг другу. Неужели ты полагаешь, что если бы все знали о заклятии, милая Айлин не оставила бы шпильку в Академии?

– Да она и вовсе не стала бы её носить! – сердито фыркнул Саймон. – И остальные – тоже! Значит... значит, им ты тоже не скажешь?!

– А зачем им об этом знать? – едва заметно вскинул брови Дарра. – Саймон, дай себе труд подумать, и признай, что шанс на спасение стоит того, чтобы носить маяки.

– Ну... возможно, – нехотя проворчал Саймон, глядя на Дарру по-прежнему недовольно. – Ладно, тебе-то я доверяю! Но всё равно это как-то... Нечестно это! Как тебе такое только в голову пришло?! Погоди... так ты... и перья заказал только ради этого?!

На всё ещё жутковато-бледном лице Дарры мелькнула болезненная улыбка.

– Не совсем, – проговорил он так тихо, что Саймон, окончательно позабыв обиду, подался вперёд, а Айлин затаила дыхание, чтобы не пропустить ни звука. – Сначала я действительно хотел просто найти некий символ, объединяющий нас. Тебя, меня, остальных наших соучеников... Но пять лет назад кое-что случилось... После смерти лорда Ревенгара милая Айлин несколько... отдалилась от нас. Ты этого наверняка не заметил...

– Всё я заметил! – оскорблённо фыркнул Саймон. – Но потом же это прошло!

Дарра чуть заметно нахмурился и дёрнул подбородком.

– Саймон, не перебивай. Я счёл нужным понаблюдать за нашей подругой – исключительно в её интересах! – и выяснил, что почти каждую ночь между полуночью и тремя часами она покидает свою комнату. К сожалению, узнать, где она бывает, мне не удалось. – Он чуть заметно сглотнул и добавил: – Хотя некоторые подозрения у меня имеются. Я надеялся, что милая Айлин доверяет нам настолько, чтобы рассказать о своих прогулках, но этого не случилось. Признаться, я беспокоился всё сильнее. Девочка двенадцати лет, к тому же с таким... живым характером, не всегда может верно оценить последствия своих поступков. Тогда я поставил в коридоре девичьего крыла следящее заклятие, настроенное на неё. Однажды леди Айлин вернулась не одна. Разумеется, я счёл нужным проверить...

Дарра перевёл дыхание, провёл рукой по лбу, словно успокаиваясь, и закончил:

– С ней был незнакомый мне юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Дворянин, однако профан и столь непотребно пьяный, что едва мог идти сам. Леди Айлин была столь снисходительна к нему, что привела к себе в комнату...

– И ты ничего не сделал?! – потрясённо выдохнул Саймон, а Айлин почувствовала, как всю её, от корней волос до пальцев ног, заливают мучительный стыд. Дарра видел их с Аластором?! Какое счастье, что это всего лишь сон!

– Дарра, ты увидел это и вернулся в комнату?! И всё?!

Дарра поднял на Саймона глаза, ставшие вдруг светлыми и прозрачными, как весенний лёд.

– Я очень хотел вмешаться, – проговорил он так же ровно, как обычно, но Айлин от его спокойного голоса пробрала дрожь. – Но милую Айлин могла бы расстроить или напугать смерть её спутника.

– Смерть?

Саймон растерянно хлопал глазами, недоверчиво глядя на друга, а потом с некоторым трудом улыбнулся и сказал:

– Дарра, ты ведь пошутил? Претёмная Госпожа, я и не знал, что ты умеешь! Или... Нет, погоди, но убивать-то его зачем?! Или ты думаешь, он... мог обидеть Айлин?!

– Разумеется, нет, – слегка скривил губы Дарра. – В таком состоянии он не мог вообще ничего, ни хорошего, ни дурного. И насколько я понял, его появление в Академии было чистой случайностью. К счастью, мне не пришлось вмешиваться, иначе я, в самом деле, мог бы... не сдержаться. Но эту проблему решили за меня.

– Кто?

– Лорд Бастельеро, – бесстрастно ответил Дарра. – Я как раз обдумывал, как бы вывести наглого пришельца из комнаты Айлин самым безопасным и незаметным способом. И почти приступил к этому, но тут в Академию после ночного дежурства в городе вернулся лорд Бастельеро. У него явно были какие-то основания беспокоиться об Айлин, и я, признаться, дорого дал бы, чтобы узнать, какие. Подозреваю, что... Впрочем, неважно. Лорд Бастельеро несколько злоупотребил правами куратора, войдя в комнату Айлин и её соседки.

Дарра поморщился, и Айлин приложила к пылающим щекам ладони, не зная, куда деться от смущения. Ей всё сильнее казалось, что это не просто сон. Вот и щёки горят, как наяву! Стыдно-то как... Дарра всё видел и слышал! Ну, может, не всё, но достаточно!

– Бастельеро нашёл в комнате Айлин парня? И... скрыл это?

В глазах Саймона было такое изумление, словно мир на его глазах перевернулся. Дарра снова поморщился.

– Разумеется, скрыл, – бросил он. – И не сомневаюсь, что исключительно ради репутации леди. Саймон, я не собираюсь это обсуждать. И буду крайне признателен, если ты забудешь всё, что я тебе рассказал. И уж точно никогда – никогда, слышишь? – ты не будешь напоминать об этом нашей милой Айлин. Но вот этот случай и научил меня тому, что нужно контролировать безопасность моих... друзей. Исключительно ради их...

– Блага, – тихонько закончила Айлин фразу, пропавшую в опять сгустившемся тумане.

А потом её что-то подняло, упруго толкнуло вверх, и Айлин вылетела из оставшегося внизу и вдалеке тумана. Вздрыгнула – и проснулась.

Луна ярко светила в окно, в её сиянии было прекрасно видно комнату, и Айлин мгновенно вспомнила, где она. Таверна «Весёлый упырь»... А за стеной спят Лучано и Аластор.

Она села на постели, потёрла лицо ладонями. Какой же яркий сон... А сон ли? Может ли собственный разум сплести такое видение? Слишком чётко, последовательно, логично...

Она запустила пальцы в волосы, но вспомнила, что вытащила из них шпильку на ночь, как и всегда. Неужели... Неужели это действительно следящий артефакт?! Что ж, очень похоже на осторожного и в высшей степени предусмотрительного Дарру... Ей хотелось возмутиться, назвать это подлостью, но что-то мешало. Наверное, понимание, что Аранвен действительно о ней беспокоится. Ведь он уже знает, что она исчезла! А Дарра всегда относился к Воронам покровительственно и заботливо, особенно к ней и Саймону. Следилка – это очень на него похоже!

Но получается, что от пера нужно избавиться? Да, причём немедленно! Великий Безликий, управляющий снами, был очень снисходителен, послав ей предупреждение! Выкинуть шпильку немедленно!

Она схватила коварную вещицу со столика у кровати и замерла, сжимая холодное серебро в пальцах. Пожалуй, просто выкинуть шпильку не поможет. Если следующий опыт Аранвена увенчается успехом, Дарра всё равно узнает, где находится Айлин. Шпилька ведь не перестанет быть маяком! Уничтожить её совсем? Расплавить, например? Это можно... Только вот зачем? Им остался день пути до изначального Разлома. Ну, два... А порталы не работают. Даже если Дарра успеет их найти, помешать ей он уже не сможет! Но ищет... Ищет, не зная, что больше никогда не увидит Айлин.

В горле встал горький ком, а на глаза навернулись слёзы. Друзья беспокоятся о ней, а она... Что ж, может, Претёмная будет милостива и позволит ей задержаться в этом мире призраком? Ну, совсем на чуть-чуть? Саймон и Дарра точно смогут её увидеть! Если захотят, конечно. И она сможет попросить у них прощения, а заодно кое-что передать магистру Роверстану и тётушке Элоизе. Решено! Она обязательно постарается остаться здесь ненадолго! Это... её незаконченное дело, вот!

Слёзы всё-таки подло прорвались и закапали на щёки. Айлин вытерла их, всхлипнула и с усилием заставила себя успокоиться. Получалось плохо, ей отчаянно хотелось плакать, а ещё – пить.

Встав с постели, она оделась и вышла из комнаты, рассчитывая спуститься на кухню. Ведь там должна быть вода, правда?

Но едва успела переступить порог, как сердце тревожно ёкнуло. В следующий миг Айлин метнулась к лежащему у порога второй комнаты Лучано, вгляделась в безмятежно застывшее лицо, одновременно шупая запястье... Жив! От растерянности она даже не сообразила, что просто не может перепутать живого человека с трупом! Ни один некромант на это не способен!

Однако итлиец дышал ровно и размеренно, хотя медленнее, чем просто спящий. Ну, или спал очень глубоко. А ведь обещал караулить!

Айлин сильнее сжала его запястье, подула в лицо... У Лучано даже ритм дыхания не изменился. Она окликнула его по имени, однако Фарелли, всегда чуткий, словно кошка, и ресницами не шевельнул.

«Вот это он устал... – с сочувствием подумала Айлин. – После дороги, дров, жаркой купальни и сытного ужина кого угодно разморит. Конечно, нельзя спать на карауле, боевик бы за такое получил просто жуткое взыскание! Но... Бедняга... Ничего, я ведь проснулась, подежурю за него, а Лу пусть выспится. Только надо будет его разбудить и отправить в постель, когда вернусь, а то спать на полу – сомнительное удовольствие!»

На лестнице было темно, так что она призвала огонёк, чтобы не споткнуться. По углам всё равно таилась тьма, и Айлин показалось, что эта тьма стелется ей под ноги, в последний момент ускользая от круга света. Странное и жутковатое чувство...

«Мне нечего бояться, – твёрдо сказала она себе. – Я же некромантка! И точно знаю, что поблизости нет ни одного живого существа! Ой... И мёртвого тоже, правда?!»

Она остановилась на площадке, которая делила лестницу пополам, и увидела внизу, в обеденном зале, большое белое пятно, лежащее прямо у подножия лестницы. От сердца сразу отлегло. Пушок! Милая умная собака! Он караулит, чтобы никто не смог подняться вверх! Только вот интересно, а где же ночует хозяин трактира? Если Пушок утром не пустит его вверх или, наоборот, не выпустит, может получиться неловко.

И тут она замерла, потому что в переплетении густо-чернильных и чуть более светлых пятен возле лестницы разглядела человеческую фигуру. На миг показалось, что это шутка теней, которые любят сделать чудовище из оставленного на стуле платья или повешенного на гвоздь плаща. Но вот фигура, тоже заметив её, шевельнулась и выступила из тени, оказавшись мастером Витольсом.

– У вас прекрасный пёс, милое дитя, – сказал трактирщик так непринуждённо, словно эта ночная

встреча была совершенно естественна. – Отлично сторожит ваш покой.

Лунный свет, падающий в окно зала, теперь ясно обрисовывал его спокойное лицо с лёгкой улыбкой, совершенно человеческое и доброжелательное, но Айлин почему-то стало страшно. Она вдруг очень обрадовалась, что между нею и любезным господином Витольсом не только лестничный пролёт, но и мохнатая громада Пушка. Пожалуй, она бы и Аластора с Лучано не отказалась видеть рядом!

Однако трактирщик не двигался с места, и Айлин подавила глупое желание позвать друзей. Вместо этого она поставила щиты, рассудив, что профан их попросту не заметит, и она не будет выглядеть пугливой дурачком.

– Да, Пушок очень умный, – сказала она вежливо. – Прошу прощения, если побеспокоила. Мне не спится, и я хотела... попить воды.

В следующий момент она яростно обозвала себя дураком! Вот как теперь объяснить, почему не хочешь спускаться? Кухня дальше, и по дороге к ней обязательно придётся пройти мимо славного и предупредительного господина Витольса... Да что же с ней такое!

– Конечно, милая леди, – улыбнулся предмет её размышлений. – Хотите, я вам из колодца холодненькой достану?

– Не извольте беспокоиться, – поспешно отозвалась Айлин. – Знаете, я не так уж хочу пить. Пожалуй, это вполне потерпит до утра.

– Уверены?

Витольс чуть приподнял брови.

– Может, тёплого молока с мёдом? Очень помогает от бессонницы!

Да он издевается!

Айлин вдруг накрыло ни на чём не основанное жуткое ощущение, что стоит ей повернуться к трактирщику спиной и пойти вверх, как он... Обязательно что-то сделает! И ладно, если просто попытается её догнать снизу. Даже если каким-то чудом минует Пушка, она успеет обернуться и кинуть «Молотом». Это не сложнее, чем обычная тренировка боевиков! Но ей всё явственнее казалось, что Витольс, как в страшном сне, встретит её наверху лестницы, и тогда... тогда...

Она сильно зажмурилась на пару мгновений, чтобы отогнать страх, а когда открыла глаза, на лице трактирщика было обеспокоенное выражение.

– Я вас напугал, моя милая леди? – мягко спросил он. – Простите, не хотел.

– Ну что вы, – постаралась улыбнуться Айлин, у которой наконец-то сложилась в мыслях ясная картинка из разрозненных и незначительных на первый взгляд кусочков. Она сложила пальцы для «Молота», не выставляя руку напоказ, но и не особо прячась. – Напугали? Ни в коем случае! Я же некромантка, сударь, нам не положено бояться нежити.

– Простите, миледи?

Витольс глянул с таким искренним недоумением, что Айлин едва не поддалась на его удивление. Но тут же, не опуская щиты, ровно попросила:

– Будьте любезны, сударь, не двигайтесь. И не морочьте мне голову, я совершенно точно знаю, что вы не человек.

– Вот как? – Витольс тихо рассмеялся, ничуть не оскорбившись и, тем более, не испугавшись. – А кто же я, по-вашему?

– Парадокс Керуа, – уронила Айлин. – Тот самый, из-за которого здесь не водится другой нежити уже двести лет.

Глава 7

Парадокс Керуа

– Ну надо же! – восхитился Витольс, скрещивая руки на груди и покачиваясь с пятки на носок в столбе лунного света. – Как меня только ни звали, но чтобы парадоксом! Хм... Даже не знаю, гордиться или обижаться. Позвольте спросить, милая леди, а с чего вы это взяли? И почему вообще решили, что я нежить? Разве похож?

Он улыбнулся так весело и спокойно, что на миг Айлин почувствовала себя полной дурой. Идиотто, как Лу говорит. Но тут же встряхнула головой, словно сбрасывая наваждение. А трактирщик продолжал, разглядывая её чуть ли не с умилением:

– Вы же сами видели, как я встречал вас у ворот при свете солнца. Прахом не рассыпался, даже не задымился. Или что там положено делать упырям, а?

– Ну что вы, мастер Витольс, – чуть улыбнулась Айлин. – Разве я сказала, что вы упырь? Солнца вы, и правда, не боитесь. А на кухне у вас серебро и чеснок. И перец вы хоть и считаете, но это же нарочно, да? Игра такая... Вы это напоказ делали, именно для меня. Проверяли, пойму или нет?

Ей показалось, что тени дрогнули. А вот то, что мастер Витольс вдруг встал на один шаг ближе к началу лестницы – это не показалось. Пушок насторожил уши и лёг ровнее, но хозяин трактира снова был неподвижен.

– А ещё у вас в трактире ничем не пахнет, – сказала Айлин негромко, теперь точно зная, что Витольс слышит каждое её слово.

Да что там слово, он и дыхание, наверное, различает.

– У вас нет ни крыс, ни мышей, – продолжила она. – Ни кошки, ни собаки, ни даже лошади. На чём вы в город ездите, мастер?

– С проезжающими, – снова улыбнулся Витольс краешками губ. – И возвращаюсь с ними же. А трактир содержу в чистоте, вот лишних запахов и нет.

– И даже отхожим местом не пользуетесь, – подхватила Айлин, запретив себе смущаться, что говорит о подобных вещах. – Кстати, мастер, будьте любезны не трогаться с места. Простите, но я вам соврала. На самом деле я вас ужасно боюсь. Представляете? Демонов не боялась, хоть они и страшные. Упырей обычных – тоже. И даже кадавр был отвратительный, но не такой уж страшный. А вас я боюсь так, что самой не верится! Так что не подходите, пожалуйста. Иначе я с перепугу что-нибудь сделаю...

Витольс выразительно покосился на её руки и хмыкнул, как показалось Айлин, с некоторой обидой.

– Вот уж пугать я вас точно не хотел, – заметил он укоризненно. – Разве можно некромантке иметь такие слабые нервы?

– А разве можно обычному хозяину трактира помнить некроманта, который был здесь много лет назад? – парировала Айлин, чувствуя, как в горле встаёт горький ком, а к глазам подступают слёзы.

– Вы про лорда Бастельеро? – мягко уточнил Витольс, и тени опять качнулись, но в этот раз трактирщик не двинулся с места. – Лет восемнадцать-двадцать – разве это так уж много? Его было трудно не запомнить.

– Я про Кирана Лоу! – выдохнула Айлин, вцепившись в перила. – Про рыжего некроманта Кирана, о котором вы говорили! Который придумал название для вашего трактира! Это так на него похоже! Только я не сразу поняла, что это он! Вам же на вид лет сорок... А мэтр Киран... Я и подумать не могла, что вы про него говорите! А должна была! Потому что только высшая нежить может вот так плевать на приметы и развлекаться тем, чего боятся обычные стригои! Только высшая нежить может дружить с некромантом! Мэтр Киран... он с кем угодно мог подружиться, если хотел! И я... я же читала его заметки про парадокс Керуа! Я должна была понять сразу! Ещё когда вы нас только встретили! У ворот!

– И что же необычного было в нашей встрече? – сказал мастер Витольс каким-то на удивление тусклым и безжизненным голосом. – Простите, я, правда, не припомню.

– Вы сказали, что накормите нас обедом, – тихо ответила Айлин и села на ступеньку лестницы, глядя на трактирщика сверху вниз. – Всех накормите. Даже енота сразу заметили. И про лошадей договорились, овёс нынче дорог. Но вы ничего не сказали про Пушка. А ведь такая собака ест

больше человека! Вы совсем не удивились, что мы ужинаем сами, а его не кормим. Не предложили покормить его... И правда, зачем? Вы же сразу поняли, что он неживой, да?

Ответом ей была тишина. Мастер Витольс стоял, скрестив руки на груди, и теперь меньше всего напоминал учтивого, но скромного трактирщика. Он словно сбросил маску, и в глазах того, кто никак не мог быть человеком, разгоралось холодное серебряное пламя.

– Надо же, – сказал он вдруг с удивлением. – Я теряю осторожность... Раньше ни за что не выдал бы себя настолько глупо. Впрочем, не помню, чтобы мне попадалась такая забавная компания. Вы заметили подсказки – прекрасно! А вот про собаку я даже не подумал... И Киран... Вы его знаете? Но ему же сейчас уже лет...

Витольс нахмурился, пытаясь посчитать, и Айлин вдруг стало больно и невыносимо обидно. Не за себя, а за того, кто до сих пор звал Кирана Лоу другом, хотя был уверен, что молодой некромант, уехавший в столицу, давно забыл об их дружбе. Странной, невозможной дружбе охотника и нечисти!

– Мэтр Киран вас не забыл, – сказала она. – Он погиб шестьдесят пять лет назад, почти сразу, как приехал в Дорвенну. Он очень хотел стать преподавателем и оказался привязан к Академии даже после смерти. Стал учебным призраком Фиолетового факультета. Он не мог вам написать! А потом, наверное, решил, что и смысла не имеет – столько лет прошло...

– Киран... погиб? – медленно переспросил Витольс. – Как? И... откуда вы... Ах да, вы же некромантка.

Он поморщился, и Айлин вскинулась, уловив едва заметное презрение в голосе нежити.

– Я была его ученицей! – сказала она. – Его незаконченным делом! Да, я увидела его, потому что я некромантка! Я вижу призраков – это мой дар! Но мы дружили! Он учил меня всему, что мог! Всему, чему я могла тогда научиться. И оставил мне свой дневник! Только... там почти ничего не написано про парадокс Керуа! Потому что он и так про вас всё знал и помнил, да?

Улыбка Витоля стала шире, и Айлин с содроганием увидела кончики клыков – два крошечных белых блика. Странно, как никто из них троих не увидел этого раньше? Мастер Витольс так часто и легко улыбался!

«Да потому что он глаза нам отвёл, – поняла Айлин. – Сколько же у него силы! Задурить голову не только профанам, но даже мне! Я же просматривала его ауру! Совсем человеческая...»

– Киран... – тепло, почти с нежностью протянул Витольс. – Теперь понятно. Вы его ученица – вот почему так похожи. Не внешне, хоть и тоже рыжая. Сутью... Он всё-таки выполнил то, о чём так мечтал – стал учителем. И воспитал настоящую ученицу... Да отпустите вы своё заклинание, милая леди. Я никогда не причиню вреда ученице моего друга. Скажите только, как он погиб?

– Стригои... – выдохнула Айлин и разжала пальцы, позволяя приготовленному заклятию безвредно рассеяться. – Его растерзали стригои...

Лицо Витоля исказилось, на пару мгновений превратившись в маску ледяного чудовищного гнева, и Айлин стало жутко.

– До чего же глупо... – прошептал Витольс, возвращаясь к обычному облику. – Такой талант... Единственный, кто сам всё понял обо мне... Ну и что вы теперь собираетесь делать, милая леди? – спросил он уже обычным, только усталым и совершенно серьёзным тоном.

– Да ничего, – пожала плечами Айлин. – Во-первых, вы же нам ничего не сделали. Может, не успели, конечно...

– А во-вторых?

– Во-вторых, вы только что сказали, что и не сделаете, – напомнила Айлин, хотя у неё внутри снова начал сворачиваться ледяной ком страха. – А если на моих спутников это не распространяется, сначала вам всё равно придётся убить меня. Вы этого хотите, мастер?

– Ни малейшего желания не испытываю, – так же серьёзно отозвался Витольс. – Это всё, или имеется «в-третьих»?

– В-третьих, я понятия не имею, как вас можно убить, – призналась Айлин. – Я и кадавра-то еле упокоила, просто повезло. А про вас мэтр Лоу ничего не рассказывал. Я даже не знаю, кто вы такой!

– Кто я такой... – повторил Витольс. – Вот теперь я окончательно верю, что вас учил именно Киран. Любой некромант вашей орденской школы сказал бы: «Я не знаю, что ты такое». Забавно...

Кадавра, значит, вы упокоили? И демонов не боитесь... Ну подумайте хорошенько. Высшая нежить, которая не боится солнца. Выбор не так уж и широк!

Он посмотрел Айлин в глаза, и холодный страх, прячущийся у неё внутри, не исчез, но рассыпался ледяными острыми иголочками, так что она даже поёжилась.

– Не путешествие, – пробормотала она, – а экзамен какой-то. Ну не стригой же вы... Я уже всё перебрала! Ни одна существующая нежить не подходит.

– А несуществующих вспоминали? – деловито осведомился Витольс. – Да будет вам известно, моя милая рыжеволосая леди, так похожая на Кирана, солнца боится далеко не вся нежить. Но умение жить среди людей очень сужает круг.

– И глаза вы отводить можете, – прошептала Айлин. – И животные вас не боятся. Лошади не шарахались, Пушок не беспокоился. Даже Перлюрен вас не боится... И аура... Аура у вас живая. А живой нежити не бывает. Была когда-то... очень-очень давно... Как же это называется... Забыла. И их точно не существует. Ни одной достоверно известной встречи в анналах Фиолетовой гильдии.

– Ну ещё бы! – совсем по-человечески фыркнул Витольс. – Не хватало ещё отпускать тех, кто с нами достоверно повстречался. Такого понапишут потом! Киран – исключение, он обещал вообще ничего не писать и сдержал слово, как я вижу. Аккару, милая леди, вот как я называюсь. И ваш драгоценный наставник, мой друг Киран, при первой нашей встрече чуть с ума меня не свёл. Сначала распознал меня, а потом принялся доказывать мне самому, что меня не существует.

– Но вас и не существует, – как заворожённая, повторила Айлин. – Аккару не бывает! Это же... просто сказка! Страшная сказка, часть легенды о погибшем материке Лендовия и двух других... как же их...

Она глупо устыдилась, что не помнит эту часть древнейшей истории, как будто несуществующий аккару принимает у неё экзамен. А Витольс усмехнулся и подсказал:

– Арусула и Хамтур. Магические истоки вашего мира, юная леди. Погибшие много тысячелетий назад. И раса аккару погибла вместе с Арусулой, но, представьте себе, не вся.

У Айлин закружилась голова, стоило ей даже не представить такую бездну времени, а просто попытаться это сделать. Много... тысячелетий? Даже не веков?

– Но вы же... – начала она с ужасом.

– Разве я похож на тысячелетнее чудовище? – поднял брови Витольс. – Аккару могут создавать подобных себе, это единственное, что роднит нас с теми, кого вы называете нежитью. Но читать вам лекцию по истории я не собираюсь, уж простите. И по физиологии аккару – тоже! Предупреждаю сразу, а то первое, что сделал Киран, это полез пересчитывать мне зубы и выяснять, как они крепятся к челюсти.

Айлин тихонько хихикнула. Мэтр Лоу – он такой! Именно так он бы и поступил!

– Мастер Витольс, – вспомнила она о вежливости. – Скажите, а зачем вы нас всё-таки приютили? Неужели не собирались...

Она замялась, и аккару блеснул понимающей улыбкой, снова обнажившей кончики клыков. Теперь это выглядело по-прежнему пугающе, но Айлин чувствовала, что начинает привыкать. Витольс не нападал, он ничем не походил на безумного стригоя или упыря и, хотя был невероятно опасен, Айлин никак не могла отделаться от ощущения, что аккару рад... просто поговорить.

– Скажем так, милая леди, – с насмешливой любезностью сказал он. – Окажись вы обычными путешественниками, у вас были все шансы выбраться отсюда живыми и почти здоровыми. Лёгкая слабость от небольшой кровопотери – это такие пустяки! Ничтожная цена за удобный и безопасный ночлег. Но... это возвращает нас к тому, о чём я хотел поговорить с самого начала. К тому, из-за чего вы проснулись, хотя должны были крепко спать, как и ваши спутники. Вы ведь помните, что вам снилось?

Помнит ли она? Белый туман, Саймон в лазарете и Дарра, проводящий ритуал поиска на перьях-заколках... Удивительно правдоподобный и чёткий сон!

Айлин вопросительно посмотрела на аккару, и тот кивнул.

– Вас ищут, – просто подтвердил он. – Очень сильные поисковые чары, отменно сделанные. Но они не в силах пробиться через мою защиту. На «Весёлом упыре» особый магический полог, я умею отводить глаза не только при личной встрече. Иначе, согласитесь, меня нашли бы гораздо раньше. «Парадокс Керуа», говорите? – усмехнулся он. – И что же он означает?

– Что Керуа – самый чистый от нежити город, – рассеянно отозвалась Айлин. – Это же вы его спасаете, да? Лу сказал, что мелкое разбойничье отребье не охотится там, где живут грандмастера.

– Умный мальчик, – одобрительно отозвался аккару. – Очень перспективный... Но сейчас дело не во мне. А поисковые чары – не самая большая ваша беда. Вы уже знаете, что все дороги дальше на юг перекрыты гвардией? Вас ловят, милая леди, и мне чрезвычайно интересно, что такого натворила ваша обаятельная компания. На моей памяти в Дорвенанте так не охотились ни за одним государственным преступником, а память у меня длинная...

И он снова блеснул остриями клыков.

– Мы ничего не натворили, – сказала Айлин и зябко обняла себя за плечи.

Деревянная лестница, на которой она сидела, вдруг показалась ледяной, как и лунный свет, пробивающийся в окно.

– Значит, только собираетесь, – понимающе кивнул Витольс. – Что ж, у меня к вам предложение, миледи. Невероятно щедрое, и только ради памяти моего друга Кирана. Я могу вам помочь ускользнуть от гвардейских постов и облавы.

– А... цена?

Аккару улыбнулся шире, и его игольчатые клыки показались Айлин длинными и невероятно острыми. Впрочем, именно такими они наверняка и были.

– Ничего сверх того, что вы можете заплатить, – сказал он. – Но об этом я бы предпочёл поговорить утром. Зачем будить ваших спутников? Они устали и заслужили крепкий сладкий сон. Не беспокойтесь, тот мальчик, что спит в коридоре, сейчас проснётся ровно настолько, чтобы вы смогли отправить его в постель. И вам тоже следует восстановить силы. Если хотите, можете поставить любую защиту, какую сочтёте нужной. Необязательно полагаться на моё слово, я не обижусь. Ну и, разумеется, опасаться кого-то другого вам тоже не нужно. Никаких разбойников, демонов, упырей... Клянусь своим бессмертием, никого, страшнее меня, здесь нет.

Он снова усмехнулся, и Айлин обиженно засопела. А потом подумала, что слово словом, но защиту на комнату она поставит непременно! Всю, какую только сможет! Пусть этот аккару и был другом мэтра Кирана, но урок от мэтра Денвера она никогда не забудет.

– Вы очень любезны, мастер!

Она поднялась и отвесила церемонный поклон, положенный лицу, значительно превосходящему по рангу. Серебряные глаза мастера Витоля блеснули ещё ярче, и он ответил ей изысканным поклоном, достойным королевского дворца.

– Спокойной ночи, милая леди, – прозвучал голос аккару.

Айлин крепко стиснула зубы и сделала самую, пожалуй, бесстрашную вещь в своей жизни. Может, это и было глупо, но она бы перестала себя уважать, поступи иначе!

Она повернулась и медленно, с должной неторопливостью поднялась по лестнице, изо всех сил заставляя себя не бежать и не оборачиваться, хотя ноги так и молили бежать изо всех сил и остановиться только в комнате, запершись на засов и окружив себя и друзей всеми возможными щитами! Аккару! Это же аккару! Она встретила с тем, чего на свете быть не может! «Сначала – кадавр, – подумала она. – Потом вот это... Дальше только с Барготом повстречаться осталось! Ох, простите меня Благие за такие мысли...»

Ей послышался тихий смешок, слишком далёкий, чтобы быть опасным. А потом страх исчез, и Айлин с изумлением поняла, что вот-вот уснёт. Нет, никакого наведённого сна, тяжёлого и непреодолимого. Просто усталость и странное облегчение, что жуткая загадка разрешилась ответом, пусть не менее жутким, но хотя бы понятным.

«Саймон умер бы от зависти, – подумалось ей. – И я никогда не смогла бы ему объяснить, что вполне обошлась бы без этих приключений. Я просто хочу, чтобы всё было как раньше! Если не у меня, то хотя бы у всех остальных».

* * *

– И ты... ты знаешь, что он попросит? – осторожно спросил Вальдерон, и магесса задумчиво кивнула, а потом яростно замотала головой.

– Я не понимаю, – признался бастардо с таким тяжёлым вздохом, что Лучано даже постыдился

признаваться, что понял не больше дорвенантца.

Когда Айлин разбудила их утром, он поверил ей сразу. Слишком уж много странностей было в этом трактире, ничем не объяснимых и жутких. Но если хозяин – нежить, тогда кое-что встаёт на свои места. Например, отсутствие запахов и домашних животных. Правда, остальное всё равно непонятно. Как нежить может ходить под дневным солнцем и есть человеческую пищу? Но этим Лучано решил не забивать себе голову. Магессе виднее, как зовётся их любезный хозяин. Главное, что слопать заглянувших к нему путников он вроде бы не собирается. Или собирается, м?

– Я не знаю! – воскликнула Айлин и шёпотом добавила: – Но думаю, что крови. Понимаете, по легенде аккару пьют кровь. Правда, по легенде, они ещё едят людей, даже живых... ну, это неважно! Но мастер Витольс сказал, что не попросит с нас большего, чем мы можем дать, а ещё пообещал не причинять вреда...

– Едят людей – это неважно?! – потрясённо выдохнул бастардо. – Айлин! Неужели подобному существу можно верить?!

Он сидел на кровати, ещё растрёпанный после сна, в одних штанах и рубаше, и в задумчивости лохматил светлые отросшие волосы пальцами. Лучано старательно отвёл взгляд от широких плеч, беспощадно обрисованных тонким полотном, и перевёл его на Айлин. Магесса устроилась в кресле, подогнув под себя ноги и обняв их руками, свернувшись, словно котёнок, но Лучано уже давно не обманывался внешней наивностью синьорины.

У этой девицы хватило хладнокровия не разбудить их, чтобы сообщить потрясающую новость немедленно, а дожидаться утра. Между прочим, Лучано никак не мог вспомнить, как оказался в постели. Последним воспоминанием был коридор, где он стоял, охраняя сон своих спутников. Айлин же на его осторожный вопрос только отмахнулась. Что ж, проснулся – уже хорошо, но что будет дальше?

Магесса наконец перестала терзать косу, кончик которой по привычке накручивала на палец, подняла голову и ответила Альсу прямым жёстким взглядом.

– Я не знаю, Ал, – произнесла она негромко и с медлительностью, сделавшей её слова особенно вескими. – Но что нам остаётся? Подумай сам! Ночью он мог бы укусить любого из нас, хоть бы и всех троих. Поверь – мог бы! Несмотря на все мои щиты и даже Пушка...

Она покосилась на Лучано и так быстро отвела взгляд, что он окончательно убедился: что-то с его сном было неладное.

– А вместо этого мастер Витольс предупредил нас о магическом поиске! – продолжила Айлин. – Мы не наткнулись на разъезд лишь потому, что заночевали здесь, об этом тоже надо помнить.

– Ну ещё бы, – упрямо хмыкнул Аластор. – Какой же хищник захочет с кем-то делиться добычей? Он не тронул нас ночью? Какое благородство! Но сейчас-то мы уже проснулись. Так что предлагаю убраться отсюда побыстрее. Мы ведь можем это сделать?

– Я... не знаю. Не уверена, – призналась Айлин, розовея щеками под их вопросительными взглядами. – Вы... не понимаете! Это же аккару!

Последнее слово она опять произнесла с таким испуганным благоговением, что Лучано передёрнуло от нехорошего предчувствия. Услышать подобный тон от магессы, с полным пренебрежением говорившей об упырях, стригоях и прочих жутких чудищах – это дорогого стоит! Лучано невольно подумал, что так мог бы говорить юный Шип об одном из грандмастеров, уже хорошо представляя себе, о каком человеке идёт речь, и опасаясь его до дрожи.

А магесса продолжила, снова принявшись дёргать себя за пушистый кончик косы:

– Аккару – самая древняя нежить, известная людям! Он намного быстрее и сильнее, чем вы можете представить. Ал, я понятия не имею, действует ли на него магия, но точно знаю, что твои секиры нам не помогут. И Провожатые на этот раз – тоже. Он бессмертен, понимаешь? Не как кадавры, над теми властны слуги Претемнейшей, а по-своему. А ещё он старый... Очень старый! Чем старше нежить, тем она сильнее, и тем меньше на неё действуют обычные средства от существ такого рода. А Витольс не боится ни солнца, ни серебра! Он... как будто ими наслаждается! Ведь мог бы держать на кухне только медную посуду – никто бы и не удивился, а он нарочно пользуется серебром!

– И чеснок в суп кладёт, – подтвердил Лучано.

Айлин поспешно кивнула.

– Ну да! Я спросила его о возрасте, а мастер Витольс... он, конечно, отшутился! Но что, если он из тех первых аккару, чья родина когда-то утонула в океане?! Он... он же тогда старше самих Благих!

Она попыталась улыбнуться, но получилось бледно, а Лучано честно попробовал представить себе такую бездну времени – и у него ничего не вышло. Но если вообразить, что он сам будет заниматься ремеслом Шипа не отпущенный обычному человеку срок, а лет хотя бы двести-триста... Это же каких высот в мастерстве можно было бы достигнуть? И... какая страшная тварь получится...

Аластор явно подумал о чём-то похожем, потому что окончательно помрачнел и снова погладил рукоять секиры, словно живое существо.

– Мы с ним не справимся, – с тихим отчаянием закончила магесса. – Можно попробовать, конечно. Только мы сейчас на его земле, в доме, о секретах которого представления не имеем. Хорошо, если он нас просто отпустит! А если нет? Ну, пусть даже нам удастся уехать, а что дальше? Кинемся в сторону города, прямо в руки егерей?

Она замолчала и, бросив косу, обняла себя руками за плечи. А Лучано подумал, мельком глянув на застывшее лицо Вальдерона, что тот наверняка попробовал бы прорваться, но, к счастью, умеет слушать не только свою дворянскую гордость, но и голос разума. И что голосу этому неплохо было бы помочь.

– Прежде чем решать, – заметил он очень мягко, чтобы Вальдерон не вскинулся из чистого упрямства, – я бы выслушал предложение синьора аккару. То есть грандсиньора, – подумав, уважительно поправился он. – Ведь прямо сейчас он не берёт нашу комнату штурмом, как осаждённую крепость, м? Значит, и в самом деле рассчитывает договориться. Пусть даже сила на его стороне, но есть вещи, которые ни за что не получишь силой. Может, он не хочет ничего ужасного, как и сказал?

– Это чудовище-то? – напряжённо бросил Вальдерон. – А что он хочет? Передать письмо кому-то из старых друзей? Или рецепт твоего грибного супа?

– О, я бы с радостью поделился! – улыбнулся Лучано и почесал шею Перлюрену, выбравшемуся из сумки. – Но этого мы не узнаем, пока не спросим. А тогда и решить будет гораздо легче.

– Согласен, – нехотя бросил Аластор и встал, не выпуская из рук секиры. – Тогда прямо сейчас пойдём и спросим, что у него на уме. А если это что-то... что-то недопустимое...

– Тогда уйдём, – твёрдо сказала Айлин и со вздохом поправилась: – Ну, попробуем... Я даже в теории не знаю, что могло бы подействовать на аккару. Их даже на старших курсах нежительства проходят кратким упоминанием. Один Странник ведаёт, откуда они взялись на самом деле и куда подевались много столетий назад.

– Жалко, что не все, – уронил Аластор. Окинул взглядом комнату с двумя разобранными постелями и хмуро поинтересовался: – Лу, ты почему меня ночью не разбудил? Договаривались ведь по очереди на карауле стоять.

Лучано прикусил изнутри губу, на мгновение уткнувшись взглядом в Перлюрена. Потом поднял голову и честно признался, холодея от жуткого стыда:

– Альс, я ничего не помню. Даже не знаю, как здесь оказался. За такое у наёмников голову рубят, я знаю. Или гонят из отряда пинками. Воля ваша, я всё понимаю. Но... не помню.

– Мастер Витольс его усыпил, – тихо сказала Айлин. – А потом разбудил, и я смогла отвести Лу в комнату. Он как зачарованный был, просто вошёл, упал на кровать и снова уснул. И... Аластор, не вини его за это. Я же говорю, мы ничего не знаем о возможностях аккару. Ты и сам спал так, что не проснулся, когда мы вошли.

Аластор пару мгновений посмотрел на Лучано, чувствующего себя мерзко, словно в выгребной яме побывал, и кивнул:

– Ясно. Забудем.

Повесил на пояс одну из секир, вторую взвесил в руке... И тут в дверь постучали, и раздался вежливый голос мастера Витольса:

– Милорды, миледи, я ни в коем случае не тороплю вас с решением, но завтрак уже готов и может остыть.

На несколько мгновений в комнате повисла тишина, а потом синьорина учтиво откликнулась из кресла:

– Благодарю, сударь. С вашей стороны очень любезно позвать нас.

Лучано слышался за дверью тихий смешок, да он и сам едва удержался. Благие Семеро, истинная

грандсиньорина блистает манерами даже с нечистью! Впрочем, следовало признать, что и нечисть им попалась на редкость благовоспитанная.

– Завтрак, значит? – с тяжёлой опасной медлительностью уточнил Аластор и открыл дверь.

За ней никого не было, хотя Лучано мог бы поклясться, что никто не способен так быстро пробежать по длинному коридору до лестницы и скрыться из виду. Ещё и бесшумно к тому же.

«Никто из людей, – поправил он себя. – Прекрасная страна! Легче повстречать нечисть или демона, чем обычного трактирщика».

Мастер Витольс обнаружился в обеденном зале на первом этаже. Аккару невозмутимо накрывал на стол, и Лучано невольно сглотнул слюну. Ажурные золотистые блинчики выглядели божественно, а к ним трактирщик уже выставил мисочки с мёдом и какими-то соусами.

– Сметана? – Аластор поднял брови, выразительно глянув на Витольса. – Неужели корову держите?

Тот улыбнулся, и Лучано впервые почувствовал в этой улыбке что-то странное. Вроде бы зубы обычные, никаких клыков, но то ли слишком белые, то ли длинноваты... А раньше и не замечал ничего. Да и сейчас, если начистоту, Витольс чудовищем не выглядел. Мало ли у кого зубы хорошие!

– Крестьяне привозят, – с усмешкой ответил аккару. – Вы же сами видели, тропа натоптана. И съестное, и овёс, и дрова – на постоялом дворе всего должно быть в достатке.

– Это да, – согласился Аластор, и его глаза блеснули той почти незаметной смешинкой, которую Лучано уже привык ловить, но голос остался ровным. – Трактир у вас богатый, столичным на зависть. Лихой люд не беспокоит?

– Ну что вы, милорд, – в тон ему серьёзно ответил Витольс. – Напротив – радуется! Жаль, редко заезжают.

Их взгляды скрестились, будто клинки, но трактирщик почти сразу отвёл свой и обаятельно улыбнулся.

– Молока? – поинтересовался он, словно ничего не произошло. – Или шамьета?

Перлюрен на руках у Лучано пискнул и повёл носом, а потом принялся рваться в сторону стола. У него, похоже, воспоминания о вчерашнем знакомстве с молоком остались исключительно радостные.

– Понимаю, – снова усмехнулся Витольс и... исчез.

Аластор вскинулся, схватившись за секиру, Айлин мгновенно сложила пальцы, готовясь кинуть заклятие, а Лучано просто застыл, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Ни звука, ни движения! Жутко, словно в кошмарном сне, только сейчас проснуться не получится. Воображение тут же нарисовало, как Витольс опять появляется за спиной Альса или Айлин, как острые зубы вспарывают артерию, и фонтан крови хлещет...

– Молоко для вашего зверя, – раздался безмятежный голос у него за спиной, и Лучано стоило невероятного усилия не обернуться рывком.

Он смог остаться на месте только потому, что оба спутника смотрели ему за спину, и страха в их глазах не было. Как не было и готовности ударить, оружием или магией – безразлично.

– Благодарю, сударь, – сказал Лучано, медленно поворачиваясь и опуская Перлюрена на пол.

Тот радостно взвизгнул и кинулся к миске с молоком, а серебристые глаза аккару блеснули насмешливо, но одобительно.

– Предлагаю сначала позавтракать, – сказал он, словно не замечая секиру в руках Вальдерона и настороженную готовность магессы. – Вы мои гости, пока сами не решили иначе.

«И если бы я захотел, то уже давно убил бы вас», – осталось произнесенным, но Лучано понял это так же ясно, как и остальные.

Магесса первой выдохнула и расслабила сложенные пальцы, даже рукой встряхнула. Шагнула к столу и опустилась на лавку, чинно одёрнув полы своей курточки. Вальдерон последовал за ней, а Лучано сначала проследил, чтобы Перлюрен выпил молоко, затем вытер ему мордочку платком, который стал носить именно ради этого, и тоже сел, устроив енота на лавке рядом с собой. Пушок, до этого лежавший под столом, как толстый меховой коврик, ревниво приподнялся, сунул морду Айлин в колени и снова затих, только теперь сидя.

– Не окажете ли нам честь, мастер? – едва разжимая губы, поинтересовался Аластор, взглядом указав на свободную лавку с другой стороны стола. – Или существа вроде вас не едят обычную еду?

– Существа вроде меня – определённо не едят, – подтвердил аккару. Неторопливо сел на предложенное место, свернул блинчик, макнул его в сметану и невозмутимо закончил: – Но лично я – ем.

И отправил его в рот под заворожённым взглядом магессы. Прожевал, проглотил и сказал, всё так же насмешливо блестя глазами:

– Мы, страшные древние чудовища, чрезвычайно ценим простые человеческие радости вроде еды или застольной беседы. Или обычной любезности. Поверьте, по-настоящему хорошие манеры – необычайная редкость в любые времена. Об искренности я уж и не говорю. Обычно путники не приглашают меня за стол.

– Даже если вы угощаете их за свой счёт? – снова приподнял брови Аластор. – И в самом деле, неучтивость.

– Что поделатъ, не все соглашаются расплатиться так же честно, как вы, – не без изящества пожал плечами аккару. – Но в итоге платят все, просто по-разному.

Лучано тоже свернул блинчик, но макать ни во что не стал, рассудив, что и так неизвестно, как Перлюрен переварит новую пищу. Сметана или мёд определённо будут лишними. Енот вцепился в блин обеими лапками и заурчал от восторга, а Витольс посмотрел на него умилённо.

– Какой умный зверёк, – сообщил он. – Умеет оценить хорошую кухню.

Намёк поняли все, и блины стали исчезать с блюда, тем более что в этом аккару оказался совершенно прав – готовил он действительно прекрасно. Лучано ревниво подумал, что у мастера Ларци, положим, блинчики получались не хуже! Аккару же и вовсе мог тренироваться на кухне веками.

Он поймал себя на том, что не сводит с Витольса глаз, и то же самое делают все остальные. Айлин бросала на трактирщика быстрые взгляды и тут же воспитанно отводила глаза, Аластор, напротив, разглядывал его в упор, не особо скрываясь и отвлекаясь только на завтрак. И только Перлюрен упоённо чавкал угощением, напрочь отказываясь бояться чего-либо.

– Енота завести, что ли, – задумчиво сказал Витольс. – Другие звери сбегают, как я ни старался с ними поладить. А этот удивительно бесстрашен.

– Заведите! – с подозрительным энтузиазмом согласился Аластор, и Лучано заподозрил, что он втайне надеется всучить аккару именно этого енота. – Заодно и трактир можно будет переименовать. Вместо «Весёлого упряя» – «Весёлый енот». Ещё страшнее получится.

Трактирщик совершенно по-человечески рассмеялся, и Лучано на миг подумалось, что всё это странный розыгрыш. Непонятно как устроенный, но ведь это страна магии, здесь и не такое возможно. Только вот глаза у всех за столом слишком серьёзные, а у Айлин, лучше них понимающей, с чем пришлось столкнуться, и вовсе тоскливые.

– Непременно об этом подумаю, – весело отозвался аккару. – Может быть, всё-таки шамьета?

– А может, лучше о деле? – не выдержал Аластор. – При всём... уважении, мастер Витольс, нам бы хотелось побыстрее прояснить всё и уехать.

– Понимаю, – опять по-человечески вздохнул трактирщик и пожаловался куда-то в пространство: – Как интересные гости, так всегда торопятся. А я – сиди здесь, как привязанный...

И тут же сбросил шутливость, как маску, став спокойным и сосредоточенным.

– Моё предложение очень простое, – сказал он, обведя взглядом Лучано и его спутников. – Я могу провести вас мимо всех постов и разъездов незамеченными.

– Там наверняка есть маги, – тихо уронила Айлин. – Хороший иллюзорник разглядит любое наваждение.

– Не моё, – мягко возразил Витольс. – Видите ли, юная леди... Я ни в коем случае не умаляю заслуг и умений вашего Ордена, однако моя магия будет постарше. Причём не на одно тысячелетие. – Он помолчал, давая время осознать сказанное, и неторопливо продолжил: – Прошу понять меня правильно, я ни к чему не принуждаю. Вы вольны принять моё предложение или отвергнуть его. Странник свидетель, если откажетесь, я просто позволю вам уехать без малейшего вреда.

– А если мы расскажем о вас в Ордене? – так же тихо и спокойно поинтересовалась Айлин. – Это

ведь я недоучка с шестого курса, а там есть настоящие мастера. Вы очень любезно приняли нас, мастер Витольс, и я помню, что вы были другом моему наставнику... Но вы всё-таки аккару. Неужели на вашей совести нет человеческих жизней?

– О, намного больше, чем вы можете представить, моя юная леди, – усмехнулся Витольс на удивление невесёлой улыбкой. – Но куда меньше, чем их могло быть, не соблюдай я собственные правила. Я давным-давно ни на кого не нападал первым. Вы не поверите, как много среди людей любителей поживиться чужим добром, причём не стесняясь в средствах. Да, время от времени мне случается убивать. Для этого достаточно съездить в тот же Керуа и показать у стойки трактира – не моего трактира, чужого! – кошелёк, полный серебра. А потом выйти на ночную улицу... Работает почти без осечки, – усмехнулся он. – А можно и проще. Всего лишь принять на постой двух-трёх путников, достаточно зорких, чтобы заметить серебряную утварь на кухне и отсутствие другой прислуги. Одиноким дуракам-трактирщикам так и напрашивается на неприятности, верно?

Он блеснул улыбкой, и Лучано не мог не признать, что расчёт у аккару безупречный. Дорога хоть и не главная, но кто-то непременно свернёт на неё, желая сократить путь или избежать внимания стражи в Керуа. Пограничные города власти обычно держат построже, чем в глубине страны, но и лихого народа вокруг них в достатке. А трактирщик вроде Витоляса – это мечта, а не добыча! Можно по-быстрому сгрести серебро и монеты, а можно хоть весь трактир ободрать и вывезти, если есть время да желание, от банных котлов до нарядных новеньких ковриков и дверных ручек. Бронзовых, между прочим!

– Или вам их очень жалко? – поинтересовался Витольс.

– Жалеть разбойников? – дёрнул углом рта Аластор.

– Жалеть таких мерзавцев? – возмутилась в тон ему Айлин.

– Жалеть идиотто? – поразился одновременно с ними Лучано, и все трое ошеломлённо посмотрели друг на друга.

– Ну вот, – кивнул Витольс. – И я о чём. Поверьте, честным людям в моём трактире бояться нечего. Если даже кто-то уснёт слишком крепко и проснётся без нескольких глотков крови... Так лекари утверждают, что в меру это даже полезно. Заметьте, услуги целителя я в счёт не включаю!

– А от нас-то вы чего хотите? – всё ещё настороженно, однако уже без враждебности спросил Аластор. – Если действительно можете провести мимо кордонов, об этом стоит поговорить. Но сами знаете, предложить нам нечего.

– Ну почему же нечего? – ласково возразил ему Витольс, и его неизменная улыбка вдруг показалась Лучано какой-то змеиной.

Похоже, обманываться добродушием и справедливостью аккару всё-таки не стоило.

– У вас целых двое спутников, милорд, – всё так же вкрадчиво продолжил аккару. – Может быть, в дальнейшей дороге вы обойдётесь без кого-то из них?

Рука Аластора метнулась к секире даже быстрее, чем Лучано выхватил нож. Айлин что-то коротко прошипела, и воздух уже знакомо дрогнул – магесса поставила щит. Но аккару лишь напояз сложил руки на груди и склонил голову набок, не двигаясь, а потом вздохнул:

– Простого «нет» было бы вполне достаточно. Я просто решил начать с самых высоких ставок.

– Эта цена не по мне, – зло сообщил Аластор. – Ещё будут предложения?

– Непременно, – кивнул Витольс. – Считайте, что я оценил вашу сплочённость. Настоящая цена и вправду будет не очень велика. По три глотка крови от каждого из вас. И я обещаю, что всех отпущу с миром и проведу мимо любых преград вокруг Керуа. Вы ведь следуете на юг, в сторону фраганской границы? Ну вот, сможете туда и направиться.

Он замолчал, и Лучано чутьём поймал миг, в который игры закончились и началась настоящая сделка. Три глотка крови, м? Он покосился на спутников, не выпуская из ладони удобно лежащую в ней рукоятку ножа. Аластор хмурился, Айлин кусала губы. Потом вскинулась и уточнила у аккару:

– Ваш укус – как он подействует? Как у стригоя?

– Ну что вы, милая леди, – обиженно отозвался Витольс. – Не сравнивайте меня с этими отродьями, прошу. Это обидно! Укус стригоя заражает жертву эманациями смерти, и вы сами знаете, если не уничтожить источник, жертва вернётся к нему, чтобы погибнуть. Ловушка подлая, но надёжная. Действие моего укуса пройдёт через несколько часов, как и след от него. И если мы встретимся снова, я не буду иметь над вами никакой власти.

– Ну и зачем вам это? – продолжала допытываться магесса. – Укусить нас вы могли ночью без всякого позволения. Ведь могли же?

– С весьма высокой вероятностью, – склонил голову Витольс и снова блеснул глазами. – Но есть огромная разница между кровью украденной и кровью, отданной добровольно. Как бы это сказать... Примерно как между плотскими утехами в борделе и страстью с любимым человеком. О, вы покраснели! Прощу прощения!

– Я поняла! – сердито сказала Айлин, действительно залившись краской до ушей. – Вы питаетесь не только кровью, но и чувствами, так? Сонного пить невкусно?

Витольс кивнул, смеясь одними только глазами, а магесса сердито засопела.

– И что, больше никаких подвохов? – угрюмо спросил Аластор. – Всё дело только в том, что кроме крови вам нужен страх?

– Ну почему же обязательно страх? – поразился Витольс. – Я очень высокого мнения о людях, повстречавшихся с кадавром и способных рассказать об этой встрече. Кстати, очень хотелось бы узнать, как вы его упокоили. Но некогда, понимаю. Так вот, я верю в вашу отвагу, и меня устроят любые чувства, которые вы будете испытывать во время этого... действия. Любопытство тоже вполне подойдёт. Или возмущение, которое я уже вижу в ваших глазах, милорд. Знаете, есть люди, которые собирают предметы искусства или необычные вещи. А я коллекционирую вкусы души. Вот именно их украсть вместе с глотком крови невозможно, обязательно надо, чтобы человек сам согласился отдать частицу себя, а кровь – она всего лишь проводник. И учтите, – добавил он серьёзно и, как показалось Лучано, совершенно искренне. – Если не примете моё предложение, я просто не смогу провести вас мимо солдат. Не потому, что не захочу, а потому что мой укус – именно та магия, которая для этого нужна. Я сам легко могу избежать любого нежелательного внимания, таково свойство моей природы. И я могу наделить этим свойством тех, кого пожелаю, но только через укус. Пока держится метка от него, никто не сможет выследить вас магическим способом. И никто не увидит вас, кроме тех, кто знает вас в лицо. Взгляд остальных будет как бы соскальзывать, им захочется смотреть куда угодно, только не в вашу сторону. Древняя магия аккару!

И он развёл руками чуть ли не виновато.

– Никто, кроме тех, кто нас знает... – шёпотом повторила Айлин, и её глаза заблестели. – А если там окажется кто-то знакомый?!

– Риск есть, – подтвердил Витольс. – И я его признаю. Но какова вероятность, что среди солдат есть люди, которые с вами знакомы? С вами лично, а не просто видели ваш портрет или читали описание. Думается, шанс проскочить весьма высок. Ну, так что?

И он оглядел всех, по очереди останавливаясь взглядом на каждом. Лучано на миг показалось, что серебряные зрачки пронзили его насквозь, увидев самые потаённые желания и страхи. А в следующий миг под сердцем что-то болезненно потянуло и словно шевельнулось... Он удержался и не коснулся груди, хотя сделать это захотелось просто мучительно. Глаза Витольса блеснули, и проклятие, наложенное Беатрис, будто отозвалось ему, потянувшись навстречу и тут же спрятавшись обратно. Мгновенная боль прошла, и Лучано вздохнул свободно.

– Аластор? – Магесса вопросительно посмотрела на закаменевшего лицом Вальдерона. – Лучано?

– Решать вам и милорду, – отозвался Лучано, убрав пока нож и поглаживая Перлюрена – удивительно успокаивающее занятие, как оказалось. – Я в этом ничего не понимаю, но трёх глотков крови за подорожную, способную отвести глаза гуардо, мне не жалко. Это ведь обычные глотки, а не каждый по бутылке, м?

– Совершенно обычные, – усмехнулся аккару. – Если предпочитаете точность, то объёмом не больше ложки. Вроде вот этой, – кивнул он на изящную серебряную ложку, поданную к сметане.

Вот сейчас Лучано не завидовал обоим спутникам. Понятно, что Аластору придётся принимать решение за всех. Однако делать он это будет, полагаясь на слова Айлин. И ошибка наверняка дорого обойдётся им всем.

– Поклянитесь, – очень серьёзно сказала магесса, глядя прямо в лицо аккару. – Поклянитесь, что вы возьмёте только то, что сказали. Три обычных глотка крови – и больше ничего. Никаких печатей на нашей воле, никаких не снимаемых меток. И когда мы уйдём, вы не будете иметь над нами никакой власти.

– И какой же клятве вы поверите? – мягко спросил Витольс, тоже вглядываясь в неё. – Благими? Или Барготом, раз уж я нечисть?

– Нет, – как-то обречённо сказала Айлин. – Вы же не чтите никого из них, верно? Может, вы сказали бы правду во имя Странника, но я хочу, чтобы вы поклялись памятью Кирана Лоу. Некроманта Кирана Лоу, вашего друга и моего наставника. Я поверю вам только потому, что мэтр Киран не стал бы дружить с плохим человеком. Даже если это аккару, – отчаянно постаралась улыбнуться она.

Несколько ударов сердца древнее чудовище в человеческом облике рассматривало её, потом Витольс медленно склонил голову.

– Клянусь, – очень тихо сказал он. – Клянусь памятью своего друга Кирана его ученице. Никаких ловушек, никаких скрытых строк в нашем договоре, никаких последствий ни для кого из вас. И никакой власти над вашим телом, душой или разумом.

– Тогда я согласна! – выдохнула Айлин и снова покраснела. – Давайте не будем с этим затягивать, у нас каждый час теперь на счету.

– Я буду первым, – тоном, не предполагающим возражений, сказал Аластор и с сомнением посмотрел на своё запястье. – И как это должно выглядеть?

– Без свидетелей, – ровно отозвался аккару. – Поверьте, вам самому не захочется, чтобы ваши спутники это видели. Как насчёт комнаты наверху?

– Нет, Ал! – возразила Айлин. – Первой пойду я. А вы подождёте здесь.

«Верно, – признал Лучано. – Магессе гораздо проще заметить, если что-то пойдёт не так».

Аластор мрачно посмотрел вслед Айлин, выбравшейся из-за лавки, и буркнул:

– Надеюсь, мы об этом не пожалеем.

* * *

Грегор отложил подписанные документы в стопку для секретаря и устало потёр виски. День ещё только начался, а ему уже смертельно хотелось поскорее завершить самые срочные дела и уехать домой. Правда, покоя не будет и там, в любой момент может явиться курьер от канцлера, как это случалось почти каждый вечер. И каждый раз при виде конверта, подписанного тонким острым почерком Ангуса, у Грегора замирало сердце, а необходимость взять нож для бумаги казалась невыносимым промедлением.

Однако Аранвен добросовестно сообщал ему обо всех делах, требующих внимания лорда-протектора, кроме того единственного, которое беспокоило Грегора по-настоящему. Только одного известия он ждал с яростным нетерпением, каждый раз надеясь, что получит новости об Айлин. И о Вальдероне, разумеется, потому что беглого принца следовало найти как можно скорее. Но главное – Айлин...

В дверь легонько постучали, секретарь дождался позволения войти и почтительно сообщил:

– Милорд Великий Магистр, к вам лорд Люциус Бастельеро.

«Кузен? – поразился Грегор. – Ему-то что от меня нужно?»

– Просите, – разрешил он, откидываясь в кресле. – И подайте шамьета, будьте любезны.

Секретарь исчез, и через пару минут в кабинет вошёл человек, которого Грегор никак не рассчитывал здесь увидеть. Какое дело может быть настолько срочным, что дражайший кузен, вурдалака ему под одеяло, приехал прямо в Академию, а не в родовой особняк?

– Дорогой Грегор! – с порога провозгласил кузен, радостно и фальшиво улыбаясь. – Вас невозможно застать дома!

Так, значит, в особняке Люциус уже побывал?

– Неужели для вас новость, что моё положение требует присутствия на службе? – поинтересовался Грегор, слегка привставая. – Простите, не могу приветствовать как должно. – Он указал взглядом на трость возле стола, и пояснил: – Подвернул ногу.

– О-о-о! – понимающе протянул Люциус. – Мои сожаления! Надеюсь, ничего серьёзного?

– Ровным счётом ничего, – подтвердил Грегор, и махнул секретарю, проскользнувшему в кабинет с подносом. – Благодарю, Эмерик, вы свободны.

С ногой и в самом деле вышло до отвращения глупо. Очередной урок для Воронов Грегор решил провести в трупобах, недавно зачищенных солдатами. Местные жители оттуда разбежались, а обнаглевшую шайку мародёров, засевших в бывшем трактире, пришлось выкуривать, словно крыс.

Полдюжины мерзавцев положили там же, остальных ждали галеры, но лейтенант, командовавший отрядом, сообщил, что в подвале на стенах были странные знаки, а с убитого главаря сняли защитный артефакт.

Сначала Грегор решил съездить туда сам – ему требовалось хоть как-то отвлечься от ожидания. Но Вороны напросились посмотреть, и он подумал, что это хороший случай полевой практики. Эддерли, правда, целители ещё не разрешили вставать, и Дарра тоже отговорился неотложными делами в ведомстве своего отца, но остальные рвались в бой, словно подростки на охоту.

Стригоев, к некоторому сожалению Грегора и огромному разочарованию Воронов, в подвале не обнаружилось, но практику мальчишки всё-таки получили. В дальнем тупике разветвлённого подвала кто-то много лет сбрасывал трупы в сухой колодец, и некротическими эманациями оттуда разило так, что замутило даже Грегора – слишком уж высокая концентрация на столь малом участке. Ещё немного – и даже без всяких ритуалов из колодца полезли бы умертвия.

Ну, а так дело обошлось ещё одной чисткой, теперь уже магической. Несколько неупокоенных душ, безумных от долгого заточения, Вороны отпустили под тщательным присмотром Грегора. Гринхилл, выбравший специализацию кладбищенского мастера, проверил остальной подвал и нашёл ещё дюжину очагов, связанных со всякой мерзостью. Убитые сразу после рождения младенцы, замученные домашние животные... Никакой серьёзной магии – но определённо попытки поклонения Барготу. Попытки отвратительно жестокие и полностью бессмысленные, ничего общего с ритуалами того же Морхальта, но Грегор на всякий случай сам перепроверил Гринхилла и только потом вызвал службу безопасности.

А поднимаясь из подвала, он оступился на влажной после дождя ступеньке и потянул ногу. Ну что могло быть глупее?! Целители, укоризненно глядя на главу Ордена, только развели руками, сказав, что повреждения связок нет, но милорду Архимагу придётся несколько дней походить с тростью, чтобы снизить нагрузку. Грегор, про себя ругая последними словами собственную неуклюжесть, послал в особняк за любимой тростью деда, идеально подходящей им обоим по росту...

– Вы совсем себя не бережёте, дорогой Грегор!

Люциус упал в кресло для посетителей, бесцеремонно вытянул длинные ноги, так что подошвы щегольских сапог для верховой езды упёрлись в стол, и взял чашку с дымящимся шамьетом.

– Ценю вашу заботу, дорогой кузен. Надеюсь, вы навестили меня не только для того, чтобы призвать к осторожности?

Грегор вопросительно приподнял бровь, но Люциуса такой мелочью было не пронять. Кузен отпил шамьета, с любопытством оглядел кабинет Архимага и жизнерадостно заявил:

– Отлично устроились, милорд! Наконец-то положение, достойное Бастельеро! Мы с Эрминией чрезвычайно гордимся вами!

– Благодарю, – склонил голову Грегор. – И мои наилучшие пожелания вашей драгоценной супруге. Но хотелось бы всё-таки узнать, что вас привело...

– Грегор! Неужели вы думаете, что я мог приехать исключительно по делу? – возмутился Люциус и в два глотка допил остальной шамьет. – Мы так давно не виделись...

«Ровно шесть лет, – признал Грегор. – И учитывая, как расстались, я предпочёл бы не видеться ещё лет десять, по крайней мере».

– Это небольшое недоразумение, которое нас рассорило... Ах, дорогой Грегор, поверьте, я от всей души в нём раскаиваюсь! – продолжал Люциус всё с той же сияющей улыбкой. – И намерен приложить все усилия, чтобы загладить вину.

«О! Неужели кузен собирается вернуть деньги, которые он десять лет получал от моего поверенного по фальшивому поручению, написанному моим почерком?! – восхитился Грегор. – Вот это и вправду было бы достойным окончанием «небольшого недоразумения»! Но я скорее поверю в раскаяние Денвера, чем моего драгоценного кузена. Ради Претёмной, как же хочется его проклясть... Или хотя бы перетянуть дедовской тростью, раз уж хлыста нет под рукой!»

– Жду с нетерпением, – бросил он вслух. – Простите, но у меня отчаянно много дел.

– Да-да, конечно... – рассеянно отозвался кузен и снова оглядел кабинет, а потом, встрепенувшись, немного подался вперёд и таинственно сообщил:

– Мой дорогой Грегор, я ничуть не сомневаюсь, что вы желаете процветания нашему роду. Ну как может быть иначе?

Помолчал, ожидая ответа, но не дождался и торжественно сообщил:

– Я тоже хочу этого всей душой, поэтому намерен поступить на королевскую службу!

– Желаю удачи, – отозвался Грегор, поражённо размышляя, не зачарован ли дражайший кузен.

На его памяти Люциус первый раз изъявил желание заняться чем-то, кроме посещения борделей и игорных салонов. Баргот поberi, он даже покинул кровать до полудня – вот уж невиданное зрелище!

– И какой департамент вы решили осчастливить своим присутствием, кузен? – уточнил он уже не без интереса. – Или вы говорите о военной службе?

«Только бы не гвардия! – мелькнуло у него в сознании. – Чтобы люди вспоминали меня, глядя на этого никчёмного мерзавца?! Да я сгорю от стыда перед Райнгартенем и прежними сослуживцами!»

– Казначейский департамент, – не менее торжественно и очень уверенно провозгласил Люциус, достал золотую коробочку и забросил в рот ароматную пастилку. Прожевал и добавил, явно наслаждаясь моментом: – В налоговом ведомстве как раз освободилась должность главного инспектора по провинциям.

– Неожиданно... – протянул Грегор. – Никогда не замечал за вами склонности к занятию финансами. Ну, если не считать того случая.

Люциус посмотрел так укоризненно, что если бы Грегор сам не швырял в него поддельным письмом, то, пожалуй, поверил бы, что кузена оклеветали.

– Я же сказал, это дело прошлое! – произнёс он с трагическим надрывом третьесортного актёра, пытающегося исполнить главную роль. – Семейная честь требует, чтобы я стал иным человеком, достойным родового имени и положения в обществе, которое мы отныне занимаем. Вы ведь согласны с этим, Грегор?

– Я согласен, что вам давным-давно следовало заняться чем-то полезным, – устало сказал Грегор. – Финансы так финансы, да благословит вас Великий Безликий. – А про себя добавил: «Не зря же он покровительствует не только торговцам и банкирам, но и мошенникам всех мастей». – Но, признаться, не понимаю, причём тут должность главного инспектора?

– То есть как не понимаете? – гораздо натуральнее, чем прежде, возмутился кузен. – Это очень достойная должность! Прекрасные перспективы!

– Например, оказаться на плахе за хищение казённых денег! – подхватил Грегор. – В любом случае, на эту должность наверняка список претендентов, причём имеющих многолетний опыт. Люциус, ради Благих, неужели вы думаете, что главным инспектором по провинциям может стать человек без всяких... – Он покрутил в воздухе рукой, пытаясь подобрать слова, и закончил: – Заслуг на этом поприще?

– А разве заслуги могут появиться сами по себе из ниоткуда? – парировал Люциус. – Все эти претенденты тоже с чего-то начинали! Да, согласен, у меня нет опыта, но я намерен его приобрести как можно быстрее! Ну, Грегор, согласитесь же, что считать я умею!

– За карточным столом, – уже раздражённо ответил Грегор. – Да и там, признаться, слишком часто терпите неудачи. Человеку, претендующему на управление налоговым ведомством, следует хотя бы собственное состояние для начала привести в порядок. И не сверкайте так очами, дорогой кузен, я вам не провинциалка, первый раз выехавшая ко двору. Если бы дед в своё время не лишил вас права распоряжаться наследственным поместьем, оставив только получение дохода с него, вы и его давно проиграли бы. Впрочем... Ещё раз, чем я могу помочь в вашем неожиданном стремлении к вершинам карьеры?

– Ну... Всем известно, что лорд-канцлер вас чрезвычайно ценит! – бодро сказал кузен, по обыкновению виртуозно пропустив мимо ушей то, что слышать не желал. – Он непременно прислушается к вашим рекомендациям. А если даже нет... Неужели лорд-протектор не может решить такой пустяк своей властью?

И он растянул губы в своей обычной очаровательной улыбке, любезной, но совершенно пустой, будучи искренне уверенным, что Грегору действительно стоит лишь поговорить с Аранвеном. А главное, что Грегор это непременно сделает.

– Люциус, вы с ума сошли?! – сдавленно поинтересовался Грегор. – Назначить вас инспектором по

делам провинций?! В обход Аранвена, который управляет этим департаментом? Да просто в обход здравого смысла?! Какой из вас инспектор?! Вы же... вы...

Он замолчал, кипя негодованием.

– Что – я?! – зазвенел голос Люциуса, срываясь на визгливые обиженные интонации. – Чем я хуже других?! Ради Благих, Грегор, я такой же дворянин из Трёх Дюжин, как и вы! Да, профан, но ведь это не мешает мне быть умнее этих серых бездарностей, которым покровительствует канцлер! Да у него там даже простолюдины есть, это ли не позор коронной службы?! А я природный лорд, неужели я не справлюсь с какими-то бумагами? Пф! К тому же, у инспектора есть секретари и всякие... э-э-э... прочие чиновники! Мне всего-то нужно будет управлять ими должным образом, а вы же не станете отрицать, что у нас, Бастельеро, это в крови? В конце концов, Грегор, я стараюсь для чести и благосостояния рода! Вы уже вззошли на вершину карьеры в Ордене, так помогите и мне занять должное место. Не вечно же вы будете протектором, следует использовать возможности, пока они есть. А я буду вам чрезвычайно благодарен... Ну, вы же понимаете...

– Вон! – тихо и, наверное, страшно сказал Грегор, потому что кузен запнулся, пошёл красными пятнами, ярко выделяющимися на светлой коже, и фамильная красота словно полиняла и сползла с него. – Вон, Люциус! Идите на коронную службу, в армию – да куда хотите, но не смейте использовать родовое имя как оправдание вашей тупости и жадности. Вы всерьёз думали, что я использую положение протектора, чтобы пустить вас к налоговой кормушке? Вы же проворуетесь в первый же год! И ладно, если сами угодите на плаху, вы имя Бастельеро измажете в нечистотах!

Он привстал, морщась от боли в ноге, и Люциус откатнулся в кресле, вжался в него, словно ожидая, что Грегор кинется на него через стол. В синих глазах, тоже фамильных, плескался страх и непонимание, так что Грегора переполнило омерзение, будто он заглянул в зеркало, но увидел там не себя, а гадкую тварь. Тупая, наглая, жадная скотина! И это – Бастельеро? Истинный аристократ из Трёх Дюжин, чем чрезвычайно гордится?!

Тысячу раз прав был дед, пересмотревший порядок наследования и урезавший имущественные права младшей ветви. Отец хотя бы признал свою неспособность управлять родом и заперся в дальнем поместье, полностью отдавшись живописи. Живёт незаметно, не прославляя семейное имя, но и не позоря, рисует картины... Весьма неплохие, как говорят. Но Люциус! Претёмная, за что ты разгневалась на род Бастельеро?! Чья жалкая душонка, проходя Колесо превращений, попала в это роскошное тело с пустой головой, но золотой кровью?!

– Грегор... Вы не так поняли...

Губы кузена дрожали, но в глазах теперь вместо испуга стояла чистая ненависть пополам с таким же искренним недоумением. И Грегор его даже понимал... Ну что Люциус попросил такого, в самом-то деле?! Быть у вершин власти и не попытаться поднять туда родича – разве это разумно? Разве достойно лорда не оказать протекцию своей крови? Всем известно, что Аранвены превратили пост канцлера практически в наследственный. Дарра уже надолго покидает Академию по личному разрешению Эддерли, потому что выполняет роль доверенного секретаря своего отца. Райнгартены проталкивают Райнгартенов и вообще всех родственников, если только в их жилах течёт хотя бы капля нужной крови. Все, кто могут, лезут вверх и тянут за собой родню...

Но как объяснить кому угодно, хоть бы и самому Люциусу, что для управления государством мало быть аристократом?! За Аранвеном, кроме древней крови Дорве Великого и его жены Аран, ещё стоят годы учёбы, отточенный ум, величайшая аккуратность и терпение. Райнгартены тоже, в общем-то, на своём месте. И даже Девериан, которому судьба подарила шанс в лице Грегора, поселился в Академии и восстанавливает её ревностно и влюблённо, как положено магистру Синей гильдии. Но этот-то куда?! Отродье...

– Знаете, кузен, не ожидал! – оскорблённо фыркнул Люциус всё ещё дрожащими губами и поднялся из кресла. – Не зря ваш отвратительный характер уже славится, как образец неуживчивости. Но я полагал, что хотя бы к родственникам это не относится. А вы... вы хуже деда, Грегор!

И выпалив это последнее страшное, как он полагал, оскорбление, Люциус выскочил из кабинета. Грегор, продолжая морщиться от боли в ноге, осторожно опустился обратно в кресло. Да, он определённо хуже деда. Старый Стефан Бастельеро так и не нашёл в себе силы выгнать Люциуса из рода, лишив титула и наследства. Он ценил каждую каплю крови Бастельеро, пусть и текущую в таких никчёмных жилах.

Грегор же старательно много лет забывал, что вот это вот... недоразумение – его кузен, после смерти Стефана, брата Люциуса, единственный оставшийся родственник, не считая отца. И предпочёл бы не помнить об этом дальше. Доход с пары имений, выделенных дедом, который Люциус проматывал по своему усмотрению – совсем не великая цена за сохранение видимости приличий. Да и женился Люциус весьма удачно, взяв жену не из Трёх Дюжин, но с отличным приданым. Но вот одна встреча – и всколыхнулось!

Он бессильно ругнулся, понимая, что день испорчен безвозвратно. Видит Претёмная, как же мучительно ждать новостей! А ведь ещё месяц назад он не думал ни об одной женщине, кроме Беатрис, а на Айлин Ревенгар не смотрел иначе, чем должно наставнику смотреть на самых одарённых, и потому самых хлопотных адептов. Как же проста была тогда его жизнь! А сейчас от бессилия сводило скулы, ныло в груди и болезненно хотелось уткнуться лицом в пышные рыжие волосы, вдохнуть запах чистой девичьей кожи, зелёных яблок и грозы – запах то ли магии Айлин, то ли её самой. И замереть так, изнывая от нежности, на несколько мгновений послав к Барготу весь мир, кроме неё.

* * *

Альс показался на лестнице, и Лучано насторожился: он ещё никогда не видел у своего принца такого странного выражения лица. Ни при первой их встрече, ни на том коротком злом допросе в лесном домике, ни... В общем, попросту никогда – и всё тут. Челюсть и скулы словно окаменели, тщательно скрывая что-то, ещё не понятное Лучано, а в глазах полыхала растерянность пополам то ли с виной, то ли со стыдом...

Вальдерон остановился на середине лестницы и вцепился в перила, будто решая, спускаться дальше или нет. На Лучано он при этом старательно не смотрел. Да что с ним этот грандсиньор упырей делал?! Выпил крови – и всё? Ой, что-то здесь не сходится!

Лучано, наконец, понял, что ему напоминает застывшее лицо Альса. Такими выходят юнцы от своей первой женщины, если опыт оказался не слишком удачным. Или не от женщины... Хм, да нет, быть этого не может! Вальдерон бы никогда не позволил...

«Это если его стали спрашивать, – резонно возразил сам себе Лучано, рассеянно поглаживая бархатную шёрстку Перлюрена. – Но в противном случае Альс уже разносил бы таверну своими секирами в щепки, и неважно, о чём там были договоры с Витольсом. А синьорина и вовсе вниз не спустилась, между прочим. Заперлась у себя в комнате и сообщила, что ей нужно побыть одной... Очень интересно!»

– Альс? – осторожно окликнул он дорвенантца.

Тот вздрогнул и в несколько широких шагов почти сбежал в обеденный зал. Глянул зверем и мрачно предупредил:

– Я не буду об этом говорить. Никогда, ясно? Знал бы раньше... Бедная Айлин, как она... как она вытерпела?!

– Так плохо? – уточнил Лучано и поспешно добавил: – Я не ради любопытства спрашиваю. Если синьорине Айлин нужна помощь лекаря...

– Нет! – рявкнул Аластор и густо залился краской – лицо, шея и уши разом порозовели. – Не лезь к ней! И ко мне тоже! Ничего там... ничего страшного!

Передёрнулся всем могучим телом и пошёл к двери, выходящей во двор.

– Ты что-нибудь понял, синьорино? – спросил Лучано у енота. – Вот и я нет. Ладно, всё равно моя очередь, так что сейчас все тайны станут явными. А вот с тобой что делать? Оставить без присмотра, так придётся вылавливать из кастрюль синьора Витоляса – это у тебя быстро. И к Альсу сейчас не сунуться. Что ж, надеюсь, узлы развязывать ты не умеешь. Я постараюсь недолго, м?

Енот, привязанный платком за шлейку к ножке стула, жалобно застрекотал, но Лучано выдал ему в утешение блинчик и поспешил наверх, гадая, что могло привести в подобное состояние духа доблестного воителя и не менее доблестную магессу. Ну не потеря же трёх глотков крови, в самом-то деле!

Витольс ждал в той самой комнате, где ночевали Лучано с Аластором. Стоял у окна, разглядывая что-то во дворе. Лучано приблизился и тоже выглянул. Аластора видно не было, но приоткрытая дверь конюшни выдавала, куда дорвенантец направился за утерянным расположением духа. К своим любимым лошадам, разумеется.

Аккару сдержанно фыркнул и обернулся. Лучано едва сдержался, чтобы не отпрыгнуть назад, выхватывая нож, – глаза «трактирщика» сверкали расплавленным серебром, так что зрачка не было видно, только сияющая радужка, затянувшая почти всё. Жуткое и красивое зрелище!

Лучано сглотнул, и узкие губы аккару тронула понимающая улыбка.

– Немного поздно для страха, – сказал он тихо. – Не так ли, юноша?

– Живому человеку бояться никогда не поздно, грандсиньор, – возразил Лучано. – Иногда это помогает остаться в живых и дальше.

– Мудрость убийцы?

Улыбка стала шире на какую-то долю мгновения, и тут же Лучано захотелось оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда – за узкими, красиво очерченными губами блеснули игольчатые острия клыков.

– Давно мне не попадались Шипы Претёмных Садов, – задумчиво сообщил Витольс. – Возможно, когда всё это кончится, стоит опять навестить прекрасную Итлию?

– А как же ваша собственная таверна? – постарался спросить Лучано как можно беззаботнее. – Неужели бросите такое прекрасное заведение? Клиенты будут безутешны!

Аккару снова совсем по-человечески фыркнул и сообщил:

– Ничего, открою её заново где-нибудь в пригороде Верокьи. Ты ведь оттуда родом? Выговор знакомый.

– У грандсиньора прекрасный слух, – покорно согласился Лучано и зачем-то снова посмотрел вниз, на пустой двор. – Знаете, обычно я сам люблю поболтать, но у меня там енот привязанный.

«И двое спутников непонятно в каком настроении и состоянии, – добавил он про себя, отчаянно борясь с желанием всё-таки вытащить нож. – А время к обеду, пора бы выезжать!»

– Енот – это очень важно, – с шутливой серьёзностью согласился Витольс. – Что ж, тогда к делу.

И снова улыбнулся.

Лучано успел увидеть, как по-гадючьи растягивается пасть аккару, как сверкают изогнутые клыки, показавшиеся вдруг немыслимо длинными... Это было похоже на кошмар: тело само попыталось дёрнуться, уклониться, наплевав на приказ разума, но Лучано словно увяз в воде, двигаясь медленно и скованно. Витольс оказался совсем рядом, в его лице больше не было ничего человеческого, сплошной серебряный голод, льющийся из глаз. Эти чудовищные глаза уставились Лучано прямо в душу, пронизывая его насквозь: мысли, желания, потаённые страхи...

– Ты прав, – шепнуло чудовище, которое ходило по земле, когда ещё ни один камень не лёг в основание Верокьи. – Живому свойственно бояться. Но я слишком ценю хороший букет, чтобы портить его страхом. Твои спутники злились и возмущались, а ты чем меня порадуешь?

И он склонился к шее замершего, словно муха в янтаре, Лучано. Укус-удар был похож на змеиный – та же раскалённая мгновенная боль, а потом тягучее ощущение, что воткнутый в рану клинок медленно выходит обратно. Лучано задохнулся, не в силах кричать, но боль почти сразу прошла, а на смену ей пришло такое же сильное, почти мучительное удовольствие. Страх исчез, смытый волной жгучего и томного желания. Лучано глубоко вдохнул, расслабляясь... И пришёл в себя.

Наслаждение туманит разум так же надёжно, как боль, но плох тот Шип, который попадётся в его ловушку.

– Нравится? – шепнул кошмар с серебряными глазами, отрываясь от шеи Лучано.

– Да-а-а...

Лучано попытался сжать руку в кулак, сильно, до судороги, но мускулы предательски расслабились, и он никак не мог сделать себе больно, чтобы в этой боли найти противоядие от смертельного удовольствия.

Витольс облизнул губы, всматриваясь в лицо Лучано.

– Первый глоток, – шепнул он насмешливо. – Всего лишь первый. Не упирайся, мальчик, я в своём праве, и не тебе скинуть мою власть.

– И как... я... на вкус? – едва ворочая языком, проговорил Лучано, упрямо не позволяя себе утонуть в бессмысленном, но таком сладком экстазе.

– Тебе интересно? – хмыкнул Витольс и погладил его кончиками пальцев по щеке. – Вы прекрасны – все трое.

В голосе аккару появились мечтательные нотки, и Лучано снова содрогнулся – каждый звук низкого голоса Витоляса будто проходил по его телу изощрённой лаской. Вот ведь... умелец! Если он творил такое с Айлин и Аластором... Понятно, почему эта целомудренная парочка теперь прячется

от себя самих!

– В твоей крови – солнце, – снова склонившись, шепнул ему Витольс. – Жар итлийского полдня, цветение апельсинов и лаванды. Звон стали и алхимического стекла, сангретта со специями... Перец и шалфей – определённо! И очень много страсти... Я даже не рассчитывал на такую прелесть. У тех двоих – понятно, они – золотая кровь... Но и ты меня порадовал, юный Шип. И даже удивил.

– Я такой, да-а-а-а... – лениво согласился Лучано, пытаюсь вынырнуть из тёплых ласковых волн, что вот-вот должны были сомкнуться над его головой. – А они? Какие они?

– Гнев и возмущение, – усмехнулся аккару. – Стук копыт, которому отзывается сердце. Можжевельник, звериная шерсть, выделанная кожа и привкус доброго северного железа пополам с родниковой водой.

– Аластор, – определил Лучано, и Витольс едва заметно кивнул. – А... она?

– Желание свободы, – тихо сказал аккару. – Зелёные яблоки, шамьет с корицей и свежесть только что разразившейся грозы. Она пахнет молниями и свежескошенной травой, старыми книгами и морем... И страсти не меньше, чем в тебе, юный Шип, но ещё скрытой, не вырвавшейся на волю. О, вы трое – редчайший набор! Право, я теряюсь в догадках, как сошлись три такие души! Ну, я утолил твоё любопытство?

Не дожидаясь ответа, он снова склонился, коснулся губами шеи почти в поцелуе, и Лучано скрутило, выбивая дыхание, уже знакомое мучительное наслаждение. Он закрыл глаза и остатками здравого рассудка съязвил сам себе, что у грандсиньора аккару нюх не хуже, чем у Перлюрена. Тот безошибочно нашёл не только котелок с потрохами, но и нужную сумку. Ему, наверное, Лучано пахнет сытой и безопасной жизнью. Великое дело – правильное чутьё...

– Доберусь до лаборатории – сделаю духи, – то ли сказал, то ли подумал он. – С их запахом. Интересно, как поймать аромат грозы и свободы?

– Сделаешь, – согласились едва слышно узкие чёткие губы совсем рядом. – Если доберёшься. Если выживешь там, куда вы едете. И если эта дрянь, что обвила твоё сердце, не проснётся... – Пальцы аккару коснулись груди Лучано напротив сердца, и по телу прокатился очередной томительно сладкий спазм. – Какое сложное проклятие... Красивое, беспощадное. Кто это так высоко тебя оценил, мальчик?

– А вы можете?.. – выдохнул Лучано, вмиг очнувшись от пронзительной надежды, но аккару покачал головой.

– Нет, – сказал он с беспощадной честностью. – Вернее, снять-то я способен, но это тебя убьёт. Сердце не выдержит. Но я могу предложить тебе кое-что иное. Ты когда-нибудь думал о бессмертии?

Лучано прислушался к стуку собственного сердца. Оно шло ровно, как отменно сделанные часы, с идеально выверенными крошечными паузами. И где-то там, рядом с удивительным живым механизмом, подаренным ему Благими, свернулась ядовитая дрянь. Ждёт приказа, гадина... Ему вдруг стало до дрожи обидно и жалко умирать. Бессмертие? О чём говорит Витольс? Тут бы каждый следующий день пережить, а их всё меньше, если верить гадалке Минри. Каждый – как подарок! А бессмертие... Это что-то сказочное, небывалое.

– Я могу подарить его тебе, – шепнул аккару на ухо Лучано, небрежно и легко поглаживая его плечо пальцами через рубашку. – Бессмертие и весь мир в придачу. Все страны, которые ты мечтал увидеть! Долгие века приключений и путешествий. А ещё – знания, которые людьми давно забыты. Ты ведь мастер не только клинка, но и алхимии – я прав? Но человеческая жизнь коротка, всего каких-то полсотни лет – и разум начинает слабеть, руки теряют прежнюю точность, а зрение туманится. Разве не обидно, мальчик? Десятилетиями воспитывать свой ум и волю, гранить их, как безупречную драгоценность, – и вдруг понять, что ты не блистающий алмаз, а всего лишь рисунок на песке. Река времени плеснёт – и тебя нет... Разве ты не достоин лучшего? Не достоин бессмертия?

«Бессмертие? Как? – невольно подумал Лучано и вдруг понял даже раньше, чем успел спросить. – Неужели любезный мастер Витольс хочет принять меня в род? Что ж, если люди, смешивая кровь, текущую в их жилах, становятся, милостью Благих, кровными братьями – кто сказал, что подобное невозможно для аккару? А ведь он предлагал Альсу оставить ему одного из спутников... Задумал это ещё тогда? Что ж, Айлин отказалась, а что делать мне? Я смогу увидеть весь мир, никогда не состарюсь... и даже Перлюрен не станет меня бояться, ведь не боится же он мастера Витольса! А какой немыслимый соблазн – вернуться к прекрасной королеве Беатрис и посмотреть ей в глаза, когда она попытается пробудить свой ядовитый подарочек! Благие и Баргот, как же жаль...»

– Я... не могу, – шепнул он, вдруг поняв, что каким-то странным образом оказался сидящим на кровати в объятиях аккару. – Не могу... – И попытался объяснить, упорно сражаясь со сладкой ленивой истомой, наполняющей тело. – Мой мастер послал меня сюда. Если я брошу задание, отвечать перед гильдией придётся ему.

– Верный... – задумчиво сказал аккару. – Что ж, это тоже говорит в твою пользу. Не только ваши Благие считают верность великим достоинством человека, в этом я с ними, пожалуй, согласен. И если это единственная причина, то она не станет препятствием. Прими моё предложение – и я позволю тебе вернуться к твоему мастеру, мой юный Шип, – шёпот Витольса снова бархатом скользнул по телу. – Не сразу, конечно... О, всего год или два, как только ты привыкнешь к новому существованию. Отправишь ему пока письмо – он подождёт... Зато потом ты сможешь остаться с ним до самой его смерти, если захочешь. Двадцать-тридцать лет – это совсем недолго, чтобы рассчитаться по всем человеческим долгам. Я понимаю, нелегко отринуть то, что составляло твою жизнь. Ты успеешь поиграть во все человеческие игры: дружба и вражда, власть и свобода... Захочешь – станешь грандмастером – это весьма полезная и забавная игра. А потом ускользнёшь от бывших собратьев, оставив вместо себя легенду. Ну как?

– Бел-лис-симо... – прошептал Лучано, ужасаясь той бездне, которая разверзлась перед ним, и о которой так легко говорит это страшное существо. – А как же... Вальдерон... и Айлин... Я отвечаю за них. И это... важно! Я не могу... не должен их бросить!

– Ну и не бросай, – с подозрительной лёгкостью согласился аккару. – Проводи своих друзей туда, куда они следуют, и возвращайся ко мне. Или ты всерьёз думал, что будешь нужен им всю жизнь? Потом, когда они вернутся домой и снова станут благородным лордом и леди магессой? Ты никогда не дотянешься до них, будучи человеком. Только для таких, как я, не имеют значения ни знатность, ни деньги, ни всё остальное, что так ценят люди. О, поверь, никто не предложит тебе лучшей доли...

«Это правда, – подумал Лучано, изнемогая в сладостно-жуткой истоме. – Предложение королевской, если не божественной щедрости... но...»

Он вдруг с небывалой ясностью вспомнил то, что, казалось, вытравил из памяти калёным железом – экзамен на звание младшего мастера. Вкус травяного отвара, погрузившего его в глубокий сон, голос Ларци, читающий молитву Претемнейшей, услышанный так смутно, что он даже сейчас не мог бы с уверенностью сказать – было ли это во сне или наяву?

И то, как он очнулся, открыл глаза и увидел... сначала ему показалось – низкий дощатый потолок, и только спустя несколько мгновений Лучано понял, что это была крышка гроба. Вспомнил дикое отчаяние, яростную обиду и желание освободиться прямо сейчас, немедленно! Но даже поднять руки ему не удалось, и тогда на смену отчаянию пришёл покой. В тот момент Лучано понял, что принадлежит Претемнейшей Госпоже...

– Я – Шип, – сказал он уже с безнадежностью, понимая, что аккару и на это найдёт, что ответить. – Моя жизнь в воле Претёмной, моё посмертие – тоже. Как я могу лишиться Госпожу того, что её по праву?

– И ты думаешь, что она заметит потерю одной песчинки из бесчисленного множества? – шепнул ему на ухо насмешливый голос аккару. – Кого ты обманываешь, мальчик? Разве Претёмная сама призвала тебя на службу? Для неё ты всего лишь один из бесконечного множества, а для меня... для меня ты будешь единственным. Ученик, спутник, друг... Ну же, чего ты боишься? Чтобы полететь, придётся сделать шаг в пропасть, но иначе свободы не обрести. – Он помолчал, а потом сказал всё так же негромко, но очень ясно, и Лучано услышал в этом странном голосе чудовищное одиночество и жажду: – Время решать, мальчик. Третий глоток за мной, только от тебя зависит, чем он станет. Скажешь мне «да» – и века раскинутся у твоих ног. Откажешься – проживёшь обычную человеческую жизнь, и вряд ли она будет хотя бы долгой. Ты ведь помнишь об этом? – Его пальцы снова коснулись груди Лучано. – Это проклятие ведёт к смерти, но оно не последует за тобой, если ты пройдёшь через смерть, как через дверь в новое бытие. Думай – и решай.

– Как я могу? – прошептал Лучано. – Вы... стали бы отличным банкиром, грандсиньор. Сплошные выгоды, но что там в конце договора мелкими буквами? Сами подумайте, зачем вам спутник, у которого не хватило ума хорошенько всё взвесить? Или вы хотите подарить вечность идиотто?

Он скорее почувствовал, чем услышал едва уловимый смешок, и, ободрённый, продолжал:

– Ещё день назад я ничего не знал об аккару. Синьорина Айлин говорит, что вы чудовище... Поймите правильно, грандсиньор, я сам живу чужими смертями... Но эту дорогу я не выбирал. А вы хотите, чтобы я сделал такой шаг вслепую? На это способен лишь тот, у кого над головой топор палача. Ну, или всё-таки идиотто...

Витольс рассмеялся. Почти обычным человеческим смехом, и всё-таки чуткое ухо Лучано расслышало отсутствие в этом смехе чего-то очень важного. словно он увидел прекрасное чёткое

отражение в зеркале и на миг принял его за действительность, а потом понял неувимую разницу.

– Я тебя понял, мальчик, – отсмеявшись, сказал аккару. – Пожалуй, ты прав. Провести вечность с... идиотом, как ты говоришь, это было бы очень печально. Тебе нужно время, чтобы подумать? Хорошо, ты его получишь. Я найду тебя позже и спрошу ещё раз. Постарайся не погибнуть до нашего разговора, уж сделай мне такое одолжение.

– Можете не сомневаться, грандсеньор, приложу все усилия, – пробормотал Лучано и задохнулся – на этот раз удовольствие было резким, острым и всепоглощающим, как миг высшего наслаждения в любви.

Он выгнулся, чувствуя, как сильные, но бережные руки удерживают его за плечи, не позволяя упасть, содрогнулся... О да, почти как любовь – и всё-таки не она! Будто к плотскому удовольствию добавили дурманное зелье, приправив его ровно выверенной порцией боли, от которой всё чувствовалось ещё острее. Немыслимое счастье, ощущение собственной нужности, бесконечное доверие и готовность отдать себя, в которых Лучано почти растворился, отчаянно цепляясь за ту крошечную частичку, которая была его сутью...

Сколько это длилось, он не понял. Но в себя пришёл, лёжа на кровати головой на коленях Витольса. Аккару лениво перебирал его волосы пальцами, и в этом жесте не было ничего чувственного, так сам Лучано мог бы гладить Пушка или Перлюрена. Ленивая расслабленная ласка...

– Лежи, мальчик, – сказал аккару, поняв, что он очнулся. – Всё равно ещё пару минут на ноги не встанешь. Я... немного увлёкся, прошу прощения. Твоим спутникам досталось меньше. Впрочем, они и восприняли это иначе. Бедные дети, рождённые и воспитанные в стране, где мораль запрещает удовольствие... У тебя, надеюсь, нет подобных предрассудков?

Лучано рассмеялся бы, останься у него на это силы. Но лишь немного повернул голову и потёрся щекой о сухую жёсткую ладонь Витольса. Сам удивился, как легко и естественно это получилось, прямо как тогда с Разном... Было в этих двоих что-то похожее, рядом с ними обычные законы учтивости и осторожности переставали действовать.

– Пожелайте нам удачи, грандсеньор, – попросил он. – И... могу я попросить?

Аккару молча кивнул, и Лучано снова почувствовал этот жест, будто невидимая нить протянулась между ними.

– Запомните нас, – сказал Лучано очень тихо. – У вас должна быть отменная память, мастер Витольс. Прошу, запомните нас такими, какими мы были. Потому что из этого путешествия даже те, кто выживут, вернутся совсем иными. Пусть хотя бы кто-то помнит...

«Айлин... – тоскливо резануло по сердцу. – И Аластор, который тоже, может быть, идёт к собственной смерти, если не в Разломе, так потом, в столице. О да, предложение мастера Витольса роскошно... Только вот принять его – навсегда расстаться со всеми, кто тебе дорог в этой жизни. Они пройдут свой путь и шагнут за порог Садов Претемнейшей. Там встретятся и друзья, и враги, и любимые... Встретятся, чтобы омыть душу, очистить её и вернуться обновлённым в этот мир. Вечное Колесо судьбы, где ты снова и снова встретишься со всеми, кто оставил след в твоей душе. Но Сады закрыты для аккару, он пленник этого мира. И даже когда Аластор и Айлин в свой черёд вернутся в этот мир опять, я их не узнаю, даже встретив. Я навсегда потеряю и Альсу с магессой, и мастера Ларци, и Фелипе... Вечность одиночества, разделённая с тем, кто сам одинок. Обречённость друг на друга, потому что остальные просто не понимают, каково это... О, мастер Витольс, эту чашу весов сложно уравновесить даже тем, что вы пообещали...»

– Да, мальчик, я запомню, – сказал Витольс и взъерошил ему волосы совсем как мастер Ларци. – А теперь вам пора, твои спутники уже беспокоятся. Наверное, решили, что я тебя всё-таки съел.

Сухой смешок раздался в последний раз, и аккару исчез – Лучано только вздохнул от изумления и лёгкой зависти.

...Во двор он вышел всё-таки не сразу. На всё ещё подгибающихся ногах сходил в купальню и быстро ополоснул горящее лицо, пригладил растрёпанные волосы. Вернулся в обеденный зал и отвязал Перлюрена, который уже почти перегрыз платок. Во дворе мрачный Аластор уже вывел осёдланных лошадей и о чём-то говорил с Айлин, которая гладила морду Луны.

«Я никогда не буду об этом говорить», – вспомнилось Лучано. Да уж, и Альсу, и Айлин сейчас должно быть несладко. Вальдерону, воспитанному по-дорвенантски, наверняка нелегко далось то блаженство, что он ощутил от укуса аккару. Без привычки от любовного удовольствия не очень-то и отличишь. А признать, что можно наслаждаться объятиями мужчины – это совсем не про Альсу... Да и Айлин не выглядит искушённой в любовных утехах. Лучано с удивлением понял, что впервые задумался о том, невинна ли синьорина магесса. Нравы в Дорвенанте строгие, к тому же девица знатного рода, но про эту их Академию рассказывает весьма вольные случаи. И ведёт себя так, что

не поймёшь, то ли это от невероятной наивности и непонимания мужской природы, то ли совсем наоборот.

«Никогда не пойму эту страну и её людей», – философски вздохнул Лучано, подходя к спутникам с енотом в руках.

– Я твои вещи собрал, – хмуро сообщил Альс, кивком указывая на сумку и плащ Лучано, притороченные к седлу. – Едем?

– Одну минуту, – попросил Лучано, оглядываясь в поисках аккару.

Не обнаружил его поблизости и вежливо попросил, глядя поверх могучего плеча Аластора в пустое пространство:

– Почтенный мастер?

Силуэт Витольса соткался в двух шагах – Лучано только моргнуть успел. Аластор рывком бросил руку к секире, тоже висящей у его седла, но тут же отдернул её, зло глянув на аккару, который этого словно не заметил.

– Мастер Витольс, – со всей возможной любезностью обратился к нему Лучано. – Могу ли я просить об огромной услуге? Мне, право, очень неудобно...

Он виновато посмотрел на Перлюрена, клубочком свернувшегося у него на руках.

– ...Но вы едете в опасные места, – понимающе закончил за него аккару. – Что ж, я не против. Хотите оставить его насовсем? Зверёныш хлопотный, но забавный, пожалуй, я готов согласиться.

– Ну... – Лучано снова глянул на Перлюрена, который завозился, будто почуял неладное. – Я всё-таки надеюсь, что мы будем возвращаться этой же дорогой. И что он не доставит вам изрядных неудобств за... некоторое время.

«Зачем тебе в столице енот? – страдальчески спросил голос разума. – Ты собираешься повсюду таскать его с собой?! А если погибнешь – кто о нём позаботится в городе?! Аккару столь любезен, что соглашается его оставить – так используй эту прекрасную возможность, идиотто! У Витольса не харчевня, а целый палаццо, рядом лес, Перлюрен будет счастлив! А ты... ты и сам не знаешь, каким окажется каждый твой следующий день, тебе только известно, что смерть совсем рядом...»

– Что ж, посмотрим, – пожал плечами аккару и бережно взял Перлюрена, которого Лучано протянул ему с щемящим чувством, что делает нечто очень подлое. – Ну, иди ко мне, малыш. Я тебя не обижу, не бойся. Хочешь молока?

Он поглаживал вздыбленную шёрстку зверька спокойно и уверенно, однако Перлюрен тревожно застрекотал, а потом оскалился.

Лучано стиснул зубы, понимая, что успокаивать енота – только длить неприятную сцену. И вообще, что это за глупости?! Ну, зверёк... забавный, конечно, но всего лишь дикое животное. Привыкнет к Витольсу, приручится, у таких малышей память вообще короткая...

– Тысяча благодарностей, грандсиньор, – поклонился он Витольсу.

Поймал сочувствующий взгляд Айлин, отвёл глаза... Но даже Аластор, кажется, смотрел на Лучано то ли с неодобрением, то ли с жалостью. Как сговорились! Да он просто боится тащить енота к Разлому – как они не понимают?! Самим бы там уцелеть...

– Едем, – уронил Аластор, придержал стремя для Айлин, а потом и сам взлетел в седло. – Мастер Витольс, моя... благодарность, – выдавил он нехотя и склонил голову.

Аккару ответил коротким поклоном – он был занят нешуточной борьбой с Перлюреном. Енот рвался у него из рук и жалобно кричал, так что у Лучано ещё сильнее защемило внутри. Старательно не глядя в ту сторону, он сел на лошадь, раздражённо подумав, что вот теперь для аккару самое время исчезнуть, как Витольс непревзойдённо умеет. Ну и зачем длить эту пытку?!

– Ах ты! – раздался удивлённый возглас «трактирщика». – Он меня укусил! Уезжайте быстрее, иначе малыш не успокоится...

Лучано тряхнул поводьями, так торопясь выехать со двора, что оказался впереди Ала, чего раньше себе никогда не позволял. Но чёрно-серый меховой комок стремительно юркнул между копытами, лошади заплясали, нервная арлезийка магессы и вовсе заржала, а Перлюрен всё метался, истощно вереща, пока не оказался рядом с лошадью Лучано. Встав на задние лапы, он вцепился передними, так удивительно похожими на детские ручки, в лошадиную ногу и попытался по ней вскарабкаться. Кобыла, не боящаяся ни огня, ни демонов, тревожно всхрапнула, переступила копытами, и у Лучано

в глазах потемнело – массивная подкова опустилась в волоске от мохнатого тельца.

Свесившись из седла, он протянул руку, и Перлюрен радостно завизжал. Подпрыгнул, вцепился в неё, как обезьянка шарманщика, обвил лапками, прижавшись всем телом. Лучано, ни на кого не глядя, выпрямился в седле, расстегнул куртку, сунул енота на привычное место... И услышал хмыканье Витольса.

Рядом шумно вздохнул Аластор, но ничего не сказал, за что Лучано преисполнился к нему горячей благодарности.

– Мастер... – Айлин в упор смотрела на аккару, который отвесил ей медленный изящный поклон. – Я прошу прощения, что дурно думала о вас...

– О, не стоит, милая леди, – без обычной улыбки ответил ей Витольс. – В сущности, вы были правы. Я действительно чудовище, и забывать об этом не следует.

– Как и многие люди, – печально и очень взросло сказала Айлин. – Жаль, что мы... вряд ли ещё увидимся. Я бы хотела как-нибудь с вами поговорить. О Киране Лоу и вообще...

– Я бы тоже с радостью встретился с вами. – Аккару запнулся и неуверенно предположил: – Возможно, если я буду в столице...

– Тогда я бы с радостью пригласила вас в гости, – бледно улыбнулась Айлин. – К сожалению, у меня нет собственного дома, куда я могла бы вас позвать, да и...

Она осеклась, и Лучано с уже привычной болью продолжил для себя то, о чём магесса сказать не могла. Айлин умолчала, что возвращаться в столицу не собирается.

– А я тоже вас приглашаю! – сказал он как можно жизнерадостнее, пока Аластор ничего не заподозрил. – Будете у нас в Верокье, милости прошу! Да и в Дорвенне был бы рад повидаться.

Аластор посмотрел на них с магессой, как на умалишённых, потом глянул на аккару, ответившего понимающей усмешкой, миг помедлил и буркнул:

– Присоединяюсь к приглашению.

Пушок, цокая когтями по булыжникам, первым пробежал в настежь распахнутые ворота таверны, за ним последовали лошади. Выезжая за ворота, Лучано подавил жгучее желание обернуться. Взгляд Витольса он чувствовал так явно, словно аккару не глядел, а трогал его спину и волосы. Похоже, то же самое ощущали и остальные, Аластор то и дело передёргивал плечами, Айлин потёрла рукой шею. Самого Лучано красная метка, подозрительно похожая на след от поцелуя, ничем не беспокоила, но он никак не мог отделаться от мысли, что это не последняя их встреча с древним существом, имеющим теперь на него собственные планы.

«Удивительная страна, – подумал он уже привычно, а Перлюрен завозился у него на груди, устраиваясь поудобнее. – И даже чудовища здесь неправильные!»

Глава 8

Там вечно шиповник цветёт

– Темнеет, – озабоченно сказал Лучано.

Аластор мог бы поклясться, что итлиеэ едва удержал вопрос, изволивший и его самого, – где же этот Барготов Разлом? Больше полудня езды, и ничего похожего! Впрочем, он ведь не маг, да и Фарелли тоже. Пожалуй, с них станется узнать Разлом, только въехав в него!

И всё же Аластор так привык к этому бесконечному путешествию, что никак не удавалось поверить, что оно вот-вот закончится. Да и Айлин молчит...

Подруга, словно услышав его мысли, вдруг встрепенулась, насторожилась, поднялась на стременах и осадила недовольно фыркнущую Луну.

– Разлом впереди, – уронила Айлин странно напряжённым голосом. – Совсем недалеко. Пара часов езды, не больше! – И, подумав, добавила: – То есть очень быстрой езды. Только... Может быть, мы всё-таки здесь заночуем? Уже сумерки...

И поспешно отвела глаза.

Аластор подавил вздох – откладывать дело, что может быть хуже? С другой стороны, через два часа будет совсем темно, и вряд ли Айлин станет колдовать всю ночь. И не поедут же они обратно сразу, лошадям нужно отдохнуть, а значит, всё равно придётся останавливаться на ночь. Возле бывшего портала в Запределье? Бр-р-р, даже думать неуютно, не говоря уже о том, что в полной темноте они даже дров не найдут. Правда, если Разлом так близок, то поблизости могут кружить демоны...

«Ничего, – упрямо подумал он. – Пушок покараулит и разбудит в случае чего. Да и Айлин наверняка поставит свой невидимый щит вокруг лагеря...»

И едва сдержал смех, представив себе озадаченную морду демона, который никак не может понять, как это: еда – вот она, спит в палатке, а дотянуться до неё не выходит!

– Что ж, тогда останавливаемся, – решил он вслух. – Если верить карте, где-то здесь должен быть большой ручей. Айлин, Пушок может его поискать?

– О, не стоит утруждать синьора Собаку! – откликнулся Лу тоже с каким-то подозрительным облегчением и указал вправо, где темнела небольшая рощица. – Мой нос подсказывает, что вода во-о-он там. Сыростью тянет.

– Отличный у тебя нос, – рассеянно улыбнулся Аластор и тряхнул поводьями, поворачивая Искру. – Айлин?

– А... да! – спохватилась подруга. – Простите, задумалась. Вода – это прекрасно! И костёр – тоже... Кажется, похолодало.

Аластор ничего подобного не заметил, напротив, вечер выдался на диво тёплым и приятным, но Айлин всё-таки девушка, неудивительно, что она озябла. А может, ей просто не по себе? Вдруг она боится неудачи или того, что будет потом, когда они вернутся в Дорвенну? И магия... Ах он осёл! Совсем забыл, что для Айлин значит быть магессой, а Разлом лишит её силы. Благие Семеро, ну почему вы так несправедливы?! Самая лучшая девушка на свете, самый умный, верный и отважный друг, который у него когда-либо был!

Горячая злость поднялась внутри, перед глазами всплыло надменное холёное лицо Бастельеро, которое Аластор помнил так, словно они встретились вчера. Избранный Претёмной, чтоб его! Чего стоит вся его магическая сила, если спасти Дорвенант, а может, и весь мир, должна Айлин?! Будь они прокляты, эти политические игры! Если бы только можно было объяснить королеве, канцлеру и лорду-протектору, что ему, Аластору Вальдерону, не нужна корона, и всё, чего он хочет, это прожить собственную жизнь, не вваливая на себя бремя чужого титула! Может быть, тогда нашёлся бы другой маг для этого ритуала? Не Айлин, у которой вся жизнь впереди!

Он понял, что слишком сильно стиснул поводья, когда чуткая Искра замедлила шаг, прислушиваясь к его рукам. Заставил себя разжать кулаки и вдохнуть глубже, чтобы смыть красный туман ярости перед глазами. Бастельеро он этого никогда не простит! И если все эти благородные господа и дамы не поймут, какой подвиг совершила Айлин, если начнутся вопли о её погубленной репутации...

Что он тогда сделает, Аластор не знал. Нет, понятно, что закроет рот любому крикуну мужского

пола. Но... не драться же с дамами! А матушка в своё время отлично объяснила ему, что в высшем свете мнение женщин может быть не менее убийственным, чем вражда мужчин. И эти... клуши домашние будут судить Айлин?! Они, никогда не выезжавшие из дома, кроме как в удобном экипаже и под охраной? Не видевшие мира дальше кондитерских лавок и мастерских модисток?

А всё, что Аластор может сделать для репутации Айлин – это жениться на ней, прикрыв браком чудовищный скандал, что девица благородного происхождения провела не одну неделю в обществе двух чужих мужчин. И ему всё равно, магесса она или нет, и каков её род, и... да вообще всё равно! Потому что это Айлин. Но... они ведь просто друзья. Вдруг у неё кто-то есть? Да уж, хорош друг, даже ни разу не поинтересовался. А как вообще можно интересоваться подобными вещами? Не спросишь ведь напрямую! Айлин хоть и его друг, но девушка, следует уважать её стыдливость и право на тайны.

Всеблагая Мать, как же это всё сложно! Ну что ж, если не знаешь, с чего начинать, не следует лезть в драку первым, как всегда говорил месьор. Сейчас главное – закрыть Разлом и доставить Айлин обратно в столицу как можно быстрее. А там... там будет видно. Если королеве и лорду-канцлеру действительно что-то нужно от Аластора, он точно знает, какое условие выдвинет взамен. Пусть они сделают для Айлин всё, что смогут!

Рощица выросла перед ними тёмным пятном, и Аластор окончательно убедился, что решение остановиться на ночлег было правильным. Где-то неподалёку журчала вода, теперь и Аластор чувствовал лёгкий запах тины. В который раз он подивился чутью итлийца, что мог бы поспорничать с охотничьей собакой – это же надо распознать ручей на таком расстоянии!

– Ну что, как обычно? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Я за дровами? А потом поставим палатку. Лу, ты будешь готовить?

– М-м-м, признаться, не вижу особой необходимости, – отозвался тот. – Великодушный синьор, у которого мы гостили, собрал нам в дорогу столько еды, что хватит и на сегодня, и на обратный...

И почему-то осёкся.

– Действительно, очень великодушно с его стороны, – прозвенел голос Айлин. – Если я расскажу в Академии, что встретила аккару, и он меня не убил, а снабдил пирожками... боюсь, прослышу невозможной лгуньей.

Она помолчала и добавила:

– Да и вообще об этой встрече стоит помалкивать. Будет плохой благодарностью, если о мастере Витольсе узнают в Ордене.

– Согласен, – буркнул Аластор. – Хоть он и нечисть, но попорядочнее многих людей.

«И уж точно приятнее Бастельеро, например, – язвительно подсказал внутренний голос. – Или того менялы, что пытался тебя ограбить. Или лорда, у которого собственные крестьяне боятся попросить помощи. Или тех, кто так легко осудил тебя на смерть, словно фигуру для игры в арлезийские башни. Миг – и она слетит с доски, освобождая нужную клетку и больше не мешая другим фигурам. Ну и кто здесь истинная нечисть?»

Чтобы отвлечься от гадостных мыслей, Аластор спешил и принялся рассёдлывать Искру. Луна и Белла с Донной терпеливо ожидали своей очереди, итлиец тоже спрыгнул на землю, Айлин же медлила, оставаясь в седле и подставив лицо лёгкому вечернему ветерку, хотя только что жаловалась на холод. Аластор протянул руку, Айлин опёрлась на неё – и её пальцы показались ему ледяными.

– Да ты и вправду замёрзла! – охнул Аластор. – Лу, собери пока хворост, а я сейчас! Лошади подождут немного!

– Ничего страшного! – запротестовала Айлин. – Пустяки, я прекрасно себя чувствую! Сейчас поем, искупаюсь...

– В холодном ручье? – мрачно поинтересовался Аластор. – Айлин... Ты уверена, что это разумно?

– Я совершенно уверена, что хочу искупаться! – отрезала подруга. – Ничего, поставлю купол, будет теплее. А Лу сварит шамьет. Правда, Лу?

– Счастлив услужить прекрасной грандсиньорине! – весело отозвался итлиец. – Непременно сварю! С корицей, да?

– И... мёда, пожалуй, – уточнила Айлин. – Хочется сладкого!

Аластор снова нахмурился: она же не любит шамьет с мёдом. Впрочем, что он прицепился к таким пустякам? Захотеть сладкого – это уж точно не странность! Он быстро расседлал лошадей и привязал их на краю поляны, чтобы остыли. Напоит потом, с этим следует подождать. Заодно и почистить надо будет.

Лучано тем временем выпустил Перлюрена, и зверёк принялся шнырять по поляне, обнюхивая кусты и землю. Он забавно шевелил носом, то поднимаясь на задние лапы, то снова бегая на четырёх, и Айлин хихикнула, глядя, как енот деловито хватает веточку и тянет её в грудку уже собранного Лучано хвороста.

– Смотри, Лу, он у тебя учится, – сказала она так беззаботно, что у Аластора почти полегчало на душе.

Ну не может ничего очень уж плохого случиться с девушкой, которая так весело смеётся над проделками енота.

– Удивительно смыслённый зверь, – согласился итлиец прямо-таки с отеческой гордостью. – Ещё немного, и я попробую научить его варить шамьет. Эй, не так быстро! – спохватился он, отнимая у воодушевленного Перлюрена свою сумку. – Зубы можно поточить на чём-нибудь другом! Синьор Собака, окажите любезность...

Пушок подошёл и аккуратно взял енота зубами за загривок. Перлюрен повис у него в пасти, что-то попискивая, а пёс немного подождал, поставил его на землю у себя между лапами и придавил сверху огромной головой, так что енот замер, почти скрывшись под белым мехом.

– Премного благодарен, синьор Собака! – сообщил Лучано, уже хлопоча над костром. – Какая жалость, что у вас не такие ловкие лапы, как у Перлюрена. Уверен, вы бы освоили любую науку гораздо проще! М-м-м, это же ягодный пирог! А ещё свиные отбивные и пирожки! Айлин, как ты думаешь, можно ли просить Семерых благословить... не совсем живого трактирщика? Или за этим лучше обратиться к Страннику? Я слышал, что он не смотрит ни на знатность, ни на богатство... Может, и такая мелочь, как привычка пить кровь, его не смутит, м?

Он болтал ещё что-то, и тревога, смутной пеленой накрывшая Аластора, стала постепенно отступать. Прямо сейчас ничего плохого не случилось, верно? Айлин, правда, бледновата и жмётся к костру, но Аластор на её месте вообще с ума сходил бы! И всё-таки подруга держится с потрясающей выдержкой, вон, улыбается шуткам Лу, гладит Перлюрена, которого ей, подумав, так же за шкирку притащил Пушок.

А это неуловимое напряжение, похожее на отзвук тронутой струны, что на миг повисло между Айлин и Лучано, Аластору наверняка почудилось. Какие у них могут быть общие тайны?

Айлин достала свою тетрадь в переплёте из тёмной кожи и принялась что-то писать в ней карандашом, иногда в задумчивости покусывая его деревянный кончик. Её лицо в отблесках костра светилось такой чистой и ясной нежностью, что Аластор мучительно устыдился своих подозрений. Ну что она может от него скрывать?

Он присел у костра на снятое седло и протянул к огню руки. Что, если завтра всё пойдёт не так, как было задумано? Да, они почти добрались до Разлома, но... Что, если ритуал потребует больше крови, чем рассчитывает Айлин? Его всё равно придётся завершить. И, возможно, сегодня – последний вечер в жизни Аластора. Ведь может такое быть? Очень даже просто! Конечно, Айлин его не обманывает, но она адептка, а не полный орденский маг. Умная, талантливая, знающая – и всё-таки адептка! А в таком деле, как в бою или на дуэли, нельзя ни в чём быть уверенным до конца. Значит, нужно на всякий случай позаботиться о своих земных делах, благо их не так уж много.

– Айлин, – решил он. – Можно попросить у тебя один листок? И карандаш, когда он не будет нужен.

– Да, конечно! – Подруга подняла склонённую голову, посмотрела на него, а потом аккуратно выдернула один листочек и протянула Аластору вместе с карандашом. – Я закончу потом, всё равно мне ещё долго сидеть. Никак не могу понять это заклятие, что подарил дон Раэн... Оно жутко интересное, хочется разгадать его сегодня, пока...

И она снова осеклась.

«Пока у меня ещё есть магия», – услышал не сказанное Аластор, и у него опять потянуло внутри мучительной виной.

– Пока у меня есть на это время, – бодро закончила Айлин и снова уткнулась в тетрадь, водя по странице пальцем.

Аластор пристроил на колени флягу, положил на её твёрдый плоский бок бумагу и принялся

выводить неровные строчки, тщательно обдумывая каждое слово:

«Дорогие батюшка и матушка, – написал он. – Если это письмо попало в Ваши руки, значит, я не смогу вернуться, чтобы ещё раз подтвердить всю любовь и уважение, которые к Вам питаю. Надеюсь, мои спутники расскажут, при каких обстоятельствах прервалась моя жизнь, и обстоятельства эти будут таковы, что Вам не придётся меня стыдиться. Милая матушка, прошу Вас верить, что я всегда был Вашим любящим сыном и останусь им даже в Садах Претёмной. Умоляю Вас не грустить слишком сильно и долго, побережечь Ваше драгоценное здоровье и помнить, что разлука в этой жизни лишь предваряет новую встречу в следующей, как учит нас Претемнейшая Госпожа. Дорогой батюшка...»

Он остановился, подбирая выражения и чувствуя, как болезненная тоска теснится в груди, словно самое страшное уже случилось, или вот-вот случится. Да что это с ним такое?! Стыдно, младший лорд Вальдерон! Будьте достойны своих предков, которые шли на смерть ради блага семьи или короны так же, как и жили, с честью!

«Вас я прошу верить, что в моей жизни не было ни одного дня, когда я не питал бы к Вам глубочайшую любовь и почтение, как и полагается сыну такого отца».

Аластор перечитал последнюю фразу и поморщился: об этом он уже писал в самом начале, и любые слова звучат так сухо, так невыразительно и скудно! Но как вообще можно выразить словами всё, что теснится в душе, просясь на бумагу? Ах, ну почему он так редко говорил родителям, что любит их? А теперь приходится писать какие-то глупости, больше похожие на учтивую отписку о невозможности приехать с визитом! Он закусил карандаш в точности, как это делала Айлин, устыдился и продолжил:

«Я могу только надеяться, что наше предприятие увенчалось успехом, но прошу поверить, что сделал для этого всё возможное, как и мои спутники. Умоляю Вас, милорд отец, позаботиться о репутации и благосостоянии леди Айлин всеми средствами, какие Вы сочтёте возможными и необходимыми. Этой достойной девушке я не раз обязан жизнью, в том числе и в этом походе, так что наша семья у неё в долгу, и я почтительно прошу Вас принять на себя этот долг, раз уж я не могу сделать этого сам. Я также прошу Вас отдать долг благодарности синьору Лучано Фарелли, наёмнику из Верокки, который был мне верным спутником, не раз оказавшим неоценимую помощь. Этого человека я назвал своим другом, несмотря на его происхождение, и надеюсь, что Вы примете его соответственно...»

Аластор снова покусал карандаш, неприязненно думая, что письмо будет неполным без ещё одной части, которую придётся упомянуть, хочет он того или нет.

«Что касается известного Вам дела, касающегося интересов короны, то я уверен, что Вы в любом случае поступите сообразно чести дворянина и в интересах нашей семьи. Я же клянусь, что никогда не считал и не буду считать себя ничьим сыном, кроме как Вашим».

Вот! Это должно обезопасить их семью от неприятностей. Если он, Аластор, исчезнет, вряд ли кто-то станет тревожить отца и матушку. Остаётся лишь надеяться на справедливость канцлера и великодушные королевы...

На второй стороне листка оставалось не так уж много места, и Аластор торопливо дописал:

«Я передаю глубочайшее почтение моему наставнику месьору д'Альбрэ и умоляю о прощении за то, что оказался столь недостойным учеником. Месьор д'Альбрэ может не сомневаться, что я считаю его не только учителем, но и вторым отцом».

Поколебавшись, Аластор напомнил себе, что обиды – это не то, что следует брать с собой в Претёмные Сады, и нехотя дописал:

«Кланяюсь также моим сёстрам Амандине и Лоррейн и желаю всего наилучшего им, их супругам и будущему потомству».

«А ведь отцу придётся оставить титул и поместье кому-то из детей драгоценных сестричек, – мелькнула непрощенная и неприятная мысль. – Больше прямых наследников у него нет».

По чести говоря, и сам Аластор, как выяснилось, не имеет права наследовать родовое имущество, но... это совсем другое. Он рождён в законном браке, и королевский суд обязан признать его права, раз уж сам лорд Вальдерон-старший не намерен отказываться от сына, пусть и приёмного. Но если Аластора не станет... Можно только надеяться, что сын Мэнди или Лорри, которому отойдёт всё, окажется не только Райнгартеном по крови, но и хоть немного Вальдероном по духу. Имущество – что, а вот лошади... Они любят ласку, и Вальдероны много поколений холили свои табуны, улучшая дорвенантскую породу с любовью и гордостью. Сможет ли этот мальчишка, которого ещё на свете нет...

«Да хватит себя хоронить раньше времени! – сердито прервал Аластор снова накатившие отвратительные мысли. – Может быть, завтра ты посмеёшься над собственной глупостью и высокопарностью! Думай не о том, чего можешь лишиться, пусть это даже твоя жизнь, а о том, чтобы уберечь своих спутников возле Разлома и закончить это клятое путешествие достойно».

На оставшемся краешке листка он подписался, по привычке глянув на правую руку и пошевелив пальцами. Лучано, который вроде бы сосредоточенно варил шамьет, тоже посмотрел туда и приподнял тонкие брови:

– Альс, а где твой перстень? – и тут же спохватился: – О, прости, это не моё дело!

– Заложил, – буркнул Аластор. – В Шермезе, будь он неладен. Отвратительный городок...

– Ты заложил перстень наследника! – ахнула Айлин. – А ведь правда... Я такая невнимательная! Ох, Ал, прости! Надеюсь, его можно будет выкупить?!

– Вы заложили родовой перстень? – спросил Лучано, внезапно снова перейдя на «вы» и бросив на него странный взгляд. – Чтобы купить мне одежду?

– А ещё овса лошадям и еду для нас всех, – отозвался Аластор ещё мрачнее от неловкости. – И не смотрите на меня так. Знаю, что это не подходит... Не подходит, в общем! Но если это наглое рыло не доставит перстень отцу, как я велел, я его лавочку второй раз разнесу, и тогда от неё точно ничего не останется!

– Второй? О, так был первый? – немедленно поймал его на слове Фарелли. – Они предложили тебе неприлично низкую цену?

– Они меня ограбить пытались, – фыркнул Аластор, сам удивляясь, что история, которой он ещё недавно стыдился, вдруг показалась чуть ли не забавной.

Наверное, всё дело в том, кому он её расскажет. И Айлин, и Лу – друзья, которым он ещё и не такое мог бы доверить. Вот ведь странно, всего какая-то пара недель, а этот пройдоха влез в его душу и жизнь всеми своими наглыми кошачьими лапами, словно Аластор с ним уже долгие годы знаком. Про Айлин и говорить нечего, но Лучано! Простолудин, итлиец, шпион королевы и вдобавок подозрительный тип самого предосудительного для мужчины поведения! Но Аластор скорее повернулся бы спиной к нему, чем ко многим знакомым дворянам, соседям по поместью или столичным знакомым.

Он снова посмотрел на руку. Медные завитушки, похожие на рыжие локоны, и зелёный камень блеснули в свете костра весело и одобрительно. Как хорошо, что это кольцо выглядит так неброско, и с ним не пришлось расставаться. Аластор дорожил своим перстнем наследника и относился к нему с почтением, которое полагается родовой реликвии, но отдать кольцо Айлин... Это было бы как часть самого себя отрезать!

– Лу, а ты останешься в Дорвенанте, если королева даст тебе обещанное? – спросил он вдруг. И тут же усмехнулся: – Или это тоже не моё дело?

Ему показалось, что итлиец не то чтобы вздрогнул... Нет, не дёрнулся, но плечи застыли. Пожалуй, мало кто заметил бы, но Аластору язык тела преподавал бретёр.

– Возможно! – пожал плечами Лу спустя пару мгновений. – Если её величество будет очень довольна, то я получу не только деньги и титул, но и особняк в вашей прекрасной столице. С выездом, – улыбнулся он весело, но тоже чуть кривовато. – Но ты помнишь эти дурацкие бумаги? Фаррелл, ужас-то какой! Так что на титул мне лучше не претендовать, клянусь Претёмной.

– Наёмнику следует призывать Пресветлого Воина, – поддразнил его Аластор. – Это Айлин у нас...

И теперь осёкся уже сам.

– А я не ленивый, – отшутился Лучано. – Почитаю и Пресветлого, и Творца Превращений, а уж как Всеблагую чту! М-м-м-м! – Он по-кошачьи зажмурился и тут же сам рассмеялся, а потом серьёзно добавил: – Но в конце пути все мы ступим на порог владений Претёмной, так что как же не выразить ей уважение?

– Кстати, об этом, – небрежно подхватил Аластор и протянул ему сложенный, но ничем не запечатанный листок. – Если завтра... В общем, если со мной что-нибудь случится, передай это моему отцу. Я бы попросил тебя, – виновато добавил он, повернувшись к Айлин, – но неизвестно, когда ты сможешь, а Лу никто задерживать не будет. Можешь показать это королеве, – снова сказал он итлийцу. – Там ровным счётом ничего тайного. И вообще, это... действительно на всякий случай! Кстати, я написал, чтобы отец помог тебе в случае необходимости, так что имей это в виду. Семья Вальдеронов у тебя в долгу за... за всё.

– Ал!

Щёки Айлин залила краска, она смотрела на него испуганно, и Аластор немедленно обозвал себя дурнем. Мог бы подождать, пока она уйдёт купаться! Дело ведь и правда не в том, что он ей не доверяет, просто... Если он погибнет, Айлин и без того будет плохо из-за утраты дара, а ещё это! Лучано всё-таки мужчина, для него это проще. Да и не так они давно знакомы. Ну не взваливать же подобное на девушку!

– То есть ты хочешь сказать, друг мой Альс... – начал итлиец, разглядывая взятое письмо, словно нечто подозрительное и весьма опасное, – что в случае твоей смерти я должен прийти к твоему отцу и заявить этому достойному синьору, что не уберёг его сына, но при этом прошу каких-то услуг? И меня не спустят с лестницы в самом лучшем случае, а о худшем случае даже думать не хочу?!

– Конечно, нет! – поразился Аластор. – Мой отец воевал, он понимает, что из боя возвращаются не все. А у нас было достаточно драк, да и завтра неизвестно как получится у портала. Даже не сомневайся, он встретит тебя как моего боевого товарища и будет благодарен за всё. Это же мой отец!

– Да, это весомый аргумент, – согласился Лучано с всё тем же странно застывшим лицом. – Если вы с ним похожи... О да, я рискну поверить, что в ряду обычных благородных синьоров ваша семья выделяется... Но... Альс, друг мой, обещаю, завтра ты сам заберёшь у меня это письмо за ненадобностью!

Он ослепительно улыбнулся и бережно сунул письмо куда-то за отворот куртки, поближе к своим драгоценным метательным ножам. А Айлин поднялась и сказала:

– Пойду я искупаюсь, господа. Лу, оставь мой шамьет на углях, чтобы был тёплым, хорошо? А ужинать я не буду, что-то не хочется.

* * *

Вернувшись от ручья, Айлин застала у костра тишину. Лучано молча возился с Перлюреном, против обыкновения даже не болтая в своей мягкой весёлой манере, Аластор же как-то насупился, словно отгородился от всех невидимой стеной. Положил подбородок на сцепленные на колене пальцы и уставился в огонь, то ли замороженный пляской алых языков, то ли вовсе ничего не видящий перед собой... Айлин ещё как его понимала! Хорошо ей и Лучано! Они, по крайней мере, точно знают, что будет завтра, а Алу каково?

Наверное, он сейчас вспоминает дом. Наверняка, если написал письмо отцу!

Айлин вздохнула, тоже вспомнив лорда Себастьяна. Как же Ал на него всё-таки похож, никогда не скажешь, что на самом деле они не родные друг другу! А леди Джанет? Какая она милая и добрая, и как она, должно быть, обрадуется, когда Ал вернётся домой! Наверняка и Лучано Вальдероны примут с радостью... Может быть, они даже устроят настоящий праздник?

А ещё праздник обязательно будет в столице – достаточно вспомнить, как отмечали победу над Фраганой! Конечно, бал во дворце устраивать не станут, ведь её величество Беатрис теперь в глубоком трауре – но наверняка будут танцы на главной площади, а для горожан выкатят вино из королевских подвалов... Дорвенну украсят цветами – вряд ли морозы затронули столицу, ведь там столько стихийников! Может быть, даже фейерверк будет! Интересно, отпустят ли на праздник адептов? Ох, даже если да, то Вороны наверняка туда не пойдут, когда узнают, что с ней случилось...

Саймон наверняка расстроится! И из-за её, Айлин, смерти, и из-за того, что не попадёт на праздник, это уж точно. А ещё наверняка смертельно обидится, что не успел поучаствовать в таком чудесном приключении... Чудесном, подумать только! Видел бы он, что демоны делают с деревнями! И как страшно, когда твой спутник падает в лихорадке, а ты не знаешь, чем её лечат. И как это гадко – чувствовать себя совершенно бессильной! Нет уж, хорошо, что Саймон этого не испытал, а если Семеро Благих будут к нему милостивы – то и не испытает никогда. Пусть лучше обижается, всё равно он обязательно её простит. Это же Саймон, он совершенно не умеет долго злиться!

Вот Дарра – совсем другое дело. Хотя Дарра никогда на неё не сердился и уж наверняка не станет потом... но как ужасно огорчится, наверное! Интересно, а кого поселят в их с Иоландой комнату? Или, может быть, Иоланда так и останется там одна? Вряд ли, ведь одноместная комната в общежитии – неслыханная роскошь. Ну, разве что место Айлин не отдадут никому из почтения к её героизму.

«А Иоланда напишет памятную табличку и повесит на спинку кровати, – невольно подумала

Айлин. – Что-нибудь вроде: «Здесь пять лет жила Ревенгар, она была дура!»

Ох, придёт же такое в голову! А тётушка будет просто в отчаянии...

Айлин даже вздрогнула, так явственно увидев вдруг гостиную в ставшем ей родным доме Арментротов, словно каким-то чудом действительно перенеслась туда. Тётушка стояла у окна, и её чёрное платье не оживляли даже дозволенные трауром кружевной воротничок и манжеты! Глаза тоже были заплаканы, а руки, теребившие платочек, заметно дрожали... Дядюшка Тимоти, стоявший рядом с тётей, поглаживал её по руке, пытаясь утешить, но он и сам выглядел ужасно подавленным и совсем постаревшим. Айлин снова почувствовала болезненный укол вины: Аластор хотя бы написал письмо родным, а она, бессовестная... А ведь у них нет детей, и они всегда любили Айлин, как родную! Дядюшка Тимоти как-то раз, случайно оговорившись, назвал Айлин дочкой, тут же спохватился и сконфузился... Как же Айлин тогда растрогалась! Подбежала к дяде, обняла, Пушок тут же радостно заскакал вокруг, а дядюшка смахнул слезу, изо всех сил стараясь сделать вид, что это просто что-то попало ему в глаз...

Ну что ж, по крайней мере, они с тётушкой могут утешить друг друга. Как же хорошо, что они всегда вместе!

А вот магистр Роверстан... Дункан... О нём Айлин старалась не думать во время всего этого путешествия, только получалось не слишком хорошо. То ясно вспоминался глубокий бархатный голос, подсказывающий что-нибудь, казалось, безнадежно забытое; то представлялось, как живо и образно магистр рассказывал бы тётушке и дяде об их путешествии... Конечно, не о самых страшных его днях, а о чём-нибудь забавном, например, о ночном нападении енотов на лагерь!

Присев к костру, Айлин взяла свой шамьет, благодарно кивнув Лучано, сделала глоток, и рот наполнила горячая пряная сладость. Вспомнилось, как магистр навещал тётушку Элоизу, когда Айлин у них гостила, и они пили шамьет по-арлезийски из драгоценных чашек белоснежного чинского фарфора, расписанных сказочными цветами и птицами. Магистр шутил с тётушкой Элоизой, дядюшка благодушно улыбался, и Айлин было так тепло и хорошо на сердце!

Она вздохнула, подумав, что Лу варит превосходный шамьет, гораздо вкуснее арлезийского, что подают в доме Арментротов, но если бы напоследок сделать хоть один глоток именно того, с привкусом нежности и доброты близких людей...

Поставив опустевшую кружку на землю рядом с собой, она вытащила нож, подаренный Дунканом, и провела кончиками пальцев по рукояти, а затем и по лезвию, словно гладила живое существо. Потом ещё раз и ещё, с каждым прикосновением испытывая сладкую болезненную тоску, от которой одновременно хотелось плакать и смеяться.

Раньше Айлин, по крайней мере, удавалось не думать, что будет, когда магистр обо всём узнает, а сегодня эти мысли словно прорвали плотину! Наверное, это произойдёт нескоро. Сначала стихийники поймут, что главный Разлом закрыт, потом улягутся магические возмущения, и только тогда маги отправятся порталом в Керуа, а оттуда верхами – к месту разлома и найдут там её тело... Или нет, пусть лучше Ал и Лу заберут его с собой. Совсем не хочется представлять, в каком виде её найдут стихийники через несколько суток, особенно если погода тоже наладится. Фу-у-у-у, это должно быть ещё противнее, чем с той крестьянкой в колодце!

Впрочем, какая разница, что станет с телом? Совершенно неважно. Лишь бы Дункану, то есть милорду магистру, не было слишком больно, когда он узнает... Хотя зачем врать самой себе? Достаточно только вспомнить, как он смотрел на неё, когда делал предложение... и потом, когда сказал, что ему нужна только она, даже без титула... и раньше, когда они танцевали под цветущей вишней, и его глаза горели таким шальным восторгом, что стоит вспомнить – и сразу становится жарко! Достаточно только вспомнить всё это, чтобы понять – «не слишком больно» ему точно не будет! И как же обидно умирать, не успев побыть невестой хотя бы совсем чуть-чуть...

И не только невестой! Мастер Витольс сказал, что укус аккару похож на разделённую страсть, и если это в самом деле так... Нет, ночь с мэтром Бастельеро была совсем не похожа на тот укус. Ничего общего! Но ведь в той ночи не было любви – зато было много горя, а ещё отчаяние, карвейн и её страх после первого боя. С милордом магистром... с Дунканом... Ну, вдруг с ним всё было бы совсем иначе? Наверняка было бы. Но не будет...

Это, конечно, не значит, что она отступит – нет, ни за что! Ведь тогда она просто не сможет посмотреть в глаза отцу, с которым встретится уже совсем скоро. Нет, Айлин сделает всё, чтобы там, в Садах, отец посмотрел на неё так, как смотрел при жизни – с любовью и гордостью. И всё-таки...

Айлин вдруг стало так жаль себя, что она едва не всхлипнула, сжимая в пальцах рукоять ножа.

И тут Лу, тоже задумчиво глядящий на огонь и ворошивший угли длинной палкой, резко вскинул голову.

– Прошу простить, – заговорил он с какой-то отчаянной весёлостью, – но мне случалось видеть похороны куда веселее. Не гневите Странника, друзья мои, нам и так везло всю дорогу больше, чем можно было надеяться. Что случится завтра, того не избежать, но не стоит наш последний, может быть, вечер проводить в такой тоске. Лично я собираюсь подогреть вино, которым любезно поделился мастер Витольс, и достать лютню. Зачем-то же я её вёз в такую даль, м?

– Прекрасная мысль! – откликнулся Аластор так поспешно, что было понятно – его тоже измучили тяжёлые мысли. – Вино и лютня! В самом деле, что мы переживаем заранее? Вдруг всё обойдётся лучше, чем... Ну, чем кажется.

Он бросил взгляд в сторону Айлин, а потом вдруг предложил так отчаянно, словно кидался в бой или снова в ледяную реку:

– Я, пожалуй, тоже спою. Мне, конечно, далеко до Лучано, и всё-таки...

– О-о-о... – Итлиец восхищённо округлил губы и расширил глаза. – Ты поёшь? А почему же в тот раз?..

– Ну да, не хватало ещё соревноваться с такими мастерами, – усмехнулся Аластор уже свободнее. – Нет, я точно знаю, что в этом искусстве мне до тебя, как...

– Как мне – в умении готовить! – невинно подсказала Айлин, тоже радуясь, что тягостное молчание рассеялось чем-то лёгким и приятным. – Ал, но тебе же наверняка давали уроки музыки?

– Давали, – кивнул тот. – Но я и лютня... Я еле-еле выучил пару песен, да и то не на уроках, а... В общем, в деревне на праздниках. Так что если Лу позволит...

Он отвёл взгляд от Айлин и наверняка покраснел, только под короткой бородкой, отросшей за время путешествия, этого не было видно. Лучано же вскочил, словно только этого и дожидался, метнулся к лошадям и вернулся с футляром, который нёс аккуратно, словно младенца.

«Лютня? – подумала Айлин, глубоко вдохнув, наполняя грудь свежим вечерним воздухом с привкусом сырости, молодой листвы и каких-то вечерних цветов. – А почему бы и нет? Пусть будет хоть лютня, хоть что угодно, лишь бы не думать о том, что случится завтра! Да я сама готова показывать фокусы, как иллюзорница, только бы отвлечься и выкинуть из головы завтрашний день, милорда Дункана, тётушку и Саймона с Даррой, самих Аластора с Лу и даже Пушка – всё то, что было и навсегда закончилось... А лютня – это самое лучшее, что может случиться сейчас. Вино, шамьет, музыка, друзья... Совсем как дома, совсем как в той прежней жизни! И... пусть Ал с Лучано запомнят меня не испуганной, а весёлой, радующейся вместе с ними самым простым вещам, таким, как вкусная еда, тепло костра, вино... Да, и вино тоже! Глупо продолжать вести себя как леди, если завтра я умру!»

– А я хочу горячего вина! – сказала она весело. – Нет-нет, Лу, я сама! Что я, кружку на угли не поставлю? И тоже буду петь, вот! Я не очень хорошо пою, но... мне тоже хочется!

* * *

Лучано едва удержался от удивлённой улыбки. Бастардо и лютня? Нет, благородных синьоров и синьорин, конечно, учат и пеню, и игре – в Итлии, во всяком случае. И всё же... секиры этим рукам пристали несравненно больше!

Впрочем, почему бы и нет? Когда пел дон Раэн, а потом и сам Лучано, Альс отмалчивался – и неудивительно, если вспомнить, что итлийский он знает не слишком хорошо. А сегодня вызвался сам... и это ведь последний шанс узнать, каким может быть его голос...

Лучано бережно расчехлил Ласточку, ласково провёл ладонью по мягко поблёскивающему дереву корпуса и невольно поразился – лютня, столько пережившая за их короткое путешествие, нимало не переменилась с того дня, как на ней играл дон Раэн. Замечательная всё же вещь этот артефактный футляр! С лёгким сожалением коснувшись струн и пообещав себе непременно сыграть сегодня и самому, Лучано передал лютню бастардо, и тот, поблагодарив кивком, осторожно пристроил её на колене. Зажал лады, тронул струны, и Лу едва удержался от улыбки – пожалуй, Ласточка и в самом деле была чересчур изящна для таких огромных ручищ! И держал её Вальдерон с едва заметной неуверенностью, как нечто знакомое, но давно уже забытое.

– Айлин, ты умеешь петь «Шиповник»? – спросил Аластор, и задумавшаяся было магесса, встрепенувшись, закивала, а Лучано насторожился ещё больше.

Так его ждёт дуэт? Как любопытно!

Мелодия, полившаяся из-под пальцев Вальдерона, оказалась столь простой, что Лучано, пожалуй, постыдился бы называть её мелодией. Что ж, Альс честно предупредил, где учился, вряд ли местные пейзажи были приверженцами высокого музыкального стиля. И этот их «Шиповник» пелся на совершенно незатейливый мотивчик! Но голоса магессы и бастардо изумительно к нему подходили – чистые и какие-то прозрачные, высокие, красиво окрашенные, но небольшие.

«Ни глубины, ни звучности, – подумал Лучано с лёгким разочарованием. – А что же сама песня?» Он прислушался, ловя безыскусные слова.

Цветущей порою я девицу встретил,

– старательно выводил Альс, и Айлин вторила ему:

Гуляя в прозрачных весенних лесах.

И первое, что я у милой заметил, —

Шиповник в кудрявых её волосах...

«Ну, точно крестьянская песенка, – умилился Лучано. – Прелесть какая!»

Полянка цвела, как наряд у невесты,

И солнце сияло вовсю в небесах.

В тот день моё сердце нашло себе место

В кудрявых душистых её волосах...

Альс замолчал, перебирая струны в проигрыше, и Айлин смолкла тоже. Лучано слышал десятки, если не сотни таких песенок, и мог бы подхватить её с любого места, уже уловив мотив, но слов не знал. Да и слушать её было приятнее, чем петь самому. Всё-таки эти двое изумительно подходят друг другу даже в такой мелочи. А он... Ну куда ему вклиниваться между ними?

Да, поёт он лучше, но настоящий мастер не только знает, когда следует вмешаться, но и понимает, когда делать этого ни в коем случае не следует. Голоса синьорины Айлин и Альса на фоне его, поставленного по образцу лучших тенорье, потеряются и поблёкнут, а он ни за что не хотел бы этого. Нет-нет, пусть поют! Так просто и мило, так... искренне... Как первый поцелуй влюблённой девчонки, ещё не думающей ни о выгодном замужестве, ни даже о будущих страстных ночах, только о самом этом поцелуе.

Коня подгоняя, спешу к наречённой,

– продолжил Альс. Его голос стал неувовимо жёстче, словно окреп, и Айлин тихо, но звонко продолжила:

Не зря так тревожилось сердце моё...

Усадьба горит, пепел стелется чёрный,

– И кровь, не шиповник в кудряшках её! – выдохнул дорвенантец. А потом ровно и спокойно, словно не понимая страшного смысла песни, закончил:

Ах, здесь мне такой уже больше не встретить,

Чтоб кудри, как волны, и губки, как мёд...

– В Садах Госпожи её сон будет светел, – чисто и нежно взлетел голос Айлин, и синьорина закончила:

Я знаю, там вечно шиповник цветёт.

Лучано замер, задохнувшись, словно ему саданули под дых. Аластор перебирал струны, повторяя последние строки в унисон с Айлин, и они пели так мягко, с такой небрежной простотой... Да что же это?! Ну ладно – он! Он не знает! Но она?! Как она может, понимая, что завтра умрёт, петь... эту... это...

Лучано встал, едва удержавшись, чтобы не вскочить, и пошёл в кусты, не разбирая дороги, оставляя за спиной светлый круг вокруг костра и две тёмные фигуры, сидящие рядом. В глазах у него тоже темнело, и неважно, что вокруг был ночной лес. Пелена, заставшая ему взгляд, с обычной темнотой не имела ничего общего.

Он шагал, спотыкаясь, разом забыв, как беззвучно ходить по земле, устеленной хрупкими ветками, не думая, кто его может услышать, и что подумают они, кто остался на поляне. Внутри когтистая лапа рвала внутренности, и он точно знал, что если расплакаться, станет гораздо легче, но плакать не мог.

Дойдя до ближайшего большого дерева, он обогнул его и упал ладонями на ствол, прижавшись к нему всем телом и глухо застонав сквозь зубы. Боль не исчезла, она нарастала, даже подумалось на миг, что сработало проклятие, обвившее сердце, но нет... Он не умирал, хотя прямо сейчас не боялся этого и даже принял бы почти с радостью.

За что?! За что они с ним так – оба?! Странные, неправильные, невозможные люди... Его первые и последние друзья, потому что таких больше не будет! Но и этих двоих – тоже! Айлин закроет собой этот проклятый портал, Альс возненавидит Лучано, который знал и не сказал ему... И всё. Всё! Навсегда! До конца жизни, сколько там Лучано её ни осталось, он застынет в лютном ледяном холоде одиночества.

Не об этом ли говорила Минри? Умереть счастливым или несчастным? Да разве он может изменить хоть что-то?! Лучано представил, как возвращается на поляну и рассказывает Аластору всё. Но... тогда Альс просто шагнёт в этот портал сам! И будет то же самое, лишь отражённое в чудовищном зеркале судьбы! Смерть Альса, ненависть Айлин...

«И самому же туда не прыгнуть, – в томительном бессилии пополам с ненавистью к себе подумал Лучано. – Толку от меня! Не принц, не маг, и на весах Благих моя кровь ничего не стоит...»

Он позволил ногам подогнуться и почти сполз по стволу, уткнувшись лицом в колени, согнувшись, скорчившись, судорожно стиснув зубы, чтобы не взвыть. За что-о-о-о?! Он... Он всего лишь хотел убить... Выполнить обычный заказ... Даже не обоих, только её! И был уверен, что сможет, ну что там было сложного?! А они... они не убили его в ответ, но сделали намного хуже! Влюбили в себя – оба! – а потом вывернули душу наизнанку! словно бездомного кота подобрали, а потом даже не пнули, нет, просто ушли навсегда, бросив, и кот мечется, не в силах поверить, что счастье тёплых рук было – и нет его, и никогда не будет...

Лучано всё-таки всхлипнул, но очень тихо, чтобы, не дай боги, никто не услышал. Начнут ведь выяснять, что случилось... Они могут, они заботливые! И придётся что-то врать немеющим от лжи языком, прятать взгляд... А он не может! Не может и не хочет! Ни врать, ни смотреть им в глаза – наивные и честные у Альса, понимающие и сочувственные – у Айлин. И что делать – непонятно, и как жить потом... Впрочем, жить ему долго и не придётся. Если даже Беатрис пощадит, он сам не сможет...

А мастер Ларци снова оказался прав. Как-то в разговоре он назвал грандмастера Тино живым мертвецом, и Лучано вымолил эту историю.

Жил-был удачливый и умелый Шип Валентино, старший мастер гильдии, наследник своего грандмастера... Только звали его тогда не Тёмный Омут, а попросту Утопленник, потому что Тино дважды чуть не отправился к Претёмной через воду. Сначала его бросили в реку младенцем, чтобы избавиться от нежеланного отродья, но какой-то рыбак выловил и отнёс в приют. Потом соученики в казармах столкнули в огромный чан с водой – видимо, было за что, и он чудом спасся.

А третий раз уж точно должен был стать для Тино последним, но и тут повезло. Раненого и упавшего в реку, его подобрала сердобольная вдова, стиравшая бельё... Дотащила до своего дома, выходила, не выдав рыскавшим в поисках людям дожа... И, говорят, была редкостно хороша собой, так что Тино стал захаживать к спасительнице чуть ли не каждый день. Нет, жениться не женился, конечно, а любовницу обычаи гильдии позволяют...

Но только через пару лет, когда у них уже давно всё было крепко, женщину кто-то заказал. И грандмастер, покровитель Тино, отдал этот заказ ему, сказав, что это экзамен, последняя ступень лестницы, ведущей в круг грандмастеров. А Тино этот заказ выполнил. Почернел весь, как сказал Ларци, но выполнил. Убрал свою женщину тихо, быстро и безболезненно... Сам, никому не дал к ней прикоснуться.

А потом грандмастер, его покровитель, вскоре скончался от странной болезни. И ещё несколько человек в городе умерли, один был дальним родственником и наследником той вдовы, остальные тоже имели к делу отношение. Вот они как раз умирали долго и очень нехорошо! А старший мастер Валентино стал грандмастером Тино Тёмный Омут, самым жестоким и лютым среди грандмастеров, которые и так благостью не отличаются...

«Живой мертвец, – брезгливо и холодно сказал о нём Ларци. Помолчал и добавил: – Страшная участь – умереть изнутри. Хуже просто смерти».

– Хуже... – прошептал одними губами Лучано и поднялся, шатаясь, как пьяный.

Постоял, приходя в себя, и пошёл обратно к костру. Его ещё хватило, чтобы вымученно улыбнуться и что-то ответить на обеспокоенный вопрос Альса, чтобы плеснуть себе горячего вина и выпить его, как воду, а потом даже прийти в себя.

– Что, прости? – отозвался он рассеянно сказавшему что-то дорвенантцу.

– Я говорю, ложитесь без меня, – терпеливо повторил тот. – Не спится, пойду отведу лошадей к ручью. Искупаю, гривы им переплету... Что толку лежать и ворочаться, да ещё и вам мешать буду. Нет, я лучше так... А вы ложитесь, день завтра не из лёгких.

– Это верно, – тускло подтвердил Лучано и, повернувшись, полез в палатку, где уже устроилась под своим одеялом Айлин.

Сначала у входа, как обычно, лёг синьор Собака, но потом вылез и потрусил куда-то, наверное, обходить дозором их крошечный лагерь, и Лучано с Айлин остались наедине.

Магесса лежала тихо, отвернувшись к стенке палатке, и Лучано, может, заснул бы, если бы не слышал её дыхание, прерывистое, словно девушка только что бежала или едва сдерживает слёзы. Вот уж ничего удивительного! Ему и самому было тошно, а ещё невыносимо хотелось сделать хоть что-нибудь! Ну, хоть что-то! Боль, что терзала его в лесу, ушла, сменившись беспомощной болезненной нежностью и жалостью. Вот Айлин снова вздохнула...

– Синьорина... то есть Айлин, – начал Лучано, испытывая непривычную робость. – Может, сделать тебе снотворное? У меня отличное зелье, пара капель в шампет – и ты проспишь до утра.

– Спасибо, Лу, – улыбнулась, судя по голосу, девушка и повернулась к нему. – Не стоит, право. Я быстро засыпаю. Ал ушёл к лошадям, да?

– О да, – вздохнул Лучано. – Будет чесать им гривы и петь колыбельные. Что ж, у каждого свой способ не поддаваться страху. Кстати, ты позволишь кое-что спросить?

– Конечно, – отозвалась Айлин, подложив ладонь под щеку и убрав с лица прядь высохших и распушившихся волос.

Лучано замялся, но всё-таки продолжил, виновато попросив:

– Прости, если мой вопрос покажется бестактным. Но как тебе удаётся быть столь спокойной? Ты взвалила на себя такую ответственность, какую возьмёт не всякий мужчина, ты добровольно идёшь навстречу смерти, и у тебя ещё хватает сил смеяться и шутить! Неужели ты совсем не боишься?

– А что мне остаётся, Лу? – тихо спросила магесса и её изумительные глаза, блескующие в лунном свете, вдруг потускнели, словно кто-то задул свечу. – Разве кому-то станет легче, если я буду грустить и плакать? Конечно же, мне страшно! Но я не должна бояться, иначе вдруг мне не хватит сил выполнить свой долг?

– Айлин, – выдохнул Лучано, сам не зная, что сделает, но сгорая от желания сделать хоть что-нибудь, чтобы облегчить её ношу. – Позволь мне помочь. Разреши прогнать эти мысли.

Его вдруг осенило, что в подобном случае гораздо лучше снотворного! И до чего кстати, что Альс ушёл надолго, от лошадей он раньше, чем через пару часов, не возвращается... Конечно, иногда и пара часов – это мало, но он-то действительно собирается не ночь любви устраивать, а просто хочет помочь расслабиться! Сначала – массаж с маслом мелиссы, потом он разотрёт ей ступни... А потом сделает всё, что девушка только может пожелать! Старательнее, чем в лучшем борделе Верокьи, нежнее, чем с невинной невестой...

В щеки бросился жар, и Лучано испугался собственных мыслей. Перед глазами как живая встала Айлин, купавшаяся в озере, и показалось, что он совершает святотатство. Как можно вожделеть женщину или девушку, настолько похожую на Всеблагую?! Точно – святотатство!

«Если вернусь в Верокью, отмолю у подножия «Весны», – поклялся себе Лучано. – Дюжину букетов принесу, самых красивых, ночь на коленях простою! А если доживу только до местной столицы, ну что ж, там приду в храм... Не прими за грех похоти, Всеблагая! Ты же видишь моё сердце, загляни глубже, в самые дальние уголки! Да, я никогда не избегал соблазнов, чего уж там... Но не сегодня! Только не с ней! Клянусь, я только хочу, чтобы она забыла о страхе! Это же и правда разгонит кровь лучше снотворного!»

Магесса удивлённо взглянула на него, приподняв голову от сложенной куртки, что служила ей подушкой, и Лучано коснулся её щеки с такой бережной нежностью, которой никогда в себе не подозревал. И удивился снова – Айлин закусила губу и резко отстранилась.

– Не нужно, Лу. Я ценю твой порыв, правда, ценю, но принять это предложение... я просто не могу!

«Эти дорвенантцы! – подумал Лучано растерянно. – Никогда их не пойму. Что плохого в том, чтобы получить немного удовольствия, особенно если собираешься умереть? Или она просто боится?»

– Айлин, послушай, – проговорил он со всей мягкостью, на которую только был способен. – Поверь, я глубоко уважаю тебя. Не знаю, что тебе известно об отношениях мужчины и женщины, но я клянусь, что предлагаю самое сладкое и лёгкое удовольствие, которое ты можешь испытать. И чтобы его подарить, мне совершенно не нужно лишать тебя невинности... И для себя я тоже ничего не прошу. Обещаю, тебе понравится! Всё будет, как в той новелле из «Замка любви», где Эрминио сорвал розу Гвендолин губами...

Её щеки даже в полутьме палатки вспыхнули так, что Лучано на какой-то миг показалось, что он чудовищно ошибся. Магесса оскорблена до глубины души и вот-вот приложит его каким-нибудь проклятием в придачу к подарочку королевы. Но только на миг.

– Дело не в невинности, – вымолвила наконец Айлин сдавленным от смущения голосом. – Просто... у меня есть жених, понимаешь? Я, конечно, знаю, что больше никогда его не увижу! Но и предать его таким образом тоже не могу!

– Прошу прощения, я не знал, – покорно откликнулся Лучано, пытаясь осознать отказ. Ладно бы просто отказ! Но ради жениха, который вот-вот останется вдовцом, не успев стать мужем? Эти дорвенантцы! – Не сомневаюсь, твой жених – прекрасный человек.

– О да! – горячо подтвердила магесса и улыбнулась так тепло и ласково, что Лучано разом согрелся. – Он такой добрый и благородный, и я стольким ему обязана! Ты просто не

представляешь... А ещё он красивый, и по нему вздыхают все девицы Академии! А он... а он выбрал меня! – добавила она так изумлённо, словно никак не могла поверить собственным словам, или словно в выборе неизвестного синьора мага было что-то странное. И тут же вздохнула: – Мы больше никогда не увидимся. Но это хорошо, наверное. Я всегда была... то есть... Лу! Если бы ты видел моих соучениц! Например, Ида – мы не дружили, совсем наоборот! Но она такая красавица, и, говорят, очень похожа на королеву. А я так подурнела за время дороги, – горестно вздохнула Айлин. – Представляю, как Ида сейчас злорадствовала бы... Но я даже её рада была бы увидеть! А он... то есть мой жених... он такой внимательный и заботливый! Это он подарил мне нож. А ещё – настоящие фраганские духи. Сам выбрал для меня аромат, представляешь? Они пахли цветами каштана...

«Чем? – поразился Лучано и тут же спохватился: – Ах да, фраганский каштан! Единственный вид, который можно использовать в парфюмерии!»

У Ларци в саду росла пара деревьев, и весной весь сад заливал тонкий, томительный аромат. Но... запах каштана так капризен, что за подобные духи рискнул бы взяться разве что признанный мастер-парфюмер, не говоря уже о том, что просто в лавке их не купишь! Подобные духи обычно делаются в очень хороших мастерских или на заказ, или для богатых парфюмерных домов, готовых предложить клиенту что угодно. Они готовятся многие недели, а уж стоят... Ларци взял бы за подобную работу никак не меньше двух десятков золотых, притом что за флакончик с ароматом роз или жасмина дают десяток, а ведь это тоже очень дорогие духи. Стоит признать, жених магессы, кем бы он ни был, человек редкой щедрости. И не менее редкой проницательности! Пожалуй, никакой другой аромат не подошёл бы синьорине Айлин больше каштанового... А ещё нож из небесного железа! Благие боги и Баргот, мужчина, подаривший своей возлюбленной нож, это должен быть потрясающий мужчина!

– Исключительно достойный человек, – вздохнув, подытожил Лучано и спросил, просто чтобы поддержать разговор: – Ты, должно быть, очень его любишь?

Глаза Айлин затуманились так, что его невольно уколола острая тоскливая зависть.

«Хоть бы взглянуть на этого жениха, – невольно подумал он, сам себе удивляясь. – Интересно увидеть человека, которого предпочли мне! Достаточно посмотреть на это лицо, другого ответа не нужно...»

– Нет! – вскрикнула, наконец, Айлин слишком уж громко, и Лучано поразился, впервые услышав в её голосе откровенно фальшивые ноты. Кажется, это услышала и она сама, потому что отвела взгляд и куда тише и искреннее поправилась: – То есть... Я думала, что нет. Но это путешествие и Разлом... Ах, да какая теперь разница?

«Огромная. И никакой, – подумал Лучано, поражаясь беспощадной правоте её слов. – И уже ровным счётом ничего не имеет значения: ни королевская кровь и оружейное мастерство Альса, ни твой талант магессы, ни то, что я, кажется, отдал бы собственную жизнь за то, чтобы растянуть этот вечер хоть на несколько часов. Хотя теперь моя жизнь стоит даже меньше обычного. Если даже её гадючье величество решит снять проклятие, смогу ли я жить дальше, как прежде – Шипом Претёмных Садов? Или за каждой женщиной мне будет мерещиться эта невозможная улыбка, а за каждым мужчиной – рука, выдернувшая меня из реки? Или, может, каждому, кого мне поручат убить, я стану мстить за то, что навсегда погасли глаза сумасшедшей дорвенантской магессы – как, говорят, мстит всему свету, но ещё больше самому себе, грандмастер Тино Тёмный Омут? Как бы там ни было, Шип Фортуно умрёт, как и сказала синьора Минри. Умрёт несчастным... какой же я был идиотто, когда не понимал, какой на самом деле богатый выбор она мне напороочила! И всё же ошиблась – я выбрал бы, видит Претемнейшая... и Странник... И все Благие! Вот только этого выбора у меня нет. Просто нет!»

Глава 9

Два Баргота

– Ой... – растерянно протянула Айлин, последней выбравшись из палатки. – Надо же было так заспать! – и растерянно уставившись на уже осёдланных лошадей. – Ал? Зачем ты так... С Искрой?

Повернулись к ней и Аластор, и Лу. Итлиец бледно улыбнулся, поднялся с брёвнышка, на котором сидел, и принялся снимать палатку, а Ал сконфуженно пожал плечами.

– Она захотела, – пояснил он так просто и виновато, словно это полностью объясняло, почему грива кобылы заплетена немыслимо сложными узлами и украшена вплетёнными в эти самые узлы плетями белого лесного вьюнка, только начавшими увядать и всё ещё нежно и сладковато пахнущими.

Ну в точности, как венок невесты! Жаль, к вечеру от этой красоты только воспоминание и останется... Гнедые кобылы Лучано смотрели на Искру со спокойным интересом, а вот Луна косилась с ревнивой завистью, то и дело тянулась к цветам мордой, но Искра отгоняла соперницу насмешливыми взмахами хвоста. Арлезийка отшатывалась с обиженным фырканьем, но ненадолго...

– Захотела? – растерянно повторила Айлин, и Ал смущённо кивнул.

– Прямо настаивала! Сначала меня к этим вьюнкам повела, потом принялась тыкаться мордой, я и заплёл... Сам не пойму, с чего она так раскапризничалась, – добавил друг озадаченно. – Она только один раз так носом крутила, три года назад, когда была жеребёй...

– Ну, если ей хочется, почему бы и нет? – улыбнулась Айлин. – Очень красиво! Мы... будем завтракать?

Вечером ей казалось, что перед ритуалом она не сможет съесть ни кусочка, а вот сейчас так захотелось свежих булочек, которых подают на завтрак в Академии. Конечно, их всё равно нет, но...

– Я сварил шамьет! – торопливо откликнулся Лу и бросился к костру. – Ал, тебе ведь с мёдом, как обычно?

Итлиец нервничал. Это было видно по вопросам, в ответах на которые он давно не нуждался, сверхъестественно точно угадывая, какой шамьет кто из них двоих любит. И по тому, как он едва заметно прятал глаза, отводя их и старательно делая вид, что просто занят. И даже по тому, как торопливо кормил Перлюрена, у которого, единственного из всех, настроение было игривым, и енот упорно ласкался к хозяину. Что ж, Айлин всё понимала. Наверное, Лучано тоже сожалеет о том, что скоро случится. Хорошо всё-таки, что ему не придётся убивать её самому! После всего, что они пережили вместе, это было бы... жестоко по отношению к Лу.

Она взяла из его рук чашку, удивившись, какие холодные у Лу пальцы. Да уж, Дорвенант не Итлия. А ей так хотелось когда-то побывать в этой прекрасной стране! Или в Арлезе... В общем, где-нибудь там, где есть море. Нет, хватит!

– А пирожки мастера Витольса уже кончились? – спросила она, и Лучано воззрился на неё с изумлением, почти с испугом, но тут же опомнился.

– Нет, конечно! Разогреть?

– Не надо, – попросила Айлин. – М-м-м, вкуснотища всё-таки... А вы что, не будете?

– М-м-м... – Лучано на миг замялся, потом с извиняющимися интонациями объяснил: – Простите, я перед делом никогда не ем. Привычка. Мало ли, вдруг в живот пырнут, голодному выжить легче, если к целителям вовремя попадёшь.

– Ты тут хоть одного целителя видишь? – буркнул Аластор и потянулся за пирожком. – А на голодный желудок воевать ещё хуже, силы-то нужны.

– Твоя правда, – вздохнул итлиец и взял последний пирожок.

Ели они в полном молчании, запивая холодные, но всё равно вкусные пирожки шамьетом, которого Лу сварил полный котелок. Потом, печально посмотрев, сколько осталось, вылил его на землю, даже не наполнив, как обычно, фляжку, и это почему-то вдруг резануло Айлин по сердцу простым и ясным осознанием: всё, пути обратно нет, это её последний шамьет в жизни. Как уж там будет в Претёмных Садах, неизвестно, но вот этот, искусно и любовно сваренный итлийским убийцей,

незаметно ставшим ей другом, он закончился – навсегда.

Потом Ал сноровисто прицепил палатку к заводной лошади Лу – сегодня это была Донна, сам Лучано убрал мелкую утварь – всё как обычно. Айлин же поняла, что не знает, куда себя деть. Листок с описанием и схемой ритуала, исписанный корявым почерком лорда Бастельеро, она изучала так часто, что он намертво впечатался в память каждым штрихом. Всё-таки мэтр Бастельеро – прекрасный учитель, даже для себя он написал ритуал так ясно, что ошибки быть не может, хватило бы только сил. Но у неё есть накопитель Мэрли, так что должно получиться. Обязательно должно! Иначе... иначе она даже в Претёмные Сады войти постесняется!

Так... что ещё может пригодиться? Она достала тетрадь Кирана Лоу, лихорадочно пролистала, пытаясь понять, не упустила ли чего-то. На глаза попала страница с подарком Разна – очень странный аркан, связывающий воедино мага, который проводит ритуал, и любого другого человека. В итоге должно было получиться что-то вроде фамильяра... нет, зачем ей это сейчас? Поздно! То есть не будь артефакта Мэрли, могло бы пригодиться – одной из функций аркана как раз и была перекачка энергии, но взять силу из неодушевлённого накопителя куда проще и надёжнее. А это... Жаль, уже не получится попробовать, магия сложная, опасная, но такая красивая!

Она решительно захлопнула тетрадь и убрала её в поясную сумку. Хватит тянуть время – пора ехать. Глубоко вдохнув и выдохнув, Айлин оглядела друзей. Лучано замер в седле, точёное лицо итлийца, похожее на старинную камю, было непроницаемым, но взглядом он встретился с Айлин и медленно опустил ресницы, показывая, что помнит всё, о чём договаривались, и этот договор в силе.

Аластор подошёл к ней и посадил в седло – тоже как обычно. Вот у него ладони были горячие, Айлин с радостью подержала бы его за руку ещё, наплевав на приличия. Но тянуть время действительно не стоило – только хуже будет.

Они выехали с гостеприимной полянки обычным порядком, держась почти вровень: Аластор посередине, Айлин с Лучано по бокам. С её стороны трусил рысцой Пушок, Лу вёл заводную кобылу с общей поклажей. Утро уже переходило в день, тёплый, но пасмурный, небо затянуло серыми тучами, через которые солнечный свет падал мягко и предметы не отбрасывали резких теней. Лошади шли ровно, и можно было бы поговорить, но не хотелось. Айлин начала охватывать лихорадка нетерпения: пусть уже всё поскорее кончится так или иначе! Портал притягивал её, словно магнит – железные иголки; им показывали такой опыт на занятиях по всеобщей артефакторике. Вот ещё немного, ещё...

«Наверное, я наоборот, должна чувствовать себя счастливой, – подумала Айлин, как будто глядя на себя со стороны. – Многие люди за всю жизнь так и не совершают ничего выдающегося. Даже на войне кто-то гибнет бесполезно и бессмысленно, а подвиги выпадают на долю одного из ста, а то и реже. Если у меня получится, значит, именно для этого я родилась магессой. Для этого училась, опережая обычную программу, развивала дар... И всё, что произошло в моей жизни, вело меня именно сюда ради этих нескольких минут. Я даже накопитель Мэрли получила, выходит, не случайно! И Пушка создала!

Но тогда и наша встреча с Аластором, а потом и с Лу тоже была предначертанной?! Если бы мы с Алом были вдвоём, то наверняка не доехали бы до Разлома. Не отравились бы грибами, так демоны бы нас порвали или Денвер убил. Но Аластор тоже именно такой, каким и должен быть! С его честью, ответственностью, великодушием и воинским мастерством. Получается, все эти годы учёбы у месьора д'Альбрэ Ал готовился именно к этому походу, сам того не зная. Как и Лучано, которого судьба привела из Итлии, научив нас, что благородство не зависит от рождения. Всё это части огромной мозаики, сложенной то ли богами, то ли судьбой, но совершенно точно зависящей и от наших собственных дел и помыслов...

Она встряхнула головой и смущённо улыбнулась собственным мыслям, которые вдруг показались ужасно высокопарными. Ещё немного – и вообразила бы, что лично боги присматривали за их безумным рывком через Дорвенант! А всё гораздо проще, ей всего лишь не хотелось, чтобы Аластор погиб. Иногда спасти дорогого тебе человека – огромная роскошь, но она согласна заплатить любую цену. С отцом вот не получилось, она тогда была маленькая и неуверенная в себе, не смогла найти слов, настоять на своём... Но в этот раз постарается и всё сделает как надо. Тогда в Претёмных Садах ей не будет стыдно ни перед отцом, ни перед мэтрами Лоу и Мэрли... И даже леди Гвенивер с Артуром должны будут признать, что она не посрамила свою кровь!

Разлом вырос внезапно, словно кто-то прятал его за пеленой стелющегося по лугу тумана, серого и влажного, доходящего лошадям до брюха. Кобылы шли по нему, как по странной реке, глухо чавкая копытами по мокрой траве, а у Пушка только морда плыла над туманом да кончик задранного вверх хвоста. Разлом же этот туман скрыть никак не мог, но вот скрыл до поры, и холм с ним вдруг оказался прямо перед их маленьким отрядом. Высокий, лысый, и марево, дрожащее над ним, сначала показалось продолжением тумана, однако Айлин тут же поняла, что ошиблась. У неё болезненно заныло в висках, а потом накатила холодная мерзкая тоска, такая же серая, как всё

здесь. Что за день, хоть бы солнце выглянуло!

Она не заметила, как выехала немного вперёд, жадно разглядывая прореху в ткани мироздания, грозящую погубить Дорвенант, а может быть и весь мир. Вблизи Разлом оказался отвратительно скучным. Бессмысленная и жестокая дрянь, погубившая столько людей! Неужели Барготу в самом деле этого хотелось? Он ведь не только Падший, но и божество разума, хоть это нельзя произносить вслух и даже думать не рекомендуется. Так зачем ему бесконечные кровавые боины и несчастья?

«Спросить бы его самого! – с отчаянным и злым весельем подумала Айлин. – Тело-то погибнет, но вдруг у души получится хоть ненадолго увидеть господина Запределья и высказать ему всё, что я об этом думаю!»

Она спешила, сразу утонув в тумане выше пояса, и досадливо поморщилась. Как звезду рисовать прикажете? Хотя вершина холма вроде бы над туманом...

– Это он, да? – негромко спросил тоже спрыгнувший с коня Аластор.

Разлом, словно услышав его, дрогнул, марево покачнулось, и Айлин показалось, что оно тянется к Аластору. Ну ещё бы, оно ведь завязано на его кровь. Надо торопиться!

– Он, – уронила Айлин внезапно охрипшим голосом. – Мне нужно несколько минут, чтобы начертить нужные знаки. Ал, привяжи пока лошадей. Ах да, и Пушка тоже! – спохватилась она в последний момент и соврала недогнувшим голосом: – Он ведь всё-таки умертвие, вдруг такая сильная магия ему повредит? Пары десятков шагов должно быть достаточно.

«Лишь бы не кинулся следом за мной в Разлом, как на Тёмные тропы, – подумала она. – Не хочу забирать его с собой. Пушок умный, он выберет себе нового хозяина. Аластора, например. Заодно и память обо мне будет!»

– Пушок, иди с Алом, – сказала она спокойно, хотя сердце рвалось пополам, так хотелось обнять огромного пса, зарыться лицом и руками в мокрую белую шерсть, сказать, как она его любит – Пушок ведь всё понимает!

Но нельзя! Аластор обязательно поймёт, что это прощание неспроста.

И Айлин лишь погладила волкодава по голове, как делала постоянно, да коснулась мохнатой морды быстрым ласковым жестом.

– Я сейчас, – кивнул Аластор, уводя за поводья всех четырёх кобыл.

Пушок посмотрел на Айлин укоризненно, как ей показалось, но послушно пошёл следом.

– Лу, побудь здесь, – попросила она, обернувшись к итлийцу. – Мне там нужно всё подготовить.

– Я понимаю, – церемонно поклонился тот, хотя в последнее время полностью пренебрегал обычным этикетом.

Вздохнув, Айлин принялась подниматься на холм, с каждым шагом ощущая, как давит на тело и разум близость Разлома. Вблизи он оказался темнее, чем выглядел снизу, похоже, свойства реальности рядом с чудовищным прорывом в Запределье менялись, обманывая человеческие чувства. Шаг, ещё шаг... И Разлом почернел, наконец явив свой настоящий облик – огромную прореху прямо в воздухе, чёрную и бездонную, ведущую в немыслимые и необозримые глубины.

Айлин поморщилась: некротические эманации здесь были густыми до омерзения. Так много смертей... Меньше, чем в той деревне, да и более давние, но всё-таки противно. Она огляделась и заметила на голой, словно выжженной поверхности холма неглубокие тонкие линии, образованные запёкшейся землёй. За столько времени её ни дождь, ни снег не размочили? Ну и хорошо, вот эту звезду она и использует, будет быстрее и надёжнее.

Найдя вершину, от которой следовало чертить, Айлин сняла с пояса нож, взяла за лезвие в ножнах, присела и с силой воткнула наверх рукоятки в нужную точку. Не лезвием же чертить, ей ещё Алу руку резать! Давно известно, что собственный нож никогда не станет для некроманта источником заразы, но вот к ритуальным жертвам эта поблажка не относится, Ал же, как ни крути, именно жертва.

Несколько минут она тщательно восстанавливала звезду, потом, оглядев результат своего труда, принялась чертить руны и знаки. Земля поддавалась неохотно, Айлин быстро устала, но спешила, понимая, что времени у них немного. Или снова случится прорыв, нацеленный на Аластора, или демоны поблизости объявятся, или... Разыгравшемся воображению представилось, как из Разлома высовывается чудовищных размеров лапа, и громоподобный голос интересуется, что это за козявка мешает планам самого Баргота... Стиснув зубы, Айлин покосилась на чёрную прореху в никуда и

ещё сильнее заторопилась.

Наконец, последний знак чётко и ровно, несмотря на спешку, лёг на землю, и Айлин выпрямилась. Глянула вниз и махнула рукой – Аластор и Лучано бегом поднялись по склону. Замерли неподалёку от звезды, понимая, что теперь всё зависит от Айлин, и ожидая приказаний. Она же снова глянула вниз, чувствуя, что всё-таки забыла что-то. Так, лошади у ближайших кустов, Пушок тоже привязан... Чаша не потребуется, в этой версии ритуала кровь должна течь прямо на землю... Айлин стряхнула с любимого ножа удобные ножны, глянула на блеснувшее лезвие – идеально чистое, как и полагается. И такое острое, что разрез быстро затянется. Ну, может, шрам останется, но шрам – это же ничего, правда?

Она всё просчитала и перепроверила сотню раз, должно получиться! Ритуал, написанный самим Избранным Претёмной Госпожи, блестящим мастером некромантии, обязан быть безупречным! На миг Айлин прикрыла глаза, попытавшись вспомнить лицо лорда Бастельеро... Грегора... своей первой любви...

Он встал перед её внутренним взором ясно, как живой, но тут же очертания лица и фигуры заколебались, чёрный камзол с фиолетовой отделкой стремительно посветлел, а вместо лица, словно вырезанного из белого мрамора, и пронзительно синих глаз она увидела совсем другое лицо, смуглое, с горбинкой крупного носа, чёрной бородкой и угольно-чёрными же глазами. «Прощайте... – выдохнула Айлин обоим. – Мне так жаль, правда... Но вы ведь меня поймёте – оба!»

Сглотнув вставший в горле ком, она снова глянула на нож. Ну что, пора? И тут вторая ладонь, свободная от ножа, дёрнулась к поясу, наткнувшись на что-то привычное, мягкое. Ах да, сумка! Ну как же она могла забыть?! Поясная сумка, подарок магистра Мэрли! А в ней гримуар мэтра Лоу и её собственные записи! Едва не утянула с собой такую ценную вещь!

Она принялась торопливо распутывать тесёмки, в ответ на удивлённый взгляд Ала пояснив:

– Это очень сильный артефакт! В нём слишком много магии, и я не знаю, как она будет работать так близко к Разлому. Вдруг помешает заклинанию? Пусть уж побудет у Лучано! Лу, ты ведь не против? Ал, а ты пока сними куртку и закатай рукав. Можешь её во-о-он там положить на камень, чтобы не отсырела.

Аластор отошёл к самому краю вершины холма и принялся снимать плащ, потом стягивать куртку... Айлин торопливо шагнула к Лучано и, оказавшись так близко, словно собиралась обнять, принялась закреплять кошелек на его поясе.

– Когда всё закончится, – шепнула она одними губами, чтобы не услышал Ал, – возьми себе мой нож. Не хочу, чтобы он просто пропал! И браслет, если сможешь, хорошо? Отнеси его с этим кошельком в Академию и отдай магистру Белой гильдии. Он точно найдёт этим вещам применение.

– Магистру Белой гильдии... – так же беззвучно шевельнул губами Лучано. – Я понял. Синьорина...

– Спасибо тебе за всё, – так же торопливо прошептала Айлин. – Береги Аластора и... себя.

Торопливо отвернувшись, она шагнула навстречу вернувшемуся Аластору, мрачному, но решительному и спокойному. Ал остался в штанах, заправленных в сапоги, и рубашке, правый рукав которой был закатан до локтя. Светлые волосы заплетены по-вольфгардски, она сама их вчера переплетала, в голубых глазах... Что у него в глазах, она прочитать не смогла, просто улыбнулась, жалея, что не может заранее попросить прощения. Дура! Надо было ему записку написать! И остальным – тоже! И ведь видела, как сам Аластор пишет письмо... Почему она такая дура?! И снова поздно...

– Ну что, готов? – выдохнула она, и Аластор кивнул.

Доверчиво подставил ей руку, даже не поморщившись, когда лезвие полоснуло по коже, и узкий алый разрез налился кровью.

– Лей в звезду, – приказала Айлин. – Всё равно куда.

Она не стала уточнять, что если бы Аластора приносили в жертву по-настоящему, делать это следовало бы ровно в центре магической фигуры, но жертва в этот раз будет иной, и потому неважно, куда лить кровь, это всего лишь ключевой ингредиент, устанавливающий связь. Хорошо, что в магии здесь разбирается только она, иначе Ал наверняка почувствовал бы неладное.

Он так же послушно и доверчиво наклонил ладонь. Алые капли устремились к земле, потом слились в тоненькую струйку... Айлин забеспокоилась: не слишком ли она сильно резанула?

– Лу, перевяжешь его потом, ладно?

- Уно моменто! - откликнулся итлиец и тут поправился: - Сразу же!

Айлин снова глубоко вздохнула и с усилием оторвала взгляд от красной лужицы у своих ног. Казалось, что земля, несмотря на влажность, жадно впитывает драгоценную кровь. А выше, всего в двух шагах перед ней, дрожала чёрная пелена Разлома. Где-то там, в самой её глубине, вспыхивали огни, похожие и совсем не похожие на звёзды. Пожалуй, это было бы даже красиво, если только не думать, куда ведёт портал...

Айлин подняла нож на уровень глаз, чувствуя, как стремительно утекает решимость, которой и так было немного.

«Надо что-то сказать, - беспомощно подумала она. - Что-то такое, что заставит собраться и сделать, наконец, должное! Милости Претёмной прошу? Нет, сколько можно полагаться на Её милость? Пора уже сделать что-то самой! За Орден и Дорвенант?»

Но такие знакомые слова отчего-то совсем не прибавили мужества и вообще показались какими-то пустыми.

«Ну и ладно! - подумала Айлин с накатившей вдруг весёлой злостью. - Пусть за Орден и Дорвенант умирают правильные маги, а я... За ту деревню, вырезанную демонами, за лекции в Академии, за кондитерскую с любимыми конфетами Саймона... За Ала и Лу, за тётушку Элоизу и милорда Роверстана, за Дарру и Саймона, Иоланду и даже... даже за енотов!»

Всё это так живо встало вдруг перед её глазами, что смерть показалась совсем нестрашной.

Торопясь, пока это не прошло, Айлин обернулась, последний раз глянула на друзей. Аластор стоял достаточно далеко, чтобы не успеть, да и Лу должен его оттянуть. Всё правильно. Всё как надо.

- Прости, - сказала она, зная, что потом Ал обязательно вспомнит.

И без разбега прыгнула в портал, как в обычное окно.

Тьма приняла её мягко и почти ласково, но это длилось всего несколько мгновений, а потом пришла боль. Страшные жернова стиснули Айлин, размалывая на куски, мир вокруг стал алым, и она закричала, потому что не могла даже представить такой боли, не знала, что подобное может существовать. Это длилось, и длилось, и длилось дольше, чем она могла вынести, и Айлин кричала, не зная, чем кричит, если у неё больше нет ни рта, ни горла, ни остального тела. Но собственный крик звучал бесконечно, оглушая её, а потом всё кончилось. И боль, и крик, и мысли вместе с памятью. Бездна поглотила то немногое, что ещё осталось от её рассудка, и Айлин не стало.

* * *

Всё это утро было неправильным, как в кошмарном сне, когда понимаешь, что это сон, а проснуться всё равно не получается. Быстрые взгляды, слабые улыбки, старательная вежливость... Лучано хотелось орать и швыряться ножами, а нужно было вести себя так, словно ничего ужасного не происходит.

Сейчас они прогуляются до этого Барготом помеченного холма - причём в самом прямом смысле помеченного! - Айлин быстренько совершит ритуал, и можно будет трогаться в обратный путь, распевая куплеты на манер странствующего балагана... М-м-м-мерзость... Фальшивая гнусная мерзость!

Он едва не выдал себя, когда выливал оставшийся от завтрака шамьет. Альс даже покосился с недоумением. А Лучано просто не мог даже подумать, что вот сейчас они пили этот шамьет все вместе, а потом их останется двое... Нет-нет, лучше он потом сварит новый! Да просто не до того, чтобы аккуратно разливать его по флягам, заворачивать крышечки... Нет, пальцы у него не трясутся! Ещё чего не хватало! Но... не до того, видит Претемнейшая!

Перлюрен, звериным умишком сообразивший, что с хозяином творится неладное, юркнул в сумку и притаился там, а Лучано огромным усилием воли заставил себя стряхнуть странное оцепенение. Потом, решив, что этого явно недостаточно, покопался во внутренних карманах куртки и, улучив момент, высыпал на язык щепоть порошка, который знающие люди очень точно называли «умру после тебя». Трофейная дурь, взятая на теле убитого мага, огнём вспыхнула во рту, который разом пересох, ударила в голову, и мысли тут же стали ясными, а главное, короткими и послушными. Зато кровь побежала по жилам куда быстрее, тело мгновенно согрелось, и Лучано пришлось осадить себя, чтобы не двигаться слишком стремительно и резко.

Он запил порошок водой, зная, что от сухости во рту теперь долго не удастся избавиться, но тут уж ничего не поделаешь. В памяти всплыло лицо мастера - Ларци неодобрительно покачал головой, а

призрачные губы явственно проговорили: «Идиотто».

«Я чуть-чуть, – виновато отозвался Лучано то ли мастеру, то ли себе самому. – Только для того, чтобы никакая поганая неожиданность не застала врасплох. Не сегодня. Не сейчас. Слишком много поставлено на карту».

Он глубоко вздохнул и велел себе успокоиться. Глупо переживать, если заранее знал, что так и будет. Айлин готовилась к этому слишком долго, и ей сейчас потяжелее, так что нечего портить ей настрой похоронным видом и вызывать у Альсы ненужные подозрения, м?

Уговоров хватило надолго – аж до самого холма. Стиснув зубы, Лучано поднялся на него, хотя ноги так и норовили подкоситься, словно в жертву должны были принести его самого. И даже зелье не помогало! Только сердце молотило быстрее обычного, да хотелось бежать и драться, как положено, однако впервые разум и тело пошли у него в такой разлад. Может, «умру после тебя» паршиво сварено? С какими-то добавками? Надо было заранее попробовать...

«Идиотто», – снова явственно коснулось его слуха, и Лучано полностью согласился. Принимать дурь, которую не сам сварил, это редкостная тупость. Но... При этом он прекрасно понимал, что дело не в зелье. Просто всё неправильно. Всё!

Бледная Айлин с сияющими глазами, каменное лицо Альсы... Проклятье, даже лошади как будто что-то почувствовали! И эта грива Искры! У Лучано чуть сердце не оборвалось, когда он увидел. И не объяснишь ведь, что приметы хуже и придумать невозможно! Когда-то, когда Верокья ещё не была под благой властью Семерых, чтобы реки мирно несли воды и в них не переводилась рыба, каждый год в самом глубоком месте Льяметты топили невинную девуцу. А перед этим провозили её по городу в одной рубашке и с распущенными волосами. Весенняя дева, так это называлось... И везти её непременно следовало на лошади, в чью гриву вплетали столько цветов, сколько помещалось, как и в волосы девушки...

Потом те времена прошли, но до сих пор ни один итлиец в здравом уме никогда не украсит лошадь цветами, а этот... этот идиотто!

Хорошо ещё, что это кобыла Альса, а не Айлин! Здоровенный дорвенантец хотя бы совершенно не походил на хрупкую девушку-жертву! А вот если бы он заплёл цветочками гриву Луны, на которой ехала магесса, Лучано мог бы и сорваться. Ничего хорошего из этого точно не вышло бы... Ох, да хватит, в конце концов! Шип он или нервная девица?! А ещё грандмастером стать мечтал. Когда-то. Немыслимо давно. До приезда в Дорвенант.

А кошмар всё продолжался. Айлин даже на грани смерти нашла время подумать о нём. Велела взять нож... И беречь себя... Лучано загнал поглубже то ли стон, то ли всхлип, так и не дав ему сорваться с губ. Сумасшедшая девчонка! Миг, ещё один... Он жадно ловил каждый взгляд своей синьорины, каждый поворот головы, каждый блик от скупого сегодня солнца на её рыжих волосах. Тучи нависали низко, словно собирались вот-вот разразиться дождём, и всё-таки даже сейчас её тугие медно-золотые локоны ухитрялись вспыхивать искорками...

– Прости... – услышал он, и время кончилось.

Айлин шагнула в портал, и тут Лучано понял, что за звук настойчиво лезет в уши сквозь вязкую тяжёлую глухоту. Пушок. Волкодав, которого Аластор привязал под холмом, рвался с привязи и дико, утробно хрипел, так что было слышно даже здесь. А потом завыл – первый раз на памяти Лучано подав голос.

Чёрная прореха в воздухе, куда провалилась Айлин, задрожала и начала смыкаться с краёв к середине. Медленно, ещё слишком медленно...

– Айлин! – заорал Альс и рванулся туда.

«Это из-за Пушка, – успела прийти короткая и совершенно несвоевременная мысль. – Альс не маг, он не знал, как всё будет. Но Пушок завыл – и он понял. Неудачно. Может успеть».

Мысль ещё длилась, а тело, подстёгнутое дурью, уже сработало на опережение. Кидаться на плечи дорвенантскому медведю? Никакого смысла – даже не заметит! Подножка? Ненадёжно.

И Лучано кинулся ему в ноги сам, всем телом. Расчёт оказался верен, Аластор споткнулся и полетел через него. Упал правильно, упруго – тут же распрямился и вскочил, но драгоценное мгновение было потеряно. Чёрная полоса в нескольких шагах от него поблёкла, замерцала и окончательно затянулась, только серый след, похожий на дымный, всё ещё держался в воздухе.

– Айлин! – снова исступлённо закричал Аластор и кинулся туда, не глядя на тоже вскочившего Лучано, но... пролетел через эту полосу, как через клочок обычного тумана.

Замер, не поворачиваясь, потом обернулся, зачем-то провёл рукой по воздуху... У Лучано резануло сердце от бессмысленности и отчаяния в этом жесте. А потом Аластор глянул на него, словно впервые увидел, и хрипло не спросил, а сказал с полной уверенностью:

– Ты знал.

– Знал... – коротко выдохнул Лучано, не в силах сейчас ни лгать, ни увиливать.

И Аластор бросился на него.

* * *

Беспамятство отпускало медленно и неохотно. Открыть глаза никак не удавалось, слух тоже не спешил возвращаться, но лежать было мягко, тепло и так уютно! По лбу невесомо скользнула чья-то ласковая рука... какой прекрасный сон!

Сон? Но прикосновение было таким реальным! Может быть, сном было всё безумие последних недель? Мэтр Бастельеро, пожелавший принести в жертву Аластора, итлийский убийца, посланный королевой? Метели в середине весны, деревня, уничтоженная демонами, аккару, словно сошедший со страниц учебника нежитеведения, чтобы держать трактир под Керуа? «Весёлый упырь», приснится же такое? Нужно рассказать Саймону, ему точно понравится!

«Айлин Мелисса Элоиза Игрейна Ревенгар! Приди!»

Холодный резкий голос то ли тоже приснился, то ли вспомнился, но Айлин сразу же стало не по себе.

«Не хочу! – мысленно ответила она. Никуда приходить ей и в самом деле не хотелось – а хотелось лежать на мягком, и чтобы ласковые руки ещё погладили её по волосам...

Минутку, а чьи это руки?!

Айлин распахнула глаза и задыхнулась – женщину, одетую в лиловое, что наклонилась над ней, она видела лишь однажды и только в зеркале, но мгновенно узнала и глаза цвета тёмного янтаря, и веточку вереска в тёмных волосах, убранных просто, но изящно, и ласковую улыбку...

Значит... Значит, путешествие не было сном, раз она очутилась в Претёмных Садах! Правда, странно, что сама Госпожа так ласкова к ней... Или это вовсе не Сады? Но что же тогда?

Претемнейшая снова улыбнулась, глядя на Айлин с нежностью.

– Ты очнулась, моя милая? Как я рада!

Перед глазами появился белоснежный платочек, шёлково блестящий, украшенный по краям изысканной вышивкой – цветочки вереска, крохотные, лилово-розовые, вышитые так искусно, что казались живыми... Айлин поспешно протянула руку к платку и замерла, поняв вдруг, насколько грязная у неё рука.

Похоже, она успела испачкаться в крови Аластора, а потом и в земле, так что ладони теперь тёмные и липкие. А лицо? Неужели и за него схватиться умудрилась? Наверняка, иначе почему кожу на щеках так стянуло? Ох, она, должно быть, выглядит хуже только что поднятого умертвия! Нет-нет, пачкать кровью подобную красоту совершенно недопустимо, но и оставаться такой грязной перед Претемнейшей просто невозможно...

– Не издевайся над девочкой, моя радость, – прозвучал откуда-то из-за спины Претемнейшей глубокий звучный голос, и Айлин, даже не видя, поняла – владелец голоса усмехается.

Задыхнулась, боясь даже подумать, кто может разговаривать столь непочтительно с Претемнейшей в её владениях. Но Госпожа отчего-то вовсе не рассердилась, только растерянно улыбнулась, снова бережно и невесомо погладила Айлин по наверняка ужасно спутанным и грязным волосам, и зачем-то сунула платок в карман её куртки.

– Позвольте мне помочь вам, юная леди, – прозвучал тот же мягкий голос уже совсем рядом.

Чуть повернув голову, Айлин увидела короткие замшевые сапоги, светлые штаны и самый край то ли рубашки, то ли туники из тонкого выбеленного льна, тоже светлой и украшенной затейливой вышивкой. Неизвестные цветы, травы и змеи сплетались в тонкую прихотливую гирлянду, отблёскивающую то серебром, то бледной зеленью, то едва уловимой голубизной. Какая странная одежда! Совсем не для приёма гостей, разве что это очень близкие гости... Ох, вот это уж точно не её дело, почему Претёмная Госпожа принимает наедине мужчину, одетого так фривольно!

Порядочные девушки об этом не задумываются!

Она подняла глаза выше, на лицо незнакомца, и поразились его непримечательности и одновременно сходству с фамильными портретами в галерее Ревенгаров! Такие же тонкие бледные губы, как были у отца, Артура и бесчисленных поколений её предков, такие же высокие скулы и белёсые брови, такие же светло-русые волосы, связанные в хвост и переброшенные на плечо. Вот только глаза... Совершенно поразительные глаза – большие, миндалевидные, с чуть приподнятым к виску внешним уголком, и радужка зеленее самых зелёных яблок, весенней травы, молодого мха и всего зелёного, что Айлин когда-либо видела. Она поспешно отвела взгляд, вспомнив, что неучтиво разглядывать незнакомца, но успела заметить, что в руках у него кувшин.

– У неё твои глаза, – растерянно произнесла Претёмная Госпожа, и мужчина едва заметно кивнул ей, но обратился к Айлин:

– Вы сможете встать сами?

– Я... Да, конечно! – заторопилась Айлин, поспешно села и едва удержалась от гримасы – так вдруг закужилась голова.

Как странно! Она тут же отбросила эту мысль, решив, что обдумает все странности попозже.

Зато теперь она могла осмотреть всю комнату, точнее, широкую террасу из белого мрамора. Посреди неё был накрыт самый обычный стол, как накрывали для малого ужина в доме тётушки Элоизы: трепетали огоньки свечей, лёгкий парок курился над стеклянным кувшином с травяным отваром, судя по цвету, а от большого, накрытого салфеткой блюда так пахло выпечкой, что Айлин невольно сглотнула и старательно посмотрела в другую сторону.

Терраса спускалась в тёмный сад, и лёгкий ветерок донёс до Айлин аромат влажной земли, незнакомых цветов и клейких зелёных листочков. Где-то вдали тихонько перещёлкивались соловьи...

Мужчина с кувшином отошёл к ступеням, выжидающе взглянул на Айлин, и та последовала за ним, пытаясь угадать – кем же он может быть? Может быть, это кто-то из Семи Благих? Но кто? Ясно только, что не Пресветлый Воин, совсем не похож... Всеумелый Мастер? Творец Превращений? Их тоже изображают иначе. Да и что им делать во владениях Претемнейшей, ведь Творец Превращений – супруг Всеблагой Матери... А может быть, это Великий Безликий? Это объяснило бы, почему его лицо совсем ей незнакомо – ведь Великого Безликого всегда изображают с закрытым лицом...

Вода в кувшине оказалась неожиданно тёплой, и Айлин умылась с таким удовольствием, какого не испытывала, пожалуй, ещё ни разу. Как же приятно быть чистой! Ну... хотя бы относительно чистой! Да, вчера она выкупалась в ручье, но в дороге тело пачкается мгновенно. Мужчина тут же протянул ей платок, тоже белый, но большой и плотный, совсем не похожий на платочек Претемнейшей.

– Как вы теперь себя чувствуете, юная леди?

– Благодарю вас, просто замечательно, – торопливо заверила его Айлин, пытаясь понять, как же обращаться к этому странному человеку? Меньше всего ей хотелось бы показаться невежливой! – Только... только немного странно. Разве души могут чувствовать... – Она замялась, думая, как объяснить всё, что испытывает, и неловко закончила: – Чувствовать плоть?

Мужчина понимающе кивнул.

– О нет, юная леди. Конечно же, души не способны чувствовать плоть. Они попадают сюда в несколько ином агрегатном состоянии... – и, перехватив её непонимающий взгляд, сочувственно вздохнул: – В иной... форме. Но с вами всё иначе. Вы голодны?

– Что? – растерянно спросила Айлин и вспомнила, что, согласно этикету, оказавшись в гостях у более родовитых особ, следует отказаться от угощения, если речь не идёт о званом ужине. А кто может быть знатнее самой Претемнейшей?

Она открыла было рот, чтобы заверить, что вовсе не голодна, но выпечка пахла так восхитительно! Айлин сглотнула, и мужчина снова слегка кивнул.

– Разумеется, голодны. Прошу к столу. В вашем возрасте не следует пренебрегать нуждами тела. Помнится, у моего бывшего ученика всегда болела голова от голода...

Он предложил Айлин руку с небрежным изяществом, которое сразу выдавало дворянина, и повёл её к накрытому столу.

Вид высоких кресел, обитых мягкой светлой тканью, снова вызвал в Айлин мучительную неловкость: лицо и руки удалось вымыть, но её дорожная одежда так и осталась грязной, перепачканной пылью и потом, а уж как от неё, должно быть, пахнет! Лучше и не думать! Правда, ни Претемнейшая, ни её неизвестный гость не выражают никакого недовольствия, но это лишь оттого, что они учтивы.

Гость Претемнейшей любезно отодвинул кресло, и Айлин поспешно присела на краешек, надеясь, что обивка не запачкается или, по крайней мере, запачкается не очень сильно. Второе кресло рядом предназначалось, видимо, для Претемнейшей, и мужчина учтиво дождался, пока Госпожа поднимется с диванчика, на котором сидела и займёт место за столом. Лишь после этого он сел сам и принялся разливать по чашкам дымящийся травяной отвар. Айлин тайком потянула носом, но так и не поняла, какие же травы настаивались в кувшине. Вкус тоже был незнакомым, крепким и терпким, приятно-кисловатым, ягодным, с тонким цветочным послевкусием... Совсем не похоже на шампет, но как же восхитительно!

Гость... или всё же хозяин дома? – отложил салфетку, накрывавшую до того блюдо с выпечкой, и положил на тарелку Айлин пышную румяную булочку, выпеченную в форме сердца и посыпанную корицей. Ещё одну булочку взял сам, отломил небольшой кусочек, но есть не стал – просто смял пышный мякиш длинными пальцами и задумался, глядя куда-то в сад...

Айлин робко откусила и едва не застонала от удовольствия – булочка была такой вкусной! Или просто дело в том, что вчера вечером она почти не ела, да и утром лишь перекусила?

– Да, вы – особый случай, – заговорил, наконец, мужчина, переведя взгляд с сада на Айлин. При этом его лицо, только что спокойное и расслабленное, стало вдруг внимательным и любопытным. – Видите ли, юная леди, вы первая на моей памяти, кто попал сюда... скажем так, во плоти. Но вы ведь и сами это поняли, не так ли?

Айлин с сожалением отложила остаток булочки на тарелку – совмещать беседу с едой было бы совершенно неуместно! – и неуверенно кивнула.

– Я понимаю, милорд...

– Можете звать меня Керен, – подсказал мужчина, поняв её затруднение. – Или мастер Керен, если так вам будет удобнее. У меня нет титула в вашем понимании, но мастер – это вполне уместно и соответствует действительности.

– Хорошо, мастер Керен, – послушно повторила Айлин. – Я действительно поняла про плоть. Поэтому за мной не пришли Провожатые, верно? За магистром Кристофом они приходили и... не только за ним, – закончила она неловко.

Мастер Керен благосклонно кивнул, до боли напомнив ей мэтров Академии, и взглянул с доброжелательным интересом, словно ждал чего-то ещё... Чего?

Почему она попала сюда во плоти?

– Подождите, мастер! Вы... разве я могу быть жива?..

Глаза мастера Керена засияли, он даже едва заметно склонил голову, приложив руку к сердцу.

– Но Разлом! – с ужасом выдохнула Айлин, переводя взгляд с мастера Керена на Госпожу. – Он не закрылся? Я не... Всё было зря?!

Весь этот путь? Брошенные друзья? А что же теперь будет с Аластором?! Она, самонадеянная дура, всё же не смогла никого спасти?!

– Нет-нет, дитя моё, – мягко ответила Претемнейшая. – Разлом закрыт, не сомневайся. Ты прекрасно справилась. Но что же нам делать с тобой?

– Со мной? – растерянно переспросила Айлин, от облегчения не вполне понимая, о чём говорит Претемнейшая. Разлом закрыт! Вот что важнее всего! Аластор будет жить, и Лучано тоже! Жаль только, что не удастся навестить тётку... и милорда Дункана... и Дарру с Саймоном... Но и они тоже будут жить! – А зачем со мной что-то делать?

– И в самом деле, зачем? – преувеличенно серьёзно поддакнул мастер Керен. – В конце концов, живой человек в Претёмных Садах – обычнейшее явление, не так ли?

Ох! Айлин прижала ладони к щекам, чувствуя, как они полыхают от смущения. Надо же быть такой глупой, не зря мастер Керен над ней смеётся! Но...

– Боюсь, мой дорогой супруг, ваши шутки сейчас не слишком уместны, – тихо уронила

Претемнейшая, и в ласке её голоса Айлин померещился скрытый яд. – Девочка пережила серьёзное потрясение, а сейчас растеряна даже я сама.

Мастер Керен усмехнулся, но промолчал, а Айлин... Ей вдруг показалось, что воздух куда-то исчез, так что она вот-вот задохнётся. «Дорогой супруг»? Но... Супругом Претемнейшей был... Нет, не может быть! Он даже выглядеть должен совсем не так! Мастер Керен слишком обыкновенный и совсем не страшный, он не может быть Ба...

Она с ужасом воззрилась на человека, сидящего напротив неё за столом, и увидела, как тонкие бледные губы тронула улыбка.

– Мне тоже никогда не нравилось это прозвище, – доверительно признался он. – Оно такое нелепое и высокопарное! Предпочитаю именоваться Кереном, это имя куда старше. Что до всего прочего, люди часто склонны рассказывать небылицы о тех, кого никогда не видели. Приписывать другим странные мотивы... Я уже не говорю об этих ваших сектантах! Перебить столько народа и ожидать за это награды? Мне это кажется заметным показателем нездорового рассудка.

Айлин невольно кивнула, припомнив мэтра Денвера, и тут же спохватилась: если мастер Керен всё-таки Баргот... можно ли с ним соглашаться? Верить ему? Но... но ведь служители Семи Благих говорят, что Баргот был изгнан в Запределье, и что у Претемнейшей больше нет супруга, но вот же они, сидят рядом, до того похожие на тётушку Элоизу и дядюшку Тимоти – те в точности так же подшучивают друг над другом... И... и сама Претемнейшая зовёт его супругом, а уж ей-то виднее, чем её служителям!

– Как странно всё, что сейчас происходит, мой Керен, – тихо сказала Претемнейшая, глядя поверх головы Айлин, и Ба... мастер Керен пожал плечами:

– Как и следовало ожидать. Разве у дитя, рождённого при моём участии, жизнь могла сложиться обычно?

– Пожалуй, нет, – согласилась Госпожа, а Айлин зажала рот рукой, сдерживая крик.

Леди Гвенивер часто называла её Барготовым отродьем, и Айлин всегда думала, что заслуживает это своим поведением, но что, если... если это правда? Что, если она, Айлин, действительно Барготово отродье?! Тогда понятно, почему ей никогда не удавалось вести себя так, как подобает истинной леди! И почему леди Гвенивер никогда её не любила – как можно любить воплощение зла?!

Её мысли оборвал тихий, но поразительно искренний и заразительный смех мастера Керена.

– Воплощение зла! Надо же было до такого додуматься! Я уже не помню, когда в последний раз так смеялся! Поверьте, – добавил он, разом посерьёзнев. – Зло – чрезвычайно относительное понятие, но в вас никакого зла нет. Есть сердце и прочие внутренности, много храбрости и наивности... – Он скользнул взглядом по столу. – И половина булочки. Вот и всё. Нет, я вовсе не претендую на лавры вашего почтенного отца и тем более не посягал на добродетель вашей матери... Кровной матери, – уточнил он, лукаво блеснув глазами. – Тем не менее, вы бы не родились, если бы не моё благословение. Впрочем, всё это отвлечённая беседа, я же полагаю, что вам, как и моей драгоценной супруге, куда интереснее то, что теперь с вами будет. Лично я вижу два варианта. К примеру, вы можете некоторое время побыть с вашей приёмной матерью, а затем спуститься по этим ступеням и отправиться в Претёмные Сады, которые расположены неподалёку. В этом случае в мире живых появится ваше тело. Мёртвое, разумеется.

Айлин вдруг очень захотелось согласиться. Рядом с Госпожой было так хорошо и легко, а тёмный сад манил обещанием покоя. Она ведь сделала главное дело в своей жизни, правда? И так устала... Разве она не имеет права отдохнуть?

– Или вы можете остаться здесь, в моих владениях, – вкрадчиво продолжил Керен, и его глаза блеснули. – Я не отказался бы от новой ученицы, к тому же так вы сможете время от времени встречаться с моей драгоценной супругой. Конечно, отсюда вы всё равно попадёте в Сады, когда умрёте, но едва ли это случится скоро. Откровенно говоря, – добавил Ба... мастер Керен, едва заметно поморщившись, – мне было бы куда приятнее вернуть вас в мир живых. Увы, правила непреложны: дверь сюда открывается лишь с одной стороны.

– Одной... – повторила Айлин, как заворожённая. – То есть не отсюда?

– Ну, разумеется, не отсюда, – сказала ей Претёмная Госпожа ласково, словно разговаривала с ребёнком. – Представь, если б её можно было открыть изнутри? Боюсь, многие неукротимые души пожелали бы вернуться гораздо раньше и иначе, чем им положено. Увы, я тоже не могу нарушить этот закон, девочка моя, – добавила она сочувственно. – И, пожалуй, не стану влиять на твой выбор. С тобой мы сможем увидеться в любое время, что бы ты ни решила. Со стороны моего супруга очень любезно сделать тебе такое предложение.

– Но... я не хочу...

Айлин собиралась сказать «творить зло», но вспомнила мягкую насмешливую отповедь мастера Керена и осеклась. И всё-таки, как бы любезен и учтив он не был, это же... это Баргот! Проклятый и падший после бунта против своих же собратьев! Повелитель убийц и воров, лжецов и насильников, тот, кто подсказывает дурные мысли и радуется их воплощению – так её всегда учили! И стать его ученицей?! Да ни за что! Как только её приёмная матушка может предлагать ей подобное?! И как она, воплощение справедливости и великодушия, может оставаться супругой Проклятого?! Как это соотносить с учением о Благих?!

Претёмная Госпожа смотрела на неё участливо и нежно, её супруг – с лёгкой насмешкой и интересом, как преподаватель, давший адепту сложную задачу. И Айлин с ужасом, пронизавшим всё её существо, поняла, что надо решать. Остаться живой или умереть окончательно? Вкус тёплой душистой сдобы и ягод, свежесть воды, запах цветов и пение птиц... Конечно, будучи бесплотной душой, она лишится всего этого! Но встретит отца, мэтра Лоу и, может быть, много других прекрасных людей! Например, своих старших родственников, которых никогда не видела... Сможет провести свою собственную маленькую вечность в беседах с ними, и что там ещё делают в Претёмных Садах. Зато здесь, в обители мастера Керена, её тоже ждёт немало интересного. Пусть он и Баргот, но Претемнейшая не позволит её обидеть. Да и сам... мастер кажется приличным человеком. Баргот – и приличным человеком!

Айлин нервно усмехнулась, чувствуя, как голова идёт кругом. Что же выбрать?!

Невольно вспомнились её глупые детские страхи на вершине холма у Разлома, где она опасалась, что Баргот дотянется до неё чудовищно огромной лапой. Ох, да лучше бы он так и выглядел! Лучше бы вёл себя как Зло, которым ему и положено быть, а не как... мэтр Академии!

И тут в тёплом ночном воздухе что-то изменилось. Мраморная терраса вздрогнула под ногами Айлин, как живая, по ветвям деревьев пронёсся тревожный шелест. И самое страшное, что для могущественных собеседников Айлин это тоже стало неожиданностью. Претемнейшая в недоумении изогнула чётко очерченные брови, Керен слегка расширил глаза, а в следующий миг на его щеке появилось влажное красное пятно.словно... кто-то плеснул ему в лицо кровью!

– Это ещё что такое? – с досадливым удивлением спросил Баргот и тронул щёку кончиками пальцев. Изумлённо посмотрел на окровавленные пальцы, снова тронул лицо, с которого стекали алые потёки, пачкая расшитый ворот короткой туники и шею...

Терраса снова дрогнула, и Айлин показала, что она слышит очень далёкий голос, яростно что-то кричащий. Слова разобрать было невозможно, однако человек то ли умолял, то ли проклинал, то ли угрожал...

– Ничего себе, – с тем же растерянным удивлением проговорил Керен. – Вереск, ты это видишь? Он же... он прорывается сюда! За девочкой! И не просто бьётся о стены, а требует по праву Избранного! Он... он же на поединок меня вызвал! Ну и наглец!

* * *

От первого удара Лучано увернулся. И от второго – тоже. Тело, подстёгнутое зельем, двигалось точно, плавно и стремительно. Но третьим Альс всё равно умудрился задеть его по плечу, едва не свалив, и тут же продолжил молотить воздух огромными кулачищами, каждый раз промахиваясь совсем немного. В голубых глазах плескалось боевое безумие – и никаких проблесков рассудка. «Берсерк, – вспомнил Лучано. – Вот как это зовут северяне...»

– Она сама этого хотела! – крикнул он, пытаясь достучаться до разума друга. – Альс, она хотела этого!

Бесполезно. Аластор не слышал, и Лучано, в очередной раз чудом уходя от удара, способного снести ему голову, принялся отступать к краю холма. Сбежать, подождать, пока Альс остынет настолько, чтобы мог думать... План простой и вроде бы выполнимый, но когда до склона оставался шаг, внизу заржали лошади. Сначала тревожно, потом всё испуганней, перекрывая голосами друг друга, – и всё это на фоне воя Пушка.

Аластор, будто опомнившись, замер и глянул туда. Действительно, что ещё могло привести его в себя?

– Альс? – окликнул его Лучано и тоже посмотрел в густой туман, стелящийся у подножья холма на половину человеческого роста.

Что это в нём мелькнуло? Тёмное такое... И ещё... ещё...

Одна из гнедых Лучано встала на дыбы, молотя по воздуху копытами и продолжая ржать – в её голосе слышался дикий ужас. За ней – вторая. Белая арлезийка Айлин, лошадь Аластора – все они бились на привязи, рыдая почти по-человечески.

– Искра! – выдохнул Аластор и кинулся с холма вниз.

Лучано последовал за ним, кляня про себя туман – ничего ж не видно!

Словно услышав его проклятия, резкий порыв ветра немного рассеял белую муть, и стало видно, что лошади окружены небольшими тварями размером с крупную собаку или волка. «Демоны, – утопая в тихом слепом страхе, подумал Лучано. – Не отобьёмся. Теперь – без Айлин – точно не отобьёмся».

Они почти успели. Не хватило нескольких шагов. На глазах Лучано две твари подпрыгнули и вцепились в горло гнедой Альса, кровь ударила фонтаном, и кобыла смолкла, а потом снова заржала уже не громко, а тихонько, едва слышно – Лучано сам поразился, как смог различить её голос среди криков остальных лошадей. Заржала – и упала, нелепо завалившись набок.

– Искра! – закричал Альс так же отчаянно, как до этого звал магессу.

– Белла... – обречённо выдохнул сам Лучано, видя, как демоны рвут одну из его девочек, хватая за ноги и вырывая куски из брюха.

Донне и Луне повезло больше, они сорвались с привязи и помчались прочь, истошно ржа. А среди кровавого месива, в которое превратились две лошади, крутился привязанный Пушок, полосуя демонов страшными клыками.

– Искра... – последний раз простонал Альс, подбегая к лошади.

Лучано выхватил нож и резанул по верёвке Пушка. Освобождённый пёс кинулся на тварей, прорываясь к холму, а Лучано наклонился и сорвал с седла упавшей Беллы арбалет и обе сумки, одну – с болтами, вторую – с Перлюреном и зельями. Повезло, что кобыла упала на свободный бок, не придавив поклажу. Обернулся в поисках Аластора.

Тот стоял над Искрой, прямо на её втопанной в кровавую грязь длинной гриве, всё так же жутко и нелепо украшенной цветами, – совершенно безумная картина. В руках Аластора страшной мельницей крутились две секиры, и демоны, попавшие в эту круговерть, отлетали прочь уже кусками дохлой плоти.

– Альс! Надо уходить! – закричал Лучано. – На холм! Там проще отбиться!

Сомнительное преимущество, когда тварей так много, а на холме никакого укрытия, но хоть какое-то. Аластор словно не слышал, и Лучано, шагнув ближе, остановился за границами смертельного круга из блистающих лезвий и закричал:

– Да очнись ты, идиотто! Она умерла, чтобы спасти тебя! Не смей! Не смей делать её смерть напрасной! Слышишь?!

Аластор, не прекращая рубить демонов, повернулся к нему. Секиры в его руках замедлились, и Лучано испугался, что сделал хуже, но миг... ещё один... Дорвенантец кивнул и ринулся на холм как таран, снося по пути демонов. Лучано последовал за ним, едва успевая взводить арбалет и всаживать болты в тварей, которые всё лезли и лезли, будто где-то вновь открылась дыра в угодыя Баргота.

«Ну а чего я хочу? – отстранённо подумал Лучано. – Айлин закрыла главный лаз, но если твари появились раньше, они только сейчас добрались сюда. А здесь мы... Что же делать? Может, удастся поймать лошадей?»

Он беспомощно глянул на бывший портал, уже почти истаявший в воздухе. Они с Аластором как раз добрались до вершины и встали спиной к спине, а Пушок, метавшийся вокруг, подвывал и хрипел, пытаясь то ли найти следы Айлин, то ли прорваться в Запределье следом за ней. Лучано сбросил на землю обе сумки, успев с сожалением подумать, что надо было всё-таки оставить енота у Витольса. Когда демоны разорвут в клочья их с Альсом, не уцелеть и малышу.

– Нужно уходить! – крикнул он, но дорвенантец замотал головой, а потом рявкнул в ответ:

– Айлин! Она может вернуться! Должна! Я остаюсь и буду ждать!

«Да что же ты творишь, идиотто! – едва не взвыл Лучано, онемев от такого поворота. – Она погибла! Спасая тебя, между прочим! Откуда вернуться? Из Запределья?! От самого Баргота?!»

Но вслух не сказал ничего, потому что болты кончились, а демоны – совсем наоборот. Они лезли и лезли на холм, и среди первых, похожих на волка, вёртких и зубастых, стали попадаться твари

крупнее, с небольшого медведя...

– Уходи, Лу! – обернувшись к нему, выдохнул Аластор. – Я прикрою. Прорвёшься вниз – беги туда! – Он махнул секирой, указывая нужную сторону, и обратным движением снёс башку обнаглевшему демону, что подобрался слишком близко. – Лошади не ускакали далеко! Свою ты точно подзовёшь...

– Да пошёл ты, – процедил Лучано сквозь зубы, отбрасывая бесполезный арбалет и поудобнее перехватывая рапиру.

Потянувшись, он нащупал на затылке одну из шпилек, с которыми никогда не расставался, и отломил твёрдую головку, покрытую тонким слоем краски. Сунул в рот и разгрыз. Подождал, пока растворится, и проглотил горькую слюну. «Идиотто», – мысленно согласился с мастером Ларци, хотя тот ничего на этот раз не сказал. А зачем? И так всё понятно. Одна дурь на другую – это безумие. А уж если они дополняют и усиливают друг друга...

«Я подумаю об этом потом, – решил Лучано. – Если хоть какое-то «потом» у меня будет. Альс! Теперь главное – прикрыть его. Может, демоны кончатся. Или сам Пресветлый Воин явится на помощь. Или... Я согласен на любое чудо! Пожалуйста! Лишь бы вытащить хотя бы его!»

В голове зазвенело, мир вокруг вспыхнул небывалыми красками, и Лучано почувствовал, что вот прямо сейчас может всё. Вообще всё! Тело налилось новой силой взамен той, что подарило «умри после меня», уже изрядно потраченной и приутихшей. Оно рвалось в бой, жаждало потратить эту силу, выплеснуть в горячке драки, но остатками разума Лучано понимал, что и этого займа хватит ненадолго. А потом он просто упадёт и умрёт. Либо от истощения, либо от отравления, либо демоны его прикончат. Роскошный выбор...

Оказывается, он уже успел взять дагу. Позади Аластор отмахивался секирами, и Лучано сделал шаг вперёд, чтобы не мешать ему. Удар-уклон. Удар-уклон. Принять очередную оскаленную морду на рапиру, добить дагой. Стряхнуть мерзость под ноги. Поменять дагу и рапиру местами – не только бретёров учат фехтовать обеими руками одинаково, а так мышцы устают медленнее. Удар-уклон. Удар-уклон...

Он не знал, сколько времени прошло: отравленная зельем кровь туманила разум, и время то сжималось, летя бешеным скакуном, то растягивалось, так что каждое движение представлялось томительно долгим. Демоны пёрли и пёрли, Аластор сначала уронил одну секиру, потом и вторую перехватил уже двумя руками. Даже его железные мускулы не выдерживали такой нагрузки. Сам Лучано давно свалился бы, если б не двойная доза дури, но он по опыту знал, как коварно действие таких средств. Вот только что ты полон сил, но миг – и валяешься на полу,дохлый, как снятая шкура. А твари всё не заканчивались. Пушок рвал их молча, снова онемев, взлетала и падала секира Аластора, мелькала его собственная рапира...

Вот Альс упал на одно колено, но поднялся, прорывав какую-то непристойность. Лучано посоветовал бы ему беречь дыхание, но во рту так пересохло, что язык не ворочался. Смертельно хотелось пить, но даже до фляжки не добраться было... Он равнодушно подумал, как же хорошо, что Ласточка осталась в футляре, пристёгнутом на сбежавшей Донне. Может быть, кобыла доберётся до людей, и лютню найдут... А вот Перлюрена уже никак не отпустить...

– Лу, уходи! – Аластор обернулся к нему.

Он был весь покрыт кровью. Чёрной вязкой – демонов, и алой – своей собственной. Кожаная куртка – и когда только успел снова надеть? – местами превратилась в бахрому от когтей тварей, на штанах выше колена кровоточили глубокие порезы. Лучано стиснул зубы, изнывая от отчаяния. Им бы хоть небольшую передышку! Альса надо перевязать и срочно напоить средством от заразы. Да хоть бы просто раны прижечь!

– Уходи! – повторил Аластор, шатаясь. – Тебе... незачем...

– Незачем, – кивнул Лучано, чувствуя, что даже на это простое крошечное движение сил ушло подозрительно много.

Ну, вот и откат. Не магический, как у Айлин, но ничуть не милосерднее. Сейчас он упадёт и больше не сможет прикрывать Альсу спину. Стало так обидно и горько, что дыхание перехватило! «Ну и где моя обещанная счастливая смерть? – язвительно поинтересовался Лучано у далёкой Минри. – Ладно бы хоть Альс выжил...»

Но дорвенантец снова рухнул на одно колено и встал гораздо медленнее, пока Лучано отбивался от тварей за них двоих. Взревав, он вложил последние силы в несколько могучих ударов, расшвыряв тварей, мечущихся вокруг, словно крысы. А потом упал снова и уже не поднялся. Пушок с Лучано встали над ним, прикрывая от демонов. Лучано успел подумать, что Синьор Собака, конечно, не знает усталости, но даже его волшебных сил вряд ли хватит... И когда упадёт он сам, могучего волкодава попросту порвут на куски...

А потом он всё-таки упал. На Альса, стараясь прикрыть его собой ещё хоть на несколько мгновений, безнадежно и упорно пытаясь отсрочить неизбежное. Закрыв глаза, ожидая, что вот-вот в тело вопьются клыки...

Но вместо этого вдруг услышал ржание. Совсем не такое, как от испуганных лошадей, злое и яростно громкое. Что-то дрогнуло рядом и под ним – то ли тело Аластора, то ли сама земля...

Приподнявшись на локте, Лучано попытался встать, сражаясь с собственным телом, которое налилось тяжестью и каждой непослушной мышцей и сухожилием мстило за такое с ним обращение. Вяло перевернулся набок, сползая с Аластора... И замер. Этого не могло быть. Да, он просил о чуде! Но кто он такой, чтобы его просьбы исполнялись, да ещё так быстро? Да ещё... именно этим божеством.

Ржание снова раздалось над холмом. Победное, мощное. И огромный чёрный жеребец с развевающейся гривой, словно сошедший с храмовой фрески, замер, встав на дыбы. А потом опустил и заплесал, давя демонов железными тарелками подков.

Лучано моргнул. Потом ещё и ещё раз. С усилием поднял руку, протёр глаза, но видение не исчезало. Всадник в седле жеребца будто слился с ним воедино. Бросив поводья, он рубил демонов с обеих рук тяжёлыми саблями, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Смоляные волосы растрепались на ветру, смуглое лицо показалось Лучано таким знакомым...

«О, а вот и Баргот подъехал, – удовлетворённо подумал Лучано, опираясь на локоть и с удивительной безмятежной отрешённостью наблюдая, как последние твари дохнут под копытами чудовищного коня и сабельными ударами. – Странно только, что с этой стороны, а не с той. А ведь Айлин ушла туда... Хм, а хозяина, получается, дома нет? Что за чушь лезет в голову... Но как же он прекрасен... Стоило дожить до того, чтобы увидеть...»

Усталость и зелье мутили ум, Лучано из последних сил старался сохранить сознание, наблюдая за Барготом. А тот, расправившись с демонами, спрыгнул с коня и метнулся к ним с Аластором, опустившись рядом на одно колено. Глянул на потерявшего сознание Альса, ещё сильнее свёл нахмуренные густые брови и требовательно спросил у Лучано – почему-то на дорвенантском:

– Айлин Ревенгар! Где она?!

– Там... – Лучано с трудом мотнул головой в сторону закрывшегося Разлома и едва ворочающимся языком пояснил: – Ушла. Прыгнула... туда...

Он так и не понял, почему Баргот сменил язык, страшно, чёрными словами выругавшись по-арлезийски в адрес всех Благих и себя заодно. Потом взял запястье Альса, одним умелым движением опытного целителя или убийцы нашёл пульс и поморщился. Встал и шагнул к бывшему Разлому, безошибочно определив, где он был.

Запретив себе терять сознание, Лучано несколько раз поднимал вялую руку, но всё-таки нащупал ещё одну шпильку. Сил отломить головку у него уже не было, так что он просто раскусил её и сунул осколки Аластору в рот. Хоть что-то... Им бы сейчас умелого целителя – и Альс мог бы выжить.

Баргот тем временем полоснул одной из собственных сабель по ладони, сложил руку ковшиком и через несколько мгновений швырнул пригоршню крови в сторону портала, что-то заорав.

Лучано неплохо знал арлезийский, но всё, что смог разобрать – это ругательства, больше подходящие портовому грузчику. Они мешались с какими-то ритуальными обращениями, а потом Баргот ещё раз плеснул кровью в воздух, и Лучано разглядел слабое мерцание на том месте, где раньше был Разлом, и куда кидалось кровью рехнувшееся тёмное божество.

– Крови тебе мало? – заорал Баргот, снова переходя на дорвенантский. – Девчонку забрал, да? Выходи, тварь! Со мной – попробуй! А её верни, слышишь?! Я требую по праву! Твоему праву, слышишь?! Твоего, твар-р-рь, Избр-р-ранного! И ты её вер-р-рнешь! А крови – на!

Он плеснул в третий раз, и Лучано окончательно смирился с тем, что сошёл с ума. Ничего удивительного, если такую дурь намешать. Именно это смуглое горбоносое лицо с чёрной бородкой он видел на фреске в храме Семи Благих. И конь вроде тот же самый... Только вместо чёрного плаща, бившегося за могучими плечами дымом от пожара, сейчас на Барготе была обычная кожаная куртка, укреплённая железными пластинами, шерстяные штаны и высокие кавалерийские сапоги.

Но лицо – то же! И взгляд... Никто другой не смог бы смотреть так яростно и вызывающе! Человек или божество, но он бросал вызов Запределью, и сердце восхищённого и благоговейно замершего Лучано застучало быстро и сладко.

– Айлин! – закричал их с Аластором спаситель, и мир содрогнулся.

Лучано едва не зажмурился, но заставил себя смотреть. Это всё, что он мог сейчас делать, и от этого он не отказался бы, даже грози ему любопытство смертью... Бывший Разлом вспыхнул невыносимо ярким светом – и раскололся снова. В тёмном пространстве мелькнул ослепительный силуэт, который Лучано не смог разглядеть. Но стоящий перед Разломом Баргот даже не пошатнулся, лишь прикрыл рукой глаза, словно всматривался вдаль, и повторил, ломая реальность железной волей, звучащей в его голосе:

– Я пришёл за своим. Верни её!

* * *

– И ты это спустишь? – уточнила Претемнейшая, еле уловимо подняв бровь.

Мастер Керен пожал плечами и снова, уже в третий раз, провёл пальцами по щеке.

– Нагле-е-ец, – повторил он уже с откровенным удовольствием. – Но когда я не ценил отвагу? Бросить мне такой вызов, какого я не могу не принять... зная точно, что проиграет, и зная, чего я могу его лишить... Право же, это стоит восхищения!

– Лишить? – ядовито-ласково повторила Претемнейшая, и Айлин вдруг показалось, что они говорят не столько о произошедшем только что, сколько о чём-то давнем, неизвестном никому, кроме них двоих. – И чего же? Рода? Жизни? Магии?

– Разума, – обронил мастер Керен, и из глубины его вдруг вылинявших до бесцветно-серого глаз выглянуло нечто – равнодушно-холодное, жуткое и столь чуждое, что Айлин сразу, без тени сомнения поняла, чем на самом деле страшен Баргот!

Она мимолётно удивилась, почему он назвал Претёмную Госпожу Вереск, но тут же это забыла. Кто-то явился спасти её, Айлин! Кто-то прорывается во владения самого Баргота! По праву... А разве у Баргота может быть Избранный?! Ох, да какая разница?! Кто бы это ни был, если он может забрать её в мир живых, значит, ещё не всё потеряно! Неужели... она может вернуться?!

– И правда, на редкость отважный смертный, – уронила Претёмная странно невыразительным голосом. – Впрочем, не стоит удивляться, что он решил нарушить все правила, на которых стоит этот мир. Зная, чей он Избранный...

– Нарушать правила – это моя привилегия, – согласился Керен, извлекая откуда-то из воздуха ещё один платок и тщательно вытирая щеку. – Но одно из них, согласись, он всё-таки применил верно. Врата можно открыть с той стороны. А наша милая гостья... – Он задумчиво оглядел Айлин, и она похолодела от напряжения и страха. – Она всё ещё жива. Значит, не тебе решать, как с ней поступить, а мне.

– Благодарю за своевременное напоминание, что мы обе у тебя в гостях, – ещё холоднее сказала Претёмная. – И каково твоё решение? Не припомню, чтобы ты позволял кому-то оскорбить тебя безнаказанно. Ты помнишь старые законы, Керен. Те, что пришли сюда вместе с нами. Виновен не только тот, кто поднял руку, но и тот, ради которого это было сделано. В участи твоего Избранного волен ты сам, но это моя названная дочь.

Голосом Претёмной можно было морозить птиц на лету, и Айлин поёжилась, леденея от страха и надежды одновременно. Две могущественные силы то ли сошлись в схватке за неё, то ли вот-вот это сделают. А она даже ничего не понимает! Кто пытается её спасти?! Зачем она понадобилась Избранному Баргота?! И что с друзьями, которые остались на холме?!

– Я тоже благодарю тебя за предположение, что я способен наказать ребёнка, не вовремя заглянувшего на супружеский ужин. Вижу, ты наконец-то прониклась моей ужасной репутацией.

Если голос Претёмной был звенящим льдом, то Керен каждым звуком источал яд. На несколько мгновений над террасой повисла тишина, а потом Претёмная потёрла виски и отвела от супруга гневный взгляд. Айлин же смогла вздохнуть свободно, поняв, что ничего страшного прямо сейчас не произойдёт, и мир не рухнет в бездну очередного божественного гнева.

– Что ж, юная леди, – обратился к ней Керен, словно ничего и не случилось. – Надеюсь, вы поняли, что произошло? По правилам, которые старше этого мира, дверь между живыми и мёртвыми можно открыть со стороны живых. И тот, кто это сделает, имеет право забрать своё. Если, кроме права, у него хватит на это сил. Впрочем... – Он бросил чуть насмешливый взгляд на Претёмную. – Фавориты моей драгоценной леди обычно всего лишь просят её о милости. Она бывает очень благосклонна к своим Избранным.

– Я ценю учтивость и хорошие манеры, – парировала Претёмная Госпожа. – А как действуют твои

любимцы, дорогой? О, прости, я бестактна! У тебя их так давно не было, что ты вполне мог позабыть, как им положено себя вести. Судя по этому... м-м-м... экземпляру...

– Что поделатъ, драгоценная, – пожал плечами мастер Керен, и Айлин окончательно поняла, что эти двое – до сих пор супруги. Только очень близкие могут так язвительно и одновременно любезно беседовать. – Я же не виноват, что приличный разум встречается гораздо реже мощного магического дара. По крайней мере, мой Избранный точно знает, чего хочет. И он хотя бы является ко мне, своему покровителю, совершенно трезвым и полностью... м-м-м... одетым, – явно скопировал он Претёмную. – Не носится вокруг Садов, налакавшись карвейна, не встречает божественных гостей в подштанниках и даже не...

Он покосился на Айлин и осёкся, словно проглотив то, что хотел сказать.

– Но... кто это? – робко выдавила Айлин, которая ничего не поняла, кроме того, что речь идёт об Избранных.

Конечно, о том, что Избранные Претёмной Госпожи, такие, как лорд Бастельеро, могут вывести душу из Садов, она знала. Но Керен говорил о чём-то совершенно ином. Кто кого встречал в подштанниках? Кто бродил вокруг Садов пьяным? И кто сейчас ломится сюда, в Запределье?!

А вот Претёмная Госпожа, судя по едва заметному румянцу на щеках, эти намёки понимала отлично и, кажется, была ими раздосадована.

– Какая разница? – пожал плечами величайший ужас всего известного Айлин мира. – Человек, который не побоялся бросить вызов мне. Этого достаточно.

– И вы... его примете? – спросила она, всматриваясь в безумно яркую зелень глаз, так напоминающих её собственные.

– Нет, – невозмутимо ответил Баргот, а потом, будто насладившись тем, как упало её сердце, ехидно добавил: – Стану я ради каждого наглеца прерывать свидание с моей драгоценной леди супругой.

– Позёр... – тихонько фыркнула Претёмная, но Айлин, переводя на неё взгляд, заметила притаившуюся в уголках губ улыбку. – Не тяни уже.

Терраса дрожала всё сильнее, деревья в нескольких шагах от неё гнулись от беззвучного, но сильнейшего ветра, и Айлин показалось, что она стоит в сердце огромного вихря, закрутившегося вокруг неё, такой маленькой и хрупкой. Даже двое могущественных древних божеств, сидящих напротив неё в человеческом облике, не ужасали её так, как этот вихрь, грозящий проломить стену между обычным миром и Запредельем.

– Не буду, – согласился Баргот.

Выскользнув из-за стола одним неуловимым движением, он оказался рядом с Айлин, прижал холодные ладони к её вискам и, склонившись, шепнул в самое ухо:

– Не стоит тебе помнить всё, что здесь было. Например, все эти разговоры насчёт моего Избранного совершенно лишние. Ты согласна, девочка?

– Не... знаю... – выдавила Айлин и поняла, что не помнит, о чём её спрашивали.

О чём-то важном – это точно! Но вот о чём?

– Не увлекайся, – неодобрительно бросила Претёмная Госпожа и тут же улыбнулась. – О, прости, молчу!

– А можно мне помнить остальное? – выпалила Айлин, шалея от собственной дерзости. – Эту встречу... вас... этот ужин? Я никому не расскажу, честное слово! Ну... что вы до сих пор вместе!

Она покраснела и зажмурилась, понимая, что это уже даже не дерзость, а откровенная наглость. Но вдруг услышала два смешка, слившиеся в один.

– Можно, – насмешливо разрешил ужасный Баргот. – Раз уж никому... Кто я такой, чтобы запрещать ребёнку помнить семейный ужин? Прощай, милая юная леди...

– Постой!

Стол с ужином куда-то исчез, а перед вскочившей Айлин оказалась сама Претёмная Госпожа, которая обняла её крепко, как обычная живая женщина. Как тётя Элоиза, например... Айлин вдохнула чудесный аромат её духов: цветы, какие-то драгоценные смолы... «Вереск, – снова пришло на ум. – Кажется, понятно, почему...»

– Я вернусь, – шепнула она виновато в изящное плечо, обтянутое лиловым шёлком. – Я обязательно вернусь...

– Куда же вы денетесь, юная леди, – отозвался вместо Претёмной Баргот и, убрав с висков Айлин ладони, щёлкнул пальцами. – Сюда все возвращаются. Рано или поздно, так или иначе...

– Позёр... – ещё успела услышать Айлин, и тут ночной сад вокруг террасы почернел, немыслимой силы вихрь подхватил Айлин, словно пушинку, вырвал из объятий Претёмной и понёс куда-то.

Она успела сжаться, ожидая чудовищной боли, что испытала в прошлый раз, но вихрь был удивительно бережным. Он протащил её через тьму, тянувшую к Айлин щупальца, через ледяную бездну немыслимого пространства, через множество преград, которые она успела мельком почувствовать, но даже не испугалась и... вышвырнул в полный сияния мир дня. Запахи, звуки, ощущения рухнули на Айлин, и она почувствовала себя такой живой, какой ещё никогда не была.

– Айлин... – выдохнул чей-то знакомый голос, и она поняла, что лежит в объятиях.

Огромный мужчина, смуглый, черноглазый, заросший чёрной бородой, стиснул её так сильно, что Айлин пискнула. Она смутно понимала, что должна узнать его... Но не могла! Знакомый голос, хоть и охрипший, никак не сочетался с этим лицом арлезийского разбойника или пирата!

– Айлин... – повторил мужчина, не отводя от неё глаз.

Где-то рядом были Аластор и Лучано, и надо было непременно увидеть их! Но Айлин не могла оторвать взгляда от лица человека, который её спас. Приехал сюда через всю страну, бросил вызов самому Барготу! И всё это ради неё...

– М-м-магистр... – прошептала она растерянно, как только смогла дышать. И тут же исправилась, восторженно и счастливо выдохнув всей грудью: – Дункан!

Глава 10

Неправильное волшебство

– Милорд Архимаг распорядился его не беспокоить, – услышал Грегор ровный, приглушённый дверью голос младшего секретаря из приёмной.

Которого именно, он не понял, до сих пор не научившись различать их по интонациям, одинаково официальным, лощёным, отточено любезным. Не люди, а приложения к письменным приборам. И как только удалось таких подобрать?

– Молчать! – рявкнул за дверью Райнгартен.

Райнгартен?!

Грегор вскочил из-за стола, за которым уже добрые часа полтора занимался тем, что подписывал разнообразные бумаги, с отвращением пробегаая их глазами и едва-едва давая себе труд вникнуть в суть.

Чтобы Райнгартен так орал?!

В приёмной что-то грохнуло, а потом Оранжевый магистр ворвался в кабинет так, что Грегору показалось – дверь вот-вот слетит с петель.

– Разлом! – выдохнул Этьен так сипло, словно весь голос потратил на секретаря. – Искажения улеглись!

– Искажения? – переспросил Грегор, мучительно пытаясь понять, что привело всегда невозмутимого Райнгартена в подобное состояние: стихийник был мучнисто бледен, на лбу выступили мелкие капли пота, а на подоле мантии красовался грязный отпечаток сапога.

Наступить на подол собственной мантии?

– Этьен, успокойтесь и доложите по форме! – приказал Грегор и поморщился от внезапной резкой боли где-то в затылке.

Проклятая бессонница. Проклятое не проходящее беспокойство за одну сумасшедшую девицу...

Во взгляде Райнгартена вспыхнуло раздражение, однако стихийник вытянулся и отчеканил:

– Так точно, милорд Архимаг! Следящие артефакты зафиксировали изменение магического фона в Дорвенне! Силовые возмущения улеглись, возникшие порталы в Запределье остались без подпитки! Ткань мироздания... восстанавливается!

– Вы хотите сказать... – начал Грегор, холодея. – Разлом...

– Я не могу быть полностью уверен! – поспешно откликнулся Райнгартен. – Но вероятность того, что он закрыт, достаточно высока. Клянусь Всеблагой, Бастельеро, я не знаю, как такое возможно! Но всё же...

– Портал, – уронил Грегор, и остановленный на полуслове Райнгартен удивлённо воззрился на него.

– Портал? О чём вы, милорд?

– Портал к Разлому, – тихо и страшно выдохнул Грегор. – Немедленно.

– Да вы с ума сошли?! – вознегодовал Райнгартен. – Даже если Разлом и в самом деле закрыт – а я не ручаюсь за это, слышите?! – у самого Разлома возмущения не улягутся ещё долго! Это слишком опасно!

– Возьмите в помощь других стихийников, артефакторов, кого угодно! Но постройте мне портал или, клянусь, вы пожалеете, что на свет родились!

Он вышел из-за стола и подошёл к окну, давая понять, что разговор окончен. Райнгартен, возмущённо выдохнув: «Ну, знаете, Бастельеро!» – выскочил из кабинета, с грохотом захлопнув дверь.

Грегор прижался пылающим лбом к ледяному стеклу и зажмурился.

«Допустим, только допустим, что Райнгартен прав и Разлом закрыт. Это ещё ничего не значит.

Вдруг Ревенгар всё-таки поступила разумно... Разумно?! Проклятье, да о ком я сейчас думаю? Видит Претемнейшая, я был бы счастлив, если бы хоть на минуту поверил в то, что мёртв бастард! Вот только Ревенгары не способны на разумные поступки, это известно всем! И всё же... Айлин Мелисса Элоиза Игрейна Ревенгар, по праву твоего наставника и силой Избранного Претёмной – приди!»

Он замер, дрожа то ли от невыносимого напряжения, то ли от ожидания, – и спустя долгое, как вечность, мгновение, услышал далёкое рассеянное: «Не хочу!»

Айлин не пришла, но откликнулась? Или нет? Будь она мертва – явилась бы, но если бы была жива – он бы не услышал её голос! Проклятье! Как она может быть одновременно живой и мёртвой?!

Провести полноценный ритуал призыва души?... Нет, не сейчас, когда в любую минуту может вернуться Райнгартен!

Но время словно остановилось, стих даже ветер, издевательски беспечно трепавший листву ещё совсем недавно, замерли облака, наполовину скрывшие солнце, и Грегор впервые пожалел, что окно кабинета выходит на безлюдную часть парка, чтобы adeпты не потревожили покой Архимага. Отвлечься бы хоть на что-то от этого бесконечного изматывающего ожидания!

Он вернулся к столу, перечитал документ, который собирался подписать перед явлением Райнгартена, и не понял в нём ни слова. Нет, работать в таком состоянии совершенно невозможно...

Бросив последний взгляд на бессмысленный лист, Грегор откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, как делал это много лет назад на границе, когда вот такое же тягостное ожидание сводило с ума вернее, чем самое изощрённое заклятие. Но он выдерживал тогда – и выдержит сейчас, даже если ждать Райнгартена придётся целую вечность...

– Милорд Архимаг, полустационарный портал построен на тренировочной площадке, – раздался через пару вечностей холодно-любезный голос Оранжевого магистра, и Грегор вздрогнул, не сразу поняв, откуда он звучит.

Ах да, звезда Архимага...

– Благодарю, Этьен, сейчас спущусь, – бросил он, вскочив и в последний миг напомнив себе, что Архимагу и бывшему главнокомандующему не подобает мчаться через приёмную, пугая секретарей. В обычное время это, пожалуй, выглядело бы смешно, а сейчас может вызвать панику.

У самых дверей кабинета подвёрнутую ногу предательски свело судорогой. Грегор нехорошо вспомнил целителей, утверждавших, что всё пройдёт, стоит лишь соблюдать полный покой, и вернулся к столу за тростью. Опираясь на серебряную рукоять в форме головы ворона и нетерпеливо стуча по полу серебряным же набалдашником, прошёл через приёмную, не обращая внимания на удивлённые взгляды вскочивших секретарей.

Так, и бежать по проклятой винтовой лестнице тоже не стоит. Не хватало только сломать шею на особенно крутом повороте! Хорошо ещё, что портал построили именно на тренировочной площадке. Это рядом с главным входом – не придётся далеко идти...

Он едва сдерживал себя, заставляя шагать неторопливо. Благие Семеро, хоть какая-то определённости! Ещё немного, ну? Повреждённую ногу резало болью, хотя Грегор старался не наступать на неё всем весом. Наверное, «полный покой» с точки зрения целителей всё-таки не предусматривал ежедневный подъём и спуск по крутой башенной лестнице и ежедневный же обход Академии. Посещение лазарета, приём родственников убитых и раненых адептов, который всё не прекращался, утренние и вечерние совещания во дворце... А, да какая сейчас разница?! Такой пустяк, как телесная слабость, уж точно его не остановит!

У самой тренировочной площадки Грегора ожидал сюрприз. Кроме Райнгартена, у самого портала замерли Девериан и Гельсингфорц – впрочем, это он бы ещё понял, порталы – прямая специализация артефакторов! Но рядом с ними, поглаживая рукоять какой-то дубинки самого варварского вида, хмурился Ладецкий в сопровождении трёх боевиков. Бреннан то и дело проверял притороченную к поясу целительскую сумку, а чуть в стороне, но всё же очень близко к магистрам, застыли непривычно молчаливые Вороны!

Даже Эддерли со всё ещё туго забинтованной ногой, и тот был здесь! Возглавлял их, разумеется, Дарра Аранвен, как всегда холодно сосредоточенный и бесстрастный, но почему-то не в мантии адепта, а в белом, шитом серебром парадном камзоле, словно только что явился с бала. Ах да, Ангус вчера упоминал, что сегодня ему понадобится помощь наследника на какой-то встрече с послами. Интересно... Это кто же так быстро оповестил юного Аранвена, что тот примчался из дворца, даже не переодевшись?!

– Мы отправляемся с вами, милорд Архимаг, – уронил Бреннан прежде, чем Грегор успел

раздражённо поинтересоваться, что это за сборище. – Там, куда вы направляетесь, помощь целителя может понадобиться в любой момент.

– Как и боевых магов, – прогудел Ладецки, а Райнгартен раздражённо поморщился.

– Я, разумеется, также присоединюсь к вам, – сообщил он тоном, яснее ясного говорящим, что он предпочёл бы остаться в Академии. – Всё же подобные прорывы – специализация моей гильдии.

– Благодарю, – выдавил Грегор, не желая ввязываться в пререкания с коллегами в присутствии учеников. Впрочем... Глупо отказываться от помощи лучших магов Дорвенанта в подобном деле. У Разлома действительно может быть всё, что угодно, в этом они правы. Это он совершенно потерял голову, если не подумал о должной подготовке. А ещё бывший мэтр-командор. Стыд какой!

Он обернулся к Воронам, которым уж точно не следовало... Не следовало, в общем.

– Господа адепты, немедленно покиньте площадку. Путешествие к Разлому слишком опасно.

– Нет, милорд Архимаг, – учтиво и холодно возразил Аранвен, и прежде, чем Грегор успел удивлённо поднять брови, ровно продолжил: – Если Айлин Ревенгар отправилась к Разлому, то мы отправимся туда же. Это наш долг, милорд.

Бледные от волнения Вороны кивнули так слаженно, словно долго тренировались.

– Эддерли, вы-то куда?! – рявкнул Грегор, искренне сожалея, что не может **теперь** спорить с учениками в присутствии коллег. (Правка не нужна, так как ломает ритм. Верно «что теперь не может спорить»)

Сговорились они всё, что ли?

– А... я как вы, милорд! – выпалил юный наглец и выразительно посмотрел на ногу и трость самого Грегора, а потом влюблённо заглянул ему в глаза. – Можно же, да? Прошу вас!

– Аранвен, присмотрите за ним, – безнадёжно вздохнул Грегор. – И в случае опасности суньте в обратный портал силой.

– Разумеется, милорд, – изволил чопорно склонить голову сын канцлера, за последнее время как-то неумовимо повзрослевший и даже вытянувшийся, хотя куда ещё...

– Этьен, у вас всё готово? – спросил Грегор, неловко стараясь дружеским тоном загладить недавнюю грубость, но Райнгартен лишь сдержанно поклонился, имея вид обиженный, словно у кота, которого оторвали от кувшина краденых сливок.

– Позвольте, мы первые, милорд магистр, – прогудел Ладецки, взмахнув рукой, и боевики, подняв щиты, шагнули в голубоватое море портала.

Грегор, понимая разумность этого, всё-таки едва сдержался, чтобы не броситься следом. Каждое мгновение резало натянутые нервы, и он прикусил изнутри губу, почувствовав солоноватый вкус. Боль помогла если не успокоиться, то хотя бы сосредоточиться. Портал мерцал, и с той стороны никто не появился. Значит, путь свободен? Да плевать! Если там демоны, им же хуже, а людям Ладецки не помешает подмога.

– Я следующий! – бросил он. – Этьен, вы со мной. Господа адепты, сопровождаете и прикрываете магистра Бреннана.

– Да, милорд, – снова отозвался за всех Дарра Аранвен, и Вороны опять слаженно кивнули.

Что-то в этом послушании нехорошо царапнуло Грегора, но ему было не до разбирательства в тонких материях. Поправив на груди Звезду Архимага, он привычным жестом поднял щиты, которые немедленно слились с щитами вставшего рядом Райнгартена, и шагнул в портал.

Миг! Ещё один! Привычное напряжение перехода через ткань мироздания ударило по разуму и телу. Грегор задохнулся – он терпеть не мог порталы и никогда не скрывал этого! – но упрямо сделал ещё шаг, и ещё один. Плотная тугая пелена расступилась, будто нехотя, и он, почти вывалившись на мягкую землю, так непохожую на тренировочную площадку, услышал, как рядом что-то недовольно бурчит Райнгартен.

Не обращая на него внимания, Грегор отошёл от портала, чтобы дать место остальным, и полной грудью вдохнул холодный воздух. Ветер, ударивший ему в лицо, пах... войной. Кровью, смертью, некротическими эманациями и просто силой недавнего ритуала. Распоротыми кишками, которые везде и всегда воняют одинаково отвратно. Кто сказал, что война – это доблесть и романтика, никогда на ней был!

Покачнувшись, Грегор воткнул трость в изрытую землю, по которой словно кавалерийский полк пронёсся, и понял, что земля обильно перемешана с кровью. Да что же здесь было?! Он торопливо огляделся вокруг. Туман! Вершина холма, того самого. Силуэты в туманной дымке

– Этьен, ради Благих... – отчаянно начал он, и Райнгартен всё ещё раздражённо отозвался:

– Без вас я бы ни за что не догадался, разумеется! Успокойтесь, Бастельеро. Драки нет, значит, ничего страшного.

Он поднял руку, что-то прошептал. Грегор почувствовал вспышку оранжевой силы, а затем налетевший ветер сорвал пелену тумана с холма и понёс её прочь, открывая дикую, совершенно невозможную картину!

* * *

– Айлин... – повторил милорд магистр, то есть Дункан, и у неё сердце замерло – столько тревоги и немислимого облегчения было в том, как он произнёс её имя. – Моя безумная храбрая девочка...

– Простите... – прошептала она, умирая от смущения и всё-таки чувствуя себя неправдоподобно счастливой.

Дункан здесь! Он её спас! Не совсем понятно, как, но он забрал её из Запределья, отнял у самого Баргота...

Мысли путались, Айлин точно знала, что забыла что-то важное, но ей было всё равно. Она жива! Жива! Не будут плакать тётушка Элоиза с дядюшкой Тимоти, не расстроятся Дарра с Саймоном, и Дункан... Он здесь! Вот оно – величайшее чудо!

Магистр склонился над ней, так и держа на руках, и Айлин только сейчас сообразила, почему не сразу его узнала. В Академии Дункан неизменно появлялся безупречно ухоженным, сияющим чистотой и каким-то особенным небрежным щегольством. Всегда – само совершенство!

А сейчас его борода изрядно отросла, и было видно, что её давно не подравнивали, как и полоску усов. Волосы перехвачены в привычный хвост, но покрыты пылью, как и одежда, от которой резко пахнет конским потом, и только взгляд... Взгляд остался прежним! Внимательным, искренним, горячим...

Айлин почувствовала, что краснеет. Всеблагая Мать, Дункан видит её такой... такой грязной, растрёпанной, неприлично одетой! И при этом смотрит... так?!

Вспыхнув, она, наконец, вспомнила, что есть дела важнее, чем смотреть на него, боясь отвести взгляд, и повернула голову, пытаясь оглядеть холм.

– Ал! – выдохнула она. – И Лу! То есть... мои спутники... Что с ними?!

Магистр нахмурился и осторожно поставил её на землю, не забыв спросить:

– Вы сможете удержаться на ногах? Или лучше присесть? Как вы себя чувствуете, Айлин?

– Прекрасно, – заверила она, с удивлением поняв, что это действительно так.

У неё ничего не болело, разве что есть всё ещё хотелось, но это такие пустяки...

– Тогда подождите здесь, пока я осмотрю молодых людей, – попросил Дункан, но Айлин упрямо качнула головой.

– Я с вами! Милорд... То есть Дункан... Пожалуйста! Я... с ума сойду!

Она нашла взглядом друзей, лежащих в окружении груды демонов, и уже хотела кинуться к ним, как тяжёлая белая молния чуть не сбила её с ног, прыгнув на грудь. Дункан мгновенно придержал Айлин на плечи, а Пушок, скуля и повизгивая, метался вокруг, то вставая на задние лапы и пытаясь лизнуть её в лицо, то утыкаясь ей мордой в колени... Скуля и повизгивая?! Пушок обрёл голос?!

Айлин торопливо обняла его, приняв ещё одно чудо как должное, и всё-таки кинулась туда, куда уже пошёл размашистыми быстрыми шагами Дункан. Лучано и Аластор! Как она могла сразу не подумать о них?!

– Пушок, милый! – взмолилась она, пытаясь не споткнуться о сходящего с ума от радости пса. – Дай пройти!

Волкодав уступил ей дорогу, но пошёл рядом, сунув морду под руку Айлин и так тесно прижавшись к её боку, словно решил больше никогда не отходить даже на шаг.

– Прости меня... – виновато попросила Айлин, запустив руку в лохматую гриву. – Мне стыдно, правда. Я не хотела тебя обманывать...

Мягкий замшевый язык лизнул её ладонь, но Айлин не обратила на это внимание, подбежав к друзьям, над которыми уже склонился Дункан.

– Как они?!

– Не слишком хорошо, – не поднимая головы, ответил разумник, распарывая ножом одежду Аластора. – У второго сильнейшая интоксикация... Отравление то есть. Там я пока ничего не смогу сделать, но организм сильный, молодой, должен справиться сам. А здесь... Я могу промыть и зашить раны, но юноша потерял столько крови... И самое плохое, что яд демонов ухудшает свёртываемость... Боюсь, моей походной аптечки здесь не хватит.

– Он... умрёт?! – похолодела Айлин, падая на колени рядом с Аластором прямо в жидкую от крови грязь.

Нет! Ал не должен погибнуть! Неужели всё зря?! Ну почему они не ушли от Разлома сразу же?! Он не может, просто не может! Не потому даже, что он принц, последний из Дорвеннов, а потому что он её друг! Самый лучший, как брат, только ещё ближе!

Она поняла, что говорит это вслух, когда в голос начали невольно прорываться рыдания, и постаралась объяснить. Аластор и Лучано... они не должны умереть! Только не они, пожалуйста!

– Я сделаю всё, что смогу, – негромко пообещал Дункан, пока его руки мелькали над телом Аластора. Магистр распахнул его промокшую от крови куртку, распорол рубашку, а потом и штаны охотничьим ножом.

– Айлин, у меня на лошади фляга... Впрочем, не надо! – тут же спохватился он. – Торнадо вас не подпустит.

Вскочив, он метнулся к огромному чёрному жеребцу, которого Айлин только увидела, и тут же вернулся с флягой и дорожной сумкой, сорвал крышечку. Резкий запах карвейна смешался с запахом крови и внутренностей, стоявшим над холмом, и Айлин замутило. Из всех сил сдерживая тошноту, она отвела взгляд от Аластора и посмотрела на бледного Лучано, который вроде бы оставался в сознании, но смотрел как-то странно. Ой, что это у него со зрачками? Крошечные, почти пропавшие... И лицо покрыто каплями пота...

Айлин потянулась, взяла его за руку и испугалась: ладонь Лучано оказалась ледяной и влажной. Итлиец попытался ей улыбнуться, но губы искривились в гримасе, и он только вздохнул, прошелестев:

– Синьорина... какой сладкий... бред...

– Я жива, Лу! – звонко от сдерживаемых слёз уверила его Айлин. – Всё будет хорошо! Держись! Мы спасём и тебя, и Ала!

Пушок лёг с другой стороны от итлийца и сочувственно засопел. Айлин держала Лучано за руку, словно это могло ему помочь, и всем сердцем жалела, что у неё нет ни капли целительских способностей. Чего стоят все её таланты сейчас, когда нужна совсем другая магия?!

Правда, Дункан тоже не целитель, но он так уверенно действует... Всклипнув, Айлин решила посмотреть туда и тут же торопливо отвернулась. Какая же она подлая трусиха! А вдруг магистру... Дункану нужна помощь?! Ну, подать что-нибудь, поддержать... Там столько крови, как он вообще может что-то разглядеть?! А у Лучано, между прочим, тоже была сумка с лекарствами! Только... где же их лошади?!

– Милорд... – прошептала она, одновременно боясь и отвлечь разумника, и не предложить помощь вовремя. – Я могу что-нибудь сделать?

– Можете, – отстранённо отозвался Дункан, зашивая страшную рваную рану на бедре Аластора большой кривой иглой. – Посидите спокойно... Ваш второй спутник в сознании? Прекрасно. Вот с ним и побудьте.

– Х-х-хорошо... – покорно согласилась Айлин, сжимая мокрые от холодного пота пальцы Лучано.

Но её взгляд, словно привязанный, так и тянулся к Аластору. Сколько же крови... Милосердная Сестра, прошу тебя, помоги им всем. И Алу, и Лу, и... Дункану, который их спасает. Вот он уже

отматывает новую шёлковую нитку, заправляет её в иглу... Всеблагая Мать, сколько же у Ала этих ран?! И все кровоточат! У него уже лицо белое, как мрамор, и губы синие! Всеблагая... Милосердная... Претемнейшая Госпожа, не забирай его, пожалуйста!!!

Она зажала свободной рукой рот, боясь всхлипнуть и отвлечь магистра. Вдруг у него рука дрогнет? Или он глянет в её сторону, и именно этого мгновения не хватит... Не хватит для чего-то важного!

Но магистр сам отвлёкся, быстрым движением сорвав с пояса вторую фляжку и бросив её Айлин.

– Вода! – пояснил он коротко и резко. – Напоите второго!

– Лу! – торопливо позвала Айлин, радуясь, что может быть хоть чем-то полезна. – Хочешь пить? Ой, что это я? Конечно, хочешь!

Дрожащими пальцами она открыла флягу и приподняла голову итлийца. Поднесла горлышко к его губам и подержала, пока он жадно сделал несколько глотков, а потом, убрав, старательно закрыла снова. Воду нужно беречь! Она и Аластору наверняка понадобится! А до их вчерашнего привала, где ближайший ручей, пешком не очень-то доберёшься. Где всё-таки лошади?! Там есть и фляги, и одеяла...

– Всё... – выдохнул Дункан, и сердце Айлин в очередной раз замерло от страшного предчувствия. – Нет-нет, – поправился магистр. – Он жив. Пока...

– Пока... – безнадёжно повторила Айлин одними губами и тут же, чуть громче: – Пока?

– Для остального нужна операционная, – с беспощадной правдивостью сказал Дункан. – Артефакты, очищающие кровь. Они слишком велики, чтобы брать их в дорогу. Мне очень жаль, правда... Возможно, мы успеем добраться до Керуа... Я не видел ваших лошадей, значит, у нас остаётся только Торнадо. А он всех не увезёт.

– Спасайте Аластора! – хотела крикнуть Айлин, но получился только шёпот. – Мы с Лу подождём здесь.

– До Керуа далеко, – сказал магистр с осторожной мягкостью, которой Айлин испугалась больше, чем всего остального. – И я не думаю, что нужные артефакты найдутся даже там. Пограничный город – это не Академия, лазареты там... хорошо, если вообще есть. А счёт идёт на минуты. Везти юношу на лошади – растряссти его раны, которые и так до сих пор кровоточат. А порталы, чтоб их...

Он осёкся, хотя Айлин без труда прочитала ругательство по движению губ. Ей самой сейчас хотелось кричать и плевать самыми грязными и страшными словами, которые девице и близко знать не положено. Да какая разница?! Что толку от её благонравия и манер, если они не могут подарить Аластору ни одной лишней минуты жизни?!

– Айлин, мне... действительно очень жаль... – тихо сказал Дункан.

– Но вы же... что-то делали... – сказала Айлин, едва слыша себя. – Промывали, зашивали... Если всё безнадёжно, зачем вы...

– Я обещал сделать всё, что могу, – отозвался Дункан. – Он бился до конца, я должен был сделать для него то же самое. И... всегда есть надежда на чудо.

– Чудо... – повторила Айлин. – Боюсь, все чудеса на сегодня потратила я. Если бы знать...

«А что бы я сделала? – крикнула она беззвучно. – Осталась в Претёмных Садах и попросила Матушку его вернуть? Я не Избранная, но я умоляла бы её! Да хоть бы и самого Баргота! Я бы на всё согласилась, лишь бы спасти Аластора! Чудо?! Мне сейчас срочно нужно ещё одно! И где все эти взрослые настоящие маги, получившие перстень? Где целители, боевики, стихийники и некроманты?! Где магистры и Архимаг?! Хоть что-то они могли бы сделать?! Не для меня – для него! Только Дункан попытался... Но даже он не откроет Врата второй раз, потому что я-то попала туда живая, а Аластор умирает здесь и сейчас! Бесполезно возвращать душу в мёртвое тело!»

– Айлин? Айлин... – Дункан с тревогой всмотрелся ей в лицо и ругнулся: – Бар-ргот меня дери. Бедная девочка! Ну, перестаньте, прошу вас! Я... я попробую его довести! Попробую, слышите?! Посидите здесь, я придумаю что-нибудь с седлом...

Он поднялся, ушёл к жеребцу, нервно фыркающему от запаха крови так, что даже сюда было слышно. Айлин проводила мощную спину взглядом, а потом перевела его на Аластора. Дункан такой добрый... Даже ей понятно, что это бесполезно. Да, она не целительница, но некромантке тем более видно, что душа Аластора едва держится в теле.

– Что мне делать? – прошептала она. – Я не хочу... чтобы он умер. И нет ни одного способа... Я

некромантка, а не целительница! И магия у меня... обыкновенная правильная магия некромантки! Чтоб её! Баргот и все его демоны!

– А ты неправильной... попробуй... – послышалось вдруг с чудовищным итлийским акцентом, и Айлин стремительно наклонилась к Лучано.

– Что? Что ты сказал? Неправильной?!

Но итлиец снова смолк, будто эти слова забрали у него последние силы.

– Неправильной... – повторила Айлин, как во сне. – Неправильной, да?! Знаю я одну... неправильную магию. Дон Раэн... Чтоб вас тоже Бар-р-ргот булочками накормил! Вы что, знали?! Да какая разница?! Плевать мне, правильная она или нет! Главное, что может сработать! Аластору сейчас нужно что? Кровь! Но если напрямую перекачать жизненную силу... Это не резерв, её даже тело профана может принять! Только что там было насчёт создания фамильяра? Потом разберёмся! Главное – основа! Схема перекачки, она точно работает!

Айлин прикрыла глаза, и магический аркан, подаренный странным гостем, вспыхнул перед её внутренним взором. Сложный! Немыслимо запутанный! Но если вот эту часть убрать – зачем ей контроль? Над кем? Не нужен ей контроль! И вот эту, отвечающую за чтение настроения, подправить... Совсем убирать нельзя, она на передачу жизненной силы завязана слишком тесно. Но подправить! И вот этот узелок... Ой, что-то линии куда-то не туда повело! Они... они теперь заплелись так, что непонятно, как потом их распутать... Да и Баргот с ними! Только бы это «потом» наступило! Так... а это... Нет, здесь был один вектор, а теперь два! И они образуют треугольник, чтоб его...

Айлин закусил губу, поняв, что не успеет распутать должным образом ещё и это. Но теперь аркан требовал не одного источника силы, а двух – для должного баланса. Попросить Дункана? Ага, так он и даст ей применить незнакомую и очень опасную магию на себе! Разве что ради спасения принца... Но слишком долго объяснять ему, кто такой Аластор и чем так важен для Дорвенанта. Да и то... Нет, она не дура, она понимает, что только в романах герои жертвуют ради любимой девушки всем! Но вдруг Дункан решит, что её жизнь всё-таки важнее?

Нет! Вот она сейчас начнёт, пока он там с седлом возится, а потом... Потом, в процессе, такой аркан уж точно не свернуть, и Дункану придётся ждать, пока она закончит.

Айлин торопливо пересела ближе к Аластору и посмотрела в лицо сначала ему, потом Лучано. Шипу велели спасать принца, так? И Лу всю дорогу делал это честно и от души. С чего бы ему отказываться?! Жизненных сил она у него не возьмёт, ей только баланс нужен. Потому что этот клятый аркан, который она так и держит перед глазами, всё сильнее похож на треугольник. Устойчивый такой, равносторонний, красивый! И если наверх поместить Аластора... идеально всё получается.

– Лучано! – прошипела она, тревожно косясь в сторону магистра, который уже пристраивал на спину коня попону, прихватывая её ремнями. – Ты мне поможешь? Пожалуйста! Слышишь меня? Я всё сделаю сама! Только... если получится, мы оба будем связаны с Алом. Я не знаю точно – как! Это потом снимут... наверно... Но сейчас его надо спасти. Я не смогу одна, понимаешь? Лу! Очнись, пожалуйста!

– Что... мне делать... – еле шевеля губами, уточнил итлиец.

– Ничего! – выдохнула Айлин. – Только разреши! Там ключ на добровольности! Разреши мне... И твоё имя...

– Лучано... Фортунато... Фарелли... – прошептал итлиец. – Клянусь Претемнейшей... позволяю синьорине Айлин всё... что ей угодно. Так?

– Да! – чуть не вскрикнула Айлин, в последний миг сдержавшись.

Одна из точек в основании аркана вспыхнула ярко-золотым светом, и Айлин поспешно зачастила:

– Я, Айлин Мелисса Элоиза Игрейна Ревенгар... отдаю свою жизнь по доброй воле... Аластору... Ой, я же не знаю его полное имя... Аластору Вальдерону! То есть Аластору Дорвенну... Алу!

Третья точка вспыхнула немыслимо ярко, и Айлин поняла, что аркан почему-то принял это простое прозвище как полное истинное имя. Она рванулась всей внутренней сутью, проводя первую линию, вторую... третью... Сосредоточившись, потянула и четвёртую и вдруг услышала над головой:

– Айлин! Пр-роклѣтье! Что ты делаешь, безумная девчонка?!

– Спасая Ала! – звонко огрызнулась она, благо линии уже можно было вести без всяких

заклинаний. – И я его спасу! А потом... Потом будет видно!

– Ты... – В голосе магистра почему-то звучал неприкрытый ужас, который Айлин никогда в нём не слышала и даже не сразу распознала. – Ты точно знаешь, что делаешь?

– Нет, – честно отозвалась Айлин, прокладывая очередную часть аркана.

Дункан замолчал, и несколько томительных, тяжёлых мгновений Айлин думала, что вот теперь потеряла его окончательно. В самом деле, кому нужна невеста, которая ради спасения чужого мужчины не просто сбежала, промчалась через весь Дорвенант, погубив репутацию, бросилась в Разлом, а теперь ещё и творит непонятно что?

– Хорошо, делай, – бесцветным голосом сказал магистр и вдруг сел рядом с ней, подхватив на руки и пояснив: – Тебе не хватит резерва. Я поделюсь напрямую.

Айлин чуть не возмутилась, что резерва у неё хватит, но потом вспомнила, что накопитель Мэрли потрачен на ритуал закрытия Разлома. А она сама восстановилась не полностью... И едва не расплакалась от облегчения и благодарности, но отвлекаться от аркана было никак нельзя.

Так что она снова взяла руку потерявшего сознание Лучано, а ужасающе холодную ладонь Аластора поднял и подал ей Дункан. Аркан уже был готов больше, чем наполовину. Ещё эта часть... и эта... А ведь ей действительно не хватило бы резерва! И всё снова оказалось бы напрасно! Какая же она неосторожная дура! И совсем не знает собственного жениха. А он... он поверил ей беспрекословно! Так, словно она, адептка половины срока обучения, действительно владеет этой чудовищной древней магией и знает, что в итоге из неё получится...

– Спасибо... – прошептала она и коротко прижалась щекой к мужской ладони, лежащей на её плече. – Спасибо, Дункан. Я... люблю вас...

– Я тоже тебя люблю, девочка моя... – коснулся её уха шёпот магистра.

И в этот момент у неё кончился резерв. Выжимая последние капли, Айлин почувствовала, как ровной уверенной струёй течёт в её магическое поле ослепительно белая сила, и зачерпнула её, направляя в аркан, достраивая его, наполняя энергией. «Откуда у разумника резерв? – поразила её она. – Накопитель, наверное? Впрочем... он же ставил щиты тогда, в зале Академии! Он укрыл меня щитом от демона! И какая разница... Люблю! Люблю его за эту веру! За то, что помогает спасти Ала! За то, что он... такой!»

Последняя линия аркана засияла золотом, в которое переплавлялась и её красно-фиолетовая сила, и белая – Дункана. Аркан вспыхнул, превращаясь в живущую самостоятельно структуру, и объединил её с Аластором и Лучано в единое целое. Дункан, так и не разжавший ладоней на её плечах, только глубоко вздохнул, но его – Айлин это видела точно! – не задело.

А вот их ауры перемешались каким-то непредставимым способом! Её красно-фиолетовая, яркая, и две самых обычных, только у Аластора обнаружился лёгкий оранжевый оттенок, недостаточный для магических способностей, а душа Лучано отливала лиловым. Ну да, один – страстный лошадиник, почитатель Всеблагот Матери, второй – убийца, чтущий Претёмную... Всё это слилось в яркую сферу, сплетённую из красивых разноцветных нитей, и тут же Айлин вскрикнула от резкой боли в правой руке. Там жгло, словно её укусила оса, только гораздо сильнее. Боль распространилась, опоясывая руку... Застонал Лучано...

И тут же всё прекратилось, словно ничего и не было. Аркан потух, не исчезая, но превратившись в невидимую печать, всё так же соединяющую их с Алом и Лу. И у Айлин появилось нехорошее предчувствие, что разорвать его будет весьма... сложно. Она, например, даже не слышала, что ауры могут так переплетаться. И как их теперь... расплести?

«Я подумаю об этом потом, – решила она. – Главное, что у Аластора порозовели щёки, и он больше не похож на мраморную статую».

– Поразительно... – странным голосом проговорил Дункан, убирая одну руку с её плеча, беря запястье Аластора и нащупывая пульс. – Не поверил бы... Айлин... ты...

– Я его спасла, да? – прошептала Айлин, чувствуя, как навалилась чудовищно тяжёлая усталость. – А можно я теперь недолго... в обмороке полежу? Чуть-чуть...

– Можно, – тем же странным голосом согласился Дункан и, наклонившись, легонько поцеловал её в губы. – Теперь можно всё, девочка моя.

Айлин счастливо вздохнула и обмякла в его руках, проваливаясь в забытье.

Ей ещё успело пригрезиться что-то невероятное. Что всего в паре дюжин шагов от них замерцало

голубое сияние портала, и оттуда начали выходить люди, но она решила, что это сон. Откуда здесь портал, если они не работают? И откуда здесь может взяться мэтр Ладечки, который что-то кому-то кричит? Сон. Точно сон.

* * *

Мысли неумолимо мутились, и Лучано уже не мог бы с уверенностью сказать, что происходит на самом деле, а что лишь грезится от дурмана и заклятий Айлин. Люди, столпившиеся на холме, выглядели настоящими. Они бродили повсюду, переговариваясь отрывистыми приказаниями, командами и ответами на них. Кто-то склонился над тем местом, где был Разлом, кто-то остался возле портала, мерцающего над землёй голубым пятном...

В осанистом пожилом синьоре, сходу потребовавшем пропустить его «к бедной девочке», Лучано безошибочно распознал целителя. Но, обменявшись парой быстрых фраз с грандсиньором Дунканом, держащим Айлин на руках, лекарь метнулся к Аластору. Что-то озадаченно спросил, проверив пульс, метнул быстрый взгляд на Лучано и принялся деловито распоряжаться насчёт носилок.

Ещё примерно с десятков юнцов, одинаково одетых в чёрное с фиолетовым, растянулись по всему холму, умеренно путаясь у старших под ногами и с тихим восторгом обсуждая дохлых демонов. Оттуда пару раз послышалось «наша Ревенгар», причём с такой гордостью, что Лучано умилился бы, останься у него на это силы. «Их Ревенгар», надо же! Где вы все раньше были?!

К нему самому пока что никто не лез, и это было к лучшему, потому что Лучано никак не мог отличить явь от видений, и это раздражало.

Например, сапоги, замершие почти перед самыми глазами, наверняка ему пригрезились! Верховые сапоги из мягчайшей кожи с узким носком и такой немислимой, снежной белизны, какую редко встретишь даже у только что пошитой обуви. Жирная, густо замешанная на крови грязь, покрывающая холм, словно бы вовсе не касалась ни этих сапог, ни падающего до самой земли белого камзола, сверкающего серебром и расшитого жемчугом.

«Точно, видение, – подумал Лучано, находя в этой мысли неожиданное успокоение. – Наверное, так выглядел бы проклятый дорвенантский холод, дай ему Благие человеческий облик! А я так замёрз, что теперь вижу его своими глазами. И зелье это ещё... Отличные у них в Дорвенанте алхимики!..»

Белоснежные сапоги едва уловимо шевельнулись, так, словно их владелец, существуй он на самом деле, качнулся с пятки на носок, а затем перед глазами Лучано появилась ещё и рука – немисливо, нечеловечески изящная рука с узкой ладонью, длинными тонкими пальцами и тоже затянутая в белоснежную кожу, но уже перчатки. Ладонь коснулась Ласточки, пальцы сомкнулись на верхней части чехла, и лютня взмыла куда-то в самое небо.

Рядом с белыми сапогами остановились чёрные, перепачканные в грязи, и незнакомый юный голос, полный невероятного изумления, спросил:

– Дарра, ты ещё можешь думать о лютне?! В такой-то момент!

– Могли ведь о ней думать они, – ровно откликнулся обладатель белых сапог, и Лучано вздрогнул – как есть голос этого их местного снега!

– Ну да... – с сомнением протянул второй. – Тащить сюда лютню? Не понимаю!

– Я тоже, – бесстрастно согласился синьор Ледяная Глыба. – Но это не отменяет того факта, что лютня была для них важна, кому бы она ни принадлежала.

«Лютня? – встрепнулся Лучано. – Моя Ласточка! Точно! Откуда она здесь? Ласточка ведь была на Донне, а та убежала... И когда Айлин проводила ритуал, лютни рядом со мной не было... Впрочем, я же терял сознание, тогда, наверное, её и принесли».

– Драммонд, вы поймали вторую лошадь? – так же холодно поинтересовался синьор в белом.

– Ещё нет, – отозвался один из чёрно-фиолетовых. – Слишком напугана, никак не могу её подманить. Жаль оставлять, красивая кобыла.

– Милорд Райнгартен, – очень церемонно обратился синьор в белом к одному из старших магов, крепышу в бьющей по глазам оранжевой мантии. – Могу я попросить вас о любезности? Мастеру вашей квалификации, несомненно, не составит труда...

– Только ради вас, Дарра, – отозвался тот и повернулся куда-то в сторону. – Ну, где эта ваша

кобыла? Учтите, господа адепты, я её подманю, но ловить будете сами.

«Это они о Луне, – понял Лучано. – Раз лютия здесь, значит, Донну поймали. Бедная Беллочка... И как Альс переживёт потерю своей любимой Искры – совершенно непонятно! Но лишь бы сам жив остался. Впрочем, Айлин обещала...»

Не в силах встать, он обратился в глаза и уши. Сознание то мутилось, то светлело снова, но Лучано ни за что не согласился бы упустить ни одного слова из представления, которое разыгрывалось буквально в трёх шагах от него, потому что к грандсеньору Дункану, так и держащему Айлин на руках, подлетел не кто иной, как грандсеньор Бастельеро. В чёрном камзоле и с огромной драгоценной звездой на груди, он был в точности похож на ворона, ограбившего королевскую сокровищницу. Лучано едва удержался от смеха.

– Роверстан! – проскрежетал Бастельеро, и Лучано изменил своё мнение.

Нет, не ворон, совсем не ворон. Так мог бы говорить огромный скорпион, обратившийся в человека. Вот именно таким лязгающим голосом, срывающимся в угрожающий шелест чешуек. Очень... ядовитый голос. И острый, как жало.

– Что вы здесь делаете? – продолжил грандсеньор некромант тоном, одновременно полным ярости и удивления. – Вы же должны быть на водах!

– И что вам кажется странным? – рассеянно и совершенно спокойно отозвался великолепный сеньор Дункан, словно эти двое встретились в трактире и обсуждали погоду. – Мы в Озёрном крае, Бастельеро. Вы знаете хоть одно место в Дорвенанте, где было бы больше воды? Так что решительно не вижу никакого противоречия.

Потом присмотрелся к своему собеседнику и тем же равнодушным тоном, в котором – Лучано мог бы поклясться! – не слышалось ни тени фальши, уронил:

– Звезда Архимага? О... поздравляю. Присягу принесу позже, если не возражаете. Сейчас несколько занят.

«Прелесть какая... – подумал Лучано, тая от восхищения. – Не знаю, что там между ними, но так размазать просто безразличием... О, какой мужчина! И какой разговор... грандмастеров!»

Он всмотрелся в две фигуры, застывшие друг напротив друга в тишине, неожиданно обрушившейся на холм. И ничего удивительного – к разговору, как оказалось, прислушивались все.

«Точно, грандмастера, – убеждённо подумал Лучано. – Оба. А вот тот, в оранжевом, не грандмастер, хотя очень этого хочет. Зато молодой сеньор Дарра, который в белом... Он, пожалуй, тоже не грандмастер, но будет. Непременно. Благие Семеро и Баргот, эту тишину ножом резать можно!»

– На воды, значит... – недобро и очень многозначительно протянул Бастельеро. – Кстати, а как вы миновали заставы? Его светлость Аранвен клялся, что мимо его людей муха не проскочит. Вы ведь ехали верхом, я правильно понимаю? Судя по вашему... виду...

Он окинул своего собеседника взглядом, полным тщательно отмеренного интереса пополам с раздражением.

– Заставы? – с той же великолепной рассеянностью переспросил грандсеньор Дункан. – А, да... Там были на дороге после Керуа какие-то посты.

– И вас не задержали?!

– Нет, как видите, – пожал могучими плечами Дункан. – Боюсь, я не понял, что это заставы людей канцлера, и попросту их проехал.

– Мимо?! – поразился некромант.

– Сквозь, – с лёгким раздражением от его непонятливости бросил Дункан.

Посмотрел куда-то над головой собеседника и велел:

– Поторопитесь с носилками, господа.

– Минуту, Дункан! – отозвался огромный сеньор, тоже жгуче-черноволосый, но не южанин, насколько мог разглядеть Лучано. – Сейчас всё будет.

И действительно, носилки, наскоро связанные из срубленных толстых веток и застеленные куртками, появились, как по волшебству. Лучано увидел, как на них с величайшей осторожностью переложили Аластора, и черноволосый здоровяк, командовавший гвардо, или кем они тут были,

бережно поднял обе секиры.

Один из его подчинённых подхватил арбалет Лучано и даже сумку снова наполнили болтами, вытащив их из дохлых демонов. Дисциплина, однако, у этих ребят на высоте.

– Их было всего-то двое... – восхищённо пробормотал один из гвардио другому. – Два юнца, даже не солдаты!

– Ещё и профаны, – подхватил второй, и Лучано понял, что эти синьоры как раз маги. Причём, судя по выучке, боевые маги. Ну, неудивительно, кого ещё брать для охраны в такое место?

К нему тоже подошли с носилками, и Лучано вцепился в сумку, гадая, там ли ещё Перлюрен. Сунул руку, нащупал мягкое и, слава Всеблагот Матери, тёплое дышащее тельце, успокоенно выдохнул. Живой...

Самому перебраться на носилки у него сил не хватило, но это и не понадобилось.

– Лежи, парень! – посоветовал один из магов, и они аккуратно переложили Лучано, вдвоём подняв его с земли. – Эй, ты ведь итлиец, верно? Да не пропадёт твоя сумка, не бойся, – хохотнул он и положил драгоценную поклажу рядом с Лучано. – Сейчас доберёмся до лазарета, и скоро будешь как новенький. Для того, кто прикрывал нашу Ревенгар, всё самое лучшее.

Лучано хотел сказать про лютню, но язык по-прежнему не ворочался.

«Ладно, – подумал он. – Надеюсь, такие блистательные грандсиньоры не сопрут лютню у бедного наёмника? Хотя знаю я этих аристократов. Если что, попрошу Аластора заступиться. Ну, или сам сопру её обратно, Шип я или кто?»

– Роверстан, вы не изволите положить Ай... адептку Ревенгар на носилки? – раздался всё тот же шелестящий от скрытого гнева голос грандсиньора Бастельеро.

– Не изволю, – скупотозвался Дункан, а потом попросил: – Магистр Бреннан, вы не могли бы объяснить милорду Архимагу, что...

И добавил несколько слов, из которых Лучано понял только про неразрывную связь и равновесие, остальную речь составляли произносимые магические термины, которые с тем же успехом могли оказаться и ругательствами.

– О-о-о... – понимающе протянул пожилой целитель и подтвердил: – Милорд Бастельеро, поверьте, так будет лучше. Наш дорогой Дун... хм... магистр Роверстан совершенно прав. Ему ни в коем случае не следует отпускать бедную девочку. Так, первыми заводите лошадей! – велел он. – После них коридор будет шире и устойчивее.

– Бреннан, ну хоть вы не лезьте не в своё дело, умоляю! – раздался вопль синьора мага в оранжевой мантии. – Занимайтесь ранеными, а с порталом я управлюсь без вас. Господа, ведите лошадей! Роверстан, своё чудовище проведёте сами, он же никого не подпускает! Потом – носилки! И будьте любезны выдерживать паузу хотя бы в полминуты. Это вам не полный стационарный портал всё-таки! Эддерли, я всё слышу! Никаких «вернёмся потом и вырвем клыки у тех здоровенных»! Учтите, если вас размажет порталом, я скажу вашему отцу, что вы сами были виноваты! Вы поняли?!

– Он понял, милорд магистр, – отозвался почему-то синьор Дарра, которого Лучано на миг увидел среди чёрно-фиолетовых юнцов сияющим белым пятном. – Не извольте беспокоиться. Саймон, ты непредусмотрителен.

Сообщив это, он отделился от остальных и подошёл к Аластору. Склонился над ним на пару мгновений и положил ладонь на окровавленную грудь.

«Зачем? – удивился Лучано. – Он же не целитель... Да и кто так проверяет сердцебиение, пульс щупать надо. А так только перчатку измазать можно. Белую щегольскую перчатку...»

Голоса наплывали и словно проходили сквозь Лучано. На миг он содрогнулся от страха, вспомнив, как его предупреждали насчёт порталов, но синьорам магам виднее, правда? Не стали бы они рисковать верхушкой своего Ордена и собственными драгоценными особами... Мелькнули носилки с Аластором, потом самого Лучано подняли и понесли. Голубое марево, мгновенная тошнота и головокружение в портале – и пасмурная хмарь сменилась сияющим весенним днём, аккуратно подстриженными кустами, окаймляющими какую-то площадку, гомоном множества голосов и прочими звуками. Лучано свесил руку с носилок, и в неё немедленно ткнулся Пушок, подтверждая, что он здесь и, как всегда, на страже.

А потом рядом выросла мощная фигура грандсиньора Дункана, несущего Айлин, как пушинку, и глубокий голос, вмиг потерявший бесстрастное спокойствие, воскликнул:

- Бреннан, операционную! Немедленно! И готовьте кроветворное зелье!

«Айлин?! – поразился Лучано, пытаясь привстать. – Но как? Почему? Она же была в полном порядке... Устала, конечно, но никаких ран... Зачем операционную?»

А потом сознание всё-таки предало его, разом уплыв куда-то в тяжёлую серую муть, из которой Лучано, как ни старался, не смог выбраться.

Полный текст народной дорвенантской баллады «Шиповник»

Автор Анн Симонэ. Баллада написана специально для этой книги, за что её автору огромная благодарность.

Цветущей порою я девицу встретил,
Гуляя в прозрачных весенних лесах.
И первое, что я у милой заметил —
Шиповник в кудрявых её волосах.

Полянка цвела, как наряд у невесты,
И солнце сияло вовсю в небесах.
В тот день моё сердце нашло себе место
В кудрявых душистых её волосах.

Колечко на палец надел моей милой,
Когда унесло лепестки ветерком.
Поклялся, что буду я с ней до могилы,
Женой молодою введу к себе в дом.

Немало видал я девиц на чужбине,
Да только не встретил ни разу милей:
Мне снились ночами полянка с цветами
И кудри любимой невесты моей.

Коня подгоняя, спешу к наречённой.
Не зря так тревожилось сердце моё:
Усадьба горит, пепел стелется чёрный,
И кровь, не шиповник в кудряшках её.

Ах, здесь мне такой уже больше не встретить,
Чтоб кудри, как волны, и губки, как мёд.
В Садах Госпожи её сон будет светел,
Я знаю, там вечно шиповник цветёт.